32.3(2Р)
Г42

А. Ф. ГИЛЬФЕРДИНГ

ОНЕЖСКИЕ БЫЛИНЫ

Издательство
Академии Наук СССР

Помни, книга должна
быть возвращена
в библиотеку
не позднее:

Дата	Дата	Дата	Дата
81x101			
1/2			
—	2/VIII 53	5 53	

№ 181

Академия Наук СССР
Фольклорная Комиссия
при Институте Этнографии

ПАМЯТНИКИ РУССКОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

под общей редакцией
М. К. Азадовского

Издательство
Академии Наук СССР
1940

ОНЕЖСКИЕ БЫЛИНЫ

записанные

А. Ф. ГИЛЬФЕРДИНГОМ

летом 1871 года

ТОМ ТРЕТИЙ

Издание третье

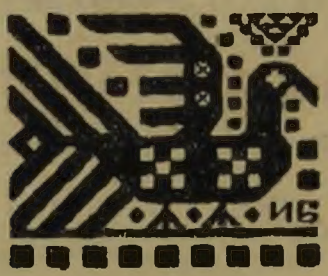
Ханты-Мансийская государственная окружная библиотека

Москва — Ленинград

1940

26664

РЕДКОЛЛЕГИЯ:
М. К. Азадовский, ак. И. И. Мещанинов,
ак. А. С. Орлов и Ю. М. Соколов
Ответственный редактор
М. К. Азадовский



Художественное оформление
всей книги
И. Билибина

ТОМ ТРЕТИЙ

ВОДЛОЗЕРО·КЕНОЗЕРО
МОША

Подготовка текста
и комментарий
А.И.Никифорова
и Т.С.Виноградова

„Онежские былины“ А. Ф. Гильфердинга переиздаются целиком по рукописям покойного собирателя, которые сохранились в Рукописном отделении Библиотеки Академии Наук СССР в виде двух переплетенных фолиантов под шифром 17.10.18. Часть рукописей представляет полевые записи А. Ф. Гильфердинга, часть — сделанные не его рукой беловые копии, очевидно, с неудобных для набора записей. Непосредственно же с большинства этих рукописей делался и типографский набор издания „Онежских былин“ 1873 г., как об этом говорят карандашные пометы на рукописях фамилий наборщиков и иногда пятна их рук. Изучение рукописей побудило положить в основу настоящего издания следующие приемы:

1. Самые полевые записи былин А. Ф. Гильфердинга отличаются некоторым своеобразием. Они делались в большинстве случаев достаточно точно, но не ставили целью полную фонетическую точность. Поэтому собиратель часто не записывал целиком строки, а отмечал лишь начальные 1—2 слова стиха. И так иногда на протяжении нескольких строк. Во многих случаях не дописывались окончания слов. Уже в Петербурге при подготовке к печатанию все эти недописанные слова дописывались чернилами частью самим Гильфердингом, частью чьим-то другим почерком. Ясно, что многие места былин нашего сборника не отражают точного звукового произношения их сказителями. С другой стороны, большая часть былин, записанных в Петербурге при более спокойной и удобной обстановке, имеет аккуратные и полные, без сокращений, записи. Это обстоятельство побудило ввести краткое описание рукописи каждой былины в особых „Примечаниях“.

2. Гильфердинг нередко прибегал для записи повторения общих мест (loci communes) или даже целых эпизодов к системе механического переноса повторяемого текста из ранней части одной былины в последующую ее часть. В редких случаях на оставленном пустом месте записывались первые слова повторяемого отрывка, а чаще просто оставлялось пустое место с отметкой: „Вписать от А до Б“, причем самая разметка того, что нужно повторять, делалась, видимо, уже в Петербурге, так как сделана чернилами. Есть былины, которые

почти сплошь составлены из сшивки таких повторений. Разумеется, что сказители на деле далеко не всегда дают рабски механическое повторение текста. Таким образом и с этой стороны записи Гильфердинга должны быть точно оговорены, что и сделано систематически в „Примечаниях".

3. В части рукописей, особенно тех, которые вследствие болезни Гильфердинга подготовлялись к печати не им, раскрытие сокращений производилось людьми, недостаточно компетентными в былинном творчестве. В дописях сокращений введены в рукописях прямые ошибки. Некоторые из этих ошибок были столь очевидны, что, например, редакторы издания 1873 г. их исправляли, не считаясь с рукописью. Наше издание в подобных случаях следует без оговорок за изданием 1873 г., или дает самостоятельное раскрытие текста.

4. Некоторые былины сохранились не в полевых записях, а в беловых копиях, писаных чернилами разными почерками. Эти копии вносили в текст обычные ошибки копиистов: искажения неправильно прочтенных слов, перестановку стихов и т. п. В немногих очевидных случаях и издание 1873 г. и настоящее эти описки исправляют. В этом смысле важное указание на характер рукописи делается в примечаниях.

5. По отношению к немногим былинам или их частям не сохранилось листков их записей. Наше издание в этих случаях следует за изданием 1873 г., точно оговаривая в примечаниях, какие куски текста не сверены с рукописями. Относительно самого издания 1873 г. надо заметить, что хотя в целом оно вполне исправное сравнительно с рукописью, но в отдельных частях не лишено дефектов: немало корректурных недосмотров, есть искажения текста рукописей, пропуски целых стихов, изменения структуры стиха и т. п. Особо надо оговорить расстановку ударений в издании 1873 г. Кроме специальных ударений, отмеченных в полевых записях Гильфердинга, издание 1873 г. внесло много ударений редакторских. Во многих случаях эти ударения спорны, поэтому наше издание их исключило, сохранив целиком ударения рукописи. Второе издание II тома, 1896 г., поскольку оно делалось не с рукописи, а с издания 1873 г., нами не учитывалось вовсе кроме разбивки былин на три тома. Включение №№ 73—194 во II том сделано именно по второму изданию, а не по изданию 1873 г., которое было однотомным.

6. Тексты настоящего издания печатаются по новой орфографии, однако с полным сохранением всех фонетических особенностей текста, для чего пришлось сохранить, например, в окончаниях родит. пад. ед. ч. существительных полностью орфографию рукописи (-аго, -ога, -ыя) и по возможности также сохранять старые окончания прилагательных в именит.-винит. пад. множ. ч. (-ыя, -ия, -ии). В напевном

исполнении былин эти окончания звучат столь ясно и бесспорно, что перевод текста в таких случаях на новую орфографию вел бы к полному искажению звучания текста. Сохранены в издании также все колебания рукописи Г. в написании одних и тех же слов — явление, отражающее колебания живого народного произношения, прекрасно известное всем собирателям и имеющее важное значение для лингвистики. Расстановка же знаков препинания принадлежит в рукописи неизвестно кому: может быть частью самому Гильфердингу, частью Гильтебрандту, редактору издания 1873 г. Знаки в рукописи расставлены чернилами. Так как эта пунктуация не очень расходится с современной, часто мы ее сохраняем по рукописи и изданию 1873 г., однако чаще переводим на современную.

7. Важнейшие особенности текста рукописей отдельных былин, вроде заметок и примечаний к былинам самого Гильфердинга, зачеркнутые крупнейшие разночтения, факты позднейшей поверки исполнения былин и т. п. в настоящем издании описаны в „Примечаниях". Издания 1873 и 1896 гг. их не включали вовсе, но, несмотря на мелочной характер этих примечаний, многие из них дают ценные указания к приемам исполнения или бытования и жизни былин 65 лет назад.

8. Заглавия к былинам в большинстве случаев писаны рукою Гильфердинга. Трудно сказать, насколько точно они отражают самые крестьянские заглавия, но в ряде случаев несомненно Гильфердинг начинал запись былин с заглавия, т. е. писал со слов крестьян-сказителей. Между тем издания 1873 и 1896 гг. приняли за заглавия специальное оглавление к фолиантам рукописей Гильфердинга, сделанное не Гильфердингом и в ряде случаев расходящееся с подлинной рукописью собирателя. Во всех подобных случаях наше издание приблизило заголовки отдельных былин к рукописи, что оговорено в примечаниях.

9. Из технических особенностей нового издания нужно указать следующие: а) круглые скобки и курсив — обозначения самого Гильфердинга; б) в скобки квадратные взято то, что отсутствует в рукописях, но было введено редактором издания 1873 г., или наши немногие, но необходимые конъектуры; в) многоточием заменены грубоватые народные слова, причем число точек сохраняется равным числу пропущенных букв слова; г) все графические приемы обозначения Гильфердингом ритмов исполнения, в виду их огромного интереса, настоящее издание тщательно сохраняет, хотя некоторые из этих обозначений (например черта долготы в № 185, повидимому, обозначающая удлинение конечного гласного, или черта, разбивающая стих особой цезурой, или твердый знак, иногда подчеркнуто

поставленный сверху слова, или что-то вроде полукруга кратности и т. п.) не раскрыты точно самим Гильфердингом.

10. В рукописях обнаружены некоторые тексты, не попавшие в издания 1873 и 1896 гг., но заслуживающие опубликования. Они даны в особых „Приложениях".

11. Наконец, заметки о сказителях, написанные Гильфердингом, печатаются в его редакции без перемен.

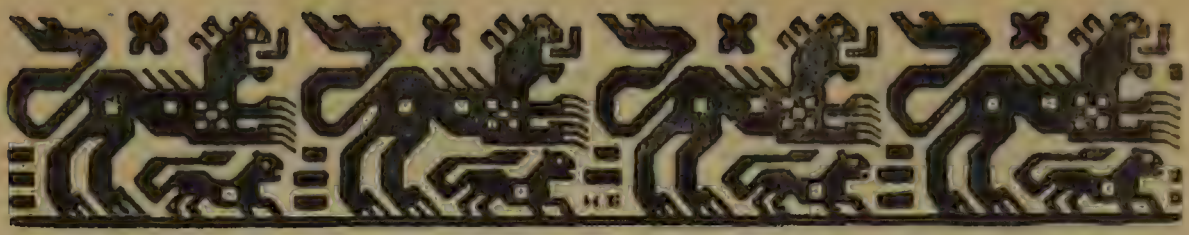
А. И. Никифоров.

ВОДЛОЗЕРО
1938

XXXVI

И. ЗАХАРОВ

ван Григорьевич Захаров, крестьянин деревни Пога на Водлозере, 82 лет. Был человек „волокитный“, т. е. разъезжавший много для покупки в деревнях и перепродажи рыбы, дичи и скота и снабжения водлозёров хлебом и порохом. Во время этих поездок (ему случалось бывать даже на Волге) он выучился множеству былин, но в настоящее время, по старости лет, многое уже забыл. Те былины, которые он помнит твердо, поются им очень складно, замечательно приятным голосом и с соблюдением различных напевов; другие былины (напр. про Вольгу и про Илью с Идолищем) он восстановлял с некоторым усилием, и они выходили у него не совсем складными.



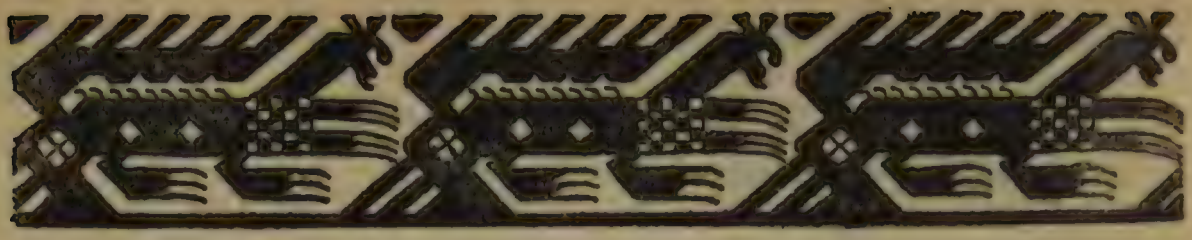
195

ВОЛЬГА И МИКУЛА СЕЛЯНИНОВ

Когда воссияло красно солнышко
На тое на небо на ясное,
А звери ты ушли во темныи леса,
Рыба та ушла во глубокий́ станы,
А птица улетела под оболоко,
Сам Сантал убежал во Золоту орду,
А со своей царицей со Давыдьевной,
А тогда народился Вольга богатырь.
А поезжал Вольга́ богатырь
На тое на тое на поле на чистое,
А наехал во чистом поли Вольга
Да Викулушку Сея́телевича.
И говорит Вольга таково слово:
— А й же вы дружинушка хоробрая!
Бросьте у мужика вы соху-ту в сторону,
Да ведите мужика вы сюды.
А й тут-то дружина хоробрая
Приходили оны к мужику оны
К Викулы к Сея́телевичу,
А хотят соху бросить в сторону,
А не могут-то сохи от земли поднять.
Приходили к Вольги́ оны к Сеславьичу,
Говорят оны таково слово:
— А й же ты Вольга сын Сеславьевич!
Да не можем у мужика-то сохи поднять.
Подъезжат Во́льга он сам к мужику,
Говорит он мужику таково слово:
— Здравствуй, мужичок, тебя как зовут?
— А й же ты Вольга сын Сеславьевич!

А я есть Викула Сея́телёвич.
— А й же ты Викула Сеятелёвич!
А поедем-ко со мной Викула Сеятелевич!
А тут оны поехали в чисто полё,
А говорит Вольга таково слово:
— Кабы этая кобыла конем была,
Дал бы я за кобылу пятьсот рублей.
Говорит ему Викула Сея́телёвич:
— Глупый ты Вольга неразумныи!
Куплена эта кобыла во Пурховце во Ореховце,
Однолеточком куплена с-под матушки.
Дано за кобылу пятьсот рублей,
Теперь этой кобылы цены-то нет.
Говорит ему Вольга сын Сеславьевич:
— А й же ты Викула Сеятелевич!
Да пойдем-ко со мной ты о запуски.
А Викулина кобыла в ход пошла,
Этот Вольгин конь да оставаться стал.

Записано на Водлозере в дер. Куганаволок, 7 августа.



ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ

А й ездил Илья Муромец по чисту полю,
Да наехал он калику перехожую.
— А здравствуй ты, калика перехожая:
Ты откуль идёшь, да откуль путь держишь?
Говорит ему калика перехожая:
— Здравствуй, Илья Муромец сын Иванович!
Разве не узнал меня калики перехожии?
Да я есть сильнёё могучеё Иванищо,
А мы с тобой учились в одном училищи,
А я теперь иду да от Царяграда.
— Ай же ты сильнёё могучее Иванищо!
Да все ли в Цариграде по старому,
А все ли в Цариграде по прежнему?
— Ах ты, свет государь да Илья Муромец!
А в Цариграде да не по старому,
Не по старому да не по прежнему.
А приехал поганоё Идолищо,
Да зашел он к царю Костянтину Боголюбовичу
Во тыи в полаты белокаменны.
А сидит за столами за дубовыма,
А за евствами сидит он за сахарнима,
А к царици сидит он лицинищом,
А к царю Костянтину Боголюбовичу,
А к царю сидит он хребтинищом.
И такового вора век не видывал,
И слыхом про вора не слыхивал.
Голова у него как пивной котел,
А межу глаз идёт стрела калёная,
А в плéчах у́ вора сажень косая та.

— Чего же ты сильнее могучее Иванищо,
Не очистил ты Царяграда,
Не убил ты поганаго Идолища?
— Ах ты, свет государь да Илья Муромец!
Да не смел напустить на вора на разбойника,
Да на поганого Идолища.
Да говорит тут Илья Муромец да сын Иванович:
— Ай же ты сильнё могучё Иванищо!
А скидывай ты с сéбя платье каличьёё,
Да разувай с себя лапотики семи шелкоз,
А бери ты моего добра коня,
Да надéжь мои платья богатырския.
Я пойду каликой во Царь-то град,
А очищу я ведь Царь-тот град,
Да убью поганаго Идолища.
Да й тут Иванищо раздумался,
А й раздумался Иванищо росплакался:
— Ах ты, свет государь Илья Муромец!
Да кабы не ты просил платьёв каличьиих,
Да не ты бы просил лапотиков семи шелков,
Да не отдал бы я платьев каличьих,
Да не отдал бы я лапотиков семи шелков,
А в лапотики ты было вплетено
По дорóгому камню самоцветному,
Да не для ради красы-басы угожества,
Ради темныи ноченки осеннии.
А й тут-то они платьями поменялисе.
Надевал Илья Муромец платья каличьии,
Обувал он лапотики семи шелков,
Да брал он дубинý ту каличьюю
Да пошол он к Царюграду,
Да ко тому ли Костянтину Боголюбовичу.
Приходил калика перехожая к Царюграду,
Приходил он на широк двор,
Закричал калика громким голосом:
— А й же ты царь Костянтин Боголюбович!
Да возьми-тко ты калику да в полаты белокаменны,
Да накорми-тко ты калику его досыта,
А напой-тко ты калику его допьяна.
За каликой есть вести не плóхии.
А не плóхии вести есть царскии.

А й тут-то царь Костянтин Боголюбович,
Выходил он на крылечко перёное,
— А ступай-ко ты, калика, во полату белокаменну.
Приходил он в палату белокаменну,
Он крест-тот кладет по писаному,
Да поклон ведет по ученому,
Царю Костянтину Боголюбовичу он кланяется,
Поганому Идолищу не клонится.
Говорит ему поганое Идолищо:
— Ты откуль, калика перехожая,
Ты с коей земли с коей орды?
— А я есть от города от Киева,
Да хожу калика по святой Руси.
Говорит тут поганое Идолищо:
— А что у вас е во городи во Киеви,
Слава идет есть у вас Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович,
А велик ли он ростом собой-то он?
Говорит ему калика перехожая:
— Нам ведь ладятся с ним платья цветныи.
— А по многу ли он хлеба ест?
— Ест он по три калачика крупивчатых.
— Экой богатырь да еще славится,
Я бы на руку клал, другой ударил бы,
(Так) только один бы блин да стал с него,
Я как ем по три коровы яловицы,
Да по три ведра я пива пью.
Говорит тут калика перехожая:
— Да у нашего князя у Владимир
Да й было коровищо обжорищо,
Да много ела пила и трёснула.
А й ты же поганое Идолищо,
По многу ешь да пьешь и трёснешь сам.
А й тóе татарину да не слюбилосе,
А й тóе татарину да не взглянулосе.
А берет татарин ножищо кинжалищо,
Да бросат в калику перехожою.
А й тут-то калика перехожая,
Да он ускакивал от ножища кинжалища,
А й пролетел-то ножищо кинжалищо,
А й пролетел-то во липину,

Улетела липина со стеной-то вся.
А й тут-то калика перехожая,
А ухватил он ножищо кинжалищо,
Да кидал он в татарина поганаго
А тем ли ножищом кинжалищем;
Пролетел ножищо кинжалищо татарина наскрозь.
А й тут хватил он татарина за́ ноги,
А стал он татарином помахивать.
Говорит калика таково слово:
— Да ты, царь Костянтин Боголюбович!
Упади ты царь под лавицу,
Не попади на мах на татарскии,
А по плечу мне оружьё пришло.
А поганый татарин на жильях не ломится,
А и бьет татар он до единого,
Прибил он всех татар да до единого,
А очистил он Царьград весь.

Записано там же, 7 августа.

ПОЕЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА

Ездит-то стар по чисту полю,
А сам себе старой дивуется:
— Ах ты старость, ты старость ты старая,
А старая старость глубокая,
А глубокая старость триста́ годов,
А триста́ годов да пятьдесят годов!
Застала ты стараго в чистом поли,
В чистом поли застала черным вороном,
А села ты на мою буйную голову.
А молодость моя молодость молодецкая!
Улетела ты молодость во чисто поле,
А во чисто поле да ясным соколом.
Приехал как старой ко камешку,
А ко белому каменю ко Латырю,
А у каменя три дороги три росстани,
А на камени подпись написана:
„В середнюю росстань ехать — богату быть,
В правую росстань ехать — убиту быть,
В левую росстань ехать — женату быть".
А й тут-то старой роздумался,
Роздумался старой росплакался:
— А на что мне-ка старому женату быть,
А на что мне-ка старому богату быть?
А поеду в тую росстань прямоезжую,
А в тую росстань, где убиту быть.
Выехал на поле на Еле́сино,
Стоят-то тут станичники пленичники,
Да по русьскому воры разбойники,
А денныи ночныи подорожники,

Хотят стараго убить да с душой рóзлучить.
Говорит-то им старая старейшина:
— А й же вы станичники пленичники,
А й бить меня вам старого некого,
А взять меня со старого вам нéчего.
Однорядочка у старого да во пятьсот рублей,
А петли пугвицы у старого да в целу тысячу,
А мой добрый конь да цены сметы нет.
А стал он по разбойникам поезживать,
Шелковой плёточкой да стал помахивать,
Да тут разбойников да мало ставится.
Да смолилисе станичники пленичники:
— Ай же ты старая старейшина!
А оставь ты нас да хоть на симена.
И говорит им старая старейшина:
— А вы станичники пленичники!
Выходите-тко вы на святую Русь,
Запишитесь-ко в пустыни вы в манáстыри,
Нет, — так убью вас я до единаго,
А й тут-то станичники пленичники
Ему дали заповедь великую
Записаться во пустыни во манастыри.

(Дальше не помнит.)

Записано там же, 7 августа.

198

ДОБРЫНЯ И АЛЕША

В стольном городи во Киеви,
А у ласковаго кня́зя у Владимира,
Заводился у князя почестной пир
А на многи кня́зя на бояра
И на все поляницы удалыи.
Все на пиру напивалисе,
Все на пиру наедалисе,
Все на пиру да пьяны-веселы.
Говорит Владимир стольне-киевской:
— Ай же вы князи мои бояра,
Сильнии могучии богатыри!
А кого мы пошлём в Золоту орду
Выправлять-то даней выходов
А за старыи годы за новые
За двенадцать лет.
А Олешу Поповича нам послать,
Так он молодец холост не́ женат:
Он с девушками загуляется,
С молодушками он да забалуется.
А пошлёмте мы Добрынюшку Никитича:
Он молодец женат не́ холост,
Он и съездит нынь в Золоту орду,
Выправит дани выходы
Да за двенадцать лет.
Написали Добрыни Микитичу посольной лист.
А приходит Добрынюшка Микитинич к своей матушке,
А к честной вдовы Амельфы Тимофеевной,
Просит у ней прощеньица благословеньица:
— Свет государыни, моя матушка!

Дай ты мне прощение благословлёньицо
Ехать-то мне в Золоту орду,
Выправлять-то дани выходы
За двенадцать лет.
Оставается у Добрыни молода жена,
Молода жена любима семья,
Молода Настасья Микулична.
Поезжат Добрыня сам наказыват:
— Ужь ты ай же моя молода жена,
Молода жена любима семья,
Жди-тко ты Добрыню с чиста поля меня три года.
Как не буду я с чиста поля да перво трй года,
Ты еще меня жди да и друго трй года.
Как не буду я с чиста поля да друго трй года,
Да ты еще меня жди да третье три года.
Как не буду я с чиста поля да третье трй года,
А там хоть ты хоть вдовой живи, а хоть замуж поди,
Хоть за князя поди хоть за боярина,
А хоть за сильняго поди ты за богатыря,
А только не ходи ты за смелаго Алёшу Поповича,
Смелый Алеша Попович мне крестовой брат,
А крестовой брат паче родного.
Как видели-то молодца седучись,
А не видели удалаго поедучись.
Да прошло тому времечки девять лет,
А не видать-то Добрыни из чиста поля.
А как стал-то ходить князь Владимир свататься
Да на мóлодой Настасьи Микуличной
А за смелаго Алёшу Поповича.
— А ты с-добра не пойдешь, Настасья Микулична,
Так я тебя возьму в портомойницы,
Так я тебя возьму еще в постельницы,
Так я тебя возьму еще в коровницы.
— Ах ты солнышко Владимир стольнё-киевской!
Ты еще прожди-тко трй года.
Как не будет Добрыня четверто трй года,
Так я тошто пойду за смелаго Алёшу за Поповича.
Да прошло тому времени двенадцать лет,
Не видать, не видать Добрынюшки с чиста поля.
Ай тут пошла Настасья Микулична
Да за смелаго Алёшу Поповича.

Да пошли они пировать столовать к князю Владимиру.
Ажно мало и по мало из чиста поля
Наезжал удалый дородний доброй молодец,
А сам на кони быв ясён сокол,
А конь тот под ним будто лютый зверь.
Приезжат ко двору да ко Добрынину,
Приходи́т Добрыня Микитич тут
В дом тот Добрыниной.
Он крёст тот кладёт по писаному,
Да поклон тот ведет по учёному,
Поклон ведёт да сам здравствует:
— Да ты здравствуй Добрынина матушка!
Я вчера с твоим Добрынюшкой разъехался,
Он велел подать гусли скоморошныи,
Он велел подать платья скоморошьии,
Он велел подать дубинку скоморошьюю,
Да итти мне ко князю Владимиру да на почестеи пир.
Говорит тут Добрынина матушка:
— Отойди прочь, детина засельщина,
Ты засельщина детина деревенщина!
Как ходя старухи кошельницы,
Только нося висти недобрыи:
Что лежит убит Добрынюшка в чистом поли,
Головой лежит Добрыня ко Пучай-реки,
Резвыма ножкамы Добрыня во чисто поле,
Скрозь его скрозь кудри скрозь жолтыи
Проросла тут трава муравая,
На травы росцвели цветочки лазуревы,
Как его-то теперь молода жена,
Молода жена любима семья,
Да выходит-то за смелаго Олёшу за Поповича.
Он ей и говорит-то вторы́й након:
— Да ты здравствуй ли, Добрынина матушка,
Ты честна вдова Амельфа Тимофеевна!
Я вчера с твоим Добрынюшкой розъехался
Он велел подать гусли скоморошныи,
Он велел подать платья скоморошьии,
Он велел подать дубинку скоморошьюю,
Да итти мне к князю Владимиру да на почестен пир.
— Отойди прочь, детина засельщина!
Кабы было живо мое красное солнышко,

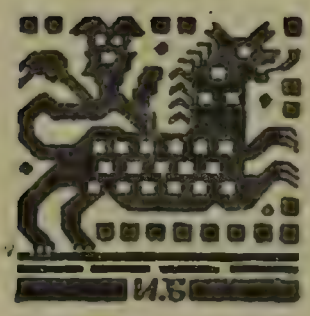
Молодой тот Добрынюшка Микитинич,
Не дошло бы те невежи насмехатися,
Уж не стало моего краснаго солнышко,
Да не что мне делать с платьямы скоморошьима,
Да не что мне делать с гуслями скоморошьима,
Да не что мне делать с дубинкой скоморошьею.
Тут-то ходила в погреба глубоки,
Принесла она платья скоморошьии,
Приносила гусёлышка яровчаты,
Принесла она дубину скоморошьюю
Тут накрутился моло́дой скоморошинко
Удалый добрый молодец,
Да пошёл он к князю Владимиру на почестной пир.
Приходил он во гридню столовую,
Он крёст тот кладёт по писаному,
Да поклон ведет по ученому,
Он кланяется да покланяется
Да на все на четыре на стороны.
Он кланяется там и здравствуёт:
— Здравствуй, солнышко Владимир стольне-киевской,
Да со многима с князя́ми и со бо́ярамы,
Да со русскима могучими бога́тырямы,
Да со своей-то с душечкой с княгиной со Опраксией!
Говорит ему князь Владимир стольнё-киевской:
— Да ты поди-тко, моло́да скоморошинко!
А вси тыи места у нас нынь заняты,
Да только местечка немношечко
На одной-то печке на муравленой.
Да тут скочил молода скоморошинка
А на тую-ту печку на муравлену,
Заиграл он в гусёлушка яровчаты.
Он первую завёл от Киева до Еросолима,
Он другу завёл от Еросолима да до Царяграда,
А все пошли напевки ты Добрынины.
Ай тут-то князь Владимир роспотешился,
Говорит он моло́дой скоморошинки:
— Поди-тко сюды, моло́да скоморошинка!
А я тебе дам то́перь три места:
А первоё-то место подли меня,
А другое место опротив меня,
Третьёё противо княгины Настасьи Микулични.

Ханты-Мансийская государственная окружная библиотека РФ

А тут-то молóда скоморошинка
Садился он в скамейку дубовую,
Да противо Настасьи Микуличной.
А тут-то Настасья Микулична
Наливала она чару зелена вина в полтора ведра
Да турей тот рог мёду сладкого,
Подносила она Добрынюшки Микитичу.
А й тут-то Добрынюшка Микитинич
Да брал он чару зелена вина в полтора ведра,
А брал он чару единой рукой,
Выпивал он чару на единый дух,
Да й турей рог выпил мёду сладкаго,
Да спускал он в чару перстень злаченыи,
Которым перстнем с ней обручался он.
Да говорит он Настасьи Микуличной:
— Ты гляди-тко Настасья Микулична,
Во чару гляди-тко злачёную.
Как поглядела Настасья Микулична
В тую чару золочёную,
Взяла в руки злачён перстень,
Говорит тут Настасья Микулична:
— Да не тот муж — который подли меня сидит,
А тот мой муж — которой противо меня сидит.
А тут-то Добрыня Микитинич,
Да скочил Добрыня на резвы ноги,
Да брал Алёшу за желты кудри,
Да он выдéргивал из-за стола из-за дубоваго,
А стал он по гридни потаскивать,
Да стал он Алёши приговаривать:
— Не дивую я разуму женскому,
Да дивуя я ти, смелый Алёша Попович ты,
А ты-то Алёшенька да мне крестовой брат.
Да еще тебе дивую, старый ты князь Владимир стольнекиевской!
А колько я те делал выслуг-то великиих,
А ты всё Владимир надо мной надсмехаешься.
Да теперь я выправил из Золотой орды,
Выправил дани и выходы
За старыи годы за новыи.
Везут тебе три телеги ордынскии:
Три телеги злата и серебра.

Тут он взял свою молоду жену,
Молоду жену любиму семью,
Да повёл Добрыня к своей матушки.
Да тут ли Алешенька Попович тот,
Да ходит по гридни окоракою,
А сам ходит приговариват:
— Да всяк-то на сём свети женится,
Да не всякому женидьба удавается.
А тольки Алёшенька женат бывал.

Записано там же, 7 августа.



СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧ

А й из-за то́го острова Кадойлова,
А й из-под то́го вязу с-под черлёнаго,
А й из-под того камешка с-под белаго
Из-под то́го кустышка ракитоваго,
А пала выпадала мать Непра-река,
А устьем выпадала в море Черное,
В Черное море во Турецкое.
А по этой матери Непры по реки,
Вылетал выезжал млад хупав молодец,
Молод Соловей сын Будимирович.
Поезжал Соловей ведь он свататься
А за славноё он за синё морё,
Да ко славному городу ко Киеву,
А ко ласкову князю ко Владимиру,
На его любимыи племянницы,
А на мо́лодой Забавы на Путятичной.
А стал Соловей корабля снастить:
Нос корма по звериному,
А бока у карабля всё по туриному,
А вместо бров было вдёргивано
А по до́рогой куницы по пещерскии,
А вместо ушей было повёшивано
А по дорогому соболю заморьскому,
А вместо очей было вре́зывано
А по дорогому камню самоцветному,
А не для ради красы-басы угожества,
Ради темныи ноченки осеннии.
Приезжал Соловей сын Будимирович
А ко славному городу ко Киеву.

А сходенки метал он дорог рыбей зуб,
Выходил выступал он на крут бережок,
А со своей дружиной со хороброю,
Чашу насыпал он красна золота,
А другу насыпал он чиста серебра,
Третью насыпал он скатняго жемчуга,
А в четвертых берет он камочку крущатую,
Крущатую камочку двоеличную.
А ничем эта камка́ была не до́рога,
А не красным она да была золотом,
А не чистым она да была серебром,
А до́рога камка была крущатая
А тыма́ ли цветами заморскима.
А приходил он во гридню во столовую,
Он крёст-тот кладет по писаному,
Он поклон-тот ведет по учёному,
Он кланяется поклоняется
Да на все на четыре на стороны.
Он кланяется, сам чёствует:
— Здравствуй Владимир стольнё-киевской,
Да со многима князя́мы со бо́ярамы!
Он кланяется, сам чёствует,
Подавал он чашу красна золота
А солнышку Владимиру стольне-киевскому,
А другую подавал он чиста серебра
Только душечки княгины он Опраксии,
А третью подавал он скатня жемчуга
Молодой Забавы Путятичной.
Да еще подавал он камочку крущатую.
Он кланяется сам и чёствует.
А эти да́рова князю полюбилисе.
Заводил князь Владимир стольнё-киевской,
Заводил он тут ведь почестен пир,
А на многи князя на бояра,
А на многих поляниц на удалыих,
А вси на пиру напивалисе,
А вси на пиру да наедалисе.
И говорит Соловей сын Будимирович:
— Ах ты солнышко, Владимир стольнё-киевской!
Благослови государь мне слово выполвить.
— Говори Соловей что тебе́ надобно!

— А позволь мне-ка-ва выстроить трй
терема̀
А три терема златоверхиих.
Этой-то ноченкой тёмною,
Темною ноченкой осенною,
А то поставить-то мне-ка трй терема,
А три терема златоверхиих,
Середи того полюшка чистаго,
Середи того садочку Путятинова.
— Станови Соловей где тебе любо.
А й тут Соловей сын Будимирович,
Выходил Соловей он на крылечко перёное,
Говорит Соловей сын Будимирович,
А своей говорит он дружинушки хоробрыи:
— А й же вы дружинушка хоробрая!
Делайте дело повелёное.
Скидывайте-тко платьицо цветное,
Надевайте-тко платьицо лосиное,
Обувайте-тко лапотики семи шелков.
А вы дубья да вязья повы́рубити,
Вон из зелена саду повы́мечите,
А состройте-тко мне-ка три терема,
Три терема златоверхиих,
А в четвертых состройте мне гостиной
двор
Этой-то ноченкой темною,
Темною ноченкой осенною.
А й тут-то дружинушка Со́ловьева,
Скидывали они платьица цветныи,
Надевали кожаники лосиновыи,
Обували лапотики семи шелков.
Оны дубья да вязья повырубили,
Вон из зелена саду повыметали,
А состроили оны да три терема,
Три терема златоверхиих,
А в четвертых состроили гостиной двор,
Той ли ноченкой те́мною,
А темною ноченкой осенною.
А по утру вставала дочь Путятинова,
Поглядела во косивчато окошечко,
— А что это чудо-то счудилосе,

А что это диво-то сдивилосе?
А вечор-то стоял да мой зелёной сад,
А стоял-то сад он целым целой,
А теперичу-то сад он полонёной стал.
А построено в нем да три терема,
А три терема златоверхиих,
Да в четвертых построен гостиный двор.
Ай же вы нёнюшки, мамушки,
Да пойдемте-тко гулять да во зелёный сад.
Да пришли оны гуляти во зеленый сад,
А в первом терему-то щелчок-молчок,
То есть дружинушка Соловьева.
А в другом терему да шепотом говорят,
То есть Соловьёвая матушка,
Она господа бога умаливает,
За своего за чада за милаго,
А в третьём терему-то гудки гудят,
Игры играют Царяграда,
Напевки выпевают Еросолима,
То сам Соловей сидит Будимирович.
А говорит тут Забава дочь Путятична:
— Ай же вы, ненюшки, мамушки.
Да зайдемте-ко в этот терем высокий.
Приходила тут Забава дочь Путятична.
Ай тут Соловей сын Будимирович,
А ставал Соловей он на резвы ноги,
А подергивал он тут ременчат стул.
— Да садись-ко ты Забава Путятьевна,
А садись-ко, Забава, на ременчат стул.
А стали играть они во шахматы.
А й тут ли Соловей сын Будимирович
Раз тот сыграл, Забаву поиграл,
Другой тот сыграл, Забаву поиграл,
Третей тот сыграл, Забаву поиграл.
А говорит тут Забава дочь Путятична:
— Ах, молодец, ты заулишен добр!
Кабы взял за себя, я бы шла за тебя.

Говорит Соловей сын Будимирович:
— А совсем ты мне Забава в любовь
пришла,
А одным ты мне Забава не́ люба,
Что сама себя Забава ты просватываёшь.
А й тут ли у князя у Владимира,
Да не пива-ты варить да не мёды-ты
сычить,
Весели́м пирком да за свадебку.

Записано там же, 7 августа.

200

КОРОЛЕВИЧИ ИЗ КРЯКОВА

А города было то Крякова,
А села то ведь было Березина.
Снаряжается да убирается
А Лука Петрович королевской сын,
Да во да́лече деле́че во чисто полё.
Он долгой день ездил до вече́ра,
А темную ночь до полуночи,
Да не мог себе наехать супротивника,
А супротивника наехать поединщика,
Ему не с ким розъездить добра коня,
Ему не с ким ростолкать плеча богатырскаго,
Да утешить мысли молодецкии.
А наехал во чистом поли —
Сидит на дубу на крякновистом,
А й сидит на дубу тут ведь чорной вран.
А й сам-то вран он черны́м черён,
А крылья у ворона белым белы,
А белы́м белы да будто белый снег.
Говорит Лука Петрович королевский сын:
— Натяну я ту́гой лук розрывчатой,
Да убью я тя чернаго ворона,
Пропущу твою кровь горячую
По тому сыру дубу да по крякновисту.
Говорит ему че́рный вран язы́ком человеческим:
— А й же ты Лука Петрович королевский сын!
А у вас на Руси говорят пословицу:
А старца убить на спа́сеньё залучить,
А й ворона убить некакую корысть получить.
А есть как да́лече дале́че во чисто́м поли,

А на поли было на Касимовском,
А ездит там Сокольник на добром кони,
Тебе е с ким розъездить добра коня,
Тебе е с ким ростолкать плечо богатырское,
Да утешить те мысли молодецкии.
Поезжат Лука Петрович королевской сын
Да на тое поле на Касимовско.
Приехал он на поле на Касимовско,
Ажно видит там Сокольник на добром кони,
А сам молодец да был ясён сокол,
А конь тот под ним будто лютый зверь,
Будто лютый зверь да на рогатину.
А съехались молодцы да поздоровались,
А ударились о́ны во палици булатнии,
А палици до рук да приломалисе.
А ударились оны́ в копья бурзомецкии,
А друг друга богатыри не ранили.
Да спустились оны́ на сыру землю,
Да пошли оны пировым боём,
Пировым боём да рукопашкою,
А й тут Лука Петрович королевский сын
Да сбил он Сокольника на сыру землю,
А сел он тут на белы груди,
Вынимат он ножищо кинжалищо
И хочет пластать ему груди ты белыи,
Вынимать у не́го сердце то да со опеченью,
А в плечи рука да застояласи.
Говорит Лука Петрович королевский сын:
— Да ты скажи, татарин, не трави собя:
Ты коей земли да ты коей орды,
Коего отця, коей матери,
А как тебя молодца именем зовут,
А как величают по отечеству?
Говорит ему Сокольник таково слово:
— Кабы был я на твоих белых грудях,
Да не спрашивал бы ни имени ни отчины,
А пластал бы груди твои белыи,
Вынимал бы у тя сердце со опеченью.
Богатырское сердце озверилосе,
Да хватат он ножищо кинжалищо,
Хочет ему пластать-то груди белыи,

Вынимать у нёго сердце то с печенью,
А в плечи рука да застояласи.
Он его спрашиват второй након:
— Да ты скажи, Сокольник, не трави себя:
Тёбя как молодца зовут по имени,
Тёбя как величают по отечеству?
— Я есть города Крякова,
А села то есть я Березина,
Молодой Василий Петрович королевской сын.
Когда воевали татарова Касимовцы,
Увезли меня оны в свою землю,
Увезли меня да трехгодоваго.
А у меня остался братец королевский сын,
Лука Петрович королевский сын, тремесячным.
А й тут-то Лука Петрович королевский сын
Да скочил он на ножки на резвыи,
Да здымал он братца за ручки за белыи,
Целовал во уста сахарнии:
— Да ты здравствуй, родимый мой брателко!
Да я ведь есть Лука Петрович королевский сын.
А я слыхал от своей матушки,
Что воевали татарова Касимовци
Да убили-то нашего батюшка
А увезли в свою землю тебя да трехгодóвого,
А я остался в сели Березини тремесячной.
Говорит Лука Петрович королевский сын:
— Ах ты братец, Василий Петрович-от!
Да поедем-ко мы в свою землю.
Говорит тут Василий Петрович королевский сын:
— А поедем-ко к татаровам Касимовцам,
Убьем мы татаровей до единого,
Отместим свою кровь ту горячую.
Говорит тут Лука Петрович, королевский сын:
— А й же ты Василей Петрович, королевский сын!
Да поедем-ко мы к своей матушки.
Да тут поехали они в свою землю,
Да приезжали оны в город в Кряков-то,
Да приходил Лука Петрович к своей матушки,
Да здравствует свою матушку:
— Здравствуй ты родитель моя матушка!
А я к тебе привёз татарина Касимовца.

Говорит его родитель-та матушка:
— Не могла бы я ни слышати ни видети,
Про злодеев Касимовских татаровей.
— А й же ты родитель моя матушка!
Не татарина привез к тебе Касимовца, —
Твоего-то сына любимаго,
Своего-то братца родимаго.

Записано там же, 7 августа.

201

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ

Как во матушке было в каменной Москвы,
Да у грозного царя Ивана Васильевича,
А было пированьё почестной пир.
Все на пиру напивалисе,
Все на пиру наедалисе,
Грозный царь тот Иван Васильевич ста́л на весели:
Ходит он по гридни столовыи,
Говорит-то царь таково слово:
— Да повывел я измену со Киева,
Да повывел я измену из Чернигова,
Да повывел я измену из Нова́-города,
А повыведу измену с каменной Москвы.
А говорит его сын тут любезныи Федор Иванович:
— Ах батюшко, грозный царь Иван Васильевич!
Не повывести измены с каменной Москвы.
А твой тот сын любезныи Иван-то Иванович
Он уважат-то боярам московскиим,
Он-то творит великии милости.
Тут-то грозный царь Иван Васильевич да розретивился:
— Вы ведите-тко Ивана Ивановича,
Да на тое-то на поле на житное,
А отсеките вы Ивану буйну голову
Как доносили эту весточку на́-скори
Да его-то ведь царици благоверныи,
Анны доносили Романовной:
— Ай же ты царица Анна Романовна!
Ешь ты пьешь да проклажаешься,
Про великую незгодушку не ведаешь.
А твой тот муж любезныи,

Грозный царь Иван Васильевич,
Отпускал твоего-то сына любимаго Ивана Ивановича,
А на тое на поле на житное,
Да на тую-то на плаху кровавую,
А велел ему отсечь буйну голову.
Тут ли-то царица благоверная
А кидала она шубу на одно плечо,
А бежала-то она по Москвы городом,
Она голосом кричит-то как в трубу трубит:
— А мир крещеный, народ-то вы добрыи!
Дайте путь дорожку широкую,
А бежать-то мне к Микиты Романовичу.
Как прибежала к Микиты Романовичу:
— Ай же ты мой милой брателко,
А старый князь Микита Романович!
А ешь ты пьешь проклажаешься,
Про великую незгоду не ведаешь.
А твоего-то племянника любимаго,
А Ивана Ивановича
Увели его на поле на житное,
А на тую-то на плаху кровавую,
Да велено отсечь-то буйну голову.
А й тут-то Микита Романович
Он скоро садился на добра коня,
Не на уздана коня он не на седлана,
Он едет Москвой-то ведь городом:
— Ай вы люди, народ добрыи!
Дайте путь дорожку широкую
Ехать на поле на житное,
Да на тую-то плаху кровавую,
Да застать в живых любимого племянника,
Да Ивана застать мне Ивановича.
Тут указ читают оны царскии
А читают указ государев-от.
А заздынута у палача-то сабля острая.
Закричал тут Микита громким голосом:
— Ах ты маленькой Малютушка Скурлатов сын!
Съешь ты, собака, сам подавишься,
Моего-то ты любимого племянника.
Тут-то маленькой Малютушка Скурлатов сын,
Да кладал он саблю вострую да во сыру землю,

Во сыру землю тупым концём,
А на вострой конец закололся сам.
Прискакал тут Микита Романович,
Он брал своего любимаго племянника да за белы руки,
Целовал во уста да во сахарнии.
Да садился Микита на добра коня,
Полагал племянника под пазуху,
Да поехал Микита в свою вотчину.
А поутру-то раным ранешенько,
Да проспался грозный царь Иван Васильевич,
Сделал он указ государевой
Чтобы князи и бояра,
Вси купци да мещана богатыи,
А ходили бы оны в платьях-то опальныих.
Да не ходит грозный царь Иван Васильевич,
Не к заутрены он ходит не к обедне он.
В воскресенье пришол он во божью церковь,
А пришол он во платьях опальныих,
А старый князь Микита Романович,
Да надел он платья что ни лучшии,
Да приходит-то Микита во божью церкву,
Он крёст тот кладё по писаному,
А поклон тот ведёт да по учёному,
Он поклон тот ведё сам и здравствует:
— Здравствуй, грозный царь Иван Васильевич,
Со своима с любезныма со детушкамы:
Здравствуй с Федором Ивановичем,
Да с Иваном ты здравствуй Ивановичем!
Говорит ёму грозный царь Иван Васильевич:
— Ай ты старый князь Микита Романович!
Во глазах ли ты Микита насмехаешься,
Да не стало ведь у нас-то Ивана Ивановича.
Он ему говорит и второй након:
— Здравствуй-ко ты, грозный царь Иван Васильевич,
Да своима со любезныма со детушкамы:
Да ты с Федором Ивановичем,
Да с Иваном ты здравствуёшь Ивановичем!
Говорит ему грозный царь Иван Васильевич:
— Ах ты старый князь Микита Романович!
Да давай-ко ты мне Ивана Ивановича теперь на лицо.
А тут-то старый князь Микита Романович,

Выводил-то он своего любезнаго племянника,
Да с-под шубы выводил он соболиныи.
— На-тко ты, грозный царь Иван Васильевич,
Своего тут ты сына любимаго,
Да Ивана Ивановича.
Ай тут-то ведь грозный царь Иван Васильевич
Обрадел он своего-то сына любимаго,
Говорит он Микиты Романовичу:
— Ах ты старый князь Микита Романович!
А й чем тебя Микиту буде жаловати:
Города-ты мне-ка дать тебе с приселками,
Али села-ты мне дать тебе великии?
Говорит ему старый князь Микита Романович:
— Ах ты грозный царь Иван Васильевич!
Мне не надобно городов с пригородками,
Мне не надобно сел-то с присёлками,
А ты сделай-ка указ мне-ка царский,
А ты дай мне Никитину отчину:
Кто голову убьёт, кто коня уведёт,
Кто коня уведёт, да кто бабу уведёт,
А не было бы не иску, ни отыску,
Того бог простит.

Записано там же, 7 августа.

202

ЕРМАК

Как собирались казаки | на крут бережок,
Ах доньски, гребеньски | , запорожскии,
Запорожски казаки | и все были яицкии.
Ах атаман был у дон | ских у казаков,
Ой из Тихаго Дону Ермак был Тимофеевич,
А есаул был у донских у казаков
Ах со Двины Оста | фей Лаврентьевич.
Как садились казаки | на легки стружки,
А й на легки стружки | сели на мелки повозки,
Как грянули, розмахну | ли вниз по Волги-реки.
Ах еще будут казаки | о полу оне пути,
О полупути пути бу | дут против Охтучи-реки,
Ах супротив того ку | стышка ракитоваго,
Супротив того лужечка | ай зелёнаго
А сверху вниз было по ма | тушки по Ками-реки,
А по Ками-реки—легка лодочка плывет,
Ах со лютым со зе́льём | с черным порохом,
А со страшной казной | государевой.
А й на казны-то сидит | тут грозён посёл,
Ах по имени Семён | Костянтинович,
Костянтинович Семён | сидит Корамышевич.
Ах как немношечко вре | мечки минавалосе,
Супротив кустишка лод | очка сверсталасе,
Ах как лунула пу | шечка медная,
Ах как розбила эту | лодочку коломянку,
А как убило посла | государева
Корамышева Семе | на Костянтиновича.
— Ах мы не ладно мы | два брателка удумали,
Как убили мы посла | государева,

А золотой казны | нам немношко доставалосе,
Доставаласе казны | нам же по три тмы,
А й по три тьмы достава | лось по три тысячи.
Как куды же мы братцы | воровать теперь пойдем?
А й нам в Казань город итти | нам убитым быть.
Нам во Востракань итти | быть повешеным.
Ах пойдемте-тко, братцы, | в каменну Москву.

(Дальше не помнит.)

Записано там же, 7 августа.

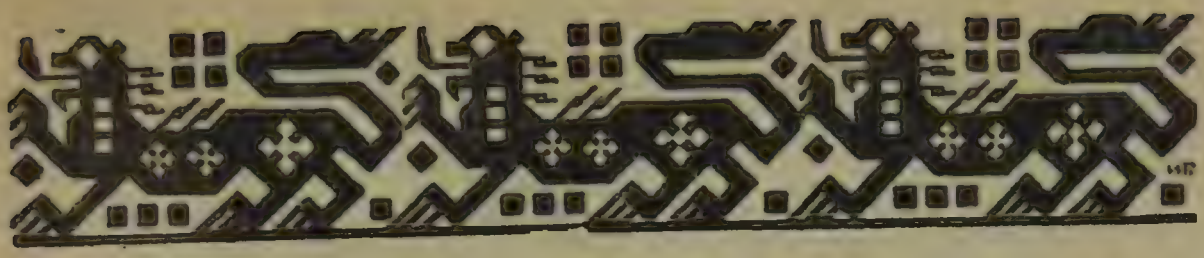
203

СТЕНЬКА РАЗИН

Как во славном было го | роди во Вастракани
Проявился там дети | нушка незнаем человек,
Как незнаемой дети | нушка, неведомой откуль.
Баско щепетно по Ва | стракани погуливает,
Уж он штапам афице | рушкам не кланяется,
Востраканскому губерна | тору челом ему не бьет.
А сапоженки на ножках шел | ком та́ченыи,
Черна шляпа на кудрях | и перщатки на руках,
А й свой тот вишневой кафтан | на одном плечи таскал,
И как персидской кушачок | во белых руках держал.
Как увидел молодца | губернатор скрычал:
— Вы сходите, приведи | те удалого молодца.
Еще стал-то губерна | тор е́го спрашивати:
— А ты скажись скажись-ко, дети | нушка незнаем человек
Из тиху ли ты Дону казак, | аль казачей сын,
Аль ты с нашего крепкаго го | рода из Вастракани?
Как проговорит дети | нушка незнаем человек:
— Из тиху-то я Дону не казак | , не казачей сын,
Я не с вашего крепкого го | рода, а из Вастракани?
Я со Камы-то со реки | Сеньки Разина сын,
Посулился мой-то ба | тюшко завтра в гости к вам быть,
Вы умейте-тко моего ба | тюшка кормить его поить,
Вы кормить его поить | и честно жаловати.
Вастраканьскому губерна | тору не слюбилися словеса.
— Еще есть ли то при мне | , а слуги верны при собе,
Вы сведите-тко молодца | в белокаменну тюрьму.
Взяли брали молодца за | желтыи волоса,
Повели его молодца | в белокаменну тюрьму.
Сверху вниз было по ма | тушки по Камы по реки,

Что й по Камы по реки | легка лодочка пловет.
Как на той-то на легкой лодке а | таман воровской сидит,
Атаман воровской сидит | Сенька Разин тот сын.
— Еще что-то мне, братцы робя | тушка, тошным стало тошно,
Мне тошным стало тошнò | и тошнéшенько,
Вы подайте-тко воды | с-под правы́и с-под руки.
И над водой-то Сенька волховал | и воду взадь выливал,
— Видно мой тут ведь сынок | а сидит в белокаменной тюрьме,
Приворачивайте, робята, | ко крутому бережку,
Уж мы стену розобьем | а й тюрьму по каменю рознесём
И Вастраканьского губерна | тора в полон к собе возьмем,
И Востраканьскую губерна | торшу в наложницы.

Записано там же, 7 августа



204

ШВЕДСКАЯ ВОЙНА

А пише, пише король шведский | государыни нашой в Москву:
— А й да милосердная государыня | , не прогневайся на меня,
На меня-то шведа да на злодея на Шведскаго короля.
Ай роспиши-тко ты мне хватерушку | а й в каменной Москвы постоять:
И моей конницы пехотушки | и во ямской стоять улице,
А самому-то мне королю | Шведскому а й в Кремли городи постоять,
А й у Бориса стоять у Петровича | а й Шелементьева во дворци.
А милосердная государыни | а призадумалась стоит,
А наши главные все фельдмаршаты | а й приужахнулись.
Как у ней правой под ру | ченькой донской казак стоит
Ах у ней под левой под ру | ченькой а й часовой солдат стоит.
Ой впереди-то наши служивыи | да словцё вымолвили:
— А милосердная государыни | не печалуйся ни о чем,
А й не бывать-то королю Шведскому | ай в каменной н шой Москвы,
А й не видать-то ему да собаки | ой нашей крепости.
А уж мы встретим короля Шведскаго на Тюмень быстрой реки,
А й уж мы встретим, все | с королем побра́таемся,

Да розоставим-ко мы сто | лики ой все дубовенькие,
О й да накатаем-ко мы пу | шечек все со ядрушкамы.
А уж как мы станем ему подавать, | он не успеет принимать.

Записано там же, 7 августа.

205

ПРУССКИЙ КОРОЛЬ

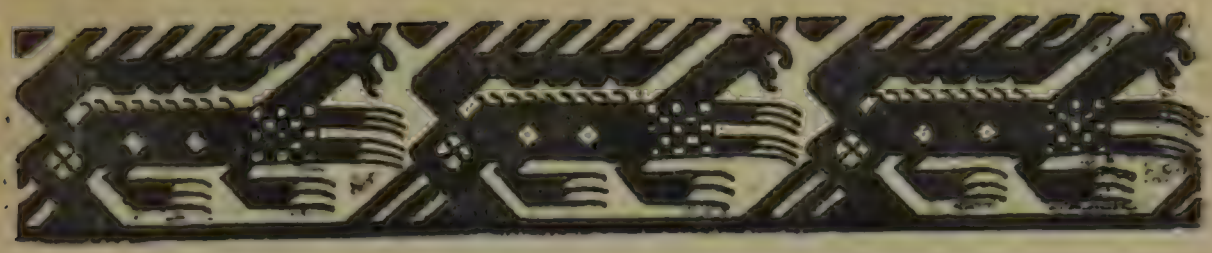
Ой ростужится, росплачется | наш Пруско́й *наш Пруско́й* король,
А й сидючись-то на укра | сушки ой *на крутой* горы,
А он глядел смотрел на свою укре | пушку, *на Берлин* город
И на свою укрепушку | на Берлин да *на Берлин* город.
— Ты ли-то укрепа | моя, *ты укре*пушка
Ты мой Берлин | , *мой Берлин* город,
А ты кому-то моя укре | пушка *доставала*се,
Доставаласе да достава | ласе моя *укре*пушка,
Ой царю белому | *ой царю* белому,
А как другому же генера | лушку *Краснощек*ову.
Ай как ходил гулял | Краснощеков ку́п*цем по* городу,
Ах он закупает-то | Краснощеков *ай свинцу по́*роху,
И закупае еще он | Краснощеков *сорок пу*шечек.
Ах он Пруску́ю жену | ту красавицу ай *во полон* берет,
И во полон-то берет пруску | жену и сам он допро*сом до-пра*шивает:
— Ай ты скажи-тко, скажи | , пруска жена, ай *куды Прус* ушел?
— Ах вы, глупы, генера | лушки, глупы, *неразу*мныи.
Ай за столом-то сидел | пруской король *белой* лебеди,
Ай на окошечки сидел | пруско́й король *ай сизым* голубом,
И на корабь полетел | пруской король вот он *черным во*роном.

Записано там же, 7 августа.

XXXVII

Т. СУХАНОВ

рифон Иванович Суханов, крестьянин с Охтомострова на Водлозере, 70 лет, здоровый, моложавый, еще несущий тягло и занимающийся доселе полесничеством. Перенял былины от отца, который умер под 100 лет от роду; говорит, что большую часть из них забыл, вследствие тяжелой рабочей жизни.



ДОБРЫНЯ И АЛЕША

Во славноём было городи во Киеви,
А й у ласкова князя Владимира,
Собирается у князя почестен пир.
Вси ли на пиру напивалисе,
Вси ли на пиру наедалисе,
Вси ли на пиру пьяны веселы,
А вси ли на пиру поросфастались:
Умный фастат отцем матерью,
Безумной фастат молодой женой,
Глупой фастат добрыим конём.
Ай сидит тут Добрынюшка Микитинич,
Не ест он не пьет да не кушаёт,
Белой лебёдушки не рушает,
Над собой он думушку думаёт.
Говорит солнышко князь стольно-киевской:
— А чего же ты сидишь позадумался,
Хлеба ты соли не кушаёшь,
Белой лебёдушки не рушаёшь,
Не пьёшь ты чары зелена вина?
И говорит князь стольно-киевской:
— Ай же вы русскии богатыри:
Во первы́их, казак Илья Муромец,
Во други́их, Добрынюшка Микитинич!
Вы берите злаче́ныи же́ребьи
Кому ехать в путь богатырскую,
Во тую в дороженку широкую,
Не за триста за три тысячи,
Выправляти дани выходы за двенадцать лет.
Во тыи Индеи во богатыи,

Не вамы были дани запущены,
Только вамы будут дани взысканы.
Ай тут Добрынюшка поросплакался,
Своей матушки порозжалился:
— Уж ты свет добра да мóя матушка!
На что Добрынюшку спородила,
Сильняго Добрынюшку не сильняго,
Ростом его не высокаго,
Красотой его не красиваго,
Ай богачеством не богатаго.
Лучше родила б, моя матушка,
Серыим горючиим камешком,
Завертела во тонко полотенышко,
Ставала на гору высокую,
Розмахала Добрыню — в море бросила.
А лежал бы Добрынюшка в синём мори,
Не ездил Добрыня по святой Руси,
Не проливал бы крови християньскии,
Не вдовил Добрыня молодыих жон,
Не сиротали б малыя деточки.
И получает несчастныя жеребей,
Говорит он казаку Илью Муромцу:
— Я поезжаю в путь богатырскую.
И говорит Добрынюшка Микитинич:
— Уж ты, свет, добра да моя матушка,
Честна вдова Намельфа Тимофеевна!
Только нет у молодца добра коня,
Нету сбруюшки богатырскии,
Всих успехов богатырскиих.
Отвечае добра да ему матушка:
— Ты Добрынюшка сын Микитинич!
Поди на конюшню стоялую,
А на другу поди ты на конную,
Выбирай добра коня учёнаго.
Буде тут тебе не прилюбится,
Опускайся в погрёбы глубокии,
Стоит добрыи конь богатырскии
На двенадцати цепочках серебряных,
На двенадцати тонкиих поводах,
На тыих ли на поводах шелковыих,
А не нашего шолку шемахинского.

Там есть сбруя богатырская,
Вси успехи молодецкии.
Тольки Добрынюшка спрашивал,
Скочил Добрыня на резвы ноги,
З-за того [з-] за столика дубоваго,
Бежал на конюшню стоялую.
Тут ему не слюбилосе,
Перешол на конюшенку на конную,
Нет добра коня по разуму.
Опустился в погребы́ глубокии,
Увидел коня он добраго,
Он валился коню во праву ногу:
— Уж ты, добрый конь, богатырскии!
Служил конь и батюшку,
Служил добрый конь дедушку,
Послужи-тко Добрыни Микитичу
Во тый пути́ богатырскии.
Стал добра коня откáивать
Стал добра коня отвязывать,
Кладывал он седелышко черкальское.
Сам он себя стал окольчуживать:
Обувал он сапожки сафьянные,
Окол носика яйцё кати,
А й под пяточки воробей лети.
В каблучках были шпильки серебряны,
Шляпочки позолочены.
Не ради красы-басы молодецкии,
Ради крепости богатырскии,
Одевал он лату богатырскую,
Не грузну́ю лату, в девяносто пуд.
Одевал он платьицо цветное,
Кладывал он шляпу пуховую,
Не грузную шляпу, во двенадцать пуд.
Кладывал он праву́ ногу во стремено,
Во тое ли стремено булатнёё,
Скочил Добрыня легче заюшка,
Повернулся кручее горносталюшка,
Садился во седелышко черкасское,
Приезжал он к полаты белокаменной,
Ко своéй ко матушки ко родныи,
Ко честной вдове Намельфе Тимофеевной.

Говорит Добрыня таково слово:
— Дай-ко прощеньицо родительско,
Мне-ка ехать в путь богатырскую.
Свет добра́ да е́го матушка,
Полагае крест благословленныи,
Отправляе в путь богатырскую.
Стоит молода жена Настасья Микулична,
Говорит Настасья Микулична:
— Ай же Добрынюшка Микитинич!
Поезжаешь ты в путь богатырскую,
Когда ждать тебя со чиста поля?
Отвечаё Добрыня Микитинич:
— Ждите Добрынюшку три года.
Не приеде Добрынюшка три года,
Еще ждите Добрынюшку три года.
Не приеде Добрыня через шесть годов,
Еще ждите Добрынюшку три года,
Пройде времечки всего девять лет.
И говорит-то Настасьи Никуличной:
— Аль вдовой живи аль хоть замуж поди,
И за того поди хошь за и́ннаго,
За вора́ поди хоть за разбойничка,
Не ходи за моего за брата крестоваго,
За смелаго Алешу Поповича,
За девочьяго за насмешника.
Поезжал Добрынюшка в чисто́ полё,
Аль не пыль в поли запылается,
От земли пески поднималися,
Одна куревка поку́рила,
Поезжал Добрыня во чисто́ полё,
Вид'ли молодца сядучись,
Ай не вид'ли удалаго поедучись.
Прошло тому времени три года,
Не видать Добрынюшки с чиста поля,
Тут ходя старухи кошельницы,
Они вести носят недобрыи:
— Нету Добрынюшки во живности,
Убит Добрыня во чистом поли,
Лежит Добрыня о Почай-реку,
Ай ногамы лежит во Почай-реку,
Кудрями лежит в част ракитов куст,

Малолесны птички гнезда спóвили
Во Добрыниных во желтых кудрях.
Тому старуха не верила:
— Молода Настасья Микулична!
Подождем еще времечки три года.
Прошло того времечки шесть годов,
Не видать Добрынюшки с чиста поля.
Приезжает Олёшенька поповский сын
Со да́леча далеча со чиста поля,
Прямо к доброй-то его матушки,
Молодой жены Настасьи Микуличной.
Говорит добра да его матушка:
— Где ты был Олёшенька поповский сын?
Отвечает Олешенька поповский сын:
— Уж я был во да́лечи, дале́чи во чистом поли.
— Не видал ли Добрыни Микитича?
Отвечает Олешенька поповский сын:
— Уж я видел Добрыню во чистом поли,
Видил Добрыню убитаго:
Лежит Добрыня о Почай-реку,
Ногамы лежит во Почай-реку,
Кудрями лежит в част ракитов куст,
Малолесны птички гнезда спóвили
Во Добрыниных во желтых кудрях.
Говорит Настасья Микулична,
Говорит она Олёши Поповичу:
— Не был ты, Олеша, во чистом поли,
Не видал ты Добрыни убитаго,
А был ты с собакамы на задворки.
Олёши слова не слюбилисе,
Идёт он с обидою великою
Прямо ко князю Владимиру:
— Уж ты солнышко князь стольно-киевской!
Пособи-тко мне думы думати.
Надо мной удовка насмеялась
Молодая Настасья Микулична
Не могу на ёй сосвататься.
Возьми меня во служители,
Возьми меня в сторожители,
Буду служить верой правдой.
Говорит князь стольно-киевской:

— Ай же ты Олёшенька поповской сын!
Сделам указы мы грозныи,
По первому городу по Киеву,
По дру́гому городу Чернигову,
По тре́тьему городу Смолягину:
Не держать бы жон безмужниих,
Не держать удовок беспашпортниих.
Пошлю стражов немило́сливых,
Чтобы гнали со перваго города,
Со перва́го города Киева,
Со дру́га гнали Чернигова,
Со третьёго со Смолягина.
Как ишли стражи немило́сливы,
Выгнали с перваго города Киева,
Выгнали с дру́гаго Чернигова,
Выгнали с тре́тьяго Смолягина,
Всих удовок безмужниих.
Идут с обидой великою
Ко той Добрыниной матушки,
Идут к Настасьи Микуличной:
— Уж ты свет Настасья Микулична!
Поди за Олёшу во замужество.
Не подёшь за Олёшу во замужество —
Изгонят тебя вон из города.
Говорит Настасья Микулична;
— Я пору́шаю мужнюю заповедь.
Пожалела удовок безмужниих,
Пожалела вдовиц беспашпортниих,
Не охвотою шла во замужество,
Поневоле пошла во замужество.
Во далечи во чистом поли,
Не за́ триста за три тысячи,
Спит Добрыня во белом шатри.
Стоит добрый конь у бела шатра,
Он копытом бьёт о сыру землю,
Под шатром земля сколыбаласе,
Во реки вода зазыбаласе,
Скочил Добрыня на резвы ноги,
От крепка сну богатырскаго.
Говорит Добрынюшка Микитинич:
— Ай же добрый конь богатырскии!

Не во врéмя будишь русскаго богáтыря.
Отвечает конь по-человечьёму:
— Ай же Добрынюшка Микитинич!
Ты не знашь незгоды великии.
Твоя жена Настасья Никулична
Пошла она во замужество,
Не охвотою, по неволюшки,
За смелаго Олёшу Поповича.
Вчерасе было рукобитьицё,
Сегодня у их столованьицо.
Тольки Добрынюшка спрашивал.
Садился на добра коня учёнаго,
Бьёт коня плёткой шелковою,
Бьет коня по тучны́м бедрам.
Стал его добрый конь поскакивать,
Скоки давать с горы на́ гору,
Мелки источники в шах берёт.
Приезжае к славному городу ко Киеву,
Ко своёй полаты белокаменной.
Становился к косивчату окошечку,
Закричал он гласом богатырскиим:
— Ай же добра да моя матушка,
Есть ли честна вдова во живности?
Отворяй-ко широки воротечка,
Запусти Добрыню Микитича.
Отвечат старуха таково слово:
— Отойдите голи кабацкии!
Кабы был Добрынюшка во живности,
Не досуг бы вам насмехатисе,
Надо мной старухой пролыгатисе.
Говорит Добрыня во второй након:
— Уж ты свет добра да моя матушка,
Честна вдова Намельфа Тимофеевна!
Опустись ты со печки муравленой.
Ты садись на скамейку хрустальнюю,
Ты гляди в окошко стекольчато,
Тут сидит Добрыня на добром кони.
Свет добра да его матушка
Опущаласе со печки муравленой,
Садилáсь на скамейку хрустальнюю,
Глядела в околенку стекольчату.

Только взяла дубину подорожную,
Не грузную дубину, в девяносто пуд,
Говорила старуха таково слово:
— Ай удалый добрый молодец!
Не такой Добрынюшка отпущен он
Во тую ли путь богатырскую,
Во тую поездку молодецкую,
Его личико было белоё,
Платьицо на нём цветноё,
Сапожки на ножках сафьянныи,
Шляпа была пуховая.
Отвечат Добрыня Микитинич:
— Уж ты свет добра да моя матушка!
Во тыи́ пути богатырскии
Сапожки о стре́мена вытерло,
Цветное платьице сдёржано.
Пухову шляпу дождями повы́секло,
Личико жарамы зажарило.
Говорит добра да его матушка:
— Будет сидит тут Добрынюшка Микитинич
На своем кони богатырскоём,
Дак подашь ты крест благословленныи.
Тут Добрыня Микитинич
Подавае крест благословленныи,
Свет доброи́ да своёи́ матушки,
Получала крест благословленныи,
С которым спустила во чисто́ поле,
Тут она срадова́ласе.
Скоро бежала на широк двор,
Отворяла воротца широкии,
Запустила Добрыню Микитича.
Тут скочил Добрыня со добра коня.
Говорит добра да ему матушка:
— Ты Добрынюшка сын Микитинич!
Как твоя молода жена,
Пошла ёна во замужество
Не охвотою, по неволюшки,
За смелаго Олёшу Поповича.
Тольки Добрынюшка спрашивал.
Спустил коня на свою волю,
Сам бежал в полату белокаменну,

Обувал он сапожки сафьянныи,
Надевал он платьицо цветное,
Кладывал он шляпу пуховую,
Берёт он гусёлушка яровчаты,
Берёт он напиток подорожныих
Во правóй корман, во левóй корман,
Берёт он дубину подорожную,
Не грузнý дубину, в девяносто пуд,
Прямо пошел на почестен пир.
Тут у солнышка князя Владимира
Поставлены стражи́ немилóсливы,
Сильнии могучии богатыри —
Не ходить никому на почестен пир —
Не пущают Добрыни на почестен пир.
У Добрыни сердце разгорелосе,
Он махнул дубиной подорожною,
Убил он сильниих богатырей.
Прямо идёт на почестен пир,
Во тую полату гряновитую,
К этыим ко столикам дубовыим,
Сам говорит таково слово:
— Уж ты солнышко князь стольно-киевскоий!
Нет ли места немношечко
Поприсесть удалому молодцу?
Отвечаё князь столно-киевской:
— Вси места попризаняты.
Углядел он места немношечко
На тыи на печки муравленой.
Скочил Добрыня лекче заюшка
На тую на печку муравлену,
Заиграл он в гусёлушка яровчаты.
Вси на пиру оглянулисе.
Вси на пиру ужахнулисе,
Скочит князь на резвы ноги,
Сам говорит таково слово:
— Ай скоморошина удалая!
Опустись-ко со печки муравленоий:
Первое место подлé меня,
А другóе то место возлé меня,
Трéтьёё место, где слюбится.
Отвечает Добрынюшка Микитинич:

— Уж ты, солнышко Владимир стольно-киевской!
Не спрашивай у холоднаго,
Не спрашивай у голоднаго.
Спешись-ко молодца кормить поить,
Потом удалаго спрашивать.
Приносили чару зелена вина,
Не большую чару, полтора ведра.
Принимал Добрыня единой рукой,
Выпивал Добрыня на единой дух,
Сам говорит таково слово:
— Солнышко князь стольно-киевской!
Позволь поднести чару зелена вина,
У меня есть напитков подорожных.
Поднести мне князю со княгиною,
Первую Настасьи Никуличной,
А вторую Алеши Поповичу.
Наливает чару зелена вина,
Не большую чару, полтора ведра,
На вес-то чара полтора пуда,
Кладывает он перстень злаченый,
Сам говорит таково слово:
— Уж ты пей Настасья Микулична!
Пей-ко чарочку зелена вина,
Пей-ко чарочку да всю до дна.
Как пьешь до дна, увидашь добра,
Не пьешь до дна, не видать добра.
Берет Настасья Микулична,
Берет чарочку единой рукой,
Выпила цару на единый дух,
К устам перстень прикатается,
Свет Настасья срадоваласе.
За тыим за столиком дубовыим,
Скочила Настасья на резвы ноги,
Скочила она лекче заюшка,
З-за́ того [з-] за столика дубоваго.
Прямо к Добрыни на белы груди,
Сама говорит таково слово:
— Не тот мой муж, кой подле меня,
Тот мой муж супротив меня,
Супротив очей моих ясных.
Тут Добрынюшка Микитинич

Он берет Алёшеньку Поповича,
З-за́ того [з-] за столика дубоваго
Берет Алешу за желты кудри
Стал он дубиною накладывать.
От стуканья пошло бу́каньё,
От буканья пошло охканьё
По всёй полаты гряновитыи.
Вси с пиру розбежалисе,
Вси с пиру росскакалисе,
Тольки стоит князь со княгиною.
Говорит Добрынюшка Микитинич:
— Чёго ты стоишь князь со княгиною,
Чего ты стоишь да того же ждёшь,
Пусть тебе приуважено:
Моему-то батюшку крестовой брат.
Тут пошол Алешенька поповской сын,
Пошол с пиру окоракою,
Сам идёт с пиру кленется,
Больше того проклинается:
— Всякой чорт на сём свете женится,
Не всякому женитьба удавается,
Мне-ка женитьба неудачная,
Молода жена невзрачная.
Удаваласе женитьба двум богатырям:
Во-первыих, Добрынюшки Микитичу,
Во-другиих, старому казаку Ильи Муромцу.

Записано на Водлозере, 6 августа.

207

КАЛИКА-БОГАТЫРЬ

Ай с-под ельничку с-под березничку,
Из-под часта молодого орешничку,
Выходила калика перехожая,
Перехожая калика переезжая.
У калики костыль дорог рыбий зуб,
Дорог рыбей зуб да в девяносто пуд.
О костыль калика подпирается,
Высоко калика поднимается,
Как повыше лесу да стоячаго,
А пониже облачка ходячаго,
Опустилася калика на тыи поля,
На тыи поля на широкия,
На тыи лужка на зеленыи,
Ай о матушку ль о Почай-реку.
Тут стоит ли силушка несметная,
А несметна сила непомерная,
В три часу́ серу́ волку́ да не обска́кати,
В три часу ясну соколу да не обле́тети.
Осере́дь-то силы той неверноi,
Сидит Ту́рченко да богаты́рченко.
Он хвати́л Турку́, да за желты кудри,
Опустил Турку́ да о сыру землю.
Говорит калика таково слово:
— Ска́жи Ту́рченко да богатырченко!
Много ль вашей силы соскопилосе,
Куда эта сила снарядиласе?
Отвечает Турченко да богатырченко:
— Я бы рад сказать, да не могу стерпеть,
Не могу стерпеть, да голова болит,

Ай уста мои да запечалились,
Е сорóк царей, сорок царевичев,
Сóрок королей, да королевичев.
Как у кажнаго царя царевича,
Ай у короля да королевича,
Ай по три́ тмы силы, по три тысячи.
Снарядилась уж силушка под Киев град,
Хочут Киев град да головнёй катить,
Добрых молодцóв ставúть ширинками,
Ай добры́х коней да табунами гнать,
Ай живот со града вон телегамы.
О костúль калика подпирается,
Высоко ль калика поднимается,
Ай повыше лесу стоячаго,
Ай пониже облачка ходячаго.
Прискакала каликушка ко городу,
Ай ко славному ко городу ко Киеву,
Она в город шла да не воротамы,
Она прямо через стену городовую,
Нечто лучшу башню наугольнюю.
Становилася калика середь города,
Закричала калика во всю голову,
С теремов вершочики посыпались,
Ай окóленки да повалялисе,
На столах питья да поплескалисе.
Выходил Олешенька поповский сын,
Берет пáлúцу булатнюю,
Нé грузну́ю палицу, да в девяносто пуд,
Он бьет калику по головушки,
Каликушка стоит не стряхнется,
Его́ жёлты кудри не сворохнутся.
Выходил Добрынюшка Микитинич,
Как берет Добрынюшка черлёный вяз,
Не грузны́я вяз, да в девяносто пуд,
Он бьет калику по головушки,
Каликушка стоит не стряхнется,
Его жёлты кудры не сворохнутся.
Выходил казак Илья Муромец,
Говорит казак таково слово:
— Уж вы глупы русскии бога́тыри!
Пошто бьете калику по головушки?

Еще наб у калики ви́стей спрашивать:
Куды шла калика, а что видела?
Говорит калика таково слово:
— Уж я шла, калика, по тыим полям,
По тыим полям, по широкиим,
По тыим лужкам по зелёныим,
Ай о матушку ли о Почай-реку.
Уж я видела тут силушку великую,
В три часу волку́ не обска́кати
В три ясну соколу не обле́тети.
Осёредки силы великии
Сидит Турченко богатырченко.
Я хватил Турку́ за желты кудри,
Опущал Турку́ о сыру землю.
Скажи, Турченко богатырченко:
Много ль вашой силы соскопилосе,
Куда эта сила снарядиласе?
Уж бы рад сказать, да не могу стерпеть,
Не могу стерпеть, да голова болит,
Ай уста мои да запечалились.
Говорит казак таково слово:
— Ай калика перехожая!
А идёшь ли с нами во товарищи,
Ко тый ли силы ко великии?
Отвечат калика перехожая
Старому казаку Илью Муромцу:
— Я иду со вами во товарищи.
Садили́сь богатыри́ на добрых конях:
Во первых казак Илья Муромец,
Во других Добрынюшка Микитинич.
Оны с города ехали да не воротамы,
Прямо через стену городовую,
Нечто лучшу башню наугольнюю.
Ай каликушка не осталасе,
О костыль она да подпираласе,
А скочила стену городовую.
Поезжат казак Илья Муромец
Во тую́ ли силу в великую,
Во тую́ ли силу правой рукой,
Добрыня Микитинич левой рукой,
Калика шла серёдочкой.

Стал он своею́ дубиною помахивать,
Как куды махнул, дак пала улица,
Отмахивал — переулочок,
Прибили всю силу неверному.
Обращались к славному городу,
Ко тому ли городу ко Киеву,
Скакали через стену городовую,
Отдавали честь князю Владимиру:
— Мы прибили силу всю неверную.

Записано там же, 6 августа.

208

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧ

По морю морю морю синему,
По тому по морю по Веряйскому,
По тому то морю по Дунайскому,
Из-за того ли острова Кодольскаго,
Бежит побежит тридцать кораблей.
Один корабль наперед бежит,
Нос корма по звериному,
Бока-ты у его по туриному
И хобот-ты мечé по змеиному,
И мест очей было вставлено
По дорогому камню самоцветному,
И место бров было кладено
По дорогому соболю заморьскому,
Место хвоста было повешено
По дорогой лисици заморьскии.
Осередь корабли стоит три терема,
Три терема златоверхиих:
Во первом тéреме стунчит-бунчит,
В другом терему́ шепотком говорят,
В третьём терему скачут и пляшут и песни поют,
Песни поют прикоку́ивают.
Тут Соловьева дружинушко
Пятьдесят молодцóв со единыим,
Все молодéц молодцá лучше,
Тут сам Соловéй сын Будúмирович
Со́ своей дружиною хоробро́ю.
Он говорит таково слово:
— Ай же дружина хоробрая!

Приворачивай к крýтому бéрежку,
Выкиньте сходни дубовыи,
Дрýгии сходни серебряны,
Третьии сходни меди казанскии.
Говорит Соловей таково слово:
— Ай дружина хоробрая!
Бери дружина золоты ключи,
Отмыкай дружина кованы́ ларьцы,
Вынимай-ко камочику зóлотую,
Что в золоти камочика не погнется.
Брала дружина золоты ключи,
Отмыкала дружина кованы ларьци,
Вынимала камочику зóлотую,
В золоти камочика не погнется.
Берёт он подарки великии,
Иде к солнышку князю
столно-киевску
С этыма подаркамы великима,
В этую полату гряновитую,
Крёст он кладёт по писаному,
Поклон-от ведёт по учёному,
Бьёт он челом, покланяется
На вси на четыре на стороны.
Он говорит таково слово:
— Уж ты солнышко князь
столно-киевскоǐ!
Дай-ко мне места немношечко
Поставить три терема златоверхиих.
В óдную ноченку во тёмную,
Во тёмную ноченку в осённую,
К утру свету жить перейти.
— Где тебе место прилюбится,
Устрой терема златоверхии.
Поклонился Соловéй Будимирович
Солнышку князю стольно-киевску.
Он говорит таково слово:
— Ай же, дружина хоробрая,
Пятьдесят молодцов со единым!
Скидывáйте платьицо цветное,
Надевайте кожáны лосиныи,
Берите топорики булатнии,

Поставьте три терема златоверхиих,
К утру к свету бы жить перейти.
В этую во ноченку во тёмную
Во тёмную ноченку в осённую,
И молода Забава Путятично
Во тую во ноченку во темную,
Слышала стук и гром она великии,
Поглянула в косивчату околенку:
—Что это у нас не по старому.
У батюшка в зеленом саду
Дубья колодья повысечена,
Из-за саду вон все повы́метано,
Стоят три терема златоверхиих.
Она скоро скочила на резвы ноги,
Чёботы обула на босу ногу,
Салоп одевала на одно плечо,
По крылечику спущалась
полегошенько,
По улушке шла поскорешёнько.
У первого терема послухала,
В тоем терему́ стунчит-бунчит,
Стунчит-бунчит, щелчит-молчит,
Тут Соловьёва золота казна.
У дру́гаго терема послухала,
В друго́м терему́ шопотком говорят,
Тут Соловьёва родна матушка,
Она за́ Соловья бога́ ума́ливала.
У третьего терема послухала,
В тоём терему скачут и пляшут
и песни поют,
Песни поют, прикокуйкивают,
Тут Соловьёва дружинушка,
Сам Соловей́ сын Буди́мирович.
Она прямо идет во высок терём,
Она крёст-то кладёт по писаному,
Поклон-тот ведёт по учёному,
Она бьёт челом поклоняется
На все на четыре на стороны,
Со́ловью Буди́мировичу в собину.
— Ты, молодец, есть холост не женат,
Я красна де́вица на выда́ваньи.

Говорит Соловéй сын Будимирович:
Всим ты мне девúца прилюбиласе,
Одным ты мне девица не слюбиласе,
Сама себя за муж просватываёшь.
Говорит Соловей сын Будимирович:
— А й же дружина хоробрая!
Сбирайте злаченыи теремы,
Отъедем от крýтого берега.

Записано там же, 6 августа.

209

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ

Когда же воссияло солнце красное
На тую ли на землю свято-русскую,
Тогда же воцарился наш грозныя царь,
Грозныя царь Иван Васильевич,
На тую на землю свято-русскую.
Тогда же собирал он почестен пир.
Вси ли на пиру напивалисе,
Вси ли на пиру похвалялисе:
Умной фастат отцем матерью,
Безумной фастат молодой женой,
Глупой фастат добрым конем.
Говорит грозныя царь Иван Васильевич:
— А вывел я измену из О́пского,
Да вывел я измену из Казаньскаго,
А вывел я измену с Астраканьскаго,
Да вывел измену с Нова́города,
Да выведу измену с каменной Москвы,
Всю неправду со святой Руси.
Под его под ручкой под правою,
Сидит младый Иван тот Иванович,
Под его под ручкой под левою,
Сидит младый Федор Иванович.
Воспроговорит Иван тот Иванович:
— Батюшко, грозныя царь Иван Васильевич!
А вывел измену из Опского,
Да вывел измену из Казаньскаго,
А вывел измену с Астраканьского,
Да вывел измену с Нова́города,
Не вывести измену с каменной Москвы,

А всей-то неправды со святой Руси.
У тебя изменщик за одним столом,
Ездил по царьству Росийскому,
По тому государству Московскому,
Улицу казнил он десятую,
В дéсятой казнил он десятого,
Больше голову петуньюю,
Все ерлуки он подписывал.
В той улицы больше (петýны не поют),
В той улицы больше щепотью не молятся.
Не мог вывести измены изо Пского,
Не мог вывести измены из Скопского
Не мог вывести измены из Казаньского,
Не мог вывести с Востраканьскаго,
Не мог вывести измены с Новагорода,
Не мог вывести измены с каменной Москвы
Всей неправды со святой Руси.
Грозно царь роспаляется,
Скочит царь на резвы ноги,
Говорит ли царь таково слово:
— Ай, палачи немилосливыи!
Берите-тко Федора Ивановича
За его за ручки за белыи,
За его за перстни злаченыи,
Накиньте камочику черную,
Бросьте в телегу ордынскую,
Везите за мать Москву белокаменну,
На тое болото на Житноё,
На тую на плаху кровавую,
Отсеките изменщику голову.
Вси палачи розбежалисе,
Вси палачи роскакалисе,
Большой-от хоронится за средняго,
Средней-от хоронится за меншого,
А от меньшого стало да ответу нет.
Грозно царь роспаляется,
Говорит ли царь таково слово:
— Ай, палачи немилосливыи!
Берите Федора Ивановича
За его за ручки за белыи,
За тыи за перстни злаченыи,

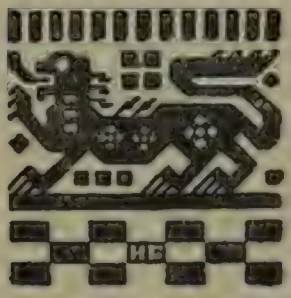
Накиньте камочику черную,
Бросьте в телегу ордынскую,
Везите за мать Москву белокаменну,
На тое болото на житное,
На тую на плашку кровавую,
Отсеките изменщику голову.
Из-за того стола [з-]за нижайшаго,
Выходит маленькой малютка Скурлатков сын
Берет он Федора Ивановича
За его за ручки за белыи,
За его за перстни злаченыи,
Накинул камочику черную,
Бросил в телегу ордынскую,
Повез за мать Москву белокаменну,
На тоё болото на житное,
На тую на плаху кровавую,
Отсечь изменщику голову.
Молодая Марья Романовна,
Скочила она на резвы ноги,
Чобота обула на босу ногу,
Шубу одевала на одно плечо,
По крылечку спущалась полегошеньку,
По улушку бежала поскорешеньку,
Прямо к Микиты Романовичу
Во тую полату гряновитую.
Крёст-то кладет по писаному,
Поклон-то ведёт по учоному,
Бьет челом покланяется,
На вси на четыре на стороны,
Братцу Микиты Романовичу в собину.
Говорит братец Микита Романович:
— Что же за чудо за чудное,
Что же за диво за дивноё,
Не звана пришла гостья, не приказывана?
Говорит Марья Романовна:
— А й братец Микита Романович!
Потухла свеча наша местная,
Закатилось наше красное солнышко,
Не стало млада Федора Ивановича,
Увез маленькой Малютка Скурлатков сын
На тоё болото на житноё,

На тую на плашку кровавую,
Отсекёт ему буйную голову.
Скочил Микита на резвы ноги,
Чоботы обул на босу ногу,
Армяк надевал на одно плечо,
Шляпу кладывал на одно ухо,
Он бежит на конюшню стоялую,
Берет добра коня учоного.
Садился на добра коня не седлана.
Еде по мать Москвы белокаменной,
Шляпою маше, голосом кричит:
— Ай же народ люди добрыи!
Дайте места немножечко
Коню пройти, меня провезти,
Скоро ехать за мать Москву белокаменну
На тоё болото на житноё,
Ко тыи ко плашки кровавыи,
Застать любезного племянника.
Увидел маленькой Малютка Скурлатков сын,
Закричал Микита во всю голову:
— Ты не ешь-ко собака куса сахарня,
Хоть съешь собака, подавишься.
Повернул копье во матушку сыру землю,
Маленькой Малютка Скурлатков сын
Сам падáет на востро́й конец,
Тут Скурлатковы славы́ поют.
Подъезжает Микита Романович
К этой ко плашке кровавыи,
Берет нонь любезнаго племянничка
За его за ручки за белыи,
За тыи за перстни злаченыи,
Кладыват его под правую пазушку,
Везёт он в полату белокаменну,
Во свой дом да гряновитыи.
Прошло тому времечки круглой год.
Вспомнил грозный царь Иван Васильёвич
Своего Федора Ивановича,
Сделал указы он грозныи
По всему по царьству Росийскому,
По тому ли государьству Московскому,
К этыи обедни воскресенскии,

К этыи заутрени христовскии,
Шли бы в платьицах опальниих.
Молодой Микита Романович
Надеваё платьё что ни лучшеё,
Кладыва́ет любезнаго племянничка,
Кладыва́е под правую пазушку,
Идёт он к обедени христовскии,
Крёст он кладёт по писаному,
Поклон ведёт по учёному,
Бьет он челом, поклоняется
На вси на четыре на стороны,
Грозному царю Ивану Васильевичу в собину:
— Здравствуй грозный царь Иван Васильевич
Со своима семенамы царскима,
Со своей любезной семеюшкой:
Со молодым Иваном Ивановичем,
Со молодым Федором Ивановичем,
Со молодой со Марьей Романовной.
Воспроговорит царь таково слово:
— Кабы был ты не Микита не Романович,
Отсек бы тебе буйну голову.
Здравствует Микита во второй након:
— Здравствуй грозный царь Иван Васильевич
Со своима семеиамы царскима,
Со своей любезной семеюшкой:
Со молодым Иваном Ивановичем,
Со молодым Федором Ивановичем,
Со молодой со Марьей Романовной!
Говорит царь таково слово:
— А й же ты Микита Романович!
Подай скоро Фёдора Ивановича.
Не подашь ты Федора Ивановича,
Отсеку тебе буйну голову.
Молодой Микита Романович
Вынимает Федора Ивановича
Из этыи правыи пазушки.
Говорит грозныя царь Иван Васильевич:
— А й ты Микита Романович!
Чим тебя буде жаловать
За твои подарки великии:
Города ли тебе с пригородкамы,

Деньгамы ль золотой казной,
Али платьицом тебе цветным,
Али пожаловать добрым конём?
Отвечает Микита Романович:
— Не надо городов с пригородкамы,
И золота казна у м'ня не тощится,
Цветное платьё не держится,
Добрые кони не езжены.
Пожалуй Микитину улицу:
Кто голову убьё, кто жену уведёт,
В Микитину отчину зайдет — того бог простит.

Записано там же, 6 августа.



XXXVIII

ПАНОВ

Савелий Кузмич Панов, с Куганаволока на Водлозере, 43 лет; выучился петь былины на лесных гонках, где бывал в работниках.

210

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Ай как из города да из Мурома,
А из того села Коротяева,
Ай как справляется, воружается,
Ай как удаленькой да дородненькой,
Ай как дородненькой добрый молодец,
Ай нынь как старыи казак Илья Муромец,
А Илья Муромец да сын Иванович.
Он справляется да воружается,
Ай как в тот ли во славныи да во Киёв град,
Ай как на тот ли он на славныи на почестен пир,
Ай как ко солнышку князю Владимиру стольнё-киёвску.
Ай он берет себе да добра коня,
Берет бурушка да косматушка,
Ай как не седлана добра коня берет не уздана,
Ай как не уздана берет не обкольчужена,
Стал он бурушка осядлывать,
Стал косматушка да обкольчуживать:
Ай на главу в-первых клал лошадиную,
Ай он как клал уздицю тесмяную,
Как не ради клал красы-басы молодецкою,
Ай ради крепости крепил он богатырскою.
Ай на спину-ту клал он лошадиную
Двенадцать потников двенадцать войлоков
Ай на верёх-то клал седёлышко черкальское,
Ай как не ради клал красы-басы молодецкою,
Ай ради крепости крепил он богатырскою.
Ай он двенадцать нынь вязал подпругов шелковыих,
Ай ради крепости крепил-то всё да богатырскою.
Ай как подпруги у его седелышка да шелковыи,

Ай как того шолку ли китайскаго,
Да славнаго того маханскаго.
Ай как ведь пряжечки нынь были медныи,
Ай как той меди казанскои.
Ай маханский шолк да не сорвется,
Как казанская медь да не ржáвеёт.
Ай стремена булат железа нынь крепкаго не подогнутся,
Ай тут не ради красы-басы креплёно молодецкою,
Ай ради крепости нынь креплено богатырскою.
Ай только видели добраго молодца
Ай на доброго коня вид'ли сядучись,
Ай как не видели его удалаго да поедучись,
Ай только одна куревка по чисту полю да поку́рила,
Ай как от буйнаго ветрушка нынь зимою снег завивается,
Ай также тут от стара́ казака от добра коня,
Ай от сырой земли песок-то кверху поднимается.
Ай он приехал нынь на чисто полё к трём же рòсстаням:
Ай нынь как первая росстань во Киев град,
Как другая росстань во Чернигов град,
Ай нынь как третья та росстань дорожка прямохожая,
Прямохожая да прямоезжая.
Ай только нынь как на той пути на богатырской,
Ай как на той дорожки прямоезжей,
Ай как стоит там сила ратищё да великая.
— Ай мне не честь хвала молодецкая,
Как мимо силушку да проехати,
Ай не побиться мне не пораниться,
А на бою-то мне стару казаку да смерть не писана.
Ай как стоит там сила великая,
Ай стоят пановья да улановья,
Ай как поганыи да татаровья.
Ай он приехал ко той ко силы ко ратищу,
Ай соходил ведь он со добра коня,
Ай ён как пал коню во праву ногу:
— Ай уж ты бурушко мой косматушко!
Ай пособи-тко мне, помоги-тко мне,
Ай как побиться мне как пораниться
Ай со пановьямы со ула́новьямы,
Ай со поганыма со тата́ровьямы.
Ай пошол его добрый конь как ясён сокол.
Ай тут ведь стар казак Илья Муромец сын Иванович

А ён как рвал сырыи дуб да крякнóвистый,
Ай воротил он дуб из сырой земли со каменьями со кореньямы,
Ай стал он тут сырым дубом да крякнóвистым помахивать,
Ай его добрый конь стал по силушки тут поскакивать.
Ай куды дубом махнет, падет силы улица,
Перемахнет — переулочек.
Ай колько сам-то бьёт, вдвое конь топчёт,
Ай как прибил он силушку до единаго,
Ай не оставил он ни единого да тут во живности.
А ён приехал ко городу ко Чернигову.
Ай во том в городи во Чернигови,
Ай во стены ворота призаперты,
Ай у ворот крепки стóрожи да поставлены,
Ай стоят сильнии да могучии да богáтыри.
А он ведь тут да у сильниих у могучиих да у богатырей,
Да ён не спрашивался, не доведывался,
Ай ён направил добра коня через стеночку городовую,
Ай как махнул его добрый конь через тую стену городовую,
Ай как котора стена высотой-то была двенадцать саженей печатаниих,
А ён заехал тут да в Чернигов град,
А ён приехал тут ко божьёй церквы,
Ай ко тому ли Ивану великому.
Ай во божьёй церквы стоят тут люди богу молятся,
А ёны каются, приобщаются,
Ай как со белыим светушком да прощаются.
А ён пришол тут во славныи да великой храм,
А ён как крёст кладёт по писаному,
Поклон ведет по ученому,
Ай во-первых, клонился спасу образу,
Ай во-дрýгих, клонился божьей матери,
А й во третьих, поклóнился он тут всемý миру.
— Ай уж вы здравствуйте, купци да Черниговци вельможи богатыи,
А й уж вы сильнии могучии да здравствуйте богáтыри,
А й уж вы вси поляницы здравствуйте да удалыи!
А й вы об чем тут нынь же каетесь да причащаетесь,
А й вы зачем же со белым светом прощаетесь?
А й говорили тут вси купци вельможи богатыри,

Как вси сильнии могучии богáтыри,
А й отвечали поляницы удалыи:
— А й мы об том ведь каемся причащаемся,
А й для того со белым светом прощаемся,—
А й обступила нас сила великая,
А й наступают на нас пановья да улановья,
А й как поганыи да татаровья.
А й говорил тут ведь батюшко да старóй казак Илья Муромец,
А Илья Муромец, сын Иванович:
— А й вы идите-тко да на славну стену городовую,
А й посмотрите-тко на чисто поле,
Нынь на тую силу великую.
А й выходили купци, бояра, вельможи, богатыри,
А нынь как вси сильнии могучии да богатыри,
А й нынь как вси выбирались поляницы удалыи,
А й как смотрели во чисто поле на тую силу великую.
А где стояли пановья да улановья,
А й как поганыи да татаровья,
А й тут только на том поли да на чистоём
А й как остались знамена стоять да не русьскии,
А й как осталось знамян многúм многó да многёнинько,
А й во темном лесу как стоúт знамян,
Как ровным много как лесу сýхого.
А й как народу тут прибито приранёно,
А й как приранено да привалено,
Будто в лисях как нива присичена.
А й оны вси ему как низким низко кланялись.
— А й ты удаленькой да дородненькой.
А й как дородненькой доброй молодец,
А й уж ты старыи казак да Илья Муромец,
А й Илья Муромец да сын Иванович!
А й хоть у нас ты в гради Чернигови
А й хоть князём живи, хоть королём живи,
А хоть живи барином, а хоть крестьянином.
А занимай себе три места любымых:
А й уж как первое место супротив Ивана Великого,
А й как другое место середь рынку-то нашего столичного,
А й ведь как третье место — где думаешь.
А й ведь как старыи казак Илья Муромец,
А й ведь как только у их он спрашивал,

А й ведь как только он тут сказывал:
— А й не живу я у вас ни барином, не крестьянином,
А й вы скажите мне про ту дорожку прямохожую,
А й вы скажите мне про ту дороженку да прямоезжую.
А й как сказали оны ему про дорожку прямохожую,
А й как сказали оны ему про прямоезжая:
— А й прямоезжая дороженка до Киева одна тысяча,
А й как окольная дороженка есть две тысячи.
А только не езди по той дорожки прямохожею
А й как не езди по той прямоезжею:
А й как на той дорожки прямохожею,
А й как на той дорожки прямоезжею,
Да есть три за́ставы да великиих:
А нынь как первая за́става го́ра крутая,
А й как вторая-то за́става широка́ река мать Смородинка.
А й в ширину река она в шесть же вёрст,
А за рекой живет там разбойничек,
А й по названьицю живет Соловьюшка,
А ведь как тая птица рахманная.
А только нынь по той пути по дороженки,
А й как ведь тридцать лет никто да не хаживал,
А й на добром кони никто туда не проезживал.
А ведь как только стар казак у их выспрашивал,
А ведь как только Илья Муромец выведывал.
А й ён садился нынь на добра коня,
А ён поехал по той дорожки прямохожею,
А ён поехал нынь по прямоезжею,
А ён приехал ко первою ко заставы
А й как приехал он ко крутой горы,
А й как поднялся его добрый конь от сырой земли,
А й как поднялся конь как ясён сокол,
А й ён повыше ведь лесу стоячаго,
Как пониже облачка ходячего,—
А й переехал тут стар казак Илья Муромец сын Иванович
А й переехал он пе́рву за́ставу,
А й переехал он гору высоку,
А й приезжает он ко второй заставы — ко быстро́й реки,
А й как ко матушки ко Смородины.
А на быстро́й реки нет ни мостику, нет ни плотику,
Да не прибирал он тут мелка ми́стеця,
А ён как бил ко́ня по тучным ребрам,

А й как махнул его добрый конь как ясён сокол,
А через тую он махнул через реку Смородину,
А й подъезжает он к третьей заставы,
А й ко тому ли к дому Соловьиному,
А й как сидит Соловеюшко да розбойничек,
А по названьину Птица Рахманная,
А й как сидит-то на семи дубах да на крякно́вистых.
А й ён берет тут стар казак Илья Муромец сын Иванович,
Да он берет с плеча нынь тугйи лук да разрывчатой,
А й кладыва́ёт на лук нынь как стрелочку калёную,
А ён сам тут как стрелочки приговаривал:
— Ай ты, лети-тко, стрелка каленая, к Соловьюшку,
А ты лети к Соловеюшко во право ухо,
Вылетай-ко, стрелка, во левыи глаз.
А й покамест он тута стрелочку накладывал,
А й ведь как ту́гйи лук да направливал,
А й как ведь той порой да ты́м временём,
А й засвистал Соловей по соловьиному,
А й закрикал тут Соловеюшко по звериному,
А й заздыхал Соловеюшко по змеиному.
А й у стара казака Илья Муромца сына Ивановича,
А под им добрый конь на коленка пал,
На коленка пал испугается.
А й только стар казак со добра коня сопущается,
А ён пинал коня по тучным ребрам:
— А й уж ты, конь ты конь, пеловой мешок!
А разве ты не бывал ведь конь во темном лесу,
А разве ты не слыхал ведь здоху змеинаго,
А разве ты не слыхал ведь крыку звериного,
А разве ты не слыхал ведь свисту соловьинаго?
А й как добрый конь да на но́ги встал,
А ведь как тут от стрельбы Соловейко на землю упал.
А приезжал тут стар казак Илья Муромец
А й подъезжает он тут ко Соловьюшку,
А й подымает от сырой земли да он Соло́вьюшко,
А того ли пресильнёго премогучого да разбойничка,
А ён вязал его Соловьюшко ко седёлышку да ко стре́мену.
А как поехал тут стар казак Илья Муромец,
А Илья Муромец сын Иванович,

А ёго доброй конь стал поскакивать,
Ай Соловеюшко у стре́мена стал поплясывать.
А подъезжают оны к тому дому Соловьиному,
А ко тому двору да ко ши́року.
Ай у Соловьюшка двор да повыстроен,
Да повыстроён двор да повы́лажен,
Ай на семи столбах да на семи верстах.
А й только тут увидали Соловьиныи как деточки,
А й говорили оны родной матушки:
— А й государыни наша матушка!
А й наш как батюшка едет мужика везёт,
А й как у стремена да привязана.
А й подходила к тому окошку косивчату,
Подходила дочь Елена волшебница,
Как смотрела в то окошко косивчато,
Как во то ли стеколко хруста́льное.
А й как глядела она да на улицу,
А й говорила она таково слово:
— А й мои, родныи братьица мои се́стрици.
А й как не батюшко едет, мужика везет,
А й ведь как едет старой казак Илья Муромец сын Иванович,
А й везёт нашего батюшка да у стремена нынь привязана.
А й как бежала Алена волшебница да на широк двор,
А й как хватила она подворотенку полтораста пуд,
А й как хотела ударить стара́ казака Илью Муромца сына Ивановича,
А й прямо в лоб ударить меж ясны очи,
А й как ведь дать ему раз да смёртныи.
А и ведь на уловочки он был ловкенькой,
А й увернулся от уразу великаго,
А й он скочил ведь тут стар казак Илья Муромец сын Иванович,
А й он скочил ско́ренько со добра коня,
А й как он пнул то Алену под ж..... от всёго зла,
А й как летела Алена волшебница через широк двор,
А й как ко заднюю летела ко стеночке,
Да у стены-то она плаваёт окоракою.
А й говорит Олена волшебница:
— Да меня чорт-от кинул жали́бницю,

А й как не доброй меня сунул заступщицю.
А й как кричит тут Алена волшебница своей матушки:
— А й государыни моя матушка!
Вы насыпьте нынь злата да серебра,
А й ведь как скатняго мелкого жемчугу,
А й как три нынь насыпьте подноса серебряных,
А й вы дарите стара казака Илью Муромца сына Ивановича,
А й вы дарите его златом да серебром.
Нынь как мелкиим скатниим жемчугом,
А чтобы оставил нам родна батюшка,
Хоть не ради прокормленьица, а хоть бы ради погляженьица.
А й говорит тут как батюшка старой казак Илья Муромец:
— А приезжайте нынь во славный Киев град,
Не оставлю я вам батюшка на погляженьицо.
Приезжайте вслед во Киев град,
А приезжайте вы во Киев град на прощеньицо.
А й только тут как поехал наш батюшко до старóй казак,
А его добрыи конь стал поскакивать,
А й Соловеюшко у стремена стал поплясывать.
А й как поехал да удаленькой дородненькой добрый молодец,
Ай нынь как старыи казак Илья Муромец сын Иванович,
А й как во славныи да во Киев град,
Как ко славному князю Владимиру.
А й как на славныи да на почестеи пир.
А й как на тý пору да на тó время,
Как Владимира князя стольне-киевска,
А его при домй не случилосе,
Как ушел Владимир князь стольне-киевской,
Как ушел Владимир князь во божий храм,
А й как ушел ко той обедни христосскии.
А й как ведь тут старыи казак Илья Муромец сын Иванович,
А ён заехал к Владимиру князю стольнё-киевску на шúрок двор,
А й без допросу без докладу заехал нынь княженецкаго,
И становил добра коня посередь двора нынь как шúрока,

А ён вязал коня ко тому столбу ко точёному,
А й ко тому ли вязал кольцю да к золочёному.
А походил тут ведь стар казак Илья Муромец сын Иванович,
Да он добру коню тут наказывал:
— А стой-ко бурушка, стой косматушко,
Береги нынь бурушка, косматушка, береги Соловьюшка,
А й того сильняго могучаго нынь разбойничка.
А ён еще Соловейку наказывал:
— Ты уйдешь, Соловейко, от моего коня,
А от меня ты, Соловей, никуда не уйдешь по белу свету
А й как пришол тут ведь батюшко да старóй казак нынь во божий храм,
А й как во божий храм да во божью церкву,
А ён как крёст кладёт по писаному,
Он поклон веде по ученому,
Он Владимиру князю тут челом не бьёт.
А й отошла тут обеденка да христосская,
А й как пошол тут Владимир князь стольне-киевской,
А й как пошел он по городу по Киеву,
Он как сделал тут публикацею:
А й чтобы кроме Владимира князя стольне-киевска,
А й чтобы не были пиры балы да открытыи.
А й как выходит тут со божьёй церквы
Как старóй казак Илья Муромец,
А й как идут тут по городу да по Киеву,
Как идут тут голи кабацкии пьяницы,
А межу собою они разговаривают:
— А что это у нас у князя нынь да узаконено,
А й чтобы у его у одного было пированьицо,
Пированьицо да столованьицо?
А й как ведь нам голям да кабацкиим,
В кабаках не вышло позволеньица
А й выпить с горюшка да с досадушки зелена вина.
А й говорил голям кабацкиим пьяницам
Как старой казак Илья Муромец:
— А й, погодите голи кабацкии пьяницы.
Я отопру кабаки вси питéйные,
Розрешу я вам выпить зелена вина.
А й ведь как сам-то пошел тут батюшко наш старóй казак.

А й ён ведь пошол к тому нынь князю Владимиру,
А й ко тому ли пошол ко свету ко Солнышку,
А й как пришол к ему да на почестен пир,
А й как Владимир князь ему челóм не бьёт,
Как челом не бьёт, его не здравствуёт.
— А ты зачем идёшь да незваной гость,
А й как незваной гость неприказыван?
А й приказал тут Владимир князь стольне-киевской:
— А й вы вставайте-тко, друзья, да вы удалы добри молодцы!
А й вы ведите-тко гостя за белы руки,
А й как за белы руки ведите на широк двор
А з-за того стола из-за дубоваго.
А й как ставали два удалыих да два молодца,
А ёны брали старáказака Илью Муромца
А ёны брали его за белы руки,
А й как оны вели его да на ши́рок двор,
А й ён как брал на двóри свою палицю,
А й свою палицю взял булатнюю.
А й как кругом-то у князя Владимира,
А й у того ли у света у Солнышка,
А й кругом всёй палаты белокаменной,
А й были шарики принавешены,
А й принавешены да золочёныи,
А тем полата да была изукрашена,
А обломал тут ведь батюшко да старóй казак,
А й как старóй казак да Илья Муромец,
А Илья Муромец да сын Иванович,
А собирал он ты шарики во праву́ полу,
А й выходил он тут на улицу с широка двора,
А й как на ту ли на дороженку да на почтовую,
А й на ту улицю да на планóвую.
Да ён пошёл тут нынь на царéв кабак,
А ён собрал всих голéй пьяниц кабацкиих,
А ён пришёл к кабаку, — в кабаки вороты призáперты,
А й крепким нá крепко да заложены,
А ён кричал своим громким голосом:
— А й посидельщики целовальники!
А й отпирайте-тко да отложайте-тко
А й нынь как славныи да царёв кабак,
И со тыма ли со напи́тками со рáзныма.

А отвечают тут ёму чумаки целовальники:
— А й покамест не изойдут строки тому пиру княженецкому,
А не имеём мы право отпереть кабака да запустить тебя.
А й как ведь только тут старóй казак Илья Муромец,
А й как ведь столько он у целовальничков тут спрацивал,
Как ударил рукою во все двери.
А й как на́ раз тут двои трои двери отворилисе.
А ён как брал своей силою да натурою,
А й брал своей силою да натурою зелена вина полтора ведра,
А принимал то он единой рукой,
Да выпивал-то он тут на единый здох.
А й как скорым скоро да скорёшенько,
А й у Владимира князя стольнё-киевска,
А й у того ль у света у Солнышка,
А й ведь как там за его да схватилисе:
— А й ведь у нас гость от хошь не стар ли казак Илья Муромец?
А й говорит тут Владимир князь стольне-киевской:
— А й вы, дружья, братья, гости любящи!
А й вы сходите-тко да проведайте,
А й где находится там старóй казак Илья Муромец?
А й как во том столи да во дубовоём,
А й как все ведь сидят во молцаночку.
А й тут сидит один удалой доброй молодец,
А й Скоморох сидит да Скоморохович.
— А й верно надо мне итти ко стару казаку да Ильи Муромцу.
А й верно тут удалой доброй молодец да справляется,
А й как справляется он, воружается.
А й как скорым скоро было на скоро,
А й он приходит тут да на царев кабак,
А й во котором кабаки наш-ко батюшко да старóй казак,
А й как старой казак Илья Муромец сын Иванович,
А ён сидит-то там пьёт проклаждается,
А й со тыма со голямы с кабацкима пьяни́цамы.
А й как пришол тут удалой добрый молодец.
А й как пришол Скоморох Скоморохович,
А й как низким низёхонько кланялся,

А й как тому ли нынь стару казаку Ильи Муромцу,
А Ильи Муромцу сыну Ивановичу,
А нынь как сильнёму могучему да богатырю:
— А й ты пожалуй-ко наш как батюшко да старой казак
И как старóй казак да Илья Муромец,
А Илья Муромец да сын Иванович!
Да ты пожалуй-ко да на почестен пир,
А как ко нашему князю ко Владимиру,
А й ко тому ли ко свету ко Солнышку.
А й воспроговорил тут удаленькой,
Как удаленькой да дородненькой доброй молодец,
А й нынь как старыи казак Илья Муромец,
Да Илья Муромец сын Иванович:
— А й не иду я на ваш на почестен пир.
А й заведите-тко сызнóва вы почестен пир,
А й как не ради ведь князя Владимира,
А для ради старáказака Ильи Муромца,
А Ильи Муромца сына Ивановича.
А й завели оны да почестен пир.
А й как пришол тут батюшко да наш старой казак,
А й наш старой казак Илья Муромец да сын Иванович,
А й как низким они низёхонько ему кланялись.
А как ведь он сам пришол, Соловья привёл,
Отвязал его да от стремена.
А й как садились с Соловеюшком оны рядышком,
А й говорил тут Владимир князь стольне-киевской,
А й стольне-киевской, да красно Солнышко:
— А ну-тко ты свищи нынь, Соловьюшко, в пол-свисту,
А й да ты крычи-тко, Соловьюшко, ровно в пол-крику,
А й да ты здыши-тко, Соловьюшко, ровно в пол-вздоху.
А й говорил ведь тут Соловьюшко да разбойничок:
А й ты послушай-ко Владимир князь стольне-киевской!
Хоть за твоим столом сижу да пью да кушаю,
А только не тебя я, Владимир князь, да нынь слушаю.
А надо мною есть да нынь большúи брат,
А нынь как старый казак есть Илья Муромец.
А если он прикажет мне здыхать нынь в пол-здоху,
А если он прикажет мне крыкать нынь как в пол-крику,
А если он прикажет мне свистать нынь как в пол-свисту.
А говорил тут старóй казак Илья Муромец,
А Илья Муромец да сын Иванович:

— А й ты кричи, Соловьюшко, ровно в пол-крику,
Верно ты здыши, Соловьюшко, нынь как в пол-здоху,
А нынь свищи, Соловьюшко, ровно в пол-свисту.
А й закричал Соловьюшко ровно в пол-крику,
А й заздыхал Соловьюшко верно в пол-здоху,
А й засвистал Соловьюшко верно в пол-свисту.
А й как от крику тут Соловьинаго,
А й стары тéрема россыпалисе,
А новы тéрема да пошаталисе.
А й как от здоху его люди тут пужалисе,
А й как от свисту люди с пиру да розбежалисе.
А й как ведь брал тут, Соловьюшка, старóй казак,
А й ведь как брал его за белы́ руки,
А й выводил з-за стола з-за дубоваго,
А й как ведь, свёл Соловеюшка в тёмны погреба.
А й в темны́ погреба да во глубокии,
А й верно тут Соловеюшку да славы́ поют,
А й только тут Дунай Дунай да ничего не знай.

Записано на р. Череве, 8 августа.

211

ДОБРЫНЯ И ОЛЕША

Начало этой былины Панов пел совершенно сходно с предыдущим сказителем. После ответа Настасьи Алеше Поповичу, что он не был в чистом поле, а был с собаками на за́дворке, Панов продолжал:

А й как пошол тут Алёшенька да поповский сын,
А й он пошол ли тут ко князю Владимиру,
А й ко тому ли свету ко солнышку,
А й на совет пошол думы крепкии.
— А й ты послушай-ко наш батюшко как Владимир князь!
А й пособи-тко мне, помоги-тко мне,
А мне повысватать нынь молодой жены,
Той Настасьи ли свет Викуличной.
А й ведь она надо мною нынь надсмехается,
А й как она надо мною нынь да надрыгается.
А й напишите вы указы престрогии,
А й нынь как те манифесты да немилосливы:
А й чтобы в городи да во Киёви,
А й чтобы не́ были жоны безмужнии,
А й чтобы не́ жили люди беспашпортныи,
А если найдутся жоны безмужнии,
А й найдутся люди да беспашпортныи,
А й высылать их из города да из Киева,
А й высылать их на чужу на да́льнюю на сторону,
А их лишать государевой своей вотчины.
А й как писали указы престрогии,
А й нынь как те манифесты немилосливы,
А й россылали по городу да по Киеву,
А й нынь как вси ты люди беспашпортныи убоялисе,
А й молодыи жоночки перепалисе,
А й как со той со страсти со ужасти.

А й как пошла свет Настасья Викулична,
А й как пошла за Алёшеньку во замужество.
А й как скорым-скоро было на скоро,
А нынь как красное солнышко да на вечери,
А й у Алешеньки пир да на весели.
А й тут не за́ триста, за три тысячи,
А й тут у той ли реки у Смородины,
А й как стоит там шатёр белополотняной,
А й во шатры спит удаленькой
И как дородненькой добрый молодец,
И молодой Добрынюшка Микитич-от.
А ёго добрый конь стоит не ест не пьет да не кушаёт,
А как не зоблет пшена да белоярова,
А й призадумался, запечалился,
А й как о той незгоды великии.
А ён как бьёт копытом лошадиным,
А й как о матушку бьёт о сыру́ землю.
А й как сыра́я земля под шатериком потряхается,
А только тот шатёр белополотняной колыбается,
А й ото сна тут удалой доброй молодец пробуждается,
А молодой-то Добрынюшка да Микитин сын;
А ён как стал тут поскорёшенько,
А ён умылся тут да белёшенько,
А ён пинал коня по тучным ребрам.
— А й уж ты конь мой конь пеловой мешок,
Пеловой мешок да нынь же волчья сыть;
А ты уж что стоишь да не пьешь, не ешь, да не кушаёшь,
А й ты скажи-тко, каку незгодушку ве́даёшь,
А над собой ли ныне, надо мной ли нынь?
А й как заржал тут добрый конь по кониному,
Только тут же конь проговорил по-человечьему:
— А ты послушай-ко ведь как мой седак,
А ведь как мой седак, я как твой возак,
Только у нас нынь Добрынюшка сын Микитич-от,
А й как у нас-то дома не по старому,
А й как у нас-то дома не по прежному:
А как твоя молода жена свет Настасья Викулична,
А й как пошла она во замужество,
А й не с охвотушки да с неволюшки,

А й за того ли Олёшу Поповича,
А за того ли твоего нынь брата крестоваго.
А й ведь только Добрынюшка у добра коня ведь спрашивал,
Ведь как только он у добра коня да выведывал,
А ён садился тут на добра́ коня,
А поднимался ёго добрый конь да от сырой земли,
А й ровно он полетел как ясён сокол,
А й повыше он лесу стоячаго,
А й как пониже поехал облачка ходячего.
А й как приехал во славныи да во Киев град,
А как ко той ли полаты приехал белокаменной,
К своему ли дому да к широку двору,
А во тоем широком двори ворота призáперты,
А й да крепким на́ крепко да заложены,
А й как стучится Добрынюшка да колотится,
А й как у тех ворот да у широкиих
А ён кричит своим громким голосом:
— А й государыни моя матушка,
А й ты честна вдова Намельфа Тимофеевна!
А й если есть ты нынь да во живности,
А й отопри ворота широкии,
А й ты пусти-тко Добрынюшку меня на широк двор.
А й как кричит старуха громким голосом,
А й на печи кричит она на печном столби:
— А й отойдите вы голи кабацкии пьяници,
А й от моих ворот да от широкиих.
А й как не вамы вороты устроены,
А й не для вас ворота улажены.
А й кабы был Добрынюшка да во живности,
Дак не досуг бы вам надо мною нынь насмехатисе.
А как соходила старуха со той ли печи кирпични,
Соходила она да на кирпичен пол,
А й как под то окошечко косивчато,
Как глядела во то стеколко хрустальнёё,
А й как глядела она прямо на улицу,
На улицу да на белой свет,
А й на того на удалаго на дородняго,
На дородняго да добра молодца,
А на своего на Добрынюшку Микитича.
А й не узнала Добрынюшки своего Микитича,

А после той поездки да богатырскою,
Не узнала его да во бело лицё.
А й говорила старуха та престарая да предревная:
— А й ты удаленькой да упаленькой,
А й ты дородненькой доброй молодец!
Ты какой орды да ты какой земли,
А й какого отца, какой матушки?
А й как кричал тут Добрынюшка громким голосом,
А ён кричал ей ведь тут вторы́й раз:
— А что ж ты нынь не узнала меня, матушка,
А й ты честна вдова Намельфа Тимофеевна!
А й что же ты не узнала меня во бело лицё?
А й говорила наместо старуха престарая:
— А й потому не узнала я тебя удалой доброй молодец,
А й потому не узнала да во бело лицё.
А й как у мня Добрынюшка был отпушен белы́м бело,
Как белы́м беló́й да белёшенёк,
А й как белёшенёк румянёшенёк.
А й говорил наместо Добрынюшка сын Микитич-от:
— А й государыни моя матушка,
А й ведь честна вдова Намельфа Тимофеевна!
А й ведь как ездил я во той пути богатырскою,
А я ведь в той поездки ездил молодецкою,
А й у мня белое личушко да ветрамы завеяло,
А й красоту во мне красным солнышком да зажарило,
А цветно платьё у мня нынь дождями повыбило,
А й как о темны леса платьё да повырвало,
А й пуховую шляпу сучьямы повырвало.
А й ты гляди-ко только на благословлящий крёст,
А й как которыим крестом благословила ехати во ту́ю путь.
А как во тую путь богатырскую,
Да как во ту поездку молодецкую.
А й ты еще гляди на втору́ приметочку на злачон перстень.
А й мы когда с своей женой с Настасьей Викуличной,
А й мы когда с ей да венчалисе,
А именныим перстнём обручалисе.
А ведь как тут старуха срадоваласе,
А как тут она да испужаласе,

А как бежала старуха на широк двор,
А й отпирала ворота широкии,
А й как пустила Добрынюшку заехати да на широк двор,
А как заехал Добрынюшка да на широк двор.

(Конец сходно с предыдущею былиною, № 206.)

Записано на Заволочье, 8 августа.

XXXIX

ФЕДУЛОВ

Павел Антонович Федулов, крестьянин 40 лет, родом с Великострова на Водлозере, теперь живет в дер. Бостилове. Знал несколько былин, которым выучился от сторонних людей; многое забыл вследствие продолжительной горячки, от последствий которой доселе еще не оправился.

212

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК

Старын казак Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович,
Поезжает он во далечо далечо чисто поле.
Поезжает он прямохожею,
Прямохожею дорожкой прямоезжею,
Через тот ли через град через Черниговской,
Через тую грязь да через Черную,
И ко стольнему ко городу ко Киеву,
И ко ласкову князю ко Владымиру.
И уж едет через град через Черниговской,
Уж он спрашиват у старичков у черниговских:
— И куды мне-ка попасть эттá будет
Прямохожою дорожкой прямоезжою,
Через тот ли через град через Черниговской,
Через тую грязь да через Черную,
Через тую речку да Смородину?
Говорят тут старички тыи черниговскии:
— Еще тридцать лет дорожка заколодела,
Заколодела дорожка задубровела.
Там сидит на той дорожке Соловей разбойничок,
Ен сидит тут да есть на трех дубах.
Как ведь пешому тут нет проходища,
Лошадиному ведь нету тут проездища,
И ведь птицы нету тут пролетища.
Как поехал тут ведь да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович,
Уж он едет через град через Черниговской.
Уж как в том ли гради во Чернигови,
Тут ведь стоит ли ведь войско несметочно.

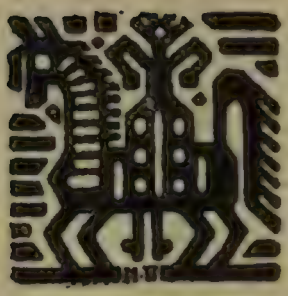
Уж он поехал тут по́ рать силы великии,
Уж он несколько тут ведь бьет да на отмашину,
Уж он только больше да конём топчёт.
Уж перебил он ту рать силу великую.
Уж как выходят старички тут черниговски:
— А й же ты старыи казак Илья Муромец!
Ты живи-тко у нас полны́м хозяином:
Золота тебе казна не запрещоная,
Уж что тебе угодно, то и со́творяй.
— Уж мне не надоть ли ведь вашой золотой казны,
У мне золотой казны бессчетный тут есть.
Только покажите мне дорожку прямохожую,
Прямохожую дорожку прямоезжую.
Уж поехал тут казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович,
Уж он едет-то мимо то Соловьитое гнездышко.
Уж как сидит-то Соловей тут разбойничек,
Уж сидит ли тут на трех дубах,
Засвистал тут Соловей разбойничок,
Засвистал тут Соловей по змеиному,
Закричал злодей он по звериному.
Уж его добрый конь упал на коленочка,
Говорит старыи казак Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович:
— Уж не слыхал ли разве свисту Соловьиного,
Аль ты крику змеинаго?
Уж натягал он тут лук да калену стрелу,
Уж он стрелял Соловья тут разбойничка,
Уж он стрелял его да во правыи глаз.
Вылетела ёго стрелка во лево ухо,
Уж повалился Соловей да тут розбойничок,
Уж он с трех дубов как овсяной сноп,
О сыру землю.
Уж он привязывал Соловья да тут розбойничка,
Уж ко булатнии уж он ко стремены.
Уж он едет мимо то Соловьитое гнездышко,
Уж как глядят его рожоныи детушки:
— А й же ты родитель наша матушка!
Уж как едет наш да тут батюшко,
Везет голову да человечьюю,
А й другу везет да лошадиную.

И как глядит его родитель та матушка:
— А й же вы рожоны мои детушки!
Как не батюшко везет да голову человечьюю,
А й другу везет да лошадиную,
Только ваш есть батюшко у булатнии ён у стремены.
Уж как проезжают оны к Соловитому-то гнездышку,
Он прибил то Соловитое-то гнездышко.
Уж он едет тут ко городу ко Киеву,
А й ко ласкову князю ко Владымиру,
Уж приезжает он ко городу ко Киеву,
Приезжает он ко князю Владымиру,
Приезжает тут на широк двор,
Уж он приходит тут во гридню во столовую.
Говорит тут Владымир князь стольно-киевской:
— А й же ты старыи казак Илья Муромец!
И ты которой же ведь ехал дорожкою:
Прямохожею ли дорожкой, ли окольною?
— Уж я ехал ведь дорожкой прямохожею,
Прямохожею дорожкой прямоезжею,
Уж мимо того Соловья да розбойничка.
Уж говорит тут Владымир князь стольно-киевской:
— Уж как у нас на той дорожки прямохожею,
Как тут сидит Соловей да розбойничок:
Уж как пешому нету проходища,
Лошадиному нету проездища,
И ведь птицы нету тут пролетища.
Уж как сидит тут Соловей да розбойничок.
Уж говорит тут ведь ён да таково слово
Еще старыи казак да Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович:
— Уж Соловей да розбойничок,
Уж у меня он на белом двори,
У булатнии он у стремены.
Уж выходил тут Владымир князь столно-киевской,
Уж он выходил тут да на белой двор,
Сам он говорил да таково слово:
— Еще ай ты Соловей да розбойничок,
Засвищи-тко ты ведь свистом соловьиным,
Закрычи-тко ты злодей да по змеиному.
Говорит тут Соловей да розбойничок:
— Еще ай же ты Владимир столно-киевской!

Уж не твоё я ведь ем, пью да ведь кушаю,
И не тебя я буду и слушати.
У кого ем, пью да я кушаю,
Дак того я буду и слушати.
Уж как приходит Владымир столно-киевской:
— Уж ты старыи казак Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович!
Ты заставь-ко засвистать Соловья по соловьиному,
Закричать тут злодея по змеиному.
Как выходит старыи казак Илья Муромец,
Уж он выходит тут на белой двор,
Уж он говорит Соловью́ да розбойнику:
— Еще ай ты Соловей да разбойничок!
Засвищи-тко Соловей по соловьиному,
Закричи злодей да по змеиному.
— А й же старыи казак Илья Муромец!
Уж как дай-тко мне головушку лошадиную
Ты купи-тко зелена вина полтора ведра.
Уж выпивал ён тут чару зелена вина,
Зелена вина полтора ведра,
Уж выпивал он чару на единой дух,
Уж он сам он говорит таково слово:
— Еще старыи казак Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович!
Еще как мне-ка́ да буде засвистать:
Еще в пол-свиста али́ во целый свист?
Говорит тут старыи казак Илья Муромец:
— Засвищи-тко, Соловей да разбойничок,
Закричи, злодей, по змеиному,
Засвищи ты хоть тут в пол-свиста.
Уж засвистал тут Соловей да разбойничок,
Засвистал он свистом соловьиным,
Закричал злодей да по змеиному.
Как во том во царстви во Киеви
Уж вси околенки да пороссыпались.
Уж говорит тут Владымир столно-киевской,
Столно-киевской да князь Владымирской:
— А й же ты старыи казак Илья Муромец!
Ты уйми-тко Соловья́ свиста́ть розбойника.
Ты уйми́-тко свистать свистом соловьиным,
Да кричать злодея по змеиному.

Уж как тут ведь старын казак да Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович,
Уж натягал ён лук калену стрелу,
Каленую стрелочку розстрельчату,
Уж тугии лук да ён разрывчатой,
Уж застрелил тут Соловья да розбойничка.
И тут ёму да ён ведь смерть придал.

Записано на Водлозере, 5 августа.



213

ДЮК

А из Волынца города из Галичи,
А из той Корелы пребогатыи,
А исправляется да воружается
Молодой боярской Дюк Степанович,
Ко стольнёму ли городу ко Киеву,
Ко ласкову князю ко Владымиру.
— И у миня во Киеви дă не бывано,
А й Владимира в очи дă не видано.
И он приходит к своей родители матушки:
— Уж ты свет родитель моя матушка,
А й честна вдова Офимья Тимофеевна!
Дай прощеньицо да бласловленьицо
Съездить ко городу мне-ка ко Киеву,
Ко ласкову князю ко Владымиру.
У меня есте во Киеви дă не бывано,
А й Владимира да в очи дă не видано.
И говорит ёго свет родитель матушка,
А й честна вдова Офимья Тимофеевна:
— Молодой боярской Дюк Степанович!
У тебя есте умок тот молодёшенёк,
Сам не в полноём ты большом возрасти.
Когда будёшь в городи во Киеви,
У ласкова ты князя у Владимира,
Уж ты сам собой дă не росхвастайся,
Не житьем бытьем да не богачеством,
А й не силушкой своёй богатырьскии,
А й не храбростью да молодецкии.
Много в Киёви есте богатырей,
Много там сильниих да очень могучиих.

Бласловила свет его родитель тут матушка,
А й честна вдова Офимья Тимофеевна.
А й пошел боярской Дюк Степанович,
А й он выходит на конюшню на стоялую
И говорит своим да малыим конюхам:
— А й же вы мои да малы конюхи!
Вы седлайте-уздайте моего коня,
Моёго вы маленького бурушка.
Кладьте вы потнички да вы на потнички,
А й на потнички кладите вы войлочки,
А й на войлоцки кладьте седёлышко.
Уж вы то кладите седелышко черкальское,
Подпругов кладите вы до двенадцати,
До двенадцати подпругов шолковыих,
А й того ль кладьте шолку Шаматиньского.
Уж вы пряжочки кладите медныи,
Дорогии меди вы сибирскии.
А й шпенёчики кладьте булатьнии,
Дороги булату вы дӑ заморскаго.
Сам пошол боярской Дюк Степанович
Ко заутренки пошол христосскии,
И отстоял заутрену христосскую.
Он выходит Дюк да со божьей церквы,
От тыи заутрены от христоскии,
Наб поспить к обеденки христосскии
И ко стольнёму городу ко Киеву,
Ко ласкову князю ко Владымиру.
Ён приходит Дюк да к сво́ёй матушки,
Во свою ль ён полатушку белока́менную,
Ён со матушкой своёй прощается,
А й выходит Дюк тут на широк двор,
И толь садился ён да на добра коня.
Ён поехал тут да во город Киев-он,
Через тую стену городовую,
Через тую башну что да не бо́льшую.
Как пошол его добрый конь в пол де́рёвца,
Ен приправил коня повыше деревца,
А й повыше деревца стоячаго,
А й пониже он облачка ходяцаго.
И расстаяньица было немножечко
От Волыньца города от Галичи,

И до стольнёго города до Киева,
До ласкова князя до Владымира,
Расстоянья было триста тридцать верст.
Переехал боярской Дюк Степанович,
Приезжат к стены он белокаменной.
Уж ён не спрашивал у дверей придверничков,
У ворот не спрашиват приворотничков,
Прямо едет через стену городовую,
Через тую башню что да не большую.
Приезжат ко гриденки столовыи,
А й ко столбику да ко точёному,
А й к колецушку да к золоченому.
Насыпал пшона́ ён белоярова,
Сам приходит ён да во гридню во столовую,
Уж он крест кладёт да по писа́ному,
А й поклон ведёт да по учёному,
И поклонился на вси четыре стороны,
А й Владымиру князю в особину.
Отстояли обедёнку христосскую,
А й пошол Владымир князь стольно-киевской
От обедёнки да от христосскии.
Молодой боярин Дюк Степанович
Уж он вслед идёт всё не останется,
И сам он говорит да таково слово:
— А й же ты Владымир столно-киевской!
А й велика славушка шла про Киев град,
Про тебя Владымир князь столно-киевской.
Поцему ж у вас улушки есть грязныи,
Как измарал я свои чоботы дорожныи?
Во моем во городи во Галичи,
У моёй свет-родители да́ у матушки,
У честной вдовы Офимьи Тимофеевной,
У ёй мости́чки стланы калёныи,
По мостам стланы сукна одинцовыи,
По сукнам песочики посыпаны,
Не измараешь чоботов своих дорожныих.
И говорят ёго тут князья бо́яра,
И говорят сильни́ могуции богатыри:
— А й же ты Владымир столно-киевской,
Столно-киевской ты князь владымирской!
А й не Дюк идёт да тут Степанович,

А идёт мужик тут деревенщина,
Деревенщина да пустохвастина.
Как подходят ёны к гриденки столовыи,
Молодой боярской Дюк Степанович
Уж он вслед идет сам не останется,
И богатырьско ёго сердцо росходилосе,
Молодецка кровь в ём розыграласе.
Ен начал плóтным-плотно поступывать,
И дубово крылечко подгибается,
И мостовининки вси да ломаются,
А й стекольчáты сини ходуном ходят.
Тут говорит Владымир стольне-киевской:
— Уж вы глупыи мои князья бояра,
Неразумныи дá мои богатыри!
Не мужик идёт тут деревенщина,
Не мужик идёт да пустохвастина,
Молодой идё боярин Дюк Степанович.
А й проводя ёго в гриденку столовую,
А й садят ёго во место в большое,
А во большóе место во большóм углу,
И почитают ёго гостя зá гостя.
И становили ёны столики дубовыи,
Накрывали скатерти шелковыи,
Становили ествы тут сахарьнии,
Розводили питья тут медьвеныи,
А й садили за столики его дубовыи,
А й за тыи скатерти шелковыи,
А й во большóе место во большом углу.
И вси едят тут пьют да веселятисе,
Молодой боярской Дюк Стёпанович
Ен не ест не пьёт да ён не кушаё,
Ен не чим боль молодец не хвастаё.
И говорит Владымир князь столно-киевской,
Столно-киевской да князь владымирской:
— А й же молодой ты боярской Дюк Степанович!
Уж ты что сидишь, не пьешь, не ешь да не кушаёшь,
А й нечим ты, молодец, боль не хвастаёшь?
— А й же ты Владымир столно-киевской,
Столно-киевской да князь владимирской!
Не могу я хлеба соли вашой кушати,
И почему же у́ вас печки-ты кирпичныи,

А й помéльца дёржите вы болотнии,
И пеките хлúбцы вы подгорелыи,
Во моём во городе во Галичи,
У моёй родители да́ у матушки,
У честной вдовы Офимьи Тимофеевной,
У ёй печки-то есте да муравлены,
А й помяльца дёржи́т она шелковыи,
А й пекёт она колачики крупивчаты,
И как колачик съешь — другого хочется,
А й как другой-от съешь — по третьёём душа горит.
Вынимал он три колачика з-за пазушки,
Ен поел попил своих колачиков,
Ен употчивал князя Владымира,
Ены хлеба-соли тут откушали.
А й выходя из-за столичков дубовыих,
Из-за тыих скатертей шелковыих,
Из-за тыих естов з-за сахарниих,
Из-за тыих напиточок медвяныих,
Ены Господу Богу помолилисе.
Говорит Владымир столно-киевской:
— Не угодно ли боярской Дюк Степанович,
Не угодно ль съездить прогулятися,
С моима́ со князьямы с боярамы,
С сильнима́ могучима бога́тыря́мы.
Говорил тут Дюк да таково слово:
— А й же ты Владымир столно-киевской!
Буде съездить прогулятися,
Не в досадочку съездить во гуляночку.
И дават ёму Владымир столно-киевской
Самолучшего ёму богатыря,
А й того Щурилу щапа Пленкова.
Оны садилися тут на добрых коней,
А й поехали гуляти да во чисто полё.
А й говорит уж Щурила щапа Плёнкович,
Самолучшой бога́тырь столно-киевской:
— Молодой боярской Дюк Степанович!
Поезжай-ко гостюшко попе́реди,
Я поеду я вслед тут да ведь по́зади.
Говорил ведь Дюк да таково ль слово:
— А й же ты, Щурилушка щапа Плёнкович,
Самолучшой богатырь столно-киевской!

Ты когда будёшь как на моёй земли,
Ты когда будёшь да на моёй орды,
Дак тогда поеду я попе́реди.
Оны ездя гуляют во чистом поли,
А й Владымир князь тут столно-киевской
Уж он смотрит во ты трубы подзорныи,
Как гуляют ездят добры молодцы,
Добры молодцы да во чистом поли.
И говорил ведь Дюк ён таково слово:
— А й же ты ведь-то да столно-киевской
Самолучшой ты да бога́тырь-от.
Да ай же ты Щурила щапа Пленкович!
Что нам ездить гулять да во чистом поли,
Мы поедем гулять да за Неву-реку,
А й потому гулять станём по кре́жику,
Как по тым по травонькам шелковыим,
А й по тым по цветочкам по лазуревым,
А й Нева-река три вёрсты ши́рина.
И говорит Щурила щапа Плёнкович!
— Молодой боярин Дюк Степанович!
Поезжай-ко гостюшко попереди,
Я поеду вслед тут да ведь по́зади.
Говорил ведь Дюк да таково слово:
— А й же ты Щурила щапа Пленкович!
Ты когда будёшь ведь на моёй земли,
Ты когда будёшь да на моёй орды,
Тогда поеду я да тут попе́реди.
И самолучшой богатырь Щурила щапа Плёнкович,
Он чесал коня по чесны́м ребрам,
Он приправил коня через Неву-реку,
Он огруз с конем с мечём с саблёй вострыи,
С саблёй вострыи да осере́дь реки.
Молодой боярин Дюк Степанович
Ен приправил коня через Неву-реку,
Ухватил Щурилу щапа Плёнкова,
Самолучшого его бога́тыря,
Осередь его реки да за желты кудри,
За желты кудри да за белы руки,
Перевез Щурилу щапа Плёнкова
Из тыи он да из сере́дь реки.
Переехали ёны за Неву-реку,

Ены там ездя гуляют тут по крежику,
А й по тым травонькам по шелковыим,
А й по тым цветочикам лазуревым.
Молодой боярин Дюк Стёпанович,
Ен приправил коня через Неву-реку,
Переехал взад да во чисто поле.
А й тыи Щурила щапа Пленкович,
Самолучшой богатырь столно-киевской,
Ен не смеет ехать з-за Невы-реки,
Он крычит оттуль да перевозику.
Молодой боярской Дюк Степанович
Приезжат он к князю тут Владымиру:
— А й же ты Владымир столно-киевской.
Столно-киевской ты князь владымирской!
Самолучший богатырь Щурила щапа Пленкович,
Ен сидит там ведь да за Невой-рекой,
Ен крычит оттуль да перевозику.
Как занарядил Владымир столно-киевской
А й достать Щурилу щапа Пленкова,
А из-за тыи тут его да за́ реки,
А й молодо́го бо́ярского Дюка Степановича
Посадил его в темницу тут во те́мную,
Ен поставил тут ведь ён да стражиков,
Посылал во город тут во Галичу
А й своих господ ён да общенщиков,
Общенить у Дюка́ ведь именьицо:
— Не пустым ли захва[с]тался Дюк Степанович
Ён житиём-бытьём своим богачеством,
Своёй силушкой да богатырскии,
Своёй храбростью да молодецкии?
А й как пошли ведь тут как общенщички,
А й приходя во город тут во Галичу,
Там ведь уви ели оны да портомойницу.
Оны падали тут на резвы ножки:
— Помогай вам Господь, портомойницы,
Портомойницы да беломойницы!
Еще как нам увидать да Дюкова матушка?
— А каки вы йдете́ добры людюшки,
Когда ищи́те да Дюкову матушку,
Дюкову матушку вы в портомойницах.
Ино у нас никогда ведь Дюкова матушка

Не бывáт она да в портомойницах.
— А й же вы да портомойницы!
Нам увидеть надо Дюкова матушка.
— Вы живите-тко да до воскрёсна дня.
А й воскрёсной день да вы увидите
Как пойдёт тут Дюкова-то матушка
А й ко ты к обедни ко воскрёсныи.
Тут они жили были до воскрёсна дня,
Зазвонили тут как в воскрёсный день,
А й ко ты к обеденки к воскрéсныи,
Тут как этыи господа общенщички
А й берут оны да тутошна человека-то,
А й когда пойдет да Дюкова матушка.
Как идет народу ведь премножество,
Оны думают совет удумывают:
— Что не Дюкова ли йдет тут ведь матушка?
Дюковой матушки да ище близко нет.
Тут потом идёт да Дюкова матушка,
Дак ведут ведь Дюкову есть матушку
А й за ты ведут ю за белы руку,
За белы руки да во божью черковь.
Идёт Дюкова матушка вся в золоти,
Идёт Дюкова матушка вся в серебри.
Окол Дюковой да ведь тут матушки
Золотыи кисти и серебряны,
А й от Дюковой матушки да лучи пекут
По всему ли по городу по Галичи.
Как приходит Дюкова ведь матушка,
Как на то крылечко на церковноё,
Тут ведь господа ведь общенщички,
А й общенщички да столно-киевски,
Становилисе да на коленочка,
Положили тут да эты записи,
Эты записи да на головушку.
Как глядит ёго родитель матушка,
Принимат у их да эты записи
Во свои она да во белы ручки,
Ена сама ведь тут да прослезиласе,
Горючи слёзы с глаз прокотилисе,
Только ничего им ёна не спромолвила.
Как прошла ёна да во божью черковь,

Отстояла обедёнку воскрёсную,
Как пошли от обеденки воскресныи,
Как выходит на церковно на крылечушко,
Сейчас пали господа да ведь обценщички,
Становились оны да на коленочка.
Как приходит к им Дюкова тут матушка,
А й насупротивку их да устояласе,
Ёна говорит им таково слово:
— А й же вы, господа да ведь обценщички,
А й обценщички да столно-киевски!
Вы пришли Дюковых животов оценивать.
А й же он глупой Дюк да неразумной сын,
Молодой ён боярской Дюк Степанович.
Говорила ему родитель матушка:
Молодой боярин Дюк Степанович!
Уж ты будёшь в городи во Киеви,
У ласкова князя у Владымира,
Уж ты сам собой да не захвастайсе,
Не житьём-бытьём своим богачеством,
И не силушкой своей богатырьскии,
А й не храбростью да молодецкии
Ен захвастался боярской Дюк Степанович
А й как больши а й серотски животы,
Серотски животы у его победныи.
Дак приходите господа вы тут обценщички,
А й после обеда в третьёём часу
Буду я оказывать вам Дюковыи животы.
Оны поели тут, пришли, покушали,
Оны приходят на кое место приказаны,
Ажно идет тут Дюкова есть матушка,
Идё в золоти да йде в серебри.
А й ведут тут Дюкову есть матушку
А й служаночки да за белы руки,
А й приходя к погребам глубокиим,
Вынимат она три камешка с погрёбов глубокиих.
— А й же вы господа мои обценщички!
Можете ль этым камешкам цены тут дать?
Да когда от тыих ведь тут камешков,
По всему по городу по Галичи,
Всякии огни горя, лучи пекут,
Ены господа да тут обценщички,

Ёны стали тут да пороздумались,
А й не могут оны да тут цены ведь дать,
Еще что стоят этыи три камешка.
Говорит тут Дюкова-то матушка,
А й честна вдова Офимья Тимофеевна:
— А й же вы господа да тут обценщички!
Уж вы что вы стали пороздумались?
Неужоль вы не можете цены тут дать.
А й надо не эдак Дюковы животы ценить:
Когда не можете трех камешков ценить,
Дак не дорого вы стоите, господа обценщички,
А й обценщички да столно-киевски.
Говорят господа ведь тут обценщички:
— А й же ты ведь Дюкова есть матушка,
А й честна вдова Офимья ты Тимофеевна!
А й не можём тут мы цены-есть дать
Твоим ли этыим тут камешкам.
Негде оценить нам ведь Дюковы животы,
А й велики верно что у Дюка животы,
Как нам спродать надо весь город Киев-от,
А еще семь раз спродать ёго повыкупить,
Накупить бумаги да чернила-те,
То нехватит нам у Дюка животов оценить.
Оны пошли в свой город столно-киевской,
Оны приходя тут в город-есть в Киев-он
А й ко князю ёны ко Владымир-
Ко Владымиру да столно-киевскому.
Еще спрашиват Владымир князь столно-киевской:
— А й же вы господа мои обценщички!
А й чим хвастал Дюк у нас Степанович,
А й житьём-бытьём он да богачеством,
А й велики ли есть у Дюка животы?
Говорят ёго тут князи ёго бояра,
Говорят сильни могучии богатыри:
— А й же ты Владымир столно-киевской,
Столно-киевской ты князь владымирской!
А й велики у Дюка есте животы.
Как семь продать наш город Киев наб,
Нам спродать ёго да и повыкупить,
Накупить нам бумаги да чернилов-то,
И то нехватит у Дюка животов уписать.

Тут Владымир князь да столно-киевской
Выпустил ён Дюка тут Степановича,
Из-за той тёмницы на свою волю.
Как занарядил Щурилу щапа Плёнкова
На три годину да ён выщапливать,
Он со Дюком тут ведь Степановичем
Ены стали ведь тут щапить-то есть.
А что деничек, то платьё сменноё,
И прощапили оны тут два годичку.
Как не стало у Дюка тут Степановича,
Недохваточки стали во платьицах,
Посылает ён да своего коня,
А й своего коня во город во Галич-от,
А й привязыват коню да он записочку,
Чтобы послала родитель ёго матушка,
А й честна вдова Офимья Тимофеевна,
А й посла бы ему да платьё сменноё,
Чтобы хватило на целой тут на годичок.
Как приходит тут ёго ведь доброй конь,
А й во город ён да ведь во Галичю,
Он к стены приходит белокаменны,
Начал бить копытом в подворотенку,
В подворотенку да во серебряну,
По всему по городу по Галичи,
А й по Галичи да только звон пошол.
Как выходят его да слуги верныи,
Отворяют ворота ты железныи,
Запущают оны да доброго коня,
А й приводят его тут на белой двор,
А й доклад держат то Дюковой матушки:
— А й же ты честна вдова Офимья Тимофеевна!
А й пришол ведь конь, а Дюка близко нет.
А й выходит свет его родитель матушка,
А й выходит она тут на белой двор,
А й берёт она да доброго коня,
Доброго коня да во белы руки
И нашла у коня ёна записочку.
Как глядит ёго родитель матушка,
Молодой боярской Дюк Степанович
Ён находится там во несчастьице,
Он приказыват да платья цветкаго,

Платья цветнаго ён на целый год,
А й честна вдова Офимья Тимофеевна,
Она подвязывала да доброму коню,
А й ко тыим подпругам шелковыим.
Отпустила коня да во чисто́ поле,
А й пошол ёго тут да ведь доброй конь.
А й приходит ён да ведь тут доброй конь,
Ен приходит ко князю столно-киевскому,
А й стретат ёго да Дюк Степанович,
Своёго ён маленькаго бурушка.
Ен со радостию стре́тат с весельицем,
Что пришол ёго да тут доброй конь,
А й принес ёму да что ведь надобе.
Как пошёл тут Дюк да ён выщапливать,
А й что день тут платьице ёго сменное.
Прощапил ведь он да тут ведь целый год,
Только недохваточки есть на один тот день.
Вынимал тут он да еще сумочку,
А й котора прежде была привезена,
Вынимал ён лапотки тут плете́ные,
Ен пошол в лапотках Дюк плете́ныих,
Ен щапить пошол по городу Киеву,
Только лапотки на ноженках посвистывают.
А й у князя тут да у Владымира,
Во всём городи да тут во Киеви,
Не нашлось тут ведь бере́стины,
Не могли ведь Дюковым лапоточкам,
А й лапоточкам его цены тут дать.
Тут ведь Дюк он есть да как Степанович,
Еще тут ведь Дюк он да слободен стал.
Отправляется во свой во город во Галичю,
Сам говорит Дюк ведь таково слово:
— А й го́сти Владымир столно-киевской!
Ты го́сти-тко князь да на ту же честь,
А й на ту же честь, как и меня употчивал.
Ён отправился в свой город Галичю,
Ко своей родители ко матушки,
Ко честной вдовы Офимьи Тимофеевной.
Он приезжает во город тут во Галичю,
Ко своёй к родители ён к матушке.
Уж как тут свет его родитель матушка,

А й честна вдова Офимья Тимофеевна,
А й встречат ёго да с большой радостью,
С большой радостью да со весельицем.
— Дожидала своего Дюка Степановича,
Своего сына да я любимаго.

Записано там же, 5 августа.

XL

ПЕТРОВ

Алексей Петров, крестьянин с Пилмас-острова на Водлозере, за 50 лет от роду; помнит только один отрывок былины, здесь печатаемый; слышал его от сторонних людей.

214

ДУНАЙ

А во славноём городи во Киеви,
А у славнаго у князя у Владимира,
Заводился у его да ведь почестен пир.
Вси на пиру да напивалисе,
Вси на пиру да наедалисе,
Вси на́ пиру да пьяны веселы,
Вси на пиру порасхвастались.
Умной хвастат отцем матерью,
А безумной хвастат молодой женой,
Сильный хвастат своей силой богатырской,
А богатый хвастает имением.
А по той ли по гридни княженецкии
А похаживат славный князь
да стольнё-киевской,
Своима́-то белыма́ он ручкамы помахиват,
Свои тыи желтыи кудёрышка подрачиват:
Сам-то он да выговариват:
— Слушайте вы, гости любимыи!
Вси вы на́ пиру напивалисе.
Съищите́-ко мне невесту, сосватайте,
Чтобы возрастом да из плеча в плечо,
Красотою то было из лиця в лицё,
Чтобы было мне-ка с ким-то век-от жить,
Чтобы вам-то было кому кланяться.
А вси эти гости закручинились,
А й вси эти гости запечалились,
Еще большой-от туляется за средняго,
Средней-от туляется за меньшаго,
А от меньшаго́ да и ответу нет.

З-за тых ли столов з-за дубовыих,
З-за тых ли кушаней медовыих,
А выходит-то славныи Дунай да сын Иванович.
Становился он супротив его лиця княженецкого,
Говорил ёму да таково слово:
— А й же ты, славныи да князь
ты стольнё-киевской!
Ты позволь сударь да словцё вымолвить:
Съездим-то тебе невесту да сосватаем,
Она возростом да из плеча в плечо,
Красотою с тобой да из лиця в лицё.
Чёрны брови соболя заморскаго,
Ясны очи сокола пролётнаго.
Только дай-ко мне да двух товарищов:
Дай-ко мне Василья да Буславьева,
Дай-ко Ванюшенку повареннаго,
И позволь сходить да на конюшний двор,
Выбрать нам да трёх жеребчиков,
Трёх жеребчиков да нам не седланых,
Не седланых жеребчиков не езженых.
Воспроговорит славный князь
да стольне-киевской:
— Уж ты славныи Дунай да сын Иванович!
Ты бери-тко ты моей казны бессчетныи,
Ты бери моей силы колько надобно.
Славныи Дунай да сын Иванович
Говорил ему да таково слово:
— Не наб твоей силы мне-ка мелкия,
Не наб твоей казны мне-ка бессчетныи.
И пошли добры молодцы да на конюшний
двор,
Выбирали оны трёх жеребчиков неезженых,
Облатйлись добры молодцы да обкольчужились,
И садились добры молодцы да на добрых коней.
Видели добрых молодцев сядучись,
А не видели удалыих поедучись.
Ехали не путем да не дороженкой,
И скакали через стену городовую,
Через ту ли башню наугольную.

Приезжали оны ко царству Малидоньскому.
К Николаю державцю Малидоньскому,
Сосватались оны да на Опраксии
да Микулаевной,
И садили ей да на добрых коней,
Повезли оны ко городу ко Киеву,
Ко славному князю ко Владимиру.
Тут оны да заводили свадебку,
Заводили тут оны почестен пир.

Записано на Водлозере, 7 августа.

XLI

В. СУХАНОВ

Василий Алексеевич Суханов, крестьянин-столяр, с Пилмас-острова; выучился былинам от слепого старика из деревни Волковой, Быковской волости в Каргопольском уезде и прежде часто распевал их за столярною работою. Впоследствии бросил заниматься этою работою и почти перестал петь былины, большую часть которых и забыл.

215

ДОБРЫНЯ И АЛЕША

А еще шла подошла у нас повы́катила̀,
Еще славная матушка быстра Волга́-река̀,
Ёна места шла ровно три тысящи вёрст,
А й широко а й далёко под Каза́нь под горо̀д,
Ёна шире того дале под Вастракань.
Ёна устьё давала ровно семдесят вёрст,
А й во славное морюшко Каспи́цкоё.
Е широкой перевоз там под Невы́м под градо̀м,
А й тёмныи лесушки Смоленьскии,
И там высоки были горы Сорочински,
Славны тихи плеса̀ да Черевѝстыи.
Теперь скажем про Добрынюшку мы сказочку,
А й теперь у нас Добрыни старина̀ пойдёт.
И как во стольном славном городи во Киеви,
А й у ласкового князя у Владимера,
Как хорошенькой заве́ден был почестной пир,
А й для многиих для князей для бо́ярей,
А й для сильниих могучиих бога́тырей,
А й для всех поляниц для уда́лыих.
Еще все на пиру да напивалисе,
А и все на́ пиру да наедалисе,
А й все на пиру да пьяны ве́селы сидя̀т,
Еще все на пиру да поросхвасталисѐ:
А й умной-то хвастат отцем матерью,
А й безумной-от хвастат молодой женой.
Выходил ли князь Владимир на крутой красён крылец,
Уж он зрит да глядит во чисто́е во полё.
Что ли во да́лечи дале́чи во чисто́м во полѝ,
Как не ясныи соколик там вылётываё,

А й не белыи заюшко проскáкиваё,
А й не греч-от головою повáрачиваё,
Как не малый горносталюшко проры́скиваё,
Он не миленькии следочики проме́тываёт.
Как из далеча дале́ча из чисто́го из поля̀,
А й повыехал уда́лой доброй молодец,
Как по имени Ильюшка славен Муромец.
Еде прямо ко Владимиру на широко́й на дво̀р,
Заходил Илья во гридни княженецкии,
Еще крёст кладё Ильюшка по писаному,
Как поклон веде Ильюшка по ученому,
Исполна творит молитву поисусову.
Еще бьет И́лей чолом покланяется,
А на все ли на четыре на сторонушки,
Как Владимиру да князю бье в осо́бину чело́м.
А й садился Ильюша за дубовой стол,
А й во тот ли во почёстной во большой-ӯгол
На тую̀ ли на скамеечку на ры́бчатую̀ю.
Еще все ли у нас гости едят и пьют,
Еще все приходящи хлеб соль кушают,
А белу́ю лебедь сидя рушают.
Как Владимир князь по гридни похáживаё,
Еще сам государь князь выговаривает:
— Ах мы все на пиру да едим мы пьѐм,
А все на почестном стали на́веселѝ,
А й некого у нас нынь нету на заставушки.
А й во да́лечи дале́чи во чисто́м во полѝ,
Как летает там невежа черным вороном,
А пише невежа за́ угро́зою ко мнѐ:
А й ты подай-ко князь Владимир поединщичка!
А й все на пиру да замолча́ли да сидя̀,
Еще большой-от хоронится за средняго,
А средний хоронится за меньшаго,
А от меньшаго князю̀ ответа нет.
А со того ли со почестнаго большо́м-угла
А й со той ли со скамеечки со ры́бчатыи,
Выходил ли тут удалой доброй молодец,
Как по имени Ильюшка славен Муромец.
Становился Ильюша на резвы́ ноги,
Ён клонил свою головушку низёхонько,
А своё-то он бело лицё к резвым ногам.

— Ах вы многи наши князи а й вы бояра,
А й вы сильнии могучии богатыри,
Еще вси ли наши гости приходящии!
Еще колько не молцать да говорить нам быть.
Я ведь топереча Ильюша из дороженки,
Я ведь три года́ стоял под Царе́м под градом,
Я ведь три года́ стоял под Еросо́лимом,
Я двенадцать лет Ильюша на разъезде был.
Не видал во поли собачки пробегаючись,
Я увидел бы собачку, из лучка́ бы пострели́л.
А пошлёмте-тко Добрынюшку Мики́тьевича,
А й во да́лечо дале́чо во чисто́е во полё,
Как защита-та буде славну Киеву,
Уборона будет нашей крепости.
Тут премла́дыи Добрынюшка Микитич млад,
Выходил ли тут Добрыня з-за дубо́вого стола́.
Как пошол тут Добрыня на широкой двор,
На широкой двор Добрыня к своей матушки,
Пришол к матушки Добрынюшка росплакался,
Своей матушки Добрынюшка розжалился:
— Ах ты свет государыни моя матушко,
Свет честна вдова Емельфа Тимофеевно!
И ты на что молодца меня спородила:
Ах ты силой меня матушка не си́льнёго,
Ах ты смелостью меня мать не смелаго,
А похавностью меня ли не похавнаго,
Как щапством щогольством не щегольливаго ли,
Красотою меня матушка не красиваго,
Как имением богатством не богатого меня.
Говорила тут Добрыни родна матушка:
— Как премла́дыи Добрынюшка Микитич млад!
Я бы знала молодца как воспоро́дити тебя,
Я бы силою в Самсона Колыва́нища,
Я бы смелостью в Ильюшку славна Муромца,
Я похавностью в Олёшу во Попо́вичева,
А й щапством щегольством в Чурилу Пле́нковича,
Красотою бы тебя в Осипа прекраснаго,
А поездкою во Дюка во боярского.
Как такого тебя чада нынь госпо́дь зароди́л.
Тут Добрынюшка со матушкой прощается,
Молодой жены Добрынюшка нака́зываё:

— Ты премлада Катерина Викулична!
Пройдет девять лет Добрыни во чистóм во полѝ,
А не будут к тебе письма и грамоты.
Как не будут к тебе письма и грамоты,
Как не будут ерлыки скоропи́счатыѝ,
Хоть вдовой ты живи да хоть ты за́ муж подѝ,
Хоть ты за князя поди, хоть за боярина,
За купца хоть ты поди гостя торговаго, —
А не ходи-ко ты за вора́ за Олёшу Попо́вичева́.
Мне похавный вор Олёшка крестóвый брат,
А как крестовой-он ведь братец паче ро́днаго.
Выходил ли Добрыня на широкой двор,
Как садился Добрыня на добра коня,
Еще видли добра молодца ли сядучись,
А не видели удалаго поедучись.
А й да пыль-та́ вспылела во чистом поли,
Еще белыи березки к земле клонятся.
Еще три года стоял он под Царем-градом,
Еще три года стоял под Ерусолимом,
А й двенадцать лет Добрыня на разъезде был
Того времечки прошло ли восемнадцать лет,
На Добрыни цветно платьицо поприрывалосе,
На Добрынюшки платьице звериное,
На Добрынюшки шапочка звериная.
А й тут похавливый Алёшенька догадлив был.
А й обуздал обседлал он своёго до́браго конѝ,
Как объехал Алёшенька по задворкам,
А й назад к Владимиру ворочался,
Еще сам говорит таково слово:
— Ах ты солнышко Владимир стольне-ки́евской кня́зь!
А уж был я Алёша во чистом во полѝ,
Уж я видел Добрыню бита ра́нена лежи́т,
Уж он буйною головушкой в ракитов куст,
А й да резвыма ногамы во кавыль во травы́.
Что ль оружье его ручки порозмётаны лежа́,
Ёго добрый конь во степи́ гулят,
Еще черны вороны тело тры́нкают его̀.
А й ты поедем-ко Владимир со́ мной свататься,
Как на той ли поедем на мо́лодой на вдовы́,
А й на прежней на Добрыниной моло́дою жены́,
На молодой Катерины Викуличной.

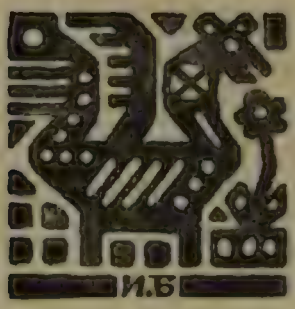
И тут на силушку Владимир приневóлил ей иттѝ,
У них в пятницю-ту было сватовство,
Во суботу у их было рукобитьицо,
Еще завтра воскресенье будет свáдебка у нѝх.
Из широких было улушок Ильинскиих,
А й из мелких перéулков из Марúнушкиных,
Как не ясный соколик там вылётываё,
А й не белыи заюшко проскáкиваё,
Как не гречет головою поварачиваё,
Как не малый горносталюшко прорúскиваё,
Он не миленький следочики проме́тываёт,
Как повыехал Ильюша славен Муромец.
А й поехал Ильюша во чисто́е во полё,
Как на тую ли заставушку на Киевску.
Как раздёрнул там шатёр белополотняной,
Насыпал коню пшена он белояроваго,
Как увидел тут Добрыня: стоит бе́л в поли шатёр,
Приезжает тут Добрыня ко белу шатру,
А й выходит Добрыня со добра коня̀.
Становил ведь ён коня к пшену да белоя́ровому̀
Как заходит Добрыня во белыи во шатёр.
Оны свиделись с Ильюшей поздоро́вались̀я,
Стала Добрынюшка при Киев-от выспра́шивати:
— Еще всё ли у нас в Киеви по старому,
Еще всё ли у нас в Киеви по прежнему?
— Только в Киеви у нас нынь не по старому,
Столько в Киеви у нас нынь не по прежнему.
А твоя-та молода жена замýж пошла.
Пошла за вора Алёшу за Поповичева,
А за нашего за братца за крестоваго.
Ей на силушку Владимир приневóлил ей иттѝ:
У их в пятницу-ту было сватовство,
Во суботу у их было рукобитьицё,
В воскресеньице севодня у их свáдебка идёт.
Не досуг Добрыни разгова́ривать с Ильёй
Выходил ли тут Добрыня с белаго́ шатра,
Как садился Добрыня на добра коня,
Оны видели добра молодца сядучись,
Как не видели удалаго поедучи,
Только пыль-та ведь вспылела во чисто́ем во полѝ,
Еще белыи берёзки к земли клонятся.

А й давает он поездку лучше стараго,
Лучше старого поездку лучше прежнаго,
Идет прямо он ко городу ко Киеву,
А не около ведь еде не воротами,
Еде прямо через стену городовую,
Через тую еде башню что не большую,
Еде прямо к своей матушки на ши́рокой на двор.
Говорил тут ведь Добрыня своей матушки:
— Ах ты свет ли государыня моя матушка,
Свет честна вдова Емельфа Тимофеевна!
Признавай-ко ты меня по пра́вой по щеки́,
А й на правой на щеки есть три зна́мени у мня́,
Как три знамени у мня твои родительски.
Говорила тут Добрыни родна матушка,
Свет честна вдова Емельфа Тимофеевна:
— А ясны́и соколик на дво́р залете́л,
А й да белая лебедка со двора сошла.
Как твоя-то Добрыня молода жена,
Молодая Катерина Викулична,
А Викулична она замуж пошла,
И пошла за вора за Алёшку за Поповичева,
А за вашего за братка за крестоваго.
Как на силу княз Владимир принево́лил ей итти́:
У их в пятницу-то было сватовство,
Во суботу у их было рукобитьицё,
В воскресеньице севодня у их сва́дебка идёт,
Говорил ли тут Добрыня родной матушке:
— Ах ты, свет ли, государыня моя матушка,
Свет честна вдова Емельфа Тимофеевна!
Принеси-тко мне-ка платье скоморошкино,
Принеси-тко мне-ка досочку гусельчатую́,
Принеси-ко мне шалыгу подорожную,
Подорожную шалыгу пол-восьма пуда.
Еще справился Добрынюшка на свадебку пошол.
Он приходит к Алешки на свадебку,
Еще крест кладёт Добрыня по писаному,
А й поклон ведёт Добрыня по учёному,
Исполна творит молитву поисусову.
Еще бьёт Добрыня челом и поклоняется,
А й на все ли на четыре на сторонушки,
Как Владимиру князю да бьет в особину челом.

Тут садился Добрыня на опеченку,
Стал Добрынюшка в гусёлушка пойгрывати.
Уж он струночку играет что я киевской,
Как во другую играт от Ерусолима,
Еще в третью про розъезды про Добрынюшкины.
Как никто этой игры не дагадается,
Догадаласе Добрынина молодая жена,
А й молодая Катерина Викулична.
Как Владимиру игра эта показаласе,
Еще сам говорил таково слово:
— А й ты премладая заезжа скоморошинка!
А й ты поди-ко ты садись к нам за дубовой стол,
За дубовой стол садись, вот три места тебе:
Еще перво тебе место, ты возле меня садись,
А другое тебе место супротив меня,
Еще третье тебе место, куда хочешь, тут и сядь.
А й садился Добрыня супротив своей жены,
Супротиву Катерины Викуличной.
Наливала Катерина зелена чару вина,
Подавала тут Добрынюшки Микитичу,
А й сама говорила таково слово:
— А ты премладый Добрыня сын Микитич млад!
Уж ты пей-ко у мня чару зеленого вина,
Я другу тебе налью да пива пьянаго,
Еще третьюю подам я меду сладкаго.
А и примладыи Добрыня сын Микитич млад,
А й берет он чару зелена в руки вина,
Опущает туды перстень злачёныи,
А й которым оны перстнем обручалисе,
Подавае тут Добрыня зелено вино назад.
— А й ты премлада Катерина Викулична!
Уж ты выпей-ко до дна, так ты увидишь и добра,
А не выпьешь до дна, так не видать тебе добра.
Еще пила Катерина зелено вино до дна,
Как увидит Катерина там злаченый перстень,
А й сама говорила таково слово:
— Ах вы князи ли вы наши а й вы бояра,
А й вы сильнии могучии богатыри,
Еще вси ли ваши гости приходящии!
А й не тот мне муж, кой возле меня стоит,
Еще тот мне-ка муж, кой супротив меня сидит,

Еще прежнии Добрынюшка Микитич млад.
Выходил ли тут Добрыня з-за дубового стола,
Уфатил ведь он Алёшку за желты кудри,
А й повыдернул на сéреду кирпичную,
Взимал в руки он шалыгу подорожную,
Подорожную шалыгу пол-восьмá пуда.
Еще стал ведь он Алёшку тут работати,
А й во охканьи не слышно бухканье,
А во бухканьи не слышно охканья.
Еще все со пиру да розбежалисе,
Еще все ли с почестнóго росхучалисе,
Уж как видит князь Владимир неминучую беду,
Затыкает он свою .... онучею.

Записано на Водлозере, 7 августа.



XLII

НИГОЗЕРКИН

атвей Федорович Нигозёркин, крестьянин дер. Чуялы на Водлозере, маленький невзрачный мужчина лет за 40, земледелец, занимающийся отчасти и рыболовством. Выучился былинам осенью прошлого 1870 года от старика, проезжавшего из-за Кенозера через его деревню и два раза проведшего ночь в его избе; до того времени былин не знал и не слыхал.

216

ПОЕЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА

А й ездил старой по чисту полю,
А ен от младости ездил до старости,
А ен от старости да до гробно́й доски,
А ен стоял за веру да отечество:
А й как хорош у стараго был доброй конь,
А ён у рек перевозу стар не спрашивал,
А конь реки ведь озёра перескакивал,
Ён эти мхи болота промеж ног пущал,
А ён сини моря тыи кругом бежал.
А выезжае стар на тую ли на путь,
На путь дороженку широкую,
А й как камени подпись есть написана,
А й на другой стороны есть напечатана:
— А й как в дорожку ехать да богату быть.
А во дру́гу ехать да женату быть,
А й во третью ехать да й убиту быть.
Илья Муромец да сам раздумался:
— А й как на что старому жениться мни?
А еще стара взять да не надержишься;
А й молодая взять да как чужа корысть.
А й на что тут старому богачеству?
А й золотой казны у ёго сметы нет.
А ён поехал стар во ту́ю ён во путь,
Во тую путь дороженку широкую — где убиту быть.
А ён наехал на сорок на разбойников,
А ён на чистыих подорожников.
А й как разбойнички ко старому трога́лисе,
А ёны хочут у старого коня отнять,
Ёны хочут старому тут смерть придать,

Ёны смёрточку да ему скорую.
А й говорит тут старой таково слово:
— Ах вы сорок сорок вы розбойников,
А й сорок чистыих ночныих подорожников!
А еще где вам у стараго коня отнять?
А й как уздица у старого в пятьсот рублей,
А й как седёлышко у стараго в две тысячи,
А й самому стар бурушку чены не знат,
А й как стар колпак да со головушки,
А еще тот шишак да девяносто пуд.
А ён ведь начал колпачком да ён помахивать,
А й куда махнет махнет — туда улочок,
А й назадь отмахнет — переулочок.
Ен прибил тут сорок всех розбойников,
А й сорок чистыих ночныих подорожников.
А й как назадь тут стар да ворочается,
А ён ведь старую ту подпись ведь захеривал,
А ён нову тут ведь напечатывал:
— Еще та дороженка росчищена,
А й как росчищена дороженка розъезжена,
А й как розъезжена дорожка Ильёй Муромцем.

(Конца не знает.)

Записано на Водлозере, 6 августа.

217

ДОБРЫНЯ И АЛЕША

А й во стольноём во городи во Киеви,
А й у солнышко ведь князя у Владимира,
Собираются да соезжаются,
Соезжается да как почестный пир,
На царев царев да на царевичов,
А й на королей королей да королевичев,
Как на сильныих на могучих на богатырёв,
Как на тех ли поляниц вельмож да на удалыих.
Говорит тут солнце князь, да князь владимерской,
Князь владимерской, да стольнё-киевской:
— А й уж вы, князи́, князи уж вы, боярины.
Уж вы сильнии могучии бога́тыри!
Вы поедьте-тко да по иным землям,
Вы сберите-тко да дани пошлины,
Вы за стары годы да за нынешний,
Уж за тыи годы за двенадцать лет.
Как большой туляется за средняго,
Как средне́й туляется за меньшаго,
Как от ме́ньшаго от беднаго ответу нет.
А й из-за́ того стола из-за дубоваго,
Выходил удалой доброй молодец,
Молодой Добрыня сын Микитинич,
Говорит ведь ен да таково слово:
— Уж ты солнце князь да князь владимерской,
Князь владимирской да стольнё-киевской!
Я могу поехать по иным землям,
Я могу собрать да дани пошлины,
Я за стары годы я за нынешний,
Я за тыи годы за двенадцать леть.

Говорит тут князь да князь владимерской,
Князь владимерской, да стольнё-киевской:
— А й молодой Добрыня сын Микитинич!
За твою услугу за великую,
Города те дам я с пригородкамы,
Я села те дам да со приселкамы,
Золота казна незатворе́ная.
Молодой Добрыня сын Микитинич,
Ён пошел ведь ен да со честна пира
Во свою полату белокаменну,
Ён садился на ременчат стул,
Обувал сопожки ён козловыи,
Ен черна козла да ведь заморскаго,
Одевал ён шубу соболиную,
Ён того ли черна соболя заморскаго.
Выходил удалой доброй молодец,
Молодой Добрыня сын Микитинич,
Выходил ведь ён да на широкий двор.
Ён идёт на стойлу лошадиную,
Выбирал добра коня не езжена,
Налагал уздицу ён шелковую,
Ён из чиста шолку Шемаханскаго.
Ён ведь потнички на потнички накладывал,
Войлочки на войлочки, седелышко черкаско окованое,
Ён подпруг кладае до двенадцати,
Ён тринадчату натягивал продольнюю,
Как не для ради красы-басы угожества,
Для такой укрепы богатырскии.
Подпруга́ из чиста шолку Шемаханскаго,
Стремёна́ железа есть булатняго,
Еще пряжки меди ты казанскии.
Шемаханской шолк не трется да не держится,
А булат железо то не ломится,
А казанска медь та не заржа́веё.
Выходил удалой доброй молодец,
Молодой Добрыня сын Никитинич,
Ен ведь брал ведь сбрую всю ён лыцарску,
Ен таку ли сбрую богатырскую.
Во-первых, берет да он ведь вострой меч,
Во-других, берет да он ведь тугой лук,
Ен во-третьих, палицу булатнюю.

Ен ведь вострой меч берет под пазуху,
Ен ведь тугой лук да на плечé кладал,
Ен ведь палицу булатню ту в кольцо кладал.
Как садился удáлой доброй молодец,
Молодой Добрыня сын Микитинич,
На того ли бурушка косматушка,
Приходила его родитель матушка,
Как честна вдова Елена Тимофеевна.
Говорит енá да таково слово:
— Уж ты чадо, чадо моё милоё,
Ты, дитя, дитя моё любимоё,
Молодой Добрыня сын Микитинич!
Отправляешься ты воружаешься,
Ты во дáлечо далéчо по иным землям,
Ты сбирать сбирать как дани пошлины,
За стары годы да за нынешний,
Как за тыи годы за двенадцать лет.
Во вторых, пришла да молода жена,
Молода жена Настасья да Викулична.
Говорит Добрынюшка наказывал.
— Ай молода жена Настасьюшка Викулично!
Если год не буду, — жди ведь два году,
Если два не буду, — жди ведь три году,
Если три не буду, — жди ведь шесть годов.
Если шесть не буду, — жди двенадцать лет,
Есть двенадцать лет не буду — хоть вдовой живи,
Хоть вдовой живи, а хоть замуж поди.
За царя поди ли за царевича,
За короля поди за королевича,
Ли за сильняго за храбраго могучаго за воина.
Не ходи за вора за Алёшеньку Поповица,
Вор Алёшка мне крестовый брат.
Как видали добра молодца что сядучись,
Не видали добра молодца поедучись,
Как по тым степям да по саратовским
Одна куревка да завивается,
С горы на гору да с долы на долу.
А й конь реки ён озера перескакивал,
А ён мхи-ты да болота промеж ног пущал,
Ён сини моря тыи кругом бежал.
А как день тут за день — как вода текё,

Как неделя за неделю — как трава ростё.
Как прошло-то тому времечки да чельный год,
Не видать Добрыни из чиста поля.
Как прошло то времечки тут два году,
На проходи времечки тут три году.
Как прошло времечки тут шесть годов,
На проходи времечки двенадцать лет.
Еще стал тут вор Алёшенька подхаживать
Ко честной вдовы Настасьи да Викуличной.
— А й ты честна вдова Настасья да Викуличнa,
Ты поди иди за мня да во замужество,
За меня Олешу за Поповича.
Я вечо́р ведь ездил по чисту полю,
А на том ли поли да на лыцарском,
Как видал Добрынюшка убит лежит,
Головой лежит да ко синю́ морю,
Ай ноги́ резвыи о ракитов куст.
Скрозь его раны́ да скрозь кровавыи
Прорасла трава да росшелковая,
Росцвели цветы да все лазуревы.
Говорит Настасья тако во слово:
— Вор Алешенька да ты Попович-от!
Не бывал вечор ты во чистом поли,
Как ходил с собаками на задворках.
Это слово ему не показалосе,
Не казалось слово не слюбилосе.
Как идет Алёша прям на царской двор,
Говорит Алёша таково слово:
— Уж ты солнце князь да князь владимерской,
Князь владимерской, да стольнё-киевской!
Ты послушай князь да что те я скажу:
Сочини указы государевы —
Не держать удовки в гради в Киеви
Еще той Настасьи да Викуличной,
Не хорошима словами меня озвала,
Что я не был вечор да во чистом поли,
Я на том ли поли да на лыцарском,
Что ходил с собакамы по задворкам.
По Алешеньки да вси ручаются,
Еще сильнии могучии богатыри,
А й вельможи поляницы да удалыи,

Ены прося солнышка да князя да Владимера
Сочинить указ да государевой,
Не держать удовки в гради в Киеви,
Еще той Настасьи да Викуличной.
Еще солнце князь да князь владимерской,
Князь владимерской да стольнё-киевской,
Приказал указы сочинить ён строгии —
Не держать удовки в гради в Киеви.
Приходил Алёшенька Попович-от
Ко честной вдовы Настасьи да Викуличной,
Говорит Алёша таково слово:
— А й ты честна вдова Настасья да Викулична!
Если в честь идёшь — так я тя в честь возьму,
Если в честь не йдёшь — так я не в честь возьму,
Красота твоя мне приглянуласе,
Ты не йдешь ли за меня да во замужество,
За меня Алёшу за Поповича,
Как должна итти да с града с Киева.
Сочинен указ да государевы
Не держать удовки в гряди в Киеви.
Как честна вдова Настасья да Викулична,
Как пошла ена да во замужество,
За того Алёшу за Поповича.
Как во стольнём городи во Киеви,
Как во Киеви да был почестной пир.
Как на том пиру да на почестноем,
Там цари съезжалисе царевичи,
Короли съезжались королевичи,
Там ведь сильнии могучии богатыри,
Как вельможи поляницы да удалыи.
А й молодой Добрыня сын Микитинич
Ен съезжает с земли с земли с Датскии,
Выезжал ведь ен да на чисто полё,
Ён роздернул шатёр белополотняной,
Насыпал коню пшена ён белоярова,
Ён зашел в шатёр белополотняной,
Вкруг бела шатра да его доброй конь,
Его добрый конь кругом похаживат,
Ён не есть пшена да белоярова,
Ен ведь бил ногамы о сыру землю,
Еще мать земля стала продрагивать.

Выходил Добрыня из бела шатра,
Ен ведь взял ведь палицу булатнюю,
Ен ведь бьет коня да по тучным ребрам,
Ен ведь бьет коня, сам приговаривал:
— Уж ты, волчья сыть да травяной мешок!
Как за тым шатром белополотняным,
Говорит Добрыни добру молодцу:
— А й молодой Добрыня сын Микитинич
Ты не бей-ко бурушка косматушка,
Ты садись на бурушка косматушка,
Поезжай-ко ты во стольнёй Киев град.
Как во том ли городи во Киеви,
Как во Киеви да там почестной пир.
Там цари съезжаются чаревичи,
Короли съезжались королевичи,
Уж там сильнии могучи храбры лыцари,
Там вельможи поляницы да удалыи.
Как твоя теперь да молода жена,
Молода жена да любима семья,
Как пошла ёна да во замужество,
Не за царя ёна не за царевича,
А не за короля ёна за королевича,
Не за сильняго за храбраго могучаго богатыря, —
За того Олеша за Поповича.
А й молодой Добрыня сын Микитинич,
Ён садился на бурушка косматушка,
Поезжал ведь ён да во стольнёй Киев град,
Приезжал к полаты белокаменной.
Ён во том ли городи во Киёви,
Становился к окошечку косивчату,
Ен на том ли бурушки косматушки.
Закричал Добрыня громким голосом:
— А й во моей полаты белокаменной,
Еще есть родитель моя матушка во живностях?
Как честна вдова Елена Тимофеевна,
Как сидит старуха старо-материша,
На печи печи да у печна столба.
Услыхала старуха старо-материша
Ёна громкий голос богатырскии.
Сопущается из печенки муравленой,
Ко тому окошечку косивчату,

Увидала сына да любимаго,
Молода Добрынюшку Микитича.
Как скочила ена да на широкий двор,
Отворят воротца да широкии,
Заезжал Добрыня на широкой двор,
Говорил Добрыня, доброй молодец:
— А й ты родитель моя матушка,
Честна вдова Елена Тимофеевна!
Еще где моя да молода жена,
Молода жена Настасья да Викулична?
— Уж ты, чадо чадо моё милоё,
Ты дитя дитя мое любимоё,
Молодой Добрыня сын Микитинич!
Как твоя теперь да молода жена,
Молода жена да любима́ семья,
Как пошла ёна да во замужество
Не за царя ёна не за царевича,
Не за короля ёна за королевича,
Не за сильняго за храбраго могучаго богатыря,
За того ли за Олёшеньку Поповица.
— А й ты родитель моя матушка,
Честна вдова Елена Тимофеевна!
Принеси мне платье скоморошноё,
Принеси гусёлышка яровчаты,
Как пойдет Добрыня на почестный пир.
Принесла ведь платье скоморошноё,
Принесла гусёлышка яровчаты,
Как пошол Добрыня на почестный пир.
Ён иде в полаты белокаменны,
Ен во тыи гридни во столовыи,
А й ён крест кладет сам по писаному,
Ен поклон веде сам по учёному,
Ён на вси четыре да на стороны,
А й царю с царицей да в особину,
Говорит удалой доброй молодец,
Молодой Добрыня сын Микитинич:
— Уж ты солнце князь да князь владимирской,
Князь владимирской, да стольнё-киевской.
Ты послушай князь да что те я скажу:
Отведи-ка мне-ка нынь ведь мистечко,
Мне моло́дому теперь гусельщику.

Говорит тут солнце князь да князь владимерской,
Князь владимерской да стольнё-киевской:
— А й молодо́й моло́дыи гусельщичок!
Еще вси места да попризаняты
У моло́дых да у гусельщиков,
Только мистечка да на печи́ печи,
На печи печи на печном столби.
Как ставал Добрыня добрый молодец,
Ён на тую печенку муравлену,
Ён садился удалый добрый молодец,
Ён садился тут да на печной-от столб,
Ён ведь начал гуселка́ налаживать,
Ён ведь начал струночки натягивать.
Ён перву наладил с града с Киева,
Ён другу наладил из Чернигова,
Ён ведь третьюю из каменно́й Москвы.
Ён ведь начал гуселка́ поигрывать,
Как дивилися цари, цари, царевичи,
Короли дивились королевичи,
Уж как сильнии могучии богатыри,
Как вельможи поляницы да удалыи.
Еще ее было моло́дого гусельщика
Супротив Добрынюшки Микитица,
А й находится моло́дыи гусельщичок,
Ен не хуже да Добрыни добра молодца,
Ён ведь волосом, да ён ведь возрастом,
Красотой ведь е́н да всем угожеством
Как не хуже Добрынюшки Микитица.
Говорит тут солнце князь да князь владимирской
Князь владимирской, да стольне-киевской:
— А й молодо́й моло́дыи гусельщичок!
Сопущайся-ко да из печна столба,
Как из той из печенки муравленой.
Еще перво местечко подле́ меня,
Еще друго место супроти́в меня,
Еще третьё место супротив княгины да моло́дыи,
Супротив Настасьюшки Викуличной.
Молодо́й мо́лодыи гусельщичок,
А й садился ён да осередь стола
Ен на ту скамеёчку кленовую,
Супротив княгины да молодыи,

Супротив Настасьи да Викуличной.
Наливали чару зелена вина,
Подносили моло́дому гусельщику,
Принимал ён чару единой рукой,
Выпивал ён чару на единой здох.
Говорит моло́дыи гусельщичок:
— Уж ты солнце князь, да князь владимирской,
Князь владимирской да стольнё-киевской!
Ты послушай, князь, да что те я скажу:
Как позволь-ка на́лить чару зелена вина,
А ведь тую чару, кою я ведь пил,
Поднести княгины да молодыи,
Еще той Настасьюшки Викуличной.
— А й молодой молодыи гусельщичок!
А й наливай-ко чару зелена вина,
А й подноси княгины да молодыи,
Еще той Настасьи да Викуличной.
Наливал ён чару зелена вина,
Ен спущал туда да именно́й перстень,
Как которым перстнем обручалисе
А со той Настасьей да Викуличной.
Подносил ведь чару, приговаривал:
— А й молода́ моло́дая Настасья да Викулична!
Если пьешь до дна, дак увидашь добра,
А й не пьешь до дна, дак не видать добра!
Принимала чару единой рукой,
Выпивала чару на единой здох,
Увидала перстень золоченыи.
Как увидла перстень золоченыи,
Как которым перстнем обручалисе
А й со тым Добрынюшкой Микитицом,
Положила перстень е́на на́ руку.
— Уж ты солнце князь да князь владимирской,
Князь владимирской, да стольне-киевской!
Ты послушай, князь, да что те я скажу:
„А не тот мой муж, кой нынь подле́ меня,
Еще тот мой муж, кой супротив меня“.
Как на той скамеечки кленовыи,
Как пошла из-за стола из-за дубоваго
Как ко той скамейки ко кленовыи,
Как к тому Добрынюшки Микитичу,

Розгорелось сердце богатырскоё,
Как ставал Добрыня на резвы ноги,
Ён взимал Алёшу за желты кудри,
Ён кидал Алешу о кирпичной пол,
А ён пнул Алешеньку под лавочку.
Как под ла́вицей Алеша выговаривал:
— Еще всякой-от дурак на свете женится,
Как не всякому женидьба удавается,
Удаваласе женидьба трём богатырям:
Еще старому казачку да Ильи Муромцу,
А й молоду Добрынюшки Микитицу,
А й молоду Чурилы щапы Пленковицу.

Записано там же, 6 августа.

218

ДЮК

А й во Волынь-земли да в Золотой орды,
А й что во той Индеи пребогатыи,
Во Волынце городи во Галице,
А й жил молоденькой боярин Дюк
Степанович.
А й как удаленькой да доброй молодец,
Молодой боярин Дюк Степанович,
Ен пришел в полату белокаменну,
Ен садился на лавочку брусовую,
Ен понизил буйну голову пониже плеч,
А й ниже плеч своих могучих богатырскиих.
Приходила родитель ево матушка,
А й честна вдова Нанельфа Тимофеевна,
А й говорила ёна да таково слово:
— Уж ты чадо, чадо моё милоё,
А й ты дитя дитя моё любимоё,
Молодой боярин Дюк Степанович!
И отправляешься ты воружаешься,
А й во перву́ поездку богатырскую,
А й не въезжай ли на гору на Палань-гору,
А й на то ли местечко на красивоё,
А й на красиво ме́стечко удобноё,
Где цари съезжаются, царевичи,
А й короли съезжались, королевичи,
А й где сильнии могучи храбры лыцари,
А й вельможи поляничи там удалыи.
А й не садись с нима во тую во компаньицу
великую,
А й как хвастай-ко именьицом сиротскиим,

А й как сиротскиим именьицом победным.
Это слово ему не слюбилосе.
А й как ставал боярин на резвы ноги,
Ен пошел на стойлу лошадиную,
А й выбирал добра коня не езжана,
Налагал уздицю ён шелковую,
А й он из чиста шолку Шемаханскаго,
А й он ведь потнички на потнички накладывал,
А й войлочки на войлочки,
Седелышко черкаско окова́ное,
А й подпруг кладае до двенадцати,
А й он тринадцату натягивал продольнюю,
Как не для ради красы-басы угожества,
А й для такой укрепы богатырскии.
А й подпруга́ из чистаго шолку шемаханскаго,
А й стремена железа из булатняго,
А еще пряжки меди ты казанскии.
А й Шемаханской шолк не трется да не держится,
А й булат железо то не ломится,
А й хошь казанска медь та не заржа́веё.
А й молодой боярин Дюк Степанович
Ён пришол в полату белокаменну,
Садился ён да на ременчат стул,
А й обувал сапожки он козловыи,
А й он черна козла да ён заморскаго;
А й одевал ён шубу соболиную
Ён того ли черна соболя заморскаго
Выходил удалой на широкий двор.
А й молодой боярин Дюк Степанович,
А й он берет ведь сбрую всю ведь лыцарску:
А й во-первых, берет он во́строй меч,
А й во-дру́гих, берет да ён ведь ту́гой лук,
А й он во-третьих, палицу булатнюю.
А й он ведь вострой меч да брал под пазуху,
А й он ведь ту́гой лук да на плече́ кладал,
А й он ведь палицу булатню-ту в кольцо кладал,
А й он садился удалой доброй молодец,
А й молодой боярин Дюк Степанович,
Ен на того ли бурушка косматушка.
А й как видали добра мо́лодца что сядучись,
А й не видали удала поезжаючись.

А й с горы на́ гору да с до́лы на́ долу,
А й как по тым сте́пям по саратовским
Одна куревка да завивается.
А й конь ведь реки-озёра перескакивал,
А й ён мхи болота промеж ног пущал,
А й как сини моря тыи кругом бежал,
Выезжал на гору он на Пала́нь-гору,
А ён на тое местечко красивоё,
А й на красиво ме́стечко удобноё.
А й там цари съезжаются царевичи,
А й короли съезжались королевичи,
А й там ведь сильнии ведь храбрыи бога́тыри,
А й как вельможи поляницы да удалыи.
А й не садился с нима́ во ту ли во кампаньицу
великую,
А ён не хвастаёт именьицом сиротскиим,
А й поезжал с горы ён с Палань-горы,
А й выезжал ён ведь во чисто полё,
А й на то́е поле да на лыцарско,
И приезжал он в поли ко сыру дубу.
А й на сыром дубу сидит птица че́рный
ворон-от,
А й говорит тут удалой доброй молодец,
А й говорит тут удалой доброй молодец,
А й молодой боярин Дюк Степанович:
— А уж ты ворон, ворон, птица цорная,
А й птица це́рная да сама вещая!
А й ты скажи-ко ворон да поведай-ко,
А й не видал мни ворон поединщика,
А из царев ли из царивичёв,
Аль из королей ли королевичёв,
А й как из сильниих храбрых могучиих
из лыцарёв,
А й как из тех вельмож ли поляниц да мне
удалыих.
А й ты не скажешь ворон сущёй правды мне,
А й пострелю тя ворон на сыром дубу,
А из сыра дуба да па́дешь на землю.
А закричал тут ворон громким голосом:
— А й ты удаленькой да доброй молодец:
А й молодой боярин Дюк Степанович!

А й не стреляй-ко меня да чорна ворона,
А я скажу тобе про поединщика,
А я скажу тобе про супротивника.
А й поезжай-ко к риченке Смородине.
А й как у той у риченки Смородины,
А й там стоит шатёр белополотняной,
А уж там тёрема да златоверхии.
А й как во том шатри белополотняном,
А й спит старый казак да Илья Муромец,
А Илья Муромец да сын Иванович.
А й у того шатра белополотняна,
Что у шатричка да стоит доброй конь,
А ён при всей ведь сбруи богатырскии:
А й на кони уздица е шелковая,
Что из чиста ль шолку Шемаханскаго,
А й на ём потнички на потнички накладены,
А й на ём войлочки на войлочки,
А й на войлочках черкаское седёлко
окованое
А й подпруг кругом да до шестнадцати,
А й как семнадцата натянута продольняя,
А й как не для ради красы-басы угожества,
А й для такой укрепы богатырскии.
А й подпруга из чиста шолку Шемаханскаго,
А й стремена железа из булатнёго,
А еще пряжки меди ты казанския.
Шемаханской шолк не трется да не держится,
А й как булат-железо то не ломится,
А й казанска медь та не заржавеё,
А й как удаленькой да доброй молодец,
А й молодой боярин Дюк Степанович
А й не стрелил ведь ён да черна ворона,
А й поезжал ён к реченки Смородины.
Приезжаё к реченки Смородины,
А й там стоит шатёр белополотняной,
А й там терем-от да златоверхии.
И у того шатра белополотняна,
А й что ль у терема да златоверхаго,
А й что ль у терема да стоял доброй конь,
А ён при всей ведь сбруи богатырскии.
А й на коне уздица есть шелковая,

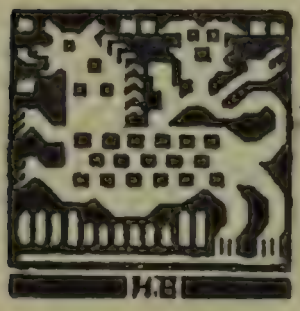
А й как из чиста шолку Шемаханскаго,
А на ём потнички на потнички накладены,
А й на нём войлочки на войлочки,
На войлочках седелышко черкальско окованоё,
А подпруг на ём есть до шестнадцати,
А й как семнадцата натянута продольняя,
А й как не для ради красы-басы угожества,
А й для такой укрепы богатырскии.
А й как во том шатри белополотняном,
А й в терему во том да златоверхиим,
А й спит старой казак да Илья Муромеч,
А Илья Муромеч да сын Иванович.
А й приходил удалой доброй молодец,
Молодой боярин Дюк Степанович,
А й говорит ён таково слово:
— А й ты старый казак да Илья Муромеч,
А Илья Муромеч да сын Иванович!
А уж ты спишь лежишь да проклажаешься,
А й над собой незгоды не начаешься, —
А й отрублю Ильюши буйну голову!
А й как старóй казак да Илья Муромеч,
А он на одри́ лежит сам выговариват:
— А й ты удаленькой да доброй молодец,
А й молодая млада скоморошина!
А й ты скажись, удалой доброй молодец:
А из какой земли, из какой орды,
Коегó отца, которой матушки?
А й ты не скажешься удалой доброй молодец, —
А й уж мы сядем-ко на добрых коней.
А й мы отправимся мы во чисто полё,
А й кто вывезё головушку с чиста поля.
— А я скажу тебе да проповедую:
Я с Волынь земли да с Золотой орды,
Я из той Индеи пребогатыи,
Из Волынца города из Галичи,
Молодой боярин Дюк Степанович.
— Уж мы сядем-ко да на добрых коней,
Мы отправимся да во чисто полё.
Кто повывезé головушку с чиста поля.
А й молодой боярин сокручинился,
А й сокручинился да запечалился.

А й он понизил буйну голову пониже плеч,
А й ниже плеч своих могучих богатырскиих,
Говорит ведь ен да таково слово:
— А й ты стары́й казак да Илья Муромец!
Еще где мне стоять с тобой в чистом поли?
Говорит старой казак да Илья Муромеч:
— А й молодой боярин Дюк Степанович!
Не кручинься-тко да не печалься-тко,
Назовёмся братьямы крестовыма.
А й как старо́й казак да Илья Муромеч,
А Илья Муромеч да сын Иванович
А Илья Муромеч да тот больше́й-от брат,
А й молодой боярин тот меньшой-от брат.
А й как старой казак да Илья Муромеч
Своего да брата ён крестоваго,
А ён за рученки за белыи,
А ён за тыи перстни за злачёныи,
А ён за тыи кольца золочёныи,
А ён садил за столички дубовыи,
А ён за ты шелковы скатерти за браныи,
Ён за тыи ествы за сахарнии,
И за таки́и питья за медвяныи.
А й как сидит тут, едят, пьют, проклажаются,
А й как два брателка да два крестовыих,
Над собой незгоды не начаются.
А й как в том шатри белополотняном,
А й в терему во том во златоверхиим,
А й отворялась дверь дубовая тут на́ пяту,
Как идёт поганое Инодолищо,
Ён ведь чудному образу не молится,
Ён ведь добрым молодцам челом не бьёт.
А ён садился на лавочку брусовую,
А сидучи́сь ведь ен да поросфастался
И как тое поганое Инодолищо:
— Я прошол по всем землям, по всем ордам,
Я Казань-Рязань прошол да Во́строкань.
Уж я был я в городи во Киеви,
Я не давно ль был да во Чернигови,
Я сейчас иду из каменной Москвы.
А й не находится мне поединщичка,
Из царев царев мне из царевичёв,

Из королей королей да королевичёв.
А й как из сильних из храбрых могучих
богатырёв,
А й как из вельмож мне поляниц мне да удалых.
А й как на тот ли, тот ли стольнё Киев град,
А идет честь ведь слава да великая,
А й что во том ли гради да во Киёви,
Есть старой казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович.
А й говорит погано Инодолищо:
— А Илья Муромец да верно силён есть,
А й верно силён есть, да ён по многу ль ест?
А й говорит удалой доброй молодец,
Молодой боярин Дюк Степанович:
— Что старой казак да Илья Муромец,
А ён ведь выть держал да ён не бóльшеньку.
По одной то ел крупчатой булочки,
А й как крупивчатым колачиком закусывал,
А й как крупивчатой колачик будто турей рог.
А й говорит погано Инодолище:
— А й что какой Илья мне поединщичёк?
Я того Илью да на помах убью.
А уж как я удалой доброй молодец,
А хоть выть держал да я ведь среднюю,
По семи хлебов да я к выти ел,
По полу волу да я закусывал,
Гуся-лебедя да на закуску ел.
Говорит Ильюша таково слово:
— А й у поганого да Инодолища,
А й лошаденка была да обжорищо,
И обжралась пшеном да белояровым.
А й как во стольноём во городи во Киеви
А поганому да Инодолищу,
Это слово ему не прилюбилосе,
Вынимал ножищо да кинжалищо,
А й ён бросал Ильюши во белы груди.
А й как старый казак да Илья Муромец,
А ён ведь знал увертки богатырскии,
Отвернулся от ножика-кинжалика.

Пролетел тут нож да скрозь дубову дверь,
Улетел тут нож да во чисто́ полё,
А й как валился нож да на сыру землю,
Ен ушол ведь в землю да́ и́ до череня.
А й как стары́й казак да Илья Муромец,
А й разгорелось сердце богатырское,
И от порога ён да ворочается,
И ен хватил поганаго Инодолища,
И ён здымал его вышé могучих плеч,
А ён бросал его да о кирпичной пол,
А еще тут поганому славы́ поют.

Записано там же, 6 августа



КЕНОЗЕРО
И. Б.
1938

XLIII

ПОРОМСКОЙ

ван Павлович Си́вцев, по прозванию По́ромской, крестьянин из дер Поромска, лежащей у впадения речки Пормы в Кенозеро, среднего роста, плотный, еще моложавый, без единого седого волоса, старик 65 лет. Его отец, умерший 30 лет тому назад не старым еще человеком (на шестом десятке от роду), был лучший знаток былин во всем околотке. Звали его Павлом Семеновичем, и он был по ремеслу деревенским портным. Былины свои он заимствовал от стариков в Плесском погосте, что у впадения Кены в Онегу-реку (этот погост соседний с Бережно-дубровским, откуда вынес былины Иван Фепонов, см. выше XIII). Здесь учителями старика Поромского были преимущественно двое слепых „пе́таря" — Шерёнкин и Подмёткин, оба давно умершие. Мальчиком Иван Павлович сопровождал своего отца и помогал ему в портняжной работе; тут-то он, слушая отца, а иногда и вышепоименованных Плесских петарей, „понял старины". Сам он, с тех пор как вырос, почти оставил портняжное ремесло и занимается по большей части земледелием и рыбною ловлею.

Иван Сивцев известен был, хотя не лично, Рыбникову; в сборнике его он упоминается под именем „Паромского старика"; былины,

которые были от него доставлены Рыбникову, записал по словам Сивцева, фельдшер, живший в то время на Кенозере. Это лучший из кенозерских певцов, но нельзя сказать, чтобы его дикция была так изящна, как напр. у Рябинина, Калинина, Никитина или Прохорова. Воинов (см. ниже, XLIV) поет изящнее его, но у Сивцева былины отличаются большею полнотою и складностью.

219

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СЫН ЕГО

Из стольняго города из Киева
Выезжали два могучиё богатыря:
Один богатырь Илья Муромец,
Да другой молодец Добрынюшка Микитьевиц.
Приезжали богатыри́ на Фавор-гору,
Росставляли богатыри́ полотнян шатёр,
Во шатри-то богатыри опочив держат.
Спят темную ночь до бела́ свету,
Пробуждается свет государь Илья Муромец
Да и сам говорит таково слово:
— Вставай молодец Добрынюшка Микитьевич!
У нас что-де над шатром сотворилосе,
Налетала на шатёр да веща́ птица
Веща́ птица черно́й ворон,
Черной воро́н сам прокы́ркиват,
Нерадошну весточку сказыват.
Да выходи-тко Добрыня из бела шатра,
Погляди по дороге прямоезжие:
Не проехала ли поляница удалая?
Выходил Добрыня из бела шатра,
Да поглядел по дороге прямоезжие,
Да проехала поляница удалая.
Да ево храбра поездка молодецкая,
Да и́скопыть у коня мётана,
По целой-то овчине по барановой.
У коня изо́ рта-то пламя́ машё,
Из ноздрей у коня да кудряв дым валит,
Да еде молодец-де сам тешится,
Да шибает он палицу под облаки,

Да назадь-то она ей подхватыват.
Да пришол Добрынюшка в шатёр, а сам рассказыват:
— Ты-де батюшко да Илья Муромец!
Да проехала поляница удалая
Ево храбра поездка молодецкая,
Ископыть у коня мётана,
По целой овчине по барановой.
У коня изо рта-то пламя машё,
Из ноздрей у коня да кудряв дым валит,
Да еде молодец-де сам тешится,
Да шибает он палицу под облаки,
Да назадь-то она ей подхватыват.
Говорит Илья Добрыни таково слово:
— Да ты мо́лодец, Добрынюшка Микитьевич!
Поезжай-ко те́перь за бога́тырем.
Да буде русской богатырь — побратайся,
А неверной богатырь — ты войны проси.
Говори Добрыня Ильи таково слово:
— Ты-де батюшко да Илья Муромец!
Я не смею-де ехать за богатырем.
Говорит Илья Добрыни таково слово:
— Когда не смеешь ты́ ехать за богатырем,
Дак больше мне в товарищи не надобно.
Поезжай-ко назадь ты во Киев град,
К молодой-то жены, да к своей матери.
Да ставал Илья на чеботы сафьянные,
Да на сини чулки кармазинные.
Надевает он шубу соболиную,
Да выходит старик из бела́ шатра,
Да уздал-седлал он добра коня,
Да уздал-то оседлал скоро-наскоро,
Скоро-наскоро да крепко-на́крепко.
Да скочил-де ста́рик на добра коня,
Да поехал Илья за бога́тырем,
Да он едет из утра день до вечера,
Да и темную ночь до бела́ свету;
Да на другой-от день попущается,
Да другой день проехал из утра до вечера,
Да и темную ночь до бела свету,
Да догнал он богатыря́ в чистом поли,
Да из далеча-то Илья закричал по звериному,

Засвистал-де старик а по змеиному,
Да под богатырем конь на колени пал.
Да еде богатырь не оглянется,
Да бьет палкой коня по тучным ребрам:
— Ты несытая кляча конь, а травяной мешок!
Еще что ты в поле птицы шарашишься,
Налетела-де ворона пороэграялась.
Закричал Илья-то во второй након,
Да засвистал-де старик по змеиному,
Под богатырем конь а на колени пал,
Да оборачивал богатырь коня к Ильи Муромцу,
Да съехались оны ужо копьями, —
Только копья-ты в кольцах попригнулисе.
Да разъезд чинили на тридцати верстах,
Да съехались богатыри палками,
Только палки по щербням отвернулисе.
Соскочили оны со добрых коней,
Да схватились оны на рукопашной бой.
Да хватил неверной богатырь Илью Муромца,
Да шибал-де его о сыру́ землю,
Да и сам-де садился на белы груди,
Да вынимал из чинжалища вострой нож,
Да хотел ему пороть а груди белые.
Да и видит Илья что беда пришла,
Поглядел он на ручку на правую,
На бою-де старику смерть не писана.
Да сокопля́л Илья силу всю в одно место,
Да сшибал с себя богатыря в чисто́ поле.
Да выскочил он на резвы́ ноги,
Да хватил-де богатыря за желты кудри
Да шибал ево он под облаки,
Да назад-то он ево подхватывал,
Кабы-де ево не подхватывал,
Дак предал бы ему смерть ту скорую,
Становил-де богатыря проти́во себя,
Да начал е́во он выспрашивать:
— Скажи-тко, удалый дородний добрый молодец!
Ты коей орды, ты кое́й земли,

Да котораго ты града урождение,
Да и как тебя зовут по именю?
Говорит молодец таково слово:
— Да не знаю я себе ро́дного батюшка.
Да одна у мня есть родная матушка,
Да стара́я девка Сиверьянична.
Говорил Илья-то таково слово:
— Да и съедешь ты к родной матери,
Да скажи-тко ты матери низко́й поклон.
Да поехал молодец к своей матери,
Да встречает ево матушка родимая,
Да сама говорила таково слово:
— Да ты что, Василей, приехал не весёл а с чиста поля?
Говорил-де Васька своей матери:
— Да государыни моя ты родна матушка!
Да наехал богатырь меня во чисто́м поле.
Да перво я было ево побил, сидел да на белых грудях,
Да хотел ему пороть а груди белые,
Да он меня сшибал во чисто полё,
Да ухватывал за желты кудри,
Да шибал-де меня под облаки,
Да назадь-то он меня подхватывал.
Кабы он, мать, не подхватывал,
Дак предал бы мне смерть ту скорую.
Говорила ему мать да таково слово:
— Да и ты, дитя моё милоё!
Да и тут-то тебе ведь уж отец родной.
Говорил-де Василей своей матери:
— Государыни моя ты ро́дна матушка!
Да не хочу-де я слыть заугольником.
Да ему жить, а либо мне-ка жить.
Да обварачивал назадь добра коня,
Да поехал опять к Ильи Муромцу.
Да Илья Муромец, где бился, тут и опочив держать.
Да роздёргиван был ево бел шатёр,
Да закричал-де Васька зычным голосом:
— Да ты старая, собака, седатой пёс!
Да выходи-тко ты а из бела шатра,

Тебе ведь жить, либо мне-ка жить.
Да ставал Илья на чеботы сафьянные,
Да на сини чулки кармазинные,
Да выходил Илья из бела шатра,
Да хватил-де богатыря с коня за желты кудри,
Да шибал-де он ево́ под облаки,
Да назадь-то ево не подхватывал,
Дак предал ему смерть ту скорую.

Записано на Кенозере (дер. Немятова), 12 августа.

220

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ В ЦАРЕГРАДЕ

От стольняго города от Киева,
Да идёт там калика перехожая.
Старой волосом бел бородо́й седой,
Да на старом была гуня сорочинская,
Да была шляпа на главы земли греческой,
Да клюша́ у калики свинцовая.
Да идёт-де ста́рик подпирается,
Да йно мать земля та колыбается.
Да пришол-де ста́рик-от во Царьгород,
Да зашол на кружа́ло государево.
Да он крест тот кладёт по писаному,
Да поклоны ведет по ученому.
— Да вы здравствуйте, чумаки человальники!
Да мне дайте вина на пятьсот рублей,
Да розопьюсь, мне поверьте на тысящу.
Да в заклад им да́вал-то пречудной крест,
Из червоннаво краснаго золота.
Да ему́ тутова старому не верили.
Да догадались одни голи кабацкие,
Да сбиралисе голи в единой круг,
Да сложилисе голи по деньги в складь
Да брали вина полтора ведра,
Да подносили-де калики перехожему.
Да у их принимал единой рукой,
Да выпивал-де ста́рик на единой дух,
Да и сам говорил а таково слово:
— Да вам спасибо братцы голи кабацкие!
На приходе старика вы ме́ня опохмелили,
Да опохмелили пить роззадорили.

Да с тово-де пошол с кабака долой,
Да пришол ко глу́бокому ко погребу,
Да пинал ворота ногой вальячные,
Да с крюков замков двери вон выставливал.
Да зашол-де старик во глубок погрёб,
Да и брал-де он бочку под пазуху,
Да другу́ю сороко́вую под дру́гую,
Да тре́тью ту бочку ногой катил,
Да выкачивал на площадь торговую,
Да упоил-де голей со всех ка́баков,
Да и сам упивался он до́ пьяна,
Да пришол лёг спать на печку кабацкую.
Да и все чумаки порасплакались,
Да к царю пришли да поразжа́лились:
— Ты-де, батюшко царь, Костянтин Боголюбовец,
Да что неведомо-де к нам за старо́й пришол,
Да просил он вина на пятьсот рублей,
Да роспиваться-то ладил на тысящу,
Да в заклад давал нам пречудной крест,
Да из червонова краснаго золота,
Да и тут мы ему старому не верили.
Догадалися-де голи кабацкие,
Да купили-де вина полтора ведра,
Подносили ка́лики перехожему.
Да у их принимал единой рукой,
И выпивал-де старик а на единой дух.
Да с тово-де он ходил во глубок погреб,
Да пинал ворота ногой вальячные,
Да с крюков замков двери вон выставливал.
Да зашол-де старик во глубок погрёб,
Да и брал-де он бочку под пазуху,
Да другу́ю сороко́вую под другу́ю,
Да тре́тью ту бочку ногой катил,
Да выкачивал на площадь торговую,
Да упоил-де голей со всех ка́баков,
Да и сам упивался он до́ пьяна,
Нонь лежит на печи да на кабацкии.
Говорит туто царь Костянтин Боголюбовец:
— Да вы глупы чумаки человальники!
Да подите приведите ко мне на лицо,
Погляжу я-де каков станом во́зрастом

Пришли чумаки человальники.
Да розбудили соннаго е́го хмельняго.
Да скочил стар со печки кабацкие,
Да не успел хватить клюши во двена́дцать пудов,
Да ухватил он воронёчину дубовую,
Да стал он по ка́баку похаживать,
Да дубово́й воронёчиной помахивать,
Да прибил чумаков человальников,
Да пошол-де ста́рик с кабака долой.
Да идёт мимо палату мимо чарскую,
Да закричал-де ста́рик зычным голосом:
— Ты-де батюшко чарь Костянтин Боголюбовец!
Да ищи казну за Ильей славным Муромцем,
Да приходил к тебе на славу на великую,
Да и пить зелено вино безденежно.
Да ушол-де старик а во чисто́ полё,
Да разде́ргивал в поле бел шатёр,
Да во шатри-то ста́рик опочив держал.
Да мы с той поры Илью в старинах поём,
Да отныне поём его до́ веку.
Да диди-диди-дудай боле вперёд не знай.

Записано там же, 11 августа.

221

ТРИ ПОЕЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА

Да ездил там стар по чисту полю,
Ото младости ездил до старости.
Да хорош был у стараво доброй конь,
За реку-ту перевозу мало спрашивал.
Да едет-де старый чистым полём,
Да большой-то дорогою Латынскою,
Да наехал на дороги горюч камень.
Да на камешки подпись подписана:
— Старому-де казаку да Илье Муромцу
Три пути пришло дорожки широкие:
А во дороженку ту ехать, убиту быть,
Во другую ту ехать, женату быть,
Да во третью ту ехать, богату быть.
Да сидит-де старик на добром коне,
Головой-то качат проговариват:
— Да я кольки по святой Руси не езживал,
Такова-то чуда век не видывал.
Да на что мне-ка старому богачество,
Своего-де у мня много злата серебра,
Да и много у меня скатняго жемчугу.
Да на что мне-ка старому женитися,
Да женитися мне не нажитися.
Молодая-та жена взять чужа корысть,
Да мне-ка старой жены взять не хочется.
Да поехал в ту дорогу, где убиту быть,
Да наехал на дороге-то станицу разбойников.
Да разбойников стоит до пятй их сот,
Да хотят они у стараго коня отнять.
Да сидит-де старик на добром коне,

Да головой-то качат проговаривать:
— Да вы разбойники, братцы, станичники!
Вам убити-де старика меня некого,
Да отняти у стараво нечево,
Да с собою у мня денег семь тысячей,
Да точмяна узда в целу тысящу,
Да кована мое седло во девять тысящей,
Своему-де я добру коню цены́ не знай,
Да я цены не знай бурку, не ведаю:
Да меж ушми у мня у коня скачéн жемчуг,
Драгоё самоцветноё каменьё
Да не для ради красы-басы молодецкиё,
Для ради темной ночки осенные,
Чтобы видно, где ходи́т мой доброй конь.
Да говорят ему разбойники станичники:
— Да ты, старая собака, седатой пёс!
Да и долго ты стал разговаривать.
Да скочил-де старик со добра коня,
Да хватил-де он шапку со буйно́й головы,
Да и начал он шапкой помахивать.
Дак куды-де махнёт — туда улицы,
Да назадь отмахнёт — переулочки.
Да разбил ён станицю розбойников,
Да разбойников розбил подорожников.
Да садился старик на добра коня,
Да поехал он ко латыру камешку,
Да на камени подпись поднавливал:
— Да старому-де казаку а Илье Муромцу
На бою старику смерть не писана,
Да и та была дорожка прочищена.
Да от стольнево города от Киева,
Да от Киева лежит а ко Чернигову,
Да еще было дорожка изведати:
— Отчево старику буде женитися,
Да женитися мне не нажитися,
Да молодая жена взять чужа корысть,
Да мне старой жены взяти́ не хочется.
Да поехал большою дорогою,
Да наехал на дороги крепость богатырскую.
Да стоит туто церковь соборная,
Да соборная богомольняя.

От тоé-де обедни полудённые,
Идет двенадцать прекрасные девици.
Да посреде-то их идёт королевична.
Говорила королевна таково слово:
— Ты удалой дородний доброй молодец!
Да пожалуй ко мне во высок терём,
Да напою накормлю хлебом солью.
Да соходил-де старик со добра коня,
Да оставливал он добра коня,
Не прикована да не привязана.
Да пошол-де старик во высóк терём,
Да мосты-ты под старым качáются.
Переводинки перегибаются.
Да зашол-де старик во высóк терём,
Да садился за стóлы за белодубовы,
Да он ест-де пьёт проклажается,
Да весь долог день да до вечера.
Да выходил из-за стола из-за дубоваго,
Да и сам говорил таково слово:
— Ты ли, душечка, красная девушка!
Да где-ка твои ложни тéплые,
Да и где твои кровати тесовые,
Где-ка мяккие перины пуховые?
Да мне на старость старику бы опочинуться.
Да привела его-де в ложни теплые.
Да стоит старой у кровати головой качат,
Головой-то качат проговариват:
— Да я кольки по святой Руси не езживал,
Такова́-де я-то чуда век не видывал,
Да видно эта кроватка подложная.
Да хватил королевну за белы руки,
Да шибал ей ко стены кирпичные.
Обвернуласе кроватка тисовая,
Да увалилась королевна во глубок погрёб.
Да выходил старик на улицю паратную,
Да нашол двери глубокаго погреба,
Да колодьем-то были призавалены,
Да пескамы-ты были призасыпаны.
Да ён колодья ногами распихивал,

Да пески-ты руками распорхивал,
Да нашол двери глубокаго погреба,
Да пинал ворота ногой вальячные,
Да с крюков с замков двери вон выставливал,
Да выпущал сорок царей сорок царевичев,
Да и сорок королей королевичев,
Сорок сильних могучих богатырёв.
Да и сам говорил таково слово:
— Да вы подьте, цари, по своим землям,
Да вы короли по своим Литвам,
Да вы богатыри по своим местам.
Да идёт душечка красная девушка,
Да ён выдéргиваёт саблю вострую,
Да срубил ей по плеч буйну голову,
Да рассек, разрубил тело женское,
Да куски-ты разметал по чисту полю,
Да серым-то волкам на съедениё,
Да черным воронам на погрáяньё.
Да садился старик на добра коня,
Да приехал он ко латырю каменю,
Да на камешки подпись поднавливал:
— Старому-де казаку да Ильи Муромцю,
Да и та была дорожка прочищена.
Да от стольняго от города от Киева,
Да от Киева лежит, а ко Царюграду,
Да еще было дорожка изведати,
Да отчего-де старику будё богачество.
Да поехал он большою дорогою,
Да наехал на дороги пречудной крест,
Да стоит у креста головой качат,
Головой-то качат проговариват:
— Да я кольки по святой Руси не езживал,
Такова-то-де я чуда век не видывал.
— Да этот крест есть не прóст стоит,
Да стоит он на глубоком на погребе,
Да есть несметноё злато серебро.
Да соходил-де Илья со добра коня,
Да и брал крест ён на руки на белыс,
Да снимал со глубокаго со погреба,

Да воздвигнул живот в славный Киев град.
Да построил он церковь соборную,
Соборную да богомольнюю.
Да и тут ведь Илья-то ока́менел.
Да поныне ево мощи нетленные.

Записано там же, 11 августа.

222

ДОБРЫНЯ И АЛЕША

Из-за гор-то было из-за высоких,
Из-за лесу-то было лесу темнаго,
Да повышла, повышла-повыкатила
Да широкая-та матушка быстра Волга́ река,
Да широкая-та Волга под Казань прошла,
Да пошире подале под Ва́сторокань.
Да широкий перевоз под Новы́м-городом,
Темные лесы Смоленские,
Да тихие плеса́-то Чижарицкие.
Да места шла ровно три тысячи,
Да рек и ручьёв брала сметы нет,
Да выпала во́ море Каспийское.
Да то-де Добрынюшке не сказочка,
Да теперь старины ево нача́л пойдёт.
Да в стольнём во городи во Киевӣ,
Да у ласкова князя у Владимира,
Да хорошо заве́ден был почестной пир,
На многи на князи да на бояра,
На сильние могучие бога́тыри,
Да на все поляницы удалые,
Да свет государь-де Владимир князь,
Да налил он чару зелена вина,
Да залил он чару ту сладки́м медом,
Да засыпал он чару белым сахаром.
Становилосе вина да полтора ведра,
Да подносит он сильним богатырям,
Да сам говорит и таково слово:
— Вы братцы могучи бога́тыри!
Да пишё невежа заугро́зою ко мнѐ,

Да просит-де в поле поединщика.
Да который из вас меня выручит,
От этой беды а от великие?
Все на пиру призамо́лкли сидя́т,
Да говорит из их ужо большо́й-от богатырь,
Да большо́й богатырь а Илья Муромец:
— Да вы, братцы, могучие богатыри!
Да хоша долго сидить, а говори́ть будёт
Да кому в поле ехать поединщиком?
Да я ведь недавно из похо́ду-де пришол,
Да бился рубился с невёжей богатырём.
Да летает невежа черным вороном,
Да я не мог его на́ очи обо́здрити.
Кабы увидел собаку, убил бы из туга́ лука.
Службу-работу накинули
Да молодцу Добрынюшки Мики́тьевичу.
Да выпивал Добрыня чару зелена вина,
Да одва-де скоротал он почестной пир,
Да не весел Добрыня со пиру пошол,
Да не весел Добрыня да не радошён.
Да приходит Добрыня к своей матери,
Говорит ему матушка сударыни:
— Что ты, Добрыня, не весёл со пиру́ пришол.
Место тебе было не по вотчины,
Али чара тебе-де не рядом дошла,
Али безумница тебя да обесчестила?
Говорил-де Добрыня да ответ держит:
— Да государыни, моя ты родна матушка!
Что мати споро́дила несча́стливаго,
Да несчастливаго да нетала́нливаго:
Да силою меня-де ты не сильняго,
Да поездкой меня не наездника.
Говорила ему матушка сударыни:
— Да удалый ты дородний добрый молодец!
Да я рада́ молодца́ бы тя спородити.
Ужо силою в Самсона Колыва́новича,
Да смельством напуском в Илью Муромца,
Да кра́сотой во Осипа прекраснаго,
Да кудрями в царя-де Кудрея́ница,
Да поездкой во Дюка во Степановича,
Да пощапкой в Чурила сына Плёнковича.

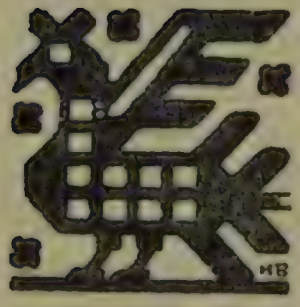
Да такова́ молодца́ тебя госпо́дь бог зароди́л.
Да больше Добрыня не распрашиваёт,
Да со своею матерью прощается,
Да паче тово-де с молодой женой.
Да молодой-то жены да сам наказывал:
— Да хороша Катерина дочь Микулична!
Да я в поле проезжу ведь семь годов,
Да под дубом простою да всёго девять лет,
Да всё Катерина ты вдовой живи.
Да тогда я не буду из чиста поля,
Да хоть вдовой живи да хошь замуж поди,
Не ходи не за князя, не за боярина,
Да вы́бери бога́тыря проти́во хошь меня́.
Да еще не ходи за Алёшу за Поповича,
Да ён вор собака мне кресто́вой брат,
Да крестовой-от брат а паче роднаго.
Да в торока Добрыня кладёт платьё цветное,
В торока-ты кладёт и калены стрела,
В торока кладет и золоту казну.
Скоро Добрыня забирается.
Забирался Добрыня на коня́ ли сам сел,
Поехал по городу по Киеву,
Да уехал Добрыня во чисто́ полё.
Да в поле проездил он семь годов,
Да под дубом простоял а всего́ девять лет,
Да всё Катерина-та вдовой живёт.
Да выехал Алёша во чисто́ полё,
Да проездил ён долог день до вечера,
Да приехал ко князю сам подска́зывается:
— Да свет государь ты Владимир князь!
Да ездил я сегодня во чисто́ полё,
Да видел Добрыню бита ранена лежит,
Да буйной головой а во ракитов куст,
Да резвыми ногами во чисто полё.
Да ору́дия вся-де поразмётана,
Да черные враны тело трынкают.
Да ево-то хозяйка замуж пошла,
Да за премладова Алёшу за Поповича.
Да на силу ей князь понево́лил-де пойти́,
Да в пятницу у их рукоби́тье было́,
Да в суботу у их ужо и сва́дьба была́,

В воскресенье у их и столованьё.
Да на светло-то христово воскресениё,
Да поехал Илья Муромец в чисто́ поле,
Стретил Добрынюшку Микитьевича.
Да едет Добрыня из чиста́ поля,
Да начал Добрыня-то про Киев град выспра́шивати,
Да Илья ему Муромец расска́зывати:
— Премладыи Добрынюшка Мики́тьевич!
Тебе первое сло́вцо нера́дошноё:
Да твоя-та хозяйка за му́ж пошла,
За премладаго Алёшу за Поповича,
На силу-де ей князь а поневолил-де пойти
Да сегодня у их столова́ниё.
Да больше Добрыня не расспра́шиваёт,
Да поехал ко городу ко Киеву.
Да будет Добрыня на своём широ́ком дворе,
Да не узнала е́во матушка родимая,
Сама говорила таково слово:
— Ты какая поляница наехала,
Не видала ли Добрынюшки Микитьевича?
Да нельзя признать Добрынюшки Микитьевича:
Да езжучись детина по чисту полю,
Стоячись-де детина под сыры́м дубом,
Истаскалосе да платье цветное,
Издержаласе да золота казна,
Испошил-де кафтаны всё звериные,
Да шапки, сапоги да всё звериноё.
Говорил-де Добрыня таково слово:
— Да помнишь ли, мать, спамятуешь ли,
Да у Добрыни на право́м лице три зна́мени было?
Говорила ево матушка сударыни:
— Да роспекло-де у нас как солнце красноё,
Да закатается-де млад светёл месяц,
Да твоя-та хозяйка замуж пошла
За премладаго Алёшу за Поповича,
Да на силу-де ей князь поневолил-де пойти.
Говорил-де Добрыня таково слово:
— Государыни моя ты родна матушка!
Да мне подай-ко, мать, платьё скоморошноё,
Да мне подай-ко, мать, гусли́ хрустальнии.
Да подай мать шалыгу подорожную.

Да пошол-де Добрыня во почестной пир,
Да садился Добрыня на упечинку,
Начал во гусли наи́грывати,
Первой раз играл от Царя́-де города̀,
Другой раз играл от Еруса́лима,
Третьей раз стал наигрыва̀ти,
Да всё своё-то похожденьицо расска́зывати.
Да князю эта игра и по уму пришла,
Сам говорил и таково слово:
— А й-де ты, дети́на скоморошина!
Да поди-ко де́тина ты во поче́стной пир,
Тебе первое место подле́ меня сади́сь,
Другое́-то место супроти́во-де меня̀,
Тре́тье-то место, куды сам похошь.
Да пришол-де Добрыня во почестной пир,
Да садился противо Алёши с молодой женой,
Начал во гусли наи́грыва̀ти,
Пе́рвой раз играл от Царя-де-города,
Дру́гой раз играл от Еруса́лима,
Тре́тей раз стал наигрывати,
Всё своё-то похожденьицо расска́зывати.
Никто-то тому не догадается,
А Катя тому и догадаласе.
Говорил-де Добрыня таково слово:
— Свет государь ты Владимир князь!
Прикажи Алёшиной да молодой жены,
Да мне налить-де стака̀нъ и зелена вина.
Наливала Катерина стака̀нъ-и зеле́наго вина,
Положила на подноса̀ъ-и на серебряной,
Да подносила Добрыни, низко кланяласе.
Да выпил Добрыня стака̀нъ-и зелена́ вина,
Наливал стакан да назадь подавал,
Да опустил-де во чару ту злачен перстень
Молодца Добрынюшки Микитьевича,
Да сам говорилъ-и таково слово:
— Да выпивай Катерина стакан до́ суха вина.
Да выпьешь ты до дна, дак увидашь добра.
Выпивала Катерина сто́кан до́ суха вина̀,
Да нашла-де во чары-то злачен перстень
Да молодца Добрынюшки Микитьевича,
Да сама говорила таково слово:

— Светъ государь ты Владимир князь!
Да не тот мне-ка люб, а кой подлé меня сидúт,
А тот мне-ка люб, кой супротúво менѐ,
Да молодец Добрынюшка Микитьевич.
Да я не знаю, откуда его бог принёс.
Да князю эта речь-и за беду пришла,
За великую досаду не за малую.
Да говорил-де Добрыня таково слово:
— Да свет государь ты Владимир князь!
Кабы ты-де был а не Владимир князь,
Назвал бы тебя я ужо сводником,
Да государыню княгину бы я сво́дницею.
Да вы зачем от жива мужа жену́ да отняли?
Да брал Добрыня Алёшу за желты́ кудри,
Да прямо через стол а передéргивает,
Да начал шалыгой поворачивати:
В бухканье не слышно охканья,
Да не дал ему смерти скорые,
Да дал ему безвечье вековечноё,
Да столько Алёша-та женат бывал,
Да столько Алёша-та с женой сыпал.

Записано там же, 12 августа.



223

МОЛОДОСТЬ ЧУРИЛЫ

В сто́льнём городи во Киеви,
У ласкова князя у Владимира,
Хороший заве́ден был почестной пир,
На многие на князи да на бояра,
Да на сильни могучие богатыри.
Белой день иде ко вечеру,
Да почестной-от пир идёт навеселе.
Хорошо государь роспотешился,
Да выходил на крылечко перёное,
Здрел-смотрел во чисто полё
Да из да́леча дале́ча поля чиставо,
Толпа мужиков да появиласе.
Да идут мужики да всё киевляна,
Да бьют они князю жалобу кладут:
— Да солнышко Владимир князь!
Дай государь свой пра́ведные суд,
Да дай-ко на Чурила сына Плёнковича.
Да сегодня у нас на Саро́ге не реки́
Да неведомыи люди появилисе,
Да наехала дружина-та Чурилова.
Ше́лковы не́воды заме́тывали,
Да тетивки были семи́ шелков,
Да плутивца у сеток-то серебряные,
Камешки позолоченые.
А рыбу Сарогу повыловили,
Нам государь свет улову нет,
Тебе государь свежа куса нет,
Да нам от тебя нету жа́лованья.
Скажутся называются

Всё оны дружиною Чуриловою.
Та толпа на двор прошла,
Новая из поля появиласе.
Да идут мужики да все ки́евляна,
Да бьют оны́ челом жалобу кладут:
— Да, солнышко, да наш Владимир князь!
Дай, государь, свой праведные суд,
Дай-ко на Чурила сына Плёнковича.
Севóдня у нас на тихих зáводях
Да неведомые люди появлялисе,
Гуся да лебедя да повы́стреляли,
Серу пернату малу утицу.
Нам, государь-свет, улову нет,
Тебе, государь, свежа куса нет,
Нам от тебя да нету жáлованья.
Скажутся а называются
Всё оны дружиною Чуриловою.
Та толпа на двор прошла,
Новая из поля появиласе.
Идут мужики да все киевляна,
Бьют оны челом жалобу кладут:
— Солнышко, да наш Владимир князь!
Дай, государь, свой праведные суд,
Дай на Чурила сына Плёнковича.
Да севóдня у нас во темны́х во лесáх
Неведомые люди появилисе,
Шéлковы тéнета заметывали,
Кунок да лисок повы́ловили,
Чернаго сибирскаго соболя.
Нам, государь-свет, улову нет,
Да тебе, государь-свет, корысти нет,
Нам от тебя да нету жалованья.
Скажутся а называются
Всё оны́ дружиною Чуриловою.
Та толпá на двор прошла,
Новая из поля появиласе.
А и́де молодцов до пяти́ их сот,
Мóлодцы на конях одноличные,
Кони под нимá да однокáрие были,
Жéребцы всё латынские,
Узды пóвода у их а сорочи́нские,

Седёлышка были на́ золоте,
Са́пожки на ножках зелен сафьян,
Зелена сафьяну-то турецкаго,
Сла́внаво покрою-то немецкаго,
Да крепкаво шитья-де ярославскаго.
Скобы гвоздьё-де были на́ золоте,
Да ко́жаны на мо́лодцах лосиные,
Да кафтаны на мо́лодцах голу́б скурлат,
Да источниками подпоясаносе,
Колпацки золоты́е верхи.
Да молодцы на ко́нях быв со свечи́-де горят,
А ко́ни под нима быв соколы́-де летят.
Доехали приехали во Киев град
Да стали по Киеву уро́дствовати,
Да лук чеснок весь повы́рвали
Белую капусту повы́ломали,
Да старых-то старух обезвичили,
Молоды́х молодиц в соромы́-де довели,
Красных девиц а опозорили.
Да бьют челом князю всем Киевом,
Да князи-ты просят со княгинами,
Да боя́ра-ты просят со боя́рынями,
Да все мужики огородники:
— Да дай, государь, свой пра́ведные суд,
Да дай-ко на Чурила сына Плёнковича.
Да сегодня у нас во городе во Киеве,
Да неведомые люди появилисе.
Да наехала дружина та Чурилова,
Да лук, чеснок весь повырвали
Да белую капусту повы́ломали.
Да старых-то старух обезвичили,
Молодых молодиц в соромы́-де довели,
Красных девиц а опозорили.
Да говорил туто солнышко Владимир князь:
— Да глупые вы князи да бо́яра,
Неразумные гости торговые!
Да я не знаю Чуриловой посе́личи,
Да я не знаю Чурило где дворо́м стоит.
Да говорят ему князи и бояра:
— Свет, государь, ты Владимир князь!
Да мы знаем Чурилову посе́личу,

Да мы знаем Чурило где двором стоит.
Да двор у Чурила ведь не в Ки́еви стои́т,
Да двор у Чурилы не за Ки́евом стои́т.
Двор у Чурила на Почай на реки́,
У чудна креста да Мендалидова,
У святы́х мощей а у Бори́совых.
Да около двора да всё булатний тын,
Да ве́реи были всё точёные.
Да поднялся князь на Почай на реку́,
Да со князьями-ты поехал со боярами,
Со купцами со гостями со торговыми,
Да будет князь на Почай на реки́
У чудна креста де Мендалидова,
У святых мощей да у Борисовых,
Да головой-то ка́ча, сам приговариват:
— Да, право мне, не пролгали мне.
Да двор у Чурила на Почай на реки́,
Да у чудна креста де Мендалидова,
У святых мощей да у Борисовых.
Да около двора все булатний тын,
Да ве́реи-ты были все точёные,
Воротика-ты всё были все стекольчатые;
Подворотенки да дорог ры́бей зуб.
Да на том дворе-де на Чуриловом,
Да стояло теремов до семи до десяти.
Да во которых теремах Чу́рил сам живёт,
Да трои сени у Чурила-де косивчатые,
Трои сени у Чурила-де реша́тчатые,
Да трои сени у Чурила-де стеко́льчатые.
Да из тех-де из вы́соких из теремов,
На ту ли на улицу падовую,
Да выходил туто старыи матёрый человек.
На ста́ром шуба-то собо́лья была́,
Да под до́рогим под зе́леным под ста́метом,
Да пугвицы были вальячные,
Да вальяк-от литый красна золота.
Да кланяется поклоняется,
Да сам говорит и таково слово.
— Да свет-государь ты Владимир князь!
Да пожалуй-ко Владимир во высо́к терём,
Во высо́к терём хлеба кушати.

Да говорил Владимир таково слово:
— Да скажи-ко мне старыи матёрый человек
Да как тебя да именём зовут,
Хотя знал у кого бы хлеба кушати?
— Да я Пленкò да гость Сарожанин,
Да я ведь Чурилов-от есть батюшко.
Да пошóл-де Владимир во высок терём,
Да в терем-от идёт да всё дивуется.
Да хорошо-де тéремы да изукрáшены были:
Пол-середà одногò серебрà,
Печки-ты были всё муровлéные,
Да потики-ты были всё серéбряные,
Да потолок у Чурила из черны́х соболéй,
На́ стены сукна навúваны,
На сукна-ты стёкла набúваны.
Да все в терему-де по небесному,
Да вся небесная луна-де принавéдена былà,
Ино всякия утехи несказáнные.
Да пир-от идёт о полу́-пиру,
Да стол-от идёт о полу́-столе,
Владимир князь роспотешилсе,
Да вскрыл он окошечка немножечко,
Да поглядéл-де во дáлече чистó полё.
Да из дáлеча далéча из чистá поля,
Да толпа молодцов появиласе,
Да еде молодцóв а боле тысящи,
Да середи́-то силы ездит купáв молодéц,
Да на мóлодце шуба-та собóлья былà,
Под дóрогим под зéленым под стáметом.
Пугвицы были вальячные,
Да вальяк-от литый красна золота,
Да по дóрогу яблоку свирскому.
Да едё молодец да и сам тешится,
Да с коня-де на коня перескáкиваёт,
Из седла в седло перемахиваёт.
Через трéтьево да на четвёртаго,
Да вверх копьё побрáсываёт,
Из ручки в кучки подфатываёт.
Да ехали приехали на Почáй на рекý,
Да сила та ушла-де по свои́м теремàм.
Да сказали Чурилы по незнáемых гостéй,

Да брал-де Чурило золоты ключи,
Да ходил в амбары́ мугазенные,
Да брал он сорок сороков че́рных соболёв,
Да и многие пары лисиц да куниц,
Подарил-де он князю Владимиру.
Да говорит-де Владимир таково слово:
— Да хоша много было на Чурила жа́лобщиков,
Да побольше того-де челом-би́тчиков,
Да я теперь на Чурила да суда́-де не дам.
Да говорил-де Владимир таково слово:
— Да ты, премладыи Чурилушко сын Плёнкович:
Да хошь ли итти ко мне во стольники,
Да во стольники ко мне во чашники.
Да иной от беды дак откупается,
А Чурило на беду и нарывается.
Да пошол ко Владимиру во стольники,
Да во стольники к ему во чашники.
Приехали они ужо во Киев град,
Да свет государь да Владимир князь,
На хороша́ на новаго на стольника,
Да завёл государь-де почестной пир.
Да премла́дыи Чурило-то сын Плёнкович,
Да ходит-де ставит дубовы́ столы,
Да желтыми кудрями сам потря́хиваёт,
Да же́лтыи кудри рассыпаются,
А быв скаче́н жемчу́г раскатается.
Прекрасная княгина-та Апраксия
Да рушала мясо лебеди́ноё,
Смотрячи́сь-де на кра́соту Чурилову,
Обрезала да руку белу правую.
Сама говорила таково слово:
— Да не дивуйте-ко вы жены господские,
Да что обрезала я руку белу правую.
Да помешался у мня разум во буйно́й головѐ,
Да помутилисе у мня-де очи ясные.
Да смотрячи́сь-де на кра́соту Чурилову,
Да на его́-то на́ кудри на желтые,
Да на его́-де на́ перстни злаченые.
Помешался у мня разум во буйно́й головѐ,
Да помутились у меня да очи ясные.
Да сама говорила таково слово:

— Свет, государь, ты Владимир князь!
Да премла́дому Чурилу сину Плёнковичу
Не на́ этой а ёму службы быть,
Да быть ему-де во постельниках,
Да стлати ковры да под нас мяккие.
Говорил Владимир таково слово:
— Да суди́ те бог княгина, что в любовь ты мне пришла̀.
Да кабы ты княгина не в любовь пришла,
Да я срубил бы те по плеч да буйну голову,
Что при всех ты господах обесчестила.
Да снял-де Чурила с этой бо́льшины,
Да поставил на бо́льшину на и́ную,
Да во ласковые зазыватели,
Да ходить-де по городу по Киеву,
Да зазывати гостей во почестной пир.
Да премладыи Чурило-то сын Плёнкович,
Да улицми идёт да переулкамы,
Да желтыми кудрями потря́хиваёт,
А желтые ты кудри рассыпаются.
Да смотрячи́сь-де на кра́соту Чурилову,
Да старици по кельям онати оны дерут,
А молодыи молодицы в голенища с...
Красные девки отселья (от селья?) дерут.
Да смотрячи́сь-де на красоту Чурилову,
Да прекрасная княгина-та Апраксия,
Да еще говорила таково слово:
— Свет государь, ты Владимир князь!
Да тебе-де не любить, а пришло мне говорить,
Да премла́дому Чурилу сыну Плёнковичу,
Да на́ этой а ёму службы быть,
Да быти е́му во постельниках,
Да стлати ковры под нас мяккие.
Да видит Владимир, что беда пришла,
Да говорил-де Чурилу таково слово:
— Да премладыи Чурило, ты сын Плёнкович!
Да больше в дом ты мне не на́добно.
Да хоша в Киеви живи, да хоть домой поди.
Да поклон отдал Чурила да и вон пошол.
Да вышел Чурило-то на Киев град,
Да нанял Чурило там извощика,

Да уехал Чурило на Почáй на рекý,
Да и стал жить быть а век коротати.
Да мы со той поры Чурúла в старинáх скажём,
Да отныне сказать, а будем дó веку.
А й диди диди дудай — боле вперёд не знай!

Записано там же, 11 августа.

224

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ

Накануне было праздника христова дни,
Канун-де честна́го благовещенья.
Выпадала порошица-де сне́г а молодо́й.
По той-де порохе по бело́му по снежку́
Да не белый горносталь следы прометывал
Ходил-де гулял ужо купав молодец
Да на́ имя Чурило сын Плёнкович.
Да ронил ён гвоздочики серебряные
Скобочки позоло́ченые.
Да вслед ходя малые ребятушка
Да собирали гвоздочики серебряные,
Да тем-де ребята головы́ кормят
Да загулял-де Чурило ко Бермяты ко высоку́ терему́.
Да Бермяты во дому да не случилосе,
Да одна Катерина прилучиласе.
Отворялось окошечко косивчатое,
Не белая лебёдушка проки́чала,
Говорила Катерина таково слово:
— Да удалый дородний добрый молодец!
Да премладыи Чурила ты сын Плёнкович,
Пожалуй ко мне во высо́к терём.
Пришол-де Чурило во высок терём,
Крест кладет по писаному,
Да поклон-от ведёт по ученому,
Кланяется да поклоняется
На все четыре на сторонушки,
Катерины Чурило и в особину.
Да брала Катерина-та доску хрустальнюю,
Шахматы брала серебряные,

Да начали играть а с им во шахматы.
Говорила Катерина-та Микулична:
— Да премладыи Чурила ты сын Плёнкович!
Да я тя поиграю, тебя Бог простит,
А ты меня поиграешь, тебе сто рублей.
Да первой раз играл Чурило ею мат давал,
Да взял с Катерины денег сто рублей.
Да другой-де раз играл, да ей другои-де мат давал,
Да взял с Катерины денег две́сти рублей.
Да третей-де раз играл, да ей третей-де мат давал,
Да взял с Катерины денег три́ста рублей.
Да бросала-де Катерина доску хрустальнюю
Да шахматы бросила-де серебряные,
Да брала-де Чурила за руки за бе́лые,
Да сама говорила таково слово:
— Да ты премладыи Чурилушко сын Плёнкович.
Да я не знаю играть с тобою во шахматы,
Да я не знаю глядеть на твою кра́соту,
Да на твои-ты на кудри на же́лтые,
На твои-ты на перстни злаче́ные,
Да помешался у мня разум во буйно́й голове,
Да помутились у меня-де очи ясные,
Смотрячись-де Чурило на твою на красоту́.
Да вела ево во ложню во те́плую.
Да ложились спати во ложни те́плые,
Да на мякку пе́рину на пухо́вую,
Да начали с Чурилом забавлятисе.
Да бы́ла у Бермяты-де девка черна́вка его̀,
Да ходит она по терему, шурчи́т да бурчи́т:
— Хороша ты, Катерина дочь Микулична!
Еще я пойду к Бермяты, накучу́ да намучу́.
Да тово Катерина не пытаючи,
Да во ложни с Чурилом забавляется.
Да пошла-де девка во божью́ церковь.
Приходит-де девка во божью́ церковь.
Крест-от кладёт и по писаному
Да поклон-от ведёт по ученому,
На вси стороны девка поклоняется,
Да хозяину Бермяты-де в особину:
— Ласковой мой хозяйнушко!
Да старыи Бермята сын Васильевич

Да стоишь ты во церкви богу молишься,
Над собой ты незгоды-то не ве́даёшь.
Да у тебя в терему́ есть ужо гость гостит.
Да незваный-де гость а не прика́зывно́й,
Да с твоею-то женою забавляется.
Да говорил-де Бермята таково слово:
— Да правду говоришь, девка, пожалую,
А нет, тебе дуры срублю голову.
Говорила-де девка таково слово:
— Да мне, сударь, не веришь, поди са́м а досмотри́.
Да пошол-де Бермята из божье́й церквы,
Да пришол ко высокому ко терему,
Да застучал во кольцо-де во серебряное.
Спит Катерина не пробудится.
Да застучал-де Бермята во второй након.
Да спит Катерина не пробудится.
Да застучал-де Бермята во третей након,
Да из-за всей могуты́-де богатырские,
Теремы-ты все да пошаталисе,
Маковки поламалисе.
Услышала Катерина та Микулича,
Да выбегала в одной тоненькой рубашечке без пояса,
В однех тоненьких чулошках без чеботов,
Отпирала Катерина широкие ворота,
Запущала Бермяту Васильевича.
Говорил-де Бермята таково слово:
— Что Катерина не снарядна идёшь?
Сегодня у нас ведь честно́й праздничёк.
Честное христово благове́щеньё.
Да умее Катерина как ответ держать:
— Да ласковой мой хозяйнушко!
Да старыи Бермята сын Васильевич,
Да болит у мня буйна́я голова́,
Опущалась болесни́ца ниже пупа и до по́яса,
Да во те ли во нижнии че́рева,
Не могу хорошо я обряди́тися.
Да пришол-де Бермята во высо́к терём,
Да увидел-де платье всё Чурилово,
Да шапка, сапоги, да всё Чурилово.
Говорил-де Бермята таково слово:
— Да хороша ты, Катерина дочь Микулична!

Да я этоё платье на Чурили всё видал.
Да умее Катерина как ответ держать:
— Ласковой мой хозяйнушко,
Старыи Бермята сын Васильевич!
Да у моево родимого у бра́телка,
Да ко́нями с Чурилом-то поме́няносе́,
Да цветным-то платьем побра́таносе́.
Да того-де Бермята не пытаючи,
Да берет-де со стопки саблю вострую,
Да идёт-де Бермята в ложню теплую.
Да увидел Чурила на кровати слоновы́х костей,
На мяккой пери́ны на пуховые.
Да не лучная зорюшка просветила,
Да вострая сабелька прома́хнула,
Да не крущатая жемчужинка скатиласе,
Да Чурилова головушка свалиласе,
Да белые горох а росстилаетсе,
Да Чурилова кровь-и проливаетсе,
Да по той-де по се́реды кирпичные
Да Чуриловы кудри валяютсе.
Да услышала Катерина та Микулична,
Да брала два ножа она, два вострые,
Становила ножи че́ренем во сыру́ землю,
Да разбегалась на ножики на вострые,
Да своею она грудью белою.
Да подрезала жи́лиё ходячеё,
Да выпустила кровь-и ту горячую
Да погинуло две головушки,
Да что хорошие го́ловы не лучшие.
Да старые Бермята сын Васильевич
Да дождался христова воскресенье,
Да пропустил-де он неделю ту он светлую,
Старую девку чернавушку,
Да берет е́ю за правую за рученку
Да сводил-де девку во божью́ церковь,
Да принял с девкой золоты́е венцы́,
Да стал жить быть да век коротати.
Да мы с той поры Бермяту в старинах скажём,
Да премла́дого Чурила сына Плёнковича.

Записано там же, 12 августа.

225

ДЮК

Из славнаго города из Галича,
Из Волынь земли богатые,
Да из той Карелы из упрямые,
Да из той Сарачины из широки,
Из той Индеи богатые,
Не ясён сокол там пролётывал,
Да не белой кречетко вон выпорхивал,
Да проехал удалой дородний доброй молодец,
Молодой боярской Дюк Степанович.
Да на гуся ехал Дюк на лебедя,
Да на серу пернасту малу утицу,
Да из утра проехал день до вечера,
Да не наехал нé гуся и не лебедя,
Да не серой пернастой малой утицы.
Да не расстреливал ведь Дюк-от триста стрел,
Да триста стрел ровно трú стрелы,
Головой-то качат проговаривает:
— Да всем-то стрелам я цену знаю,
Только трём стрелам цены не ведаю.
Почему эти стрелы были дороги?
Да потому эти стрелы были дороги,
На три гряночки были стрелы строганы,
Да из той трестиночки заморские.
Да еще не тем стрелы были дороги,
Что на три гряночки были стрелы строганы,
Да тем-де были стрелы дороги,
Перены-де пером были сизá орла,
Не того орла сиза орловича,
Да которой летае по святой Руси,

Бьет сорок, ворон, черную галицу.
Да тово-де орла сиза орловича,
Да который летае по синю морю,
Да и бьет-да он гуся да и лебедя
И отлетаёт садится на бел камень,
Щиплет ронит-де перьица орлиные,
Да отмётыват на́ море на синеё.
Мимо едут-де гости карабельщики,
Да развозят те перьица по всем ордам,
По всем ордам по всем украинам,
Дарят царей всё царевичёв,
Дарят королей и королевичёв,
Дарят сильных могучих богатырёв.
Да пришли эты перья мне во да́ровях,
Оперил-де я этым пе́рьем три́ стрелы.
Да еще не тем, братцы, были стрелы дороги,
Что перены-де были перьем сиза́ орла, —
Да тем-де стрелы были дороги:
В нос и в пяты втираны каменья яфанты.
Где стрела та лежит, так от ней луч печёт,
Будто в день от краснаго от солнышка,
Да в ночи то от светлаго от месяца.
Да собирал Дюк стрелы во един колчан.
Да дело то ведь, братцы, деется:
Да во ту ли во суботу великодённую
Да приехал Дюк во свой Галич град,
Да ушли ко ве́черни ко христовские,
Да пошол Дюк ко ве́черни христовские,
Отстояли ве́черню в церкви божьей,
Да выходит-де Дюк из божье́й церквы,
Становился на крылечки перёные.
Да выходит ево матушка из божье́й церквы,
Да понизешенько Дюк поклоняется,
Да желтыма-ты кудрями до сырой земли,
Да и сам говорит-то таково слово:
— Государыни ты, свет а моя матушка!
Да на всех городах, мать, много бывано,
Да во городи во Киеви не бывано,
Да Владимира князя, мать, не видано,
Да государыни княгины свет Апраксии.
Дай мне, матушко, прощенье-бласловление —

Съездити во Киев град,
Повидати солнышка князя Владимира,
Государыню княгину свет Апраксию.
Говорила ему мать да таково слово:
— Да свет ты, моё чадо милоё,
Да молодой ты боярской Дюк Степанович!
Да не езди-тко ты ужо во Киев град.
Да живут там люди всё лукавые,
Изведут тебя доброго молодца,
Быв хороша наливного яблока.
Да говорил Дюк матери ответ держал:
— Да государыни моя ты, родна матушка!
Да даси́, мать, прощеньё — поеду я,
И не даси́, мать, прощенья — поеду я.
Да давала матушка прощениё,
Да матушкино благословениё
Давала матушка плётоньку шелковую.
Да поклон отда́л Дюк прочь пошол,
Да ходил на конюшню стоялую,
Да выбирал же́ребца себе нее́зжана,
Да изо ста́ брал да из тысячи,
Да и выбрал себе бурушка косматаго.
Да у бурушка шорсточка трёх пядей,
Да у бурушка грива была трёх локот,
Да и фост-от у бурушка трёх сажён.
Да уздал узду ему течмяную,
Да седлал ён седелышко черкасское,
Да накинул попону пестрядиную,
Да строчена была попона в три строки:
Да перва́я строка красным золотом,
Да друга́я строка чистым се́ребром,
Да третья строка медью казаркою.
Да котора-де была казарка медь,
Да подороже ходит злата и серебра,
Да не дорога узда была в целу тысящу,
Да не дорого седёлко во две тысящи,
Да попона та была во три тысячи.
Снарядил-де Дюк лошадь богатырскую,
Да отходит прочь сам посматриват,
Да посматриват Дюк поговариват:
— Да и конь ли лошадь, али лютой зверь

Да с-под-наряду добра коня не видети.
Да в торока ты кладёт платья цветные,
В торока ты кладёт калены стрелы,
Да в торока ты кладёт золоту казну,
Да скоро дéтина забирается.
Забирался-де скоро на коня́ ли сам сел,
Хорошо-де под ним добрый конь повыскочил,
Через стену маше прямо городовую
Через высоку башню наугольнюю.
Да хорошо-де пошел в поле добрый конь,
Да мети-ты мече он по́ версты,
Да мети-ты мече по две версты,
Да по две по три пяти́-де вёрст.
Да повыше идёт дерева жаровчата,
Да пониже иде облака ходячего,
Да он реки озёра межу ног пустил,
Да гладкие мхи перескакивал,
Да синеё-то море кругом-де нёс.
Да налегала на молодца Горынь-змея,
Да о двенадцати зла-де ли о хоботах,
Да и хочет добра коня огнем пожечь.
Да добрый конь у змеи ускакивал,
Да добра молодца у смерти унашивал.
Да налегал тут на мóлодца лютый зверь,
Да хочет добра коня живком сглотить,
Да со боярским со Дюком со Степановым.
Да доброй конь у зверя́ ускакивал.
Добра молодца у смерти унашивал.
Да налетало на молодца стадо грачев,
Да по нашему стадо черных воронов,
Да хотят оны молодца растóргнути.
Да доброй конь у грачёв ускакивал,
Добра молодца у смерти унашивал.
Да й те заставы Дюк проехал вси,
Да на заставу приехал на четвертую.
Да край пути стоит во поли бел шатёр,
Во шатри́-то спит могуч бóгатырь,
Да старой-де казак Илья Муромец.
Да приехал-де Дюк ко белу шатру,
Да не с разума слово зго́ворил:
— Да кто-де там спит во белом шатре,

Да выходи-ко с Дюком поборотися.
Да вставае Илья на чеботы́ сафьянные.
Да на сини чулки кармазинные,
Да выходит старик из бела шатра,
Да сам говорит таково слово:
— Да я смею-де с Дюком поборотися,
Поотведаю-де Дюковой-то храбрости.
Да одолила-де страсть Дюка Степанова,
Да падал с коня Ильи во резвы ноги,
Да и сам говорил а таково слово:
— Да одно у нас на небеси-де солнце красное,
Да один на Руси-де могуч богатырь,
Да старой-де ка́зак Илья Муромец!
Да кто-де с им смее поборотися,
Тот боками отведат матки тун-травы.
Да Ильи эти речи полюбилисе,
Да и сам говорил а таково слово:
— Да ты удалой дородний доброй молодец,
Молодой ты боярской Дюк Степанович!
Да ты будёшь во городи во Киеви,
Да живут там ведь люди всё лукавые,
Да и станут налегать на тéбя молодца,
Да ты пиши ярлы́ки скорописчаты,
Да ко стрелам ярлыки припечатывай,
Да растреливай стрелы во чисто́ поле.
У меня-де летае млад ясён сокол,
Да собирает-де все стрелы со чиста поля.
Да пособлю-де я, детина, твоему горю.
Да поклон отдал Дюк на коня́ ли сам сел,
Да поехал ко городу ко Киеву.
Да приехал он ведь во Киев град,
Через стену маше прямо городовую,
Да через высоку башню наугольнюю,
Да приехал ко палаты княженецкие.
Соходил он со добра коня,
Да оставливал он добра коня
Неприкова́на ево да непривязана,
Да пошол-де Дюк во высок терём,
Да приходит Дюк во высок терём,
Крест тот кла́дет по писаному,
Да поклоны ведет по учёному,

На все стороны Дюк поклоняется,
Желтыма-ты ку́дрями до сырой земли.
Владимира в доме не случилосе,
Да одне как тут ходя люди стряпчие.
Говорит туто Дюк таково слово:
— Да вы стряпчие люди все дворецкие!
Да где у вас солнышко Владимир князь?
Говорят ему люди стряпчие:
— Да ты удалой дородний доброй молодец!
Да изученье мы видим твое полноё,
Да не знамы теби ни имени ни вотчины.
У нас Владимира в доме не случилосе,
Да ушол ко заутрени христовские.
Да больше Дюк не разговаривал,
Да выходил он на улицю паратную,
Да садился Дюк на добра коня,
Да приехал к со́бору богородицы.
Соходил-де Дюк со добра коня,
Да оставливал он добра коня
Неприкована ево да непривязана,
Да зашол-де Дюк во божью церковь.
Да крест тот кладёт по писаному,
Поклон ведёт по ученому,
Да на все стороны Дюк а поклоняется,
Желтыма-ты кудрями до сырой земли.
Становился подле князя Владимира,
Промежду-де Бермяты Васильевича,
Промежду-де Чурила сына Плёнковича,
Да кланяется да покланяется,
Да на платье-де часто сам посматриват.
— Да погода-та, братцы, была вёшная,
Да я ехал мхами да болотами,
Убрызгал-де я свое платьё цветное.
Говорил тут Владимир таково слово:
— Да скажись-ко удалый дородний добрый молодец!
Ты коей орды да коей земли,
Тебя как молодца зовут по имени?
— Да есть я из города из Галича,
Из Волынь-земли из богатые,
Да из той Карелы из упрямые,
Да из той Сорочины из широкие,

Да из той Индеи богатые,
Молодой-де боярской Дюк Степанович,
Да на славу приехал к тебе во Киев град.
Говорил-де Владимир таково слово:
— Да скажи, удалый дородний добрый молодец!
Да давно ли ты из города из Галича?
Говорит-де Дюк ему, ответ держит:
— Да свет государь, ты Владимир князь.
Да вечерню стоял я в славном Галиче,
Да ко заутрены поспел к тебе во Киев град.
Говорил-де Владимир таково слово:
— Да дороги ли у вас кони в Галиче?
Да говорил Дюк Владимиру ответ держал:
— Да есть у нас кони, сударь, по́ рублю,
Да есть сударь кони по два рубли,
Да есть по сту, по два, по пяти-де сот.
Да своему-де я добру коня цены не знай,
Да я цены не знай, бурку не ведаю.
Говорил-де Владимир таково слово:
— Слушайте, братцы, князи, бояра!
Да кто бывал, братцы, кто слыхал,
Да от Киева до Галича много ль расстояния?
Говорят ему князи да и бояра:
— Свет, государь, ты Владимир князь!
Да окольней дорогой — на шесть мисяцев,
Да прямой-то дорогой — на три мисяца.
Да были бы-де кони переменные,
С коня-де на́ конь перескакивать,
Из седла в седло лишь перемахивать.
Да говорят ему князи да и бо́яра:
— Да свет государь ты Владимир князь!
Да не быть тут Дюку Степанову,
Токо быть мужичёнку засельщины,
Да засельщины быть деревеньщины.
Да жил у купца гостя торговаго,
Да украл унёс платьё цветное.
Да жил у и́ного боярина,
Да угнал у боярина добра коня,
На иной город приехал и красуется,
Над тобой-то князем надсмехается,
Да над нами боярами пролыгается.

Да отстояли оны заутрину в церкви божией,
Да с обиднею да святы́е честны́е молебны.
Выходили на улицу паратную,
Да на улици стоит народу и сметы нет,
Да смотрят на лошадь богатырскую,
На ево-то снаряды молодецкие.
Да садились ёны-де по добрым коням,
Да поехали к высокому терему.
Да едет-де Дюк, головой качат,
Головой-то качат проговариват:
— Да у Владимира всё а не по нашему.
Как у нас-то во городе во Галиче,
Да у моей-то сударыни у матушки,
Да мощёны-де были мосты всё дубовые,
Сверху стланы-де сукна багрецовые.
Наперёд-де пойдут у нас лопатники,
За лопатниками пойдут и метельщики,
Очищают дорогу су́кна стлатаго.
А твои мосты, сударь, неровные,
Неровные мосты да всё сосновые.
Да приехали оны к широку двору,
Головой-то качат Дюк проговариват:
— Да хороша была слава́ на Владимира,
Да у Владимира всё-де не по нашему.
Как у нас во городи во Галиче,
Да у моей-то сударыни у матушки,
Над воротами было икон до семи́десят.
А у Владимира того-де не случилосе,
Да одна та икона была местная.
Да заехали оны на широкой двор,
Да головой качат Дюк проговариват:
— Да хороша была слава на Владимира,
У Владимира-де всё а не по нашему.
Как у нас-то во городе во Галиче,
Да у моей сударыни у матушки,
На дворе стояли столбы всё серебряны,
Да продёрнуты кольца позолочены,
Разоставлена сыта́ медвяная,
Да насыпано пшены-то белоярые,
Да е что добрым коням пить-есть-кушати,
А у тебя, Владимир, того-де не случилосе.

Да зашли-де оны во высок терём,
Да садились за столы за белодубовы,
Понесли-де по чарке зелена вина.
Да молодой боярской Дюк Степанович
Головой-то качат, проговариват:
— Да, хороша была слава на Владимира,
У Владимира-де все а не по нашему.
Как у нас-то во городе во Галиче,
У моей-то сударыни у матушки,
Да глубокие были погребы,
Сорока-де сажон в землю копаны.
Зелено вино на цепях висит на серебряных,
Да были в поле-то трубы понаведены.
Да повеет-де ветёр из чиста поля,
Да проносит затохоль великую,
Да чару ту пьешь — другая хочется,
Да без третьей чары минуть нельзя.
А твое, сударь, горько зелено вино,
Да пахнёт на затохоль великую.
Понесли последню есту — колачики крупищаты.
Говорил-де Дюк таково слово:
— Хороша была слава на Владимира,
У Владимира-де все а не по нашему.
Как у нас-то во городе во Галиче,
У моей-то сударыни у матушки
Да колачик съеси, а другаго хочется,
А без третьёго да минуть нельзя.
Да твои, сударь, горькие калачики,
Да пахнут ёны на фою сосновую.
Да тут-то Чурило стало зазорко,
Да и сам говорил таково слово:
— Да свет, государь, ты Владимир князь!
Да когда правдой детина похваляется,
Дак пусть ударит со мной о велик заклад:
Щапить-басить по три года,
По стольнему городу по Киеву,
Надевать платья на раз, на другой не перенашивать.
Порок поставили пятьсот рублей:
Который из их а не перещапит,
Взяти с того пятьсот рублей.
Премладыи Чурило сын Плёнкович,

Обул сапожки-ты зелен сафьян,
Носы — шило, а пята́ — востра,
Под пяту хоть соловей лети,
А кругом пяты хоть яицо кати.
Да надел ён шубу-ту купеческу,
Да во пуговках литы добры молодцы,
Да во петельках шиты красны девицы,
Да наложил ён шапку черну мурманку,
Да ушисту-пушисту и завесисту,
Спереди-то не видно ясны́х очей,
А сзади́ не видно шеи белые.
А молодой боярской Дюк Степанович,
Да по Киеву он не снаряден шол.
Обуты-то у его лапо́тци-ты семи́ шелков,
И в этые ла́потци были вплетаны
Каменья всё яфонты.
Да который же камень самоцветные
Сто́ит го́рода всего Киева,
Опришно Зна́менья богородицы,
Да опришно прочих святителей.
И надета была у его шуба-та расхожая,
Во пуговках ли́ты люты́ звери,
Да во петельках ши́ты люты́ змеи.
Да брал он Дюк матушкино благословлениё,
Плётоньку шелковую.
Да подёрнул Дюк-от по пуговкам,
Да заревели во пуговках люты́ звери;
Да подёрнул Дюк-от по пе́телькам,
Да засвистали во пе́тельках люты́ змеи.
Да от тово-де рёву от зверинаво,
Да от тово-де свисту от змеиного,
Да в Киеви старой и малой на земли лежит.
Токо малые люди оставалисе,
Да за Дюком всем городом Киевом качнулисе.
— Тебе спасибо удалый дородний добрый молодец!
Перещапил ты Чурила сына Плёнковича.
И тогда взял он с Чурила пятьсот рублей,
Да купил на пятьсот зелена вина,
Да напоил он голей кабацких всех до́ пьяна.
Тогда все тут голи зрадова́лисе.
Тут еще Чурилу стало за́зорко,

Да сам говорил таково слово:
— Свет государь, ты Владимир князь!
Когда ж правдой детина похваляется,
Да пошлём мы туда переписчика,
Во славную во Волы́нь землю.
— Кого нам послать переписчиком?
— Да пошлём мы Добрынюшка Микитьевица.
Да поехал Добрыня во Волынь землю,
Во славной во Галич град,
Житья его богачества описывать.
Да нашол он три высоки три терема,
Не видал теремо́в таких на сём свете
Зашол Добрыня во высок терём,
Да сидит жена стара ма́тера,
Мало шолку вся в золоте.
Говорил-де Добрынюшка Микитьевич:
— Ты здравствуй, Дюкова матушка!
Тебе сын послал челомбитиё,
По-низку велел поклон поставити.
Говорила жена стара матера:
— Удалой дородний добрый молодец!
Изученье вижу твоё полноё,
Да не знай тебе ни имени ни вотчины.
А я не Дюкова здесь а есть ведь матушка,
А Дюкова здесь а есть портомойница.
Да тут Добрыни стало за́зорко.
Отъезжал-де Добрыня во чисто́ полё,
Да просыпал Добрыня ночку темную.
На утро приехал он во Галич град,
Да нашол три вы́соки три терема,
Не видал теремов таких на сём свете.
Да зашол-де Добрыня во высок терём.
Да сидит жена стара матера,
Мало-де шолку, вся в золоте.
Говорил-де Добрыня таково слово:
— Ты здравствуй, Дюкова матушка!
Тебе сын послал челомбитие,
По-низку велел поклон поставити.
Говорит жена стара матера:
— Удалый ты дородний добрый молодец!
Я не знай тебе ни имени, ни вотчины.

Да не Дюкова здесь а есть я матушка,
А Дюкова здесь а есть я божатушка.
Не найти тебе здесь Дюковой матушки.
У нас на утро христово воскресениё,
Да ты стань на дорогу прешпехтивую,
Где-ка стланы сукна багрецовые.
Наперёд пойдут у нас лопатники,
За лопатниками пойдут метельщики,
Очищают дорогу су́кна стланаго,
Дак ты стань на дорогу прешпехтивую.
Да пойдёт тут Дюкова-та матушка.
Да тут Добрыни стало за́зорко,
Отъезжал Добрыня во чисто́ полё,
Просыпал Добрыня ночку темную,
На утро приехал он во Галич град,
Да стал на дорогу прешпехтивую,
Где-ка стланы сукна багрецовые.
Наперед пошли тут лопатники,
За лопатниками пошли метельщики,
Да очищают дорогу су́кна стланаго.
Потом пошла ужо толпа-де вдов,
Пошла тут Дюкова-та матушка.
То умеет детина покланятися
Желтыма́ кудрями до сырой земли.
— Ты, здравствуй, Дюкова же матушка!
Тебе сын послал челомбитие,
Понизку велел поклон поставити.
Говорила Добрыни мати таково слово:
— Скажи ты, удалый дородний добрый молодец,
Я не знай тебе ни имени, ни вотчины.
А изученье вижу твоё полноё.
У нас севодня христово воскресениё,
Пойдём со мной во божью церковь,
Простой ты обедню воскресённую.
Заберу молодца тебя в высо́к терём,
Напою накормлю хлебом солию.
Простояли обедню в церкви божией,
Забрала молодца во высок терём,
Поит и кормит да много чествует.
Да премладыи Добрынюшка Микитьевич
Выходил из-за стола из-за дубоваго,

Да сам говорил таково слово:
— Да государыни ты, Дюкова матушка!
Да я ведь приехал на тебя смотреть,
Житья твоево богачества описывать:
Призахвастался сын твой богачеством.
Да брала старуха золоты ключи,
Да привела его в погребы темные,
Где-ка складена деньга не хожалая.
Смекал Добрыня много времени,
Да не мог он деньгам и сметы дать.
Да привела его в амбары мугазенные,
Где-ка складены товары заморские.
Да смекал Добрыня много времени,
Не мог товарам он сметы дать.
Да садился Добрыня на ременьчат стул,
Да писал ярлыки скорописчаты,
Да сам говорил таково слово:
— Да нам с города из Киева,
Да везти бумаги на шести возах,
Да чернил-то везти на трёх возах,
Да описывать Дюково богачество,
Да не описать будёт.
Да прощался Добрыня-то с Дюковой матушкой,
Да садился Добрыня на добра коня,
Да поехал ко городу ко Киеву.
Приехал он в славной Киев град,
Да ко князю Владимиру,
Ярлыки на дубов стол клал,
Словесно-то больше сам россказыват.
Тогда Дюкова правда сбывается,
Да будто вёшная вода розливается.
Да еще тут Чурилу стало за́зорко,
Да сам говорил таково слово:
— Свет, государь, ты Владимир князь.
Да когда же правдой де́тина похваляется,
Дак пусть со мной ударит о велик заклад:
Скакать на добрых коней,
За матушку Почай-реку,
И назад на добрых конях отскакивать.
И ударились ёны о велик заклад,
Да не о сте оны и не о тысяче,

Да ударились оны́ о своих о буйны́х головах:
Которой из их не пере́скочит.
Дак у тово молодца голова срубить.
Премладыи Чурило-то сын Плёнкович,
Выводил-де Чурило тридцать жеребцов,
Из тридцати выбирал-де самолучшаго.
Да разганивал да он разъезживал,
Из да́леча дале́ча из чиста поля,
Да скакал-де за матушку Почай-реку.
Молодой-от боярской Дюк Степанович,
Да не разганивал да не разъезживал,
Да с кру́того берегу коня своего приправливал,
Да скочил-де за матушку Почай-реку,
И назадь на добром коне отскакивал,
И Чурила к кру́тому берегу притягивал.
Тогда выде́ргивал Дюк-от саблю вострую,
Да хотел ему срубить буйну голову.
Тогда вступился князь и со княгиною,
Говорили Дюку Степанову:
— Удалый дородний добрый молодец!
Не руби ты Чурилу буйной головы,
Да спусти ты Чурила на свою волю.
Тогда Дюк-от пинал Чурила правой ногой,
Да улетел Чурило во чисто поле,
Да сам говорил таково слово:
— А й-де ты, Чурило сухоногие:
Да поди щапи с девками да с бабами,
А [не] с нами с добрыма мо́лодцами.
Да прощается Дюк-от со князем Владимиром,
С государынею княгиной Апраксией.
— Да простите вы бояра все киевски,
Все мужики огородники!
Да споминайте вы Дюка веки на́ веки.
Да садился Дюк на добра коня,
Да уехал Дюк во свой Галич град,
Ко своей-то матушки сударыни,
Да стал жить быть, век коротати.

Записано там же, 11 и 12 августа.

XLIV

ВОИНОВ

Петр Андреевич Воинов, крестьянин дер. Рыжкова на Свином озере (у Кенозера), высокий статный мужчина 59 лет, земледелец; в молодости живал в работниках у кенозерских крестьян, между прочими — у Павла Семеновича, отца Сивцева (XLIII), от которого и перенял некоторые былины; другим он научился от старика Захара Андреева, жившего в соседней с ним избе и занимавшегося плетеньем сетей; а этот Захар Андреев в свою очередь научился былинам от того же Павла Сивцева. Петр Воинов поет очень приятным голосом и складно; замечательно при этом, что былины у него не подверглись искажениям, которых можно было бы ожидать от обстоятельств его жизни: Воинов был долго в Петербурге и служил здесь несколько лет в артельщиках; во время крымской войны поступил в ополчение, где ему досталась честь быть знаменоносцем. По окончании похода, он возвратился на родину и стал крестьянствовать.

226

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СЫН ЕГО

Из славнаго города из Киева,
Выезжало две поляницы две удалые
А два сильные могучие бога́тыря.
Выезжали молодцы-де на Фавор-гору,
Роздернули мо́лодцы белой шатёр,
Проспали-то долог день до вечера,
Да темну́ю ночь да до бела свету.
По утру на зо́рюшки на утреной,
Пробуждается стары́е казак да Илья Муромец.
Говорил Илья да таково слово:
— Ставай-ко Добрынюшка Микитьевич!
Да что у нас над белым шатром да сделалось?
Налетела вещая птица у нас че́рный вран,
Жалобнешенько да он прокрикиват,
Видно сказыват он весточку нерадости́ну.
Не проехала ли поляница тут удалая,
Ли не зверь ли подходит под добрых коней?
Выставал Добрыня на резвы ноги,
Выходил Добрыня из бела шатра,
Поглядел на дорожку прямоезжую,
Увидел в чистом поли богатыря.
А еде богатырь на добром кони,
Его храбрая поездка молодецкая,
А конь под богатырем как лютой зверь,
Скоки́-ты он скаче по целой версты,
Следы-ты как доброй конь вымётыват
По целой овчины по барановой,
Изо рта у добра коня пламя́ машё,
Из ноздрей у коня да искры сыплются,

Из ушей у коня да в кудрях дым стаёт.
У богатыря шишак на головы-де как огонь горит,
А узда на кони да как лучи пекут,
От стремен у его да звезды сыплются,
От седла у него-де как зоря стаёт,
Заря стаёт да ровно утренна.
У лева стремена борзой кобель проскакиват,
На правом стремени сидит-то млад сизой орёл.
Поё орёл да всё насвистыват,
Улещат, спотешает он богатыря.
А с плеча в плечо ясен сокол да перелётыват,
Да из уха в ухо да висти перенашиват.
Сидит богатырь на добром коне, сам тешится,
Шибает палочку под облака,
А назадь-то палка опущается,
Он на белые руки подфатаючи,
До сырой земли не допускаючи.
Подходит под коней у их лютой зверь,
Заберал Добрыня коней ко белу шатру,
Насыпал пшена да белоярова.
Заходил Добрыня во белой шатёр,
Говорил Добрыня таково слово:
— Уж ты старые казак да Илья Муромец!
Проезжала поляница тут удалая,
Проезжал богатырь на добром коне.
Его храбрая поездка молодецкая
А конь под богатырем как лютой зверь,
Скоки-ты он скаче по целой версты,
Следы-ты как доброй конь вымётыват
По целой овчины по барановой,
Изо рта у добра коня пламя машё,
Из ноздрей у коня да искры сыплются,
Из ушей у коня да в кудрях дым стаёт,
У богатыря шишак на головы-де как огонь горит,
А узда на кони да как лучи пекут,
От стремен у его да звезды сыплются,
От седла у него-де как зоря стаёт,
Зоря стаёт да ровно утренна,
У лева стремена борзой кобель проскакиват,
На правом стремени сидит-то млад сизой орёл,
Поё орёл да всё насвистыват,

Улещат, спотешает он богатыря.
А с плеча в плечо ясен сокол да перелётыват,
Да из уха в ухо да висти перенашиват.
Сидит богатырь на добром коне сам тешится,
Шибае он палочку под облака
А назадь-то палка опущается
Он на белые руки подфатаючи,
До сырой земли не допускаючи.
Подходил под коней у нас лютой зверь,
Забирал я коней ко белу шатру,
Насыпал пшена да белоярова.
Говорил Илья да таково слово:
— Да а й ты Добрынюшка Микитьевич!
Садись-ко ты да на добра коня,
Поедь-ко ты да вслед с угоною.
Говорил Добрыня таково слово:
— Уж ты старые казак да Илья Муромец.
Мне не дать на богáтыря ведь напуску.
Говорил Илья да таково слово:
— Ты худая поляница ты удалая!
Выезжал ты в чистó поле поляковать,
Как наедешь в чистóм поли сильняй себя,
А как с тем ты будешь бой держать,
Али ты ему будёшь покор держать?
Поедь к жены да к своей матери,
А ты мне в товарищи не надобно.
А уздал Илья да тут добра коня,
Седлал Илья да своего коня,
Садился Илья да на добра коня,
Поехал Илья да вслед с угоною.
Настиг он богатыря в чистом поли,
А еде богатырь на добром кони,
Его храбрая поездка молодецкая,
А конь под богатырем как лютой зверь
Скóки-ты он скаче по целой версты,
Следы-ты как доброй конь вымéтыват
По целой овчины по барановой.
Изо рта у добра коня пламя́ машё,
Из ноздрей у коня да искры сыплются,
Из ушей у коня да в кудрях дым стаёт.
У богатыря шишак на головы-де как огонь горит,

А узда на кони да как лучи пекут,
От стремен у его да звезды сыплются,
От седла у него-де как зоря стаёт.
Зоря стаёт да ровно утренна.
У лева стремена борзой кобель проскакиват,
На правом стремени сидит-то млад сизой орёл,
Поё орёл да все насвистыват,
Улещат, спотешает он богатыря.
А с плеча в плечо ясен сокол да перелётыват,
Да из уха в ухо да висти перенашиват.
Сидит богатырь на добром коне сам тешится,
Шибает палочку под облака,
А назадь-то палка опущается,
Он на белые руки подфатаючи,
До сырой земли не допускаючи.
Тут Илья да пороздумался.
— Да и что мне с богатырем да будет делати?
Мне-ка биться драться не стоять будё,
А назадь отъехать дак не честь не слава молодецкая,
Что настиг я богатыря в чистом поли,
Да тут мне с богатырем не свидеться,
Не свидеться, не поздороваться.
Зарыкал Илья да по звериному,
Засвистал Илья да по змеиному,
Под богатырем конь да на колена пал,
Говорил богатырь таково слово:
— Ты мой доброй конь, да травяной мешок!
Чего ты, мой доброй конь, шарашишься,
Пужаешься крику воронинаго,
Налетела ворона порозграялась.
А еде богатырь не оглянется,
Вперед богатырь подавается.
Во-второй раз зарыкал Илья да по звериному,
Засвистал Илья да по змеиному,
Под богатырём конь да на колена пал.
Говорил богатырь таково слово:
— Ты мой доброй конь, да травяной мешок!
Чего ты, мой доброй конь, шарашишься,
Пужаешься крику воронинаго.
Налетела ворона порозграялась.
Да еде богатырь не оглянется,

Вперед богатырь подавается,
Да во трéтий раз зарыкал Илья да по звериному,
Засвистал Илья да по змеиному.
Под богатырем конь да на колена пал,
Ударил богатырь тут добра коня да по тучным бедрам:
— Ты волчья сыть, да травяной мешок!
Чего ты мой добрый конь шарашишься,
Пужаешься крику воронинного,
Видно мне ворожишь да в полону-де быть.
Обворачивал богатырь тут добра коня,
Поехал на стрету к Ильи Муромцу.
Они стали добры молодцы съезжатисе,
Будтó две сильнии горы́ вместó свалилисе.
Будто два сильнии оболóка вмéсто солетелисе:
Два богатыря вместó съезжалисе,
Они палками молодцы ударились,
А палки до рук да поломалисе.
Да и копьями мóлодцы ударились,
А и копья в кольцах попригнулисе,
А друг-то друга ведь не ранили,
Да оба из сúдел вон выпадали.
Пошли как оне на рукопашной бой,
Пошиб-то багáтырь Илью Муромца.
Садился богáтырь на белы груди,
Вынимал ножище-то кинжалище,
Éво ладит пороть да груди белые.
Говорил Илья да таково слово:
— Скажись удалой доброй молодец!
Ты коей земли, да ты коей орды,
Коего отца, да чьей матери?
Говорил богатырь таково слово:
— А чорт тебе мёртвому и надобно.
Во-вторы́е раз Илья да éво спрашивал:
— Скажись удалой доброй молодец!
Ты коей земли, да ты коей орды,
Коегó отца, да чьéи матери?
Говорил богатырь таково слово:
Да чорт тебе мёртвому и надобно,
Лежи под низом, когда те бог убил.
Да во третий раз Илья да éво спрашиват:
— Скажись удалой доброй молодец!

Ты коей земли, да ты коей орды,
Коего́ отца, да чьей матери?
Говорил богатырь таково слово:
— Да чорт тебе мёртвому и надобно.
Дак видит Илья да неминучую,
Сокопляет силу всю в одно́ место,
Зглянул Илья да на праву́ руку,
На правой руки́ подпись подписана:
— На бою Ильи да смерть не писана.
Ухватил богатыря он за белы́ груди,
Да он сшиб богатыря в чисто полё.
Выставал Илья да на резвы ноги,
Ухватил богатыря́ да за желты́ кудри,
Да он сшиб бога́тыря под о́блака.
Назадь-то богатырь опущается,
Он на белые руки подфатаючи.
Становил богатыря́ он супротив себя,
Да то стал бога́тыря он спрашивать,
И дак стал бога́тырь ему сказывать:
— Я из за́падних стран, из Золото́й орды,
Я Петре царевич золотничанин.
Я спорожон от девки Сиверьянчины,
А не знаю родителя-то батюшка.
Говорил Илья да таково слово:
— Да ай ты удалый доброй молодец!
Садись-ко ты да на добра коня,
Поедь-ко ты да к ро́дной матушки,
Скажи-тко ты да ей низко́й поклон
От старо́ва казака Ильи Муромца.
Садился богатырь на добра коня,
Приезжает богатырь к родной матушки,
Стречает ево да родна матушка,
Стречает ево да середи двора.
— Да ты ай ты, дитя ты мое милоё!
Что у тя дитя да в ли́цы кровь не та,
Сменился румянец во белом лицы.
Видно ты, дитя, да на побо́йщи был?
Говорил бога́тырь ро́дной матушки:
— Ты, свет, государынь мо́я матушка!
А был я сегодня на побоищи.
Ехал как я по чисту полю,

Настиг меня богáтырь во чистóм поли,
Зарыкал богáтырь по звери́ному,
Засвистал богатырь по змеиному,
Подо мной доброй конь да на колена пал.
А еду я да не оглядаюсь,
Вперёд ведь я да подаваюсе.
И во второ́й раз зары́кал богатырь по звериному,
Засвистал богатырь по змеиному,
Подо мной доброй конь да на колена пал.
Да еду я да не оглядаюсь,
Вперед ведь я да подаваюсе.
И да во третий раз зарыкал богатырь по звериному,
Засвистал богатырь по змеиному,
Подо мной доброй конь да на колена пал,
Тут ударил я добра коня да по тучным бедрам:
„Ты волчья сыть, да травяной мешок!
Чего ты мой добрый конь шарашишься,
Пужаешьоя крику воронинаго,
Видно мне ворожишь да в полону-де быть“.
И обворачивал тут я добра коня,
Поехал на стрету я к богатырю.
Как мы стали добры молодцы съезжатисе,
Будто́ две сильнии горы́ вместо́ свалилисе,
Будто два сильнии обло́ка вместо солетелисе,
Мы с богатырём вместо съезжалисе,
А палками мы с ним как ударились,
Да и палки до рук да поломалисе,
А копьями мы как с ним ударились,
Да копья в кольцах попригнулися,
И друг-то друга ведь не ранили,
А оба из сидел вон выпадали.
Пошли мы как с ним на рукопашной бой,
Пошиб ведь я да тут богáтыря.
Садился тут я на белы груди,
Вынимал ножище-то кинжалище,
Ево лажу пороть да груди белые.
Говорил богатырь таково слово:
„Скажись, удалой доброй молодец!
Ты коей земли, да ты коей орды,
Коего́ отца, да чьёй матери?“
Говорил ведь я да таково слово:

„А чорт тебе мертвому и надобно“.
И во вторые раз богáтырь меня спрашивал:
„Скажись, удалой доброй молодец!
Ты коей земли, да ты коей орды,
Коегó отца, да чьéи матери?“
Говорил ведь я да таково слово:
„Да чорт тебе мертвому и надобно“.
Да в третей раз богатырь меня спрашивал
„Скажись удалой доброй молодец!
Ты коей земли, да ты коей орды,
Коегó отца, да чьéи матери?“
Говорил вéдь я да таково слово:
„Да чорт тебе мертвому и надобно“.
Тут-то видит богатырь неминучую
Сокопляет силу всю в однó место,
Ухватил меня он за белы груди,
А он сшиб меня да во чисто полё.
Выставал богатырь да на резвы ноги,
Ухватил меня он да за желты кудри,
Да и сшиб меня он тут под облака,
Назадь как я тут опущаюсе
Он на белые руки подфатаючи,
До сырой земли не допускаючи.
Становил меня он супротив себя,
А и стал меня он тут-то спрашивать,
Да ведь стал-то я ведь ёму сказывать:
Я из зáпадних стран, из Золотóй орды,
Я Петре царевич золотничанин.
Спорожон от девки Сиверьянчины,
А не знаю родителя-то батюшка.
Говорил богатырь да таково слово:
„Да ты а й ты удалый доброй молодец!
Садись-ко ты да на добра коня,
Поедь-ко ты да к рóдной матушки,
Скажи-тко ты да ей низкóй поклон
От старóва казака Ильи Муромца“.
Говорила ему да родна матушка:
— Да а й ты дитя ты мóе милоё!
Ты бился с родителём ведь батюшком.
Когда ездила я во чистó полё поляковать,
Съезжались мы с им на поединочку,

Он меня побил, да тут и грех творил,
Оттого ты дитя моё зарóжено.
Говорил богатырь таково слово:
Ты свет государынь моя матушка!
Поеду я да на Фавор-гору,
Предам ему да смерть я скорую.
И обворачивал богатырь тут добра коня,
Приезжаёт к Ильину да шáтру белому,
Говорил богатырь таково слово:
— Стáвай, старая собака, ты седатой пёс!
Я предам тебе да смерть ведь скорую.
Выставал Илья да на резвы ноги,
Надевал халат да в ростопашечку,
Выходил Илья да из бела шатра,
Ухватил богатыря́ он за желты кудри,
Да он сшиб богатыря под óблака,
Да назадь богатырь опущается,
Он на белые руки не подфатаючи.
Убился богатырь о сыру землю.
Говорил Илья да таково слово:
— Едино чадушко на сём светú зароженó,
И тому от своих да рук и смерть пришла.

Записано на Кенозере, 10 августа.

227

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА

По три́ годы Добрынюшка стольничал,
По три́ годы Добрыня приворотничал,
По три́ годы Добрынюшка чашничал.
На десятоё-то лето стал конём владать,
Стал конём владать Добрынюшка по го́роду гулять.
И матушка Добрынюшке наказывала,
Государыни Добрыни наговаривала:
Уж ты, младые Добрынюшка Микитин сын!
Не езди-тко, Добрынюшка, по го́роду гуля́ть,
Да не езди-тко Микитин сын по Киеву гулять,
Ты не езди-ко во улицы Игнатьевски,
Да в те ли переулочки Маринкины.
Да и та курва̀ Мариночка Игнатьевска,
Да сама курва̀ Мариночка отравщичка,
Она много отравила князей бояр,
А поболе отравила удалых молодцов.
Отравила она девять богатырей,
Отравит тебя Добрыню во десятые.
Да и матушки Добрынюшка не слушаё,
А поехал ли Добрынюшка по го́роду гулять.
Да поехал ли Микитин сын по Киеву,
Заезжал он тут во улицы Игнатьевски,
А во те ли переулочки Маринкины.
А у той курвы Мариночки Игнатьевской,
Хорошо ли терема̀ да изукрашены.
Он увидел на Маринкином тереми,
А сидят туто голубь со голубкою,
Да носок к носку сидя ликуются,
А правѝльныма крылами обнимаются.

Розгорелось у Добрыни ретиво сердцо,
А натя́гал ли Добрынюшка свой тугой лук,
И да накла́дал ли Добрыня калену стрелу,
Да стрелял он тут во голуба с голубкою.
Не попал тут он во голуба с голубкою,
А попал он ко Маринки во высок терём,
Да во то ли то в окошечко косярчато.
А разбил у ней околенку стекольчату,
А сломил у ней прицеленку серебряну,
А убил он у Маринки дружка милаго,
А и младаго Тугарина Змиевича.
И та курва́ Мариночка Игнатьевска,
А металасе в окошечко по поясу,
Говорит курва̀ Маринка таково слово:
— А й ты младые Добрынюшка Микитьевич!
Ты на что стрелял во голуба с голубкою,
Не попал ты во голуба с голубкою,
А попал ко мне ты во высок терём,
Да разбил у мня околенку стекольчату,
А сломил у мня прицеленку серебряну,
А убил ты у меня да дружка милаго,
Младаго Тугарина Змиевича,
Обирай-ко ты поди да тело мёртвоё.
Соходил тутó Добрыня со добра коня,
Становил тут он коня да ко точёному столбу́,
Ко тому ли то кольцу да золоченому.
Заходил-то Добрыня во высок терём.
А й та курва Мариночка Игнатьевска,
А металасе Мариночка за за́весу,
А манила ли Добрынюшку за завесу,
Просидел тутo Добрыня день до вечера,
Ане друг-то другу слова не прогóворили.
Да пошол-то Добрынюшка из терема,
Да и та курва́ Мариночка Игнатьевска,
Да и брала то два ножика булатние,
А подрéзала Добрынины следочики,
Ко следам курва Маринка приговáривала:
— Как я режу то Добрынины следочики,
Так бы резала Добрынино сердечушко,
А по мне ли по Мариночке Игнатьевской.
Затопляла скоро печку муравленку,

Да метала-то Добрынины следочики,
Ко следам курва Маринка приговáривала:
— Как горя этѐ Добрынины следочики,
Так горело бы Добрынино сердечушко.
Разгорелось у Добрыни ретиво сердцо,
А по той ли по Мариночке Игнатьевской.
По утру вставае он ранёшенько,
Да и просит он прощения у матушки,
— Ты, свет, государынь моя матушка!
А и дай-ко мне прощеньицо женитися,
А на той ли на Мариночке Игнатьевской.
Говорила ли Добрыни родна матушка:
— Уж ты, младые Добрынюшка Микитин сын!
Хоть у князя ты женись, хоть у боярина,
Хоть у мужика женись ты у крестьянина,
Везде дам тебе прощениё женитися,
А не дам тебе прощеньица женитися,
А на той курвы Мариночке Игнатьевской.
Да и матушки Добрынюшка не слушаё,
А садился ли Добрыня на добра коня,
Да поехал ли Добрынюшка по городу гулять.
Заезжал он тут во улицы Игнатьевски,
Да во те ли переулки во Маринкины,
Соходил тутó Добрыня со добра коня,
Становил он тут коня да ко точеному столбу,
Ко тому ли то кольцу да золоченому,
Заходил ли то Добрыня во высок терём.
А й та курвá Мариночка Игнатьевска,
Она брала ли Добрыню за белы руки,
Говорила ли Добрыни таково слово:
— Уж ты, младыé Добрынюшка Микитин сын!
Топерь как я захочу, так тобóй поворочý,
Обвернуть тебя туром да златорогием,
От златорогаго тура поворот-от есть,
Обвернуть тебя как жабой подколоднею,
А от жабы подколодней повороту нет.
А й тут курвá Мариночка сдобрúласе,
Обвернула-то туром да златорогием,
Да спустила-то тура да во чисто полѐ.
А проведала Добрынюшкина матушка.
Приезжала ко Мариночке Игнатьевской,

Говорила ли Маринки таково слово:
— Уж ты ай, Мариночка Игнатьевска!
А ты много отравила князей бояр,
А поболе отравила удалых молодцов,
Отравила ты девять богатырей,
Отравила ты Добрыню во десятые,
Обверни́-тко ты Добрыню добрым мо́лодцом,
Я тя за Добрынюшку замуж возьму.
Не обвернешь ты как Добрыни добрым молодцом,
Обверну тебя сорочкой ве́щицею́.
Да и тут курва Маринка перепаласе,
Обвернула-то Добрыню добрым молодцом
А и та ли та Добрынюшкина матушка,
Обвернула-то Мариночку сорочкою,
Да и той ли то сорочкой вѐщицею́,
Да спустила-то сорочку во чисто полё,
С-под гуме́ньица сорочек всех повы́гонила́,
Из чиста поля сорочек всех повы́тащила̀.

Записано там же, 14 августа.

228

ДОБРЫНЯ И АЛЕША

Из-под белыя березки кудреватыя,
Из-под чудна креста Леванидова,
Из-под святых мощей из-под Борисовых,
Из-под белаго ла́тыря каменя,
Тут повышла, повышла-повыбежала.
Выбегала-вылетала матка Волга река,
Широка матка́ Волга под Казань прошла,
Пошире того она под Вастракань.
Она много матка́ Волга в собе рек побрала,
Побольше того она ручьёв пожрала,
Давала плеса она Дали́нские,
А горы долы Сорочинские,
А место-то шла она три тысячи.
А выпала Во́лга в море Че́рноё,
Да устьёв пустила ровно семдесят,
Широк перевоз да под Новы́м-градом.
Да все это братцы не сказочка,
А все это братцы прибалуточка,
Теперь-то Добрынюшки зачин пошол.
Во стольнём-то городи во Киеви,
У ласкова князь у Владимира,
Хорош погодился почестной пир,
На многие князи на бо́яра,
На сильни могучие бога́тыри,
На все поляници удалые.
Да долог день иде ко вечеру,
Почестной пир иде ко ве́селу
А красноё солнышко ко западу.
Почестной пир иде на весели,

Владимир князь да роспотешился.
Он ходит по гряни по столовыи,
Да сам государь выговариват:
— Вы сильни могучие богатыри,
Вы все поляницы удалые!
Постойте за веру христианскую,
За дом пресвятыя богородицы.
За меня за князя за Владимира,
За княгину Опракси-Тимофеевну,
За вдов, за сирот и за бессчастных жон,
А пишет невежа за угрозою,
Да просит невежа поединщика.
А все тут богатыри замолцали,
А бо́льшей тулится за среднево
А сре́дней тулится за меньшево.
От меньшево царю ответу нет.
Возговорил да Илья Муромец:
— Вы глупые русские богатыри!
Хоть долго молцать, а слово говорить.
Недавно братцы я из походу-то пришол,
Я жил на дорожки сорочинские,
На крепости-заставы богатырские,
А бился я дрался с поединщиком.
Налетела невежа черным вороном,
Не покажется невежа на мои глаза,
А я бы невежу из туга лука убил.
Накинули службу-роботушку
На млада Добрынюшку Микитича,
Тут здробело у Добрыни ретиво сердцо,
Помутились у Добрыни очи ясные,
Потемнел белой свет во ясны́х очах.
Он со пиру пришол к родной матушки,
Да не весел пришол не радошен.
Говорила Добрыни родна матушка:
— Да ай ты дитя моё милоё,
Ты младой Добрынюшка Микитьевич!
А что ты не весел со пиру пришол?
Видно место те было не по вотчины,
Али чара пива не рядом дошла,
Али пьяница тобою осмеялась,
Ай безумница прибесчестила.

Говорил Добрыня родной матушки:
– Ты свет, государынь родна матушка!
А место-то мне было по вотчины,
И чара-то пива мне рядом дошла,
Да пьяница мной не осмеялась,
Безумница не прибесчестила.
Спородила ты меня мать несчастливаго,
А силою меня не сильнёго,
Да смелостью меня не смелаго,
Поездочкой меня не храбраго,
Походочкой и не щапливаго,
Басою-красой не красовитаго,
Кудрями меня не кудреватаго,
Богачеством не богатаго.
Говорила Добрыни родна матушка:
— Да а й ты дитя ты мое милоё!
Я бы рада спородить дитя милоё,
А силой в Самсона Колыванова,
А смелостью да в Илью Муромца,
Поездочкой в Дюка Степанова,
Походочкой в Чурила Пленкова,
Басой-красой в Осипа прекраснаго,
Кудрями в царища Кудреянища,
Богачеством дитя милоё
В Садка купца да новгородского,
Таково тя Господь зародил.
А проспал Добрыня ночку тёмную,
Поутру Добрынюшка справляется,
С родителью матушкой прощается,
А паче тово с молодой женой.
И да наказывал Добрыня молодой жены:
— Да ай ты моя ты молода жена,
А ты Катерина дочь Микулична!
Как будёт Добрынюшки три годы,
А будёт Добрынюшки шесть годов,
Пройдёт как Добрыни ровно девять лет,
Не будет не весточка, не грамотка,
Не низко близко челом-битьицо,
Тогда Катерина и за муж поди,
Выбирай жениха собе по разуму.
Не ходи не за князя, не за барина,

А выдь ты за русскаго бога́тыря,
Выбирай-ко богатыря противо́ меня.
Не ходи Катерина дочь Микулична
За вора Олёшу за Поповича.
Олёша Попович мне крестовой брат,
Крестовой брат и паче ро́дного.
Садился Добрыня на добра коня,
Поехал Добрынюшка в чисто́ полё,
Отъезжал Добрыня во чисто́ полё,
Становился на до́рожку Сорочинскую,
На крепость-заставу богатырскую.
Он жил на дорожки ровно три́ года,
Не видал ни конного ни пешого,
Не серого гуся пролётного.
А платье на мо́лодци избилосе,
Надевал он пла̀тьица звериныя
Захотелось Добрынюшки помытися,
Помытись Добрыни покупатисе,
Забродил он во матку во Пучай-реку
На ту ли то пору да на то́ время
Налетела курва Яга́ баба,
Ладит Добрынюшку нага̀ пожрать.
Говорил Добрыня таково слово:
— Ай ты, курва Яга̀ баба!
Не честь не слава молодецкая
Нагого богатыря в воды пожрать.
А дай-ко, курва, надетисе,
Да дай-ко, курва, обутисе!
Да дала Яга́ баба надетисе,
А дала Яга баба обутисе,
Совсем Добрынюшка справилсе;
А стали Добрыня с бабой битисе,
Да бился Добрыня с бабой шесть годов,
Не видел ни конного ни пешаго,
Не серого гуся пролётного,
Только видел Олёшу Поповича.
А еде Олёша из чиста поля,
Да прямо-то еде он во Киев град.
Приезжал Олёша во Киев град,
Приходил Олёша ко Владимиру,
Говорил Олёша таково слово:

— Владимир ты князь да столен-Киевской!
Благослови государь меня женитисе
На той Катерины на Микуличной.
Я видел Добрыню бита ранена,
Головою лежит да в част ракитов куст,
Ногами лежит да во кувыль траву,
Да ружья лука́ исприломаны,
По сто́ронам лука́ испримётаны,
А конь-от ходит в широки́х степях.
А летают вороны-ты черные,
А трынькают тело Добрынино
Нося суставы все Добрынины.
Говорил Владимир таково слово:
— Поди-тко, Олёша, ты к ей сватайся.
Буде добром идё, дак ей добром бери,
Добром нейде, дак забоём бери,
Ты силой бери да богатырскою,
Грозою бери да княженецкою.
Приходил Олёша к ей свататься.
Не поизволила Катерина тут замуж итти.
Поизволил Владимир ей сило́м отдать,
Он силой отдать да богатырскою,
Грозою отдать княженецкою.
Севодня у них рукобитьицо,
А завтра будет у них свадебка.
По той ли по улки по Ильинскии,
Не ясной соколик пролётывал,
Проезжал пролегал тут старо́й казак,
Начальный богаты́рь Илья Муромец.
Проезжал Илья во чисто́ полё,
На ту на дорожку сорочинскую,
На крепость-заставу богатырскую,
Приезжал ко Добрынюшки Микитичу.
Говорил Илья таково слово:
— А здравствуй Добрынюшка Микитьевич!
Говорил Добрыня таково слово:
— А здравствуй, любимый ты мой дядюшко,
Начальный богатырь Илья Муромец!
Тут-то спрашивал Добрынюшка про Киёв град,
Здорово ли живёт да весь тут Киев град
Перву́ говорил он висть нерадошну:

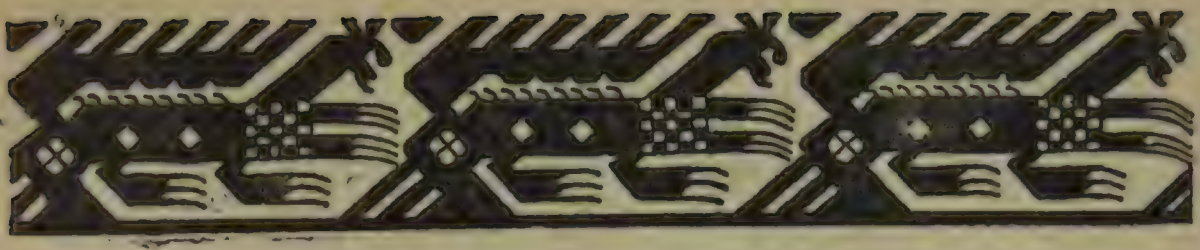
— Здорово живет да весь-то Киев град,
Как твоя-то ведь и молода жена,
Твоя Катерина дочь Микулична,
Выходит за́ вора Алёшу за Поповича.
Не добром выходит, забоём берё,
Он сило́й берё да богатырскою,
Грозою берё княженецкою.
Говорил Добрыня таково слово:
— Да а й ты, любимый ты мой дядюшка,
Начальный богатырь Илья Муромец!
Пособи-тко убить курвы Яго́й бабы.
Говорил Илья да таково слово:
— Да а й ты Добрынюшка Микитьевич!
Не честь не слава молодецкая
Двум богатырям биться с о́дной бабою.
А бей-ко ты бабу по ба́бьему,
По титькам бей да и по́д гузно.
Да спомнил он старые ухваточки,
А стал бить по титькам да и по́д гузно,
Убил он курву Ягу бабу,
Садился Добрыня на добра коня,
Поехал Добрынюшка во Киев град,
Кричит он вопит лучше старого,
Поездку кажет лучше пре́жнёго,
Да прямо-то еде он во Киев град,
Приезжал Добрынюшка во Киев град,
Скакал через стену городовую,
Через высоки башни наугольние,
Да прямо-то едё он ко терему,
Ко своей родители матушки.
Приезжал Добрынюшка ко терему,
Соходил Добрыня со добра коня,
Заходил Добрыня во высок терем,
Он крест кладет да по писаному,
Поклон выводит до сырой земли,
А бьет челом да на вси стороны,
Родители матушки в особину.
— А здравствуй, родитель моя матушка!
Говорила Добрыни родна матушка:
— Ты здравствуй, удалый доброй молодец!
Хоть Добрынюшкой ты называешься,

А нету Добрыни жива на́ свете.
А видел Олёша Попович-от,
Он видел Добрыню бита-ранена,
Головой лежит да в част ракитов куст,
Ногами лежит да во кувыль траву,
Да ружья лука́ исприломаны,
По сто́ронам лука́ испримётаны,
Да конь-от ходит в широки́х степях.
А ле́тают вороны-ты черные,
Да трынькают тело Добрынино,
Носят суставы все Добрынины.
Скидал Добрыня до-нага платьё,
Показывал пя́тенца родимные.
Под той под правой под пазушкой
А было два пя́тенца два черные,
Два че́рные пя́тенца родимные.
Говорила Добрыни родна матушка:
— Теперь воссияло красно солнышко
Ты мла́дой Добрынюшка Микитьевич!
Как твоя-то ведь и молода жена,
Твоя Катерина дочь Микулична,
Выходит за вора Олёшу за Поповича
Не добром выходит, забоём берё,
Он силой берё богатырскою,
Грозою берё княженецкою.
Вчерасе у них рукобитьицо,
Севодня-то у них свадебка.
Говорил Добрыня родной матушки:
— Ты свет, государынь моя матушка!
А дай-ко мне доску гусельнюю,
Да дай-ко мне платье скоморошноё,
А дай-ко шалыгу мне корманную,
Весу́ коя́ тяне́ пол-сема́ пуда,
Пойду я к Олёше на свадебку.
А дала мать доску гусельнюю,
Да дала мать платье скоморошноё,
Да дала шалыгу корманную,
Весу́ коя́ тяне́ пол-семи́ пуда.
Пошёл он к Олёше на свадебку,
Заходил он к Олёше во высок терём,
Садился Добрыня на ошёсточёк,

Натягал он струну про Киев град,
Другую-ту про похожденьицо,
Выигрывал своё рожденьицо.
Никто-то в пиру не догодается,
Одна Катерина догодаласе:
— Не быть то весёлой скоморошины,
А быть то Добрынюшки Микитичу.
Владимиру игра прилюбиласе,
Говорил Владимир таково слово:
— Да а й ты, весела скоморошина!
Садись, скоморох, за дубовой стол,
Первóе те место подле меня,
Другóе место на лавочке,
А третье место, куды сам садись.
Садился Добрыня на скамеечку,
Супротив Олёшиной молодой жены,
Супротив Катерины-то Микуличной.
Не долго сидел а слово выдумал:
— Владимир ты князь да столен-киевской!
Благослови, государь, слово молвити.
За слово меня да не повесити.
А пусть-ко Олёшина молода жена,
Поднесёт мне чару зелена вина.
Дак тут-то Олёшина молода жена,
Подносила чару зелена вина.
Берёт он чару единой рукой,
Выпивал он чару на единой дух,
На отместку наливал сам чару зелена вина,
Подавал Катерины-то Микуличной,
Подавае чару выговариват:
— Уж ты а й ты Олёшина молода жена,
А ты Катерина дочь Микулична!
Ты пей до дна — дак увидашь добра,
Не выпьешь до дна — дак не видать добра.
Она пила до дна дак увидáла добра:
Выкатывался перстень обручёныи,
Которым перстнём обручалисе
Со старым Добрынюшкой Микитичем.
По перстню она да догодаласе,
А тут Катерина взрадовáласе,
Говорит Катерина таково слово:

— Владимир ты князь да столен-киевской!
Благослови, государь, слово молвити,
За слово меня да не повесити.
Как не тот мой мил, да кой подлé сидит,
А тот мой мил, кой супротив сидит.
Подавал-ка чару зелена
Старо-прежний Добрынюшка Микитьевич,
Выставал Добрыня со скамеечки,
Берет он Олёшу за желты кудри,
Да он тя́не Олешу з-за дубо́ваго стола.
Е́во сшиб-то о се́реду кирпичную,
Вынимал шалыгу корманную,
Да и стал Олёшу покакивать,
А и стал Олеша поахкивать.
Во том шалышном бухканье
Не слышно Олёшина охканья.
Да только Олёша женат бывал,
Постригся Олёша впоскимился,
Пошел Олёша во мона́стыри.
А тот ли Добрынюшка Микитьевич
А брал Катерину за праву руку,
Повёл Катерину к родной матушки.
С той поры да с того времени,
Стали Добрыню стариной сказать,
Отнынь сказать да е́во до веку.

Записано там же, 10 августа.



229

МОЛОДОСТЬ ЧУРИЛЫ

Да во стольном-то во городи во Киеви,
У ласкова князя у Владимира
Хорош погодился почестной пир
На многие князи на бояра,
На сильние могучие богатыри,
На все на поляницы удалые.
Долог день идё ко вечеру,
Почестной пир идё ко веселу,
Красное солнышко ко западу,
Почестной пир иде на весели,
Владимир князь роспотешился.
Выходил он на крылечко перёное,
Овалился о перила о точеные,
Здрел-смотрел в поле чистое.
Из далеча-далеча из чистá поля
Идут мужики и все киевляна,
Бьют они целом, жалобу́ кладут,
Владимиру-то князю до сырой земли.
— Солнышко наш Владимир князь!
Дай, государь-царь, правой суд
На вора Чурила сына Пленковича.
У нас было на матки на Сароги на реки,
Неведомые люди появилисе,
Шелковы неводы запускивали,
Грузивца были серебряные,
Наплавки позолоченые.
Рыбы сорогу повыловили,
Нам, государь свет, улову нет,
Тебе, государь, свежа куса нет,

Нам от тебя нет, сударь, жалованья.
Та толпа-то на двор прошла,
Новая из поля появиласе,
Идут мужики и все киевляна,
Бьют они целом жалобу кладут,
Владимиру-то князю до сырой земли.
— Солнышко, наш Владимир князь!
Дай, государь-царь, правой суд
На вора Чурила сына Пленковича.
У нас было на матки на Сароги на реки
Неведомые люди появилисе.
Во тех ли во тихих во заводях
Гуся-лебедя повыстреляли,
Серую пернату малу утушку.
Нам, государь свет, улову нет,
Тебе, государь, свежа куса нет,
Нам от тебя нет, сударь, жалованья.
Та толпа-то на двор прошла,
Новая из поля появиласе,
Идут мужики и все киевляна,
Бьют они целом жалобу кладут,
Владимиру-то князю до сырой земли.
— Солнышко, наш Владимир князь!
Дай, государь-царь, правой суд
На вора Чурила сына Пленковича.
У нас было за городом за Киевом,
Во тех ли рощах во сосновых,
Неведомые люди появилисе.
Шелковы тенета протягивали,
Кунку и лиску повыловили.
Белого заморского заяца,
Чернаго сибирскаго соболя.
Нам, государь-свет, улову нет,
Тебе, государь, свежа куса нет,
Нам от тебя нет, сударь, жалованья.
Та толпа-то на двор прошла,
Новая из поля появиласе,
Есть молодцов до пяти их сот,
Кони подо нима однокарие были,
Жеребцы всё латынские,
Узды повода сорочинскиё,

Седелышка были на́ золоти.
Мо́лодцы на конях однолицные,
Платьё у них однопарное,
Кожа́ны-ты на молодцах лосиные,
Кафтаны-ты на молодцах голу́б скурлат,
Источниками-де подпоясалисѐ,
Шляпы на главах золоты́ вёршки,
Камзолы-ты штаны голопли́совые,
Сапожки на ножках зелен сафьян,
До́рога сафьяну турецкаго,
Ба́скаго покрою немецкаго,
Крепкого шитья ярославскаго.
Кони под нима́ бы соколы летя,
Молодцы на конях как свечи горя,
Ездя по городу уродствуют,
Лук и чеснок весь повыщипали,
Белую капусту повыломали,
Красных-то девок к сорому-де привели.
Молодых молодок прибесчестили,
Старых-то старух да обезвечили.
Собиралисе князьё все и бояра,
Все ли то купцы все торговые,
Все ли мужики огородники.
Бьют они целом, жалобу кладут,
Владимиру-то князю до сырой земли.
— Солнышко, наш Владимир князь!
Дай, государь-царь, правой суд
На вора Чурила сына Пленковича.
У нас было во городи во Киеви,
Неведомые люди появилисе,
Есть молодцов до пяти их сот,
Кони под нима́ однока́рие были,
Же́ребцы всё латынские,
Узды, повода сорочинскиё,
Седелышка были на́ золоти.
Молодцы на конях однолицные,
Платьё у них однопарное,
Кожа́ны-ты на молодцях лосиные,
Кафтаны-ты на молодцах голу́б скурлат,
Источниками-де подпоясалисе,
Шляпы на главах золоты́ вёршки,

Камзолы-ты штаны голоплúсовые,
Сапожки на ножках зелен сафьян,
Дóрога сафьяну турецкаго,
Бáскаго покрою немецкаго,
Крепкаго шитья ярославскаго.
Кони под нимá бы соколы летя,
Молодцы на конях как свечи горя,
Ездя по городу уродствуют,
Лук и чеснок весь повыщипали,
Белую капусту повыломали,
Красных-то девок к сорому-де привели,
Молодых молодок прибесчестили,
Старых-то старух да обезвечили.
Говорил-то Владимир таково слово:
— Глупые князьё все и бояра,
Неразумные купцы все торговые!
На ково мне-ка, дать, сударь, правой суд.
Не знаю я Чурила где двором стоит,
Не знаю я Чýриловой поселицы.
Говорят-то князьё все и бояра:
— Знаем мы, Чурила где двором стоит,
Знаем мы Чурилову поселицу,
Живёт-то Чурилушко не в Киеви,
Живет-то Чурилушко за Киевом,
Двор-от у Чурила на семи верстах,
Около двора всё булатний тын,
Верхи́-ты были всё точёные,
Подворотенки-ты были дорог рыбей зуб,
Над воротами икон до семидесят,
На дворе есть теремов до семи́ их сот.
Подымается Владимир во чисто́ полё,
Подымается к Чурилушку посéлицы глядѐть.
Садился Владимир на добры́х коней,
Приезжае ко Чурилову широкому двору̀,
Говорил-то Владимир таково слово:
— Как говорили мужики, так и сделалось.
Есть туто двор на семи верстах,
Около двора всё булатний тын,
Верей-ты были всё точёные,
Подворотенки-ты были дорог рыбей зуб,
Над воротами икон до семидесят,

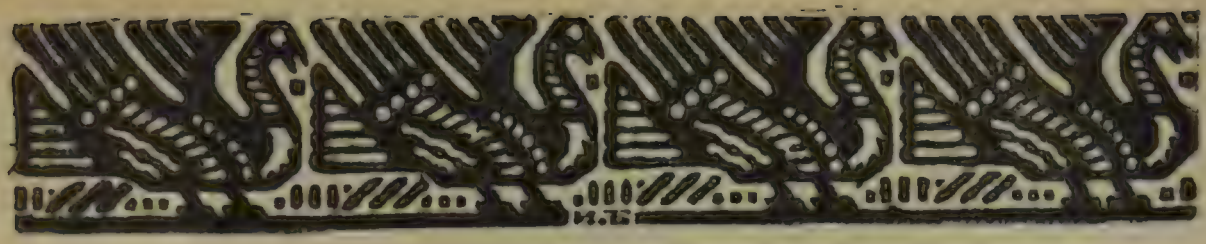
На дворе есть теремов до семи́ их сот.
Из того ли из Чурилова широ́кого двора̀
Выходил туто старые матерый человѐк,
Шуба́-та на старом соболиная,
Под до́рогим под зеленым под знаметом,
Пуговки всё вольячные,
Лит-то вольяк красна золота,
По тому ли-то по яблоку по любскому.
Петельки из семи шелков,
Шляпа-та на старом с полимажами.
Говорил туто старой таково слово:
— Владимир ты наш, князь столен-киевской!
Гости-тко ты, пожалуй во высо́к терём —
Хлеба ты соли покушати
Белаго-то лебедя порушати.
Говорил тут Владимир таково слово:
— А й же ты старые матерый человек!
Не знаю тебя, старый, как по имени зовут,
Не знаю тебя, старый, по отечеству.
Говорил туто старый таково слово:
— Владимир ты наш, князь столен-киевской!
Я-то ведь Пленк, сын Саро́жанин,
Со Сароги со реки, Чурилов батюшко.
Пошол-то Владимир на широкой двор:
У Чурила первы сени решетчатые,
У Чурила други сени серебряные,
У Чурила третьи сени были на золоти.
Заходил-то Владимир во высок терём,
В терему пол-середа̀ одного серебра̀,
Стены потолок красна золота,
На̀ неби сонце и в тереми сонце,
На̀ неби месяц и в тереми месяц,
На неби звезды россыплются,
В тереми звезды россыплются.
Вся небесная луна̀ в терему́ приведена̀.
Садился Владимир за дубовой стол.
Стол-от ведь идё у них в пол-стола,
Пир-от ведь идё у них в пол-пира,
Красное солнышко ко западу,
Почестной идё на весели,
Владимир князь роспотешился.

Взглянул он в окошко косе́рчатоё,
Увидел он в поли толпа-де молодцов,
Есть молодцов до пяти их сот.
Кони под нима́ однока́рие были,
Же́ребцы всё латынские,
Узды повода сорочинскиё,
Седелышка были на́ золоти.
Мо́лодцы на конях однолицные.
Платьё у них однопарное,
Кожа́ны-ты на молодцах лосиные,
Кафтаны-ты на молодцах голу́б скурлат,
Источниками-де подпоясалисѐ,
Шляпы на главах золоты́ вершки,
Камзолы-ты штаны голоплю́совые,
Сапожки на ножках зелен сафьян.
До́рога сафьяну турецкаго,
Ба́скаго покрою немецкаго,
Крепкаго шитья ярославскаго.
Кони под нима́ бы соколы летя,
Молодцы на конях как свечи́ горя.
Владимир князь исполошался,
Говорил-то Владимир таково слово:
— А й же ты, старые мате́рый человек!
Чья это за сила появиласе?
Не царь ли с ордой, не король ли с Литвой,
Не думные боярин ли не сватовщик
На любимые Забавны на племянницы?
Говорил туто старый таково слово:
— Не пужайся, Владимир, не полошайся!
Не царь еде с ордой, не король с Литвой.
Не думные боярин да не сватовщик,
На любимые Забавне на племянницы,
А едут то Чуриловы всё стольники.
Та толпа-то на двор прошла,
Новая из поля появиласе,
Есть молодцов до пяти их сот.
Кони под нима однорыжи бежа́,
Же́ребцы все латынские,
Узды повода сорочинские,
Седелышка были на́ золоти.
Мо́лодцы на конях однолицные,

Платьё у них однопарное,
Кожа́ны-ты на молодцах лосиные,
Кафтаны-ты на молодцах голу́б скурлат,
Источниками-де подпоясалисѐ,
Шляпы на главах золоты́ вершки,
Комзолы-ты штаны голопли́совые,
Сапожки на ножках зелен сафьян,
До́рога сафьяну турецкаго,
Ба́скаго покрою немецкаго,
Крепкого шитья ярославскаго.
Кони под нима бы соколы летя,
Молодцы на конях как свечи горя.
Владимир князь исполошался,
Говорил-то Владимир таково слово:
— А й же ты старые мате́рый человек!
Чья это за сила появиласе?
Не царь ли с ордой, не король ли с Литвой,
Не думные боярин, ли не сватовщик
На любимые Забавне на племянницы?
Говорил туто старый таково слово:
— Не пужайся, Владимир, не полошайся!
Не царь еде с ордой, не король с Литвой,
Не думные боярин да не сватовщик
На любимые Забавне на племянницы,
Едут то Чуриловы все ключники.
Та толпа-то на двор прошла,
Новая из поля появиласе,
Есть молодцов их до тысячи.
Кони под нима́ однобу́ры бежа́,
Же́ребцы всё латынские,
Узды повода сорочинскиѐ,
Седелышка были на́ золоти.
Мо́лодцы на конях однолицные,
Платьё у них однопарное,
Кожа́ны-ты на молодцах лосиные,
Кафтаны-ты на молодцах голу́б скурлат,
Источниками-де подпоясалисѐ,
Шляпы на главах золоты вёршки,
Камзолы-ты штаны голопли́совые,
Сапожки на ножках зелен сафьян,
До́рога сафьяну турецкаго,

Ба́ского покрою немецкаго,
Крепкого шитья ярославскаго.
Кони под нима́ бы соколы летя,
Молодцы на конях как свечи горя.
Середний еде улицею мо́лодец,
С коня-то он на ко́нь перескáкиваё,
Через три-то он коня да на четвёртого.
Говорил тут Владимир таково слово:
— А й же ты старые матёрый человек!
Что это еде за мо́лодец?
— Не пужайся, Владимир, не полошайся,
Еде мой сынишко безгодные,
Младые Чурилушко сын Пленкович.
Заслышал-то Чурило немилы́х гостей,
Брал туто Чурило золоты ключи,
Заходил-то Чурило во глубок погрёб,
Брал-то Чурила золотой казны,
Да брал-то Чурилушка куни́ц и лисиц,
Белых заморских-то заяцов.
Князей-то дарил да он куницами,
Куницами дарил да лисицами,
А мужиков-то дарил он золотой казной.
Говорил-то Владимир таково слово:
— Младый ты, Чурилушко сын Пленкович!
Много на тебя было просителей,
Теперь больше того благодателей.
С той поры с того времени
Стали Чурила стариной сказать.

Записано там же, 14 августа.



230

ДЮК

Из Волынца города из Галича,
Из той Волынь земли богатыя,
Из той Корелы из проклятыя,
Да не бел кречетушко выпóрхивал,
Не бел горносталюшко проскакивал,
Не ясен соколик тут пролётывал,
Проезжал удалой доброй молодец,
Молодой боярской Дюк Степанович.
Ездил Дюк да ко синю морю,
К синю морю ездил за охвотами,
Охвотник стрелять был гусей лебедей
А серых пернатых малых утушок.
Он днём стрелял, ночью́ стрелы сбирал,
Где стрела лежит, дак будто жар горит.
А выстрелял Дюк да ровно триста стрел,
А и триста стрел да ровно три стрелы,
Не убил ни гуся и не лебедя,
Не серой пернатой малой утушки.
Собирал он стрелочки в одно место,
Нашол-то Дюк да ровно триста стрел,
Не мог найти он ровно трёх-то стрел.
Отошел-то Дюк, а сам дивуется:
— Всем трем-стам стрелам да цену ведаю,
А й трем стрелам цены не ведаю,
Которыи стрелки потерялися.
А точёны стрелки на двенадцать гран,
Да точёны стрелки позолочёны,
Пе́рены были перьями сиза орла,
Не тот орёл, кой по полям летат,

А тот орёл, кой по морям летат.
Летат орёл да за синим морем,
Детей выводит на синим мори,
На белом латыри на камени.
Ехали гости карабельщики,
Нашли три пе́рышка орлиныи,
Приносили Дюку пе́рышка во даровях.
Садился Дюк да на добра коня,
Поехал Дюк да в свою сторону.
Он ехал путём-дорожкою широкою,
Настиг тридцать калик да со каликою,
Кричит он во́пит зычным голосом:
— Али воры вы, али разбойники,
Али вы ночныи подорожники,
Али вы церковныи грабители?
Говоря калики перехожие:
— Молодой ты боярской Дюк Степанович!
Мы не воры идём, да не разбойники,
А и мы не ночныи подорожники,
Да мы не церковныи грабители.
Идём мы, калики перехожие,
Идём, калики, мы из Киева,
Идём мы, калики, в славныи Галич град,
Во ту Индерию широкую.
Говорил-то Дюк да таково слово:
— А й вы, ай, калики перехожие!
Скажите вы да мне поведайте:
А много ли от Галича до Киева да росстояньица?
Говоря калики перехожие:
— Молодой ты боярской Дюк Степанович!
А от Киева до Галича да росстояньица:
Пешо́ итти будё на целой год,
А конём-то ехать на три месяца,
Чтобы кони были переменные,
А прямой дорожкой дак проезду нет.
На прямой дорожке три заставушки:
Перва́я заставушка — Горынь-змея,
Горынь-змея да змея лютая,
Змея лютая, змея пещерская.
Другая заставушка великая —
Стоит-то стадушко люты́х грачёв,

По русски́ назвать дак черных воронов.
А тре́тья заставушка великая —
Стоит-то стадушко люты́х гонцёв,
По-ру́сски-то назвать дак серы́х волков.
Четвёрта заставушка великая —
Стоит шатёр да во чистом поли,
Стоит богатырь во беле́м шатре.
Говорил-то Дюк да таково слово:
— Спасибо, калики перехожие!
Поехал Дюк во славной Галич град,
Приехал Дюк во славной Галич град,
Простоял христосскую вечеренку.
Приходил-то Дюк да к родной матушке,
Говорил-то Дюк да таково слово:
— Ты свет государынь, моя матушка!
Мне-ка дай прощеньицо благословленьицо,
Мне-ка ехать Дюку во столен Киев град.
Говорила Дюку родна матушка:
— Да ай ты дитя, ты моё милоё,
Молодой ты боярской Дюк Степанович!
Я не дам прощеньица благословленьица
Тебе ехать Дюку в столен Киев град,
Не поспеть к христосскии заутрены.
Пешо итти буде на целой год,
Конём-то ехать на три месяца,
Чтобы кони были переменные.
А прямой дорожкой дак проезду нет.
На прямой дорожке три заставушки,
Три заставы ведь великия:
Перва́я заставушка — Горынь-змея,
Горынь-змея да змея лютая,
Змея лютая, змея пещерская.
Другая заставушка великая —
Стоит-то стадушко люты́х грачёв,
По-русски́ назвать дак черных воронов.
А тре́тья заставушка великая —
Стоит-то стадушко лютых гонцёв,
По-ру́сски-то назвать дак серы́х волков.
Четверта заставушка великая —
Да той заставушки минуть нельзя:
Стоит шатёр да во чистом поли,

Стоит богатырь во белом шатре.
Говорил-то Дюк да таково слово:
— Ты свет, государынь моя матушка!
Мне-ка дай прощеньицо благословленьицо,
Мне-ка ехать Дюку в столен Киев град.
Во всех градах у мня побывано,
А всех князьёв да перевидано,
Да всем княгинам-то послужено, —
В одном во Киеви не бывано,
Киевскóго князя-то не видано,
Киевской княгине-то не служено.
Говорила Дюку родна матушка:
— Я не дам прощеньица благословеньица —
Тебе ехать Дюку в столен Киев град.
Как ведь ты дитя мое занословиво,
А заносливо да фастоватоё,
Пофасташь, Дюк, ты родной матушкой.
Пофасташь, Дюк, да ты добрым конём,
Пофасташь, Дюк, да золотой казной,
Пофасташь, Дюк, да платьем цветным.
А во Киеви люди всё лукавыи,
Изведут тебя Дюка не за денежку.
Говорил-то Дюк да таково слово:
— Ты свет, государынь моя матушка!
Тем меня ты не утраживай.
Дасúпрощеньицо — поеду я,
Не дасúпрощеньица — поеду я.
Говорила Дюку родна матушка:
— А й ты дитя, ты моё милое,
Молодой ты боярской Дюк Степанович!
Тебя бог простит господь помилуёт.
Выходил-то Дюк да на широкий двор.
На ту конюшню на стоялую,
Выбирал коня да себе добраго,
Коня доброго да не езжалаго,
Выбирал он бурушка косматаго
Да шерсть у бурушка по трú пяды,
А грива у бурушка да трёх локóт,
А фост у бурушка да трёх сажон,
А фост и грива до сырой земли,
Фостом следы да он запахиват.

Выводил коня да на широкой двор,
Катал-валял бурушка косматаго
Во той росы да во вечернии,
А брал часту рыбью ту гребёночку,
Росчесал он бурушка косматаго,
Наклал он попону пестрядиную,
В три строки попона была строчена:
Перва строка да красным золотом,
Друга строка да скатным жемчугом,
А третья строка медью казанскою.
Не тем попона была дорога,
Что в три строки попона была строчена,
А тем попона была дорога,
Что всякима манерами выплётана,
По денежку места дак рублем купить.
А не тем попона была дорога,
Что всякима манерами выплётана,
Да и тем попона была до́рога:
Во ту попону пестрядиную,
Вплётано по камешку по яфанту,
По яфанту по самоцветному.
Пекут лучи да солнопечные,
Не ради красы-басы да молодецкие,
А ради поездки богатырские,
Чтобы днем и ночью видно ехати.
Накинул Дюк на подседельники,
Наклал седелышко черканское,
Подпрягал подпруги богатырские,
Подпруги были из семи шелков,
А пряжицы были серебряны.
Спене́чки были все булатние,
Да шолк не трется и булат не гнется,
Красное золото не ломится.
Подвязал торока-ты он великие,
Нагружал торока-ты золотой казны,
Золотой казны да платья цветнаго.
Отошол-то Дюк, а сам дивуется:
— Али добрый конь, али ты лютый зверь,
Испод наряду добра коня не видети.
Садился Дюк да на добра коня,
Простился Дюк да со всем Галичем,

С родительюю матушкой в особинку.
А видели Дюка, на коня где сел,
Не видели Дюковой поездочки,
Только дым стоит да во чистом поли.
А едет Дюк тут-то и в пол-травы,
А едет Дюк тут-то поверх травы,
Да едет Дюк тут-то и в пол-лесу,
А едет Дюк тут-то поверх лесу,
Повыше лесу-то стоячего,
Пониже о́блака ходячего.
Налегала на молодца Горынь-змея,
Горынь-змея да змея лютая,
Она ладит молодца с конём пожрать.
От змеи-то добрый конь ускакивал,
Добра молодца у́ смерти унашивал.
Налегало на мо̀лодца стадо́ грачов,
По-русски назвать дак черных воронов.
От грачёв-то добрый конь ускакивал,
Добра молодца у́ смерти унашивал.
Налегало на молодца стадо́ гонцёв,
По-русски назвать дак то серых волков.
От гонцёв-то добрый конь ускакивал,
Добра молодца у́ смерти унашивал.
Да те три заставушки проехано,
Четвёртой заставушки минуть нельзя.
Доезжал до шатра белополотняна,
Говорил-то Дюк да таково слово:
Еще что в шатре да за невежа спит?
А идёт ли с Дюком ведь побитися,
Да побитися с ним поборотися?
Говорит в шатре да не уступывает:
— А я с-то с Дюком ведь побитися,
Да я с-то с Дюком поборотися,
Я отведаю Дюковой-то храбрости.
Тут-то видит Дюк да что беда пришла,
А беда пришла, беда не маленька.
Соходил-то Дюк да со добра коня,
Он снимае шляпу с буйно́й головы,
Да он бьёт челом да до сырой земли.
Говорил-то Дюк да таково слово:
— Да едино солнышко на не́беси,

Един богáтырь на святóй Руси,
Един Илья́ да И́лья Муромец!
Ильи те речи прилюбились,
Да то брал он Дюка за белы руки,
Да заводил он Дюка во белой шатёр,
Говорил он Дюку таково слово:
— Молодой ты, боярской Дюк Степанович!
Как будешь ты Дюк теперь во Киеви,
На тебя как буде ведь незгодушка,
Незгодушка безвременьицо,
Тебя некому молодца повыручить,
Дак стреляй-ко ты стрелочки калёныи,
Ко стрелам ты ерлы́чки припечатывай.
У меня летае ведь сизóй орел,
Сизой орёл да по чисту полю,
Приносит он стрелочки в белой шатёр.
А тут я наеду из чиста поля,
А тут тебя мóлодца повыручу.
Садился Дюк да на добра коня,
Уехал Дюк да в столен Киев град.
Приехал Дюк во столен Киев град,
А еде прешпехтами торговыма,
А все тут купци да и дивуются:
— Век-то этого молодца не видано.
Ины говорят: — Так ведь и видано.
И наш Чурилушко щапливее,
Наш Чурило щогольливее.
Говорил-то Дюк да таково слово:
— Да а й вы, купци да вы торговыи!
А и где ваш солнышко Владимир князь?
Говоря купци да все торговыи:
— Да наш-от солнышко Владимир князь,
А ушол Владимир во божью церковь,
Ко собору пресвятыи богородицы.
Соходил-то Дюк да со добра коня,
Пошол-то Дюк да во божью церковь,
Поставил коня своéго добраго,
Не привязана да не прикована.
Приступили голи тут кабацкие,
Да ладя с коня они попону снять,
А доброй конь голям не дается,

Со голями конь да отдирается,
Не давае конь с себя попоны снять.
Заходил-то Дюк да во божью церковь,
Он крест кладет да по писаному,
Поклон ведет да по учёному.
Бьёт челом да на вси стороны,
Владимиру князю-то в особинку:
— Здравствуй, солнышко Владимир князь!
Говорил Владимир таково слово:
— Ты здравствуй, удалый добрый молодец!
Ты коей земли, да ты коей орды,
Ко́его отца да чьи́ матери?
Говорил-то Дюк да таково слово:
— Из Волынца я города из Галича,
Я из той Волын-земли богатыя,
Из той Корелы из проклятыя,
Молодой боярской Дюк Степанович.
Отстояли христовскую обеденку,
Пошли как они да из божьей церквы,
Говорил-то Дюк да таково слово:
— Владимир ты, князь да столен-киевской!
А слава велика есть на Киев град,
На тебя-де солнышко Владимир князь,
Как у вас ведь всё да не по нашему.
Как у нас во городи во Галиче,
У моей государыни у матушки,
У собора пресвятые богородицы,
Мощены мосточки всё калиновы,
А вбиты гвоздочки шоломчатые,
Росстиланы сукна багрецовые.
А у вас во городи во Киеви,
У собора пресвятые богородицы,
Мощены мостишка все сосновые,
Худые мостишка креневатые,
Креневаты мостишка виловатые,
А вбиты гвоздишка деревяные.
А и то ли князю за бедно́ стало.
Да идут по пришпехту по торговому,
А и добрый конь идёт да на широкий двор.
Говорил-то Дюк да таково слово:
— Ты мой маленькой, бурушко косматенкой!

Помрёшь ты, добрый конь, да здеся с голоду,
Как ведь брошено овсишка тебе зяблого.
Во своём ты городе во Галиче,
У моей государыни у матушки,
Не хотел есть пшена да белоярова.
А и то ли князю за бедно стало.
Заходил тут Дюк да во высок терём,
Садился Дюк да за дубовый стол.
Понесли как по чары пива пьяного,
Чару в руку взял, да он и в рот не взял.
Говорил-то Дюк да таково слово:
— Владимир ты князь, да столен-киевской!
А слава велика есть на Киев град,
На тебя-де солнышко Владимир князь,
Как у вас ведь всё да не по нашему.
А у нас во городе во Галиче,
У моей государыни у матушки,
Да то копаны по́гребы глубокие,
На цепях-то бочки туды спусканы,
Проведены трубы подземельные.
Как повеют ветры по чисту полю
Во те ли трубы подземельные,
Во те ли погребы глубокие,
На цепях-то бочки зашатаются,
В бочках пиво-то да сколыбается,
Оттого пива́ не затыхаются.
Да чарку пьёшь, а другой хочется,
По третьей-то так ведь душа горит.
У вас в городи во Киеви,
Да копаны погребы глубокие,
А спущены бочки ты да на́ землю,
Вы пива пьете́ да ведь всё затхлые,
Не могу я пива-то ведь в рот-от взять.
Да и то ли князю за бедно́ стало.
Понесли колачиков круписчастых,
Колач в руку взял, да он и в рот не взял.
Говорил-то Дюк да таково слово:
— Владимир ты, князь да столен-киевской!
А слава велика есть на Киев град,
На тебя-де солнышко Владимир князь,
Как у вас ведь всё да не по нашему.

Как у нас во городе во Галиче,
У моей государыни у матушки,
Да то печки были всё муравленки,
А поды́-ты были всё серебряны,
Да помяла были всё шелковые,
Колачики да все круписчаты.
Колачик съешь, другаго хочется,
По третьём-то дак ведь душа горит.
А у вас во городи во Киеви,
А то печки были все кирпичные,
Поды-ты были ведь все гни́ляны,
Помяла были всё сосновые,
Колачики да ведь круписчаты,
А колачики да пахнут на́ фою,
Не могу колачика я в рот-от взять.
Да и то ли князю за бедно стало.
Из-за того стола из-за дубоваго,
Выставал Чурилушко сын Пленкович.
Говорил Чурило таково слово:
— Владимир ты, князь да столен-киевской!
К нам не Дюк Степанович наехал-то,
Налетела ворона погуменная.
Да он у крестьянина да в козаках живё,
Да он у крестьянина коня угнал,
А и он у крестьянина живота накрал,
А тем животом он похваляется.
Говорил-то Дюк да таково слово:
— Да а й ты Чурило сухоногоё,
Сухоного Чурило грабоногоё!
Я своим именьицем-богачеством
Да и ваш-от весь я столен Киев-град
Я продам именьем да и выкуплю.
Говорил Чурило таково слово.
— Владимир ты, князь да столен-киевской!
Посадим-ко мы Дюка во глубок погрёб.
А пошлём-ко Олёшу мы Поповича,
Ко Дюку именьица описывать.
Говорил-то Дюк да таково слово:
— Владимир ты, князь да столен-киевской!
Не посылай-ко Олёшеньки Поповича,
А Олёшино дело ведь поповское,

Поповско дело не отважноё.
Не описать именья буде в три годы,
Во тех межах ему числа не дать.
Пошли-тко Добрынюшку Микитича.
Добрынино дело ведь купецкое,
Купецко дело всё отважноё,
Опишё именье он и в три часа.
Посылали Добрынюшку Микитича.
Садился Добрыня на добра коня,
Поехал Добрыня в слáвной Галич град,
Приехал Добрыня в славной Галич град,
Находил терема-ты самолучшие.
Соходил Добрыня со добра коня,
Заходил Добрыня во высок терём,
Он крест кладёт да по писаному,
Поклон ведёт да по ученому,
А бьёт челом да на вси стороны.
Тут сидит жена да старо-матерна,
Не много шолку ведь, вся в золоти,
Говорил Добрыня таково слово:
— Да ты здравствуй, Дюкова ты матушка!
Говорит жена да старо-матерна:
— А яз-то Дюку ведь не матушка,
А яз-то Дюкова колачница.
Да и то ли Добрыни за бедно стало.
Выходил Добрыня на широкой двор,
Садился Добрыня на добра коня,
Отъезжал Добрыня во чисто поле,
Роздернул шатер белополотняной,
И спал он долог день до вечера,
А темную ночь да й до белá свету.
Поутру вставае он ранёшенько,
Садился Добрыня на добра коня,
Приезжал Добрыня в славной Галич град,
Забирается да дальше прежнего.
Тут сидит жена да старо-матерна,
Не много шолку, ведь, вся в золоте.
Говорил Добрыня таково слово:
— Да ты здравствуй, Дюкова ты матушка!
Говорит жена да старо-матерна:
— Да ты здравствуй удалый добрый молодец!

А яз-то Дюку ведь не матушка,
Да яз-то Дюкова божатушка.
Говорил Добрыня таково слово:
— Да и ай ты Дюкова божатушка!
Скажи мне про Дюкову-ту матушку.
Говорит жена да старо-матерна:
— Да и ай ты удалой доброй молодец!
Да ты в утри стань-ко ты ранёшенько,
А и стань в церквы нищею каликою.
Как перва́я толпа пройдё метельщиков,
Друга́ толпа пройдё лопатников,
Третья толпа пройдё подстельщиков,
Росстилают сукна багрецовые,
Идут как тутова три женщина,
Несут подзонтик-от подсолнечной,
Умей-ко ты тут с ней поздороваться.
Выходил Добрыня на широкой двор,
Садился Добрыня на добра коня,
Отъезжал Добрыня во чисто полё,
Роздернул шатёр белополотняной,
Да спал он долог день до вечера,
А тёмную ночь да до бела свету.
Поутру ставае он ранёшенько,
Садился Добрыня на добра коня,
Приезжал Добрыня в славной Галич град,
Становился в церквы нищею каликою.
Перва́ толпа прошла метельщиков,
Друга толпа прошла лопатников,
Третья толпа прошла подстельщиков,
Росстилают сукна багрецовые,
Идут как тутова три женщины,
Несут подзонтик-от подсолнечный.
Заходил Добрынюшка на супротивочку,
Говорил Добрыня таково слово:
— Да ты здравствуй, Дюкова ты матушка!
Послал вам Дюк по челом-би́тьицу,
И всем по поклону вам поставити.
Говорила Дюкова-то матушка:
— Да ты здравствуй, удалой доброй молодец!
Ты коей земли, да ты коей орды,
Коего отца да чьеи матери?

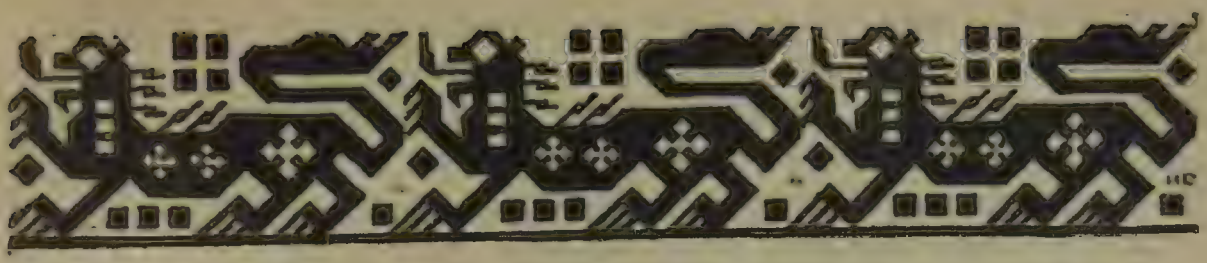
Говорил Добрыня таково слово:
— Я из славиаго города из Киева,
Молодой Добрынюшка Микитьевиц.
Отстояли соборную обеденку,
Пошли как оны да из божьей церквы,
Говорил Добрыня таково слово:
— Да ты ай ты, Дюкова ты матушка!
Послал-то Дюк да сын Степанович
Своего именьица описывать.
Дак-то тут-то Дюкова-та матушка
Завела во клетку во сапожную,
Не мог Добрыня сапогов-то он перéчитать,
Не то что перéчитать, глазами-то перéглядеть,
А и всё сапоги да не держамые.
Завела во клетку во седельнюю,
Не мог Добрыня седел-то перéчитать,
Не то что перéчитать, глазами-то переглядеть,
Да всё эты седла не держамые,
А кажно седло стоит пятьсот рублей.
Завела в конюшню во стоялую,
Не мог Добрыня жеребцов-то он перéчитать,
Не то что перéчитать, глазами-то перéглядеть,
Не какóму жеребцу дак он цены не знат.
Завела во погреб сорока сажон.
Не мог-то бочек он перéчитать,
Не то что перéчитать, глазами-то перéглядеть,
Да полные бочки красна золота,
А все это злато не держамое.
Дак-то тут Добрыня пороздумался,
Списал он грамоту посольнюю:
— Владимир ты, князь да столен-киевской!
Пошли-тко бумаги сюды три воза,
А пошли сюды да тридцать писчиков,
Не описать именья буде в трú года,
Во тех межах буде числá не дать.
Выпущали Дюка тут из погреба,
Да и тут Дюк с Чюрилом приросхвастались,
Ударили да о велик заклад,
О велик заклад, да о пятьсот рублей, —
Щапит-басит да им по три года,
На кажный день да платья сменные.

Поручились по Чурилушки всем Киевом,
Никто-то по Дюки не ручается.
А и то ли Дюку за бедно́ стало.
Выходил-то Дюк да на царев кабак,
А и брал он три бочки зелена вина,
Говорил-то Дюк да таково слово:
— А и ай вы, голи вы кабацкие!
Да и пейте вино да вы безденежно,
Ручайтесь по Дюке по Степанове.
Дак-то тут-то голи поручилисе.
И о́ни стали щапить-басить по три года,
Прощапили пробасили они три́ года,
Пошли к остатнии христосскии заутрены,
Снаряжают Чурилушку всем Киевом.
Обувал сапожки он зелен сафьян,
Да нос-от шилом и пята востра,
С носу к пяты хоть яицо кати.
И надевал кафтан он с прозументами,
А да пуговки были́ вольячныи,
А лит-то воля́г да красна золота,
По тому ли яблоку по любскому,
А петельки да из семи шелков,
Накла́дал шляпу с полимажами.
Пошол Чурило во божью церковь,
Все Чурилу поклоняются.
Один-то Дюк да снаряжается,
Обувал он лапти из семи шелков;
Таки были лапти востроносые,
Что ведь нос-от шилом и пята востра,
С носу́ к пяты хоть яйцо кати;
Во те во носы во лапотние,
Вплётано по камешку по яфанту,
По яфанту по самоцветному,
Пекут лучи да солнопечные,
Не ради красы-басы да молодецкие,
А ради поездки богатырские,
Чтобы днём и ночью видно ехати.
Надел Дюк шубу соболиную,
Под до́рогим под зе́леным под зна́метом.
А пуговки были вольячные,
А лит-то вольяг да красна золота,

Петельки да из семи шелков,
Да в пуговках были левы́-звери,
А петельках были люты́ змеи.
Накладывал он шляпу семигрянчату
Пошол-то Дюк да во божью церковь.
Зарыкали у Дюка тут левы́-звери,
Засвистали у Дюка тут люты́-змеи,
Да все тут в Киеви заслушались,
А все тут-то Дюку поклонилися.
— Спасибо ты, Дюк да сын Степанович!
Перещапил Чурилушку ты Пленкова.
Отстояли христосскую заутрену,
Пошли как оне да из божьей церквы,
Да отобрал Дюк с Чурила тут велик заклад,
Велик заклад да ведь пятьсот рублей.
— Да а й ты, Чурило сухоногоё!
Сухоного Чурило грабоногоё!
Баси ты, Чурило, перед бабами,
Перед бабами да перед девками,
А й с нами с молодцами ты и в кон нейди.
Говорил Чурило таково слово:
— Молодой ты, боярской Дюк Степанович!
Ударим с тобой мы о велик заклад,
О велик заклад да о пятьсот рублей —
Скакать-то нам да на добрых конях,
Через ту ли скакать через Пучай-реку.
А Пучай-река да ровно три версты.
Поручились по Чурилушки всем Киевом,
А никто-то по Дюке не ручается.
Да голям-то боле не поверили,
А и то ли Дюку за бедно стало.
Выходил-то Дюк да на широкой двор,
Стрелял он стрелочки каленые,
Ко стрелам ерлычки припечатывал.
Из того ли поля-то из чистаго,
Нае́зжал старые казак да Илья Муромец,
Поручился по Дюке по Степанове.
Выбирал Чурилушко добра коня,
А добра коня да улетуника,
По чисту полю да стал розганивать,
А розганивать да он розъезживал.

Приправил Чурилушка через Пучай-реку,
Скочил Чурило за Пучай-реку.
Назад Чурило стал отскакивать,
Упал Чурило о полу реки.
Молодой боярской Дюк Степанович,
Садился Дюк да на добра коня,
Не розганивал да не розъезживал,
Приправил Дюк через Пучай-реку,
Перескочил-то Дюк через Пучай-реку.
Назад-то Дюк да стал отскакивать,
Хватил Чурила за желты кудри,
А сшиб Чурила на крут бе́режок.
Да й брал с Чурила он велик заклад,
Велик заклад да он пятьсот рублей,
И стал под ....-ту попинывать.
— Да ай ты Чурило сухоногоё,
Сухоного Чурило грабоногое!
Баси ты Чурило перед бабами,
Перед бабами да перед девками,
А с нами с молодцами ты и в кон не йди.
Говорил Владимир таково слово:
— Молодой ты, боярской Дюк Степанович!
Гости-тко, пожалуй во высок терем,
А хлеба соли ты покушати,
А белого лебедя порушати.
Говорил-то Дюк да таково слово:
— Владимир ты, князь да столен-киевской!
Как ведь с у́тра солнышко не о́пекло,
Под вечер со́лнышко не огреё.
На приезде молодца ты не учостовал,
А топерь на поезде не учостовать.
А будь-ко свинья да ты бесшорстная.
Скоренько садился на добра коня,
А видели Дюка, на коня где сел,
Не видели Дюковой поездочки.
А с той поры да с того времени,
А стали Дюка стариной сказать,
Отнынь сказать да его до веку.

Записано там же, 10 августа.



231

ВАСИЛИЙ ИГНАТЬЕВИЧ И БАТЫГА

А й из-под той белóй березки кудреватыя,
Из-под чуднаго креста Леванидова,
Туда шло девять туров, девять молодыих,
Да навстречу-то турам да родна матушка,
Гнéдая туриха златорогая.
Говорила-то турам да родна матушка:
— Уж вы где, туры́, были, где гнедые гу́ляли?
Говорят туто туры да родной матушки:
— Были мы, туры, да во чисто́м в поли́.
Нам случилосе бежать мимо столен Киев град,
Уж мы видели над Киевом чудным чудно:
Как по той ли по стены по городовые,
А ходила душа красная девица,
На руках носит божью книгу евангельё,
Она кое-то читала с двое плакала.
Говорила-то турам да родна матушка:
— Вы глупые туры да неразумные!
Не красная девица тут плакала,
Туто плакала сама мать богородица,
Тужила-то о вере христианские.
Под ту ли-то под стену городовую
Нагоняет тут Батыга силы сметы нет,
Будто чорного-то лесу дремучаго,
Столько у Батыги силы нагнато.
А богатырей-то дома не случилосе.
А Самсон и Лука на святы́х на гора̀х,
А Илья-то ведь был Муромец в иной земли,
А Добрыня-то Микитич в зеленых лужках,
А Олёша-то Попович на желтых песках.

Из тово ли-то из ка́бака царе́ваго,
Выходила туто голь-та кабацкая,
Право на́ имя Василей сын Васильевич.
Выходил он на крылечко перёное,
Овалился о перила о точёные,
Здрел-смотрел в поле чистоё.
А натягал ли Василей свой тугой лук,
А накладал ли Василей калену стрелу,
Да стрелял он по Батыгиным белым шатрам,
А розбил он у Батыги три бела шатра,
А убил он у Батыги три головушки,
Три головушки убил самолучшие.
Убил сына-то Батыгу Батыговича,
Убил зятя Торокашку Скурла́тьевича,
Убил умнаго дьячка, убил разумнаго.
Скоро у Батыги не замешкалось,
Посылает тут Батыга скорагó гонца:
— Подай-ко мне, Владимир, виноватаго,
На что ты мою силу бьёшь во́ровски?
Не знае тут Владимир виноватаго,
Говоря туто солдаты буфетные:
— Владимир ты, наш князь столен-киевской!
Знаем, государь, мы виноватаго.
Из того ли-то из кабака царёваго,
Выходила туто голь та кабацкая,
Право на́ имя Василей сын Васильевич.
Выходил он на крылечко перёное,
Овалился о перила о точеные,
Здрел-смотрел в поле чистое.
Натягал ли Василий свой тугой лук,
Накладал ли Василий калену стрелу,
Стрелял туто Василей во чисто поле.
Говорил-то Владимир токово слово:
— А й же вы, солдаты буфетные!
Приведите-тко Василья ко мне на лицо.
Приводили-то Василья ко Владимиру на двор,
Говорил-то Владимир таково слово:
— А й же ты, голь ты кабацкая!
Не ты ли бил силу Батыгину?

Поезжай-ко ко Батыги со ответом сам.
Говорил-то Василий таково слово:
— Владимир ты, наш князь столен-киевской!
Дай-ко мне-ка чару зелена вина,
Другую-ту дай пива пьянаго,
Третью дай чару мёду сладкаго.
Подавали ему чару зелена вина,
Другую подавали пива пьянаго,
Третью чару мёду сладкого
Сливает он питьё да всё в одно место,
Становилося питья да полтора ведра.
Берет он чару единой рукой,
Выпивае питье на единый дух,
Да облатился Василей обкольчужился,
Садился Василей на добра коня,
Приезжает ко Батыгиным белым шатрам,
Соходил туто Василей со добра коня,
Да идёт он ко Батыге низко кланяется:
— А й же ты, Батыга сын Васильевич!
Прости меня, Батыга, в первой вине.
Дай-ко мне-ка силы сорок тысячей,
Я пойду-де воевать столен Киев град.
Знаю я ворота незаложены,
Незаложены ворота в слетну сторону.
Давае тут Батыга силы тысячей.
Да пошол Василей в столен Киев град,
Заводил он тут за стену городовую,
Вынимает тут Василей свой вострой меч,
Да и взял тут Васильюшко помахивать,
А куды-де он махнет — дак туды улица,
А куды он отмахнет — дак переулки знать,
Да прибил он эту силу сорок тысячей.
Обворачивал Василей тут добра коня,
Приезжает ко Батыгиным белым шатрам,
Остальнюю-ту он силу по шатрам добивал.
У Батыги были кони тут добрые,
А садился Батыга на добрых коней,
Да уехал ли Батыга во свою землю.
Да и тут-то Батыга царь закаялся:

— А не дай бог бывать на святой на Руси!
Да чудные кресты в Ерусолиме,
А славные богатыри во Киеви.
С той поры да с того времени
Стали Василья стариной сказать,
Отнынь сказать да ево до́ веку.

Записано там же, 14 августа.

XLV

КАЛИТИНА

рина Денисовна Калитина, крестьянка 49 лет, с Суетина-острова, что́ на Свином озере, близ Кенозера. Ее отец Денис Нечаев, умерший лет 40 тому назад, знал очень много былин, и по ее словам был учителем Петра Воинова (который, впрочем, приписывал происхождение своих былин другому источнику, см. выше). Кроме печатаемых здесь, Калитина пела про молодость Чурилы, про Дюка и про Добрыню и Алешу варианты, весьма сходные с теми, которые записаны со слов Воинова, но менее подробные.

232

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ В ЦАРЕГРАДЕ

Ото славнаго батюшка от Царяграда
Пролегала путь дорожка широкая.
И долиною по дорожке век не бывано,
И шириною та дорожка тридцати сажен.
Да по той по дорожки по широкие,
Да идёт-де калика перехожая.
И он-де волосом бел, бородой седат,
Да и гуня-де на нём сорочинская,
Да и шляпа-де на нём земли греческой,
Да клюкою-де калика подпирается,
Под каликою земля подгибается.
Да приходит тот калика в стольней Киев град,
Да заходит-де старик во царев кабак:
— Да и здравствуйте вы, чумаки целовальники!
Да все-то вы головы да ларечные,
Да все-то вы голи да кабацкие.
Да по кабаку калика похаживат,
И с ноги на ногу старик переступыват,
И все дубовые половки подгибаются,
Да переводины под старым шатаются,
Да и сам говорит он таково слово:
— Да и ой же, чумаки вы целовальники!
Да поверьте мне вина вы на пятьсот рублей.
Буде мало розопьюсь, дак на тысячу.
Да сказали чумаки целовальники:
— Да и не́ во что калика тебе верити.
Да и тут-де калика перехожая,
Да снимае он с во́рота свой чуден крест,
Дорогаго-де червонаго золота.

И толщиною тот крест был во три пятки,
Да весу-то тя́нул пол-сема пуда,
Да не смели за крест оне принятисе.
Да и тут чумаки догадалисе,
Да собирали голи по денежки,
И того мало нехватило по копеечке,
Да и брали-де вина полтора ведра,
Приносили-де калики перехожие.
Да примае-де калика единой рукой,
Выпивае-де старик на единой дух,
Да и сам говорит он таково слово:
— Да и ой же вы, голи да кабацкие!
Не напоили старика, лишь роззадорили.
Выходите на площадку торговую,
Напою я всех до пья́на зеленым вином.
Да и сам вон калика из ка́бака,
Да приходит он ко погребу-то княженецкому,
Ён-де двери и колоды вон да выпинывал,
Да руками ён замочечки отщалкивал,
Да спускался во погребы глубокие.
Да он бочку берёт вина под пазуху,
Да другую сороковку под дру́гую,
Да и третью ту бочку да ногой катит,
Да и выкатил три бочки зелена вина
Да на ту ли площадку на торговую,
Да скрычал-де старик зычным голосом:
— Да и ой же, чумаки вы целовальники!
Подьте, пейте до пьяна зелена́ вина.
Да и тут чумаки упивалися,
Да и эта же калика упивалася,
Ен пошол спать на́ печку кабацкую.
Да и эти чумаки целовальники,
Да пошли они ко князю порозжалились,
И порозжалились ко князю поросплакались:
— Уж ты свет, государь наш Владимир князь!
Да у нас-де во городи да во Киеви,
Да во тех ли во ца́ревых во ка́бачках,
Приходила-де калика перехожая:
Он волосом бел, бородой седат,
Да и гуня-де на нем сорочинская,
Шляпа-та на нём земли греческой.

И запросил-то он вина да на пятьсот рублей,
И буде мало розопьюсь, дак на тысячу.
И мы сказали чумаки целовальники,
И что нé во что калика тебе верити.
Ён снимае-де с вóрота свой чуден крест,
Дорогаго-де червоннаго золота,
Да весу-то тя́нул пол-сема пуда,
И мы не смели за крест ему и принятися,
Да и туто чумаки догодалисе,
Да сбирали голи по денежке,
И того мало нехватило по копеечке,
Да и брали-де вина полтора ведра,
Приносили-де калики перехожие.
Да примае-де калика единой рукой,
Выпивае-де старик на единой дух,
Да и сам говорит он таково слово:
„Да и ой же вы, голи да кабацкие!
Не напоили старика лишь роззадорили.
Выходите на площадку торговую,
Напою я всех до пья́на зеленым вином".
Да и сам вон калика из ка́бака,
Да приходит он ко погребу-то княженецкому,
Ён-де двери и колоды вон да выпинывал,
Да руками ён замочечки отщалкивал,
Да спускался во погребы глубокие.
Да он бочку берёт вина под пазуху,
Да другую сороковку под дру́гую,
Да и третью ту бочку да ногой катит,
Да и выкатил три бочки зелена вина
Да на ту ли площадку на торговую,
Да скрычал-де старик зычным голосом:
„Да и ой же, чумаки вы целовальники!
Подьте, пейте до пьяна зелена́ вина".
Да и эти чумаки упивалисе
Да и эта же калика упивалася,
Да пошол спать на печку кабацкую.
И говорит-де Владимир таково слово:
— Да и ой же, чумаки вы целовальники!
Да ведите-ко калику ко мне на двор,
И погляжу-ко я ево лица-возрасту.
Да и тут чумаки целовальники,

Да и начали будить ево из крепкóго сну,
Да и соннаго будить ещё хмельняго.
Да ставае-де Илья славный Муромец,
Ён хватил воронечну дубовую,
Да прибил чумаков до единого,
Да и сам вон калика из кáбака,
Да идё мимо полату белокаменну,
Да скрычал-де старик зычным голосом:
— Да и свет, государь наш Владимир князь!
Да ищи-ко за три бочки зелена́ вина,
Да ищи ты на Ильи славном Муромци,
Ён на славу приходил в стольний Киев-град.
Да пошол-де Илья ко Царю-граду,
И встретил сильнего могучего да Иванищо:
— Здравствуй сильнёё могучо Иванищо!
Да и всё ль у вас в Цари-гради по старому?
И говорит туто сильнёё Иванищо:
— Уж ты свет, государь Илья Муромец!
Да у нас в Царе́граде не по старому,
Не по старому не по прежнему,
Овладело-де поганоё Издолищо.
Да в церквах образа все исприколоты,
И золотая-де казна запечатано,
Да и царь Костянтин Боголюбович
Да и со своей княгиною во стольниках.
Да и сяде-де поганый хлеба-соли кушати,
Да по целой ковриге ён в рот суё,
Да по целому быку ён у выти ест,
Да по целому котлу ён-де пива пьёт.
Да и жил я в Царе́-граде три́ года,
Да не смел я в супор слова молвити.
И говорит-де Илья таково слово:
— Да уж ты, сильнёё могучёё Иванищо!
Да и силы у тебя право здвоё есть,
Да и смелости удачи в половинку нет.
Да пошол-де Илья ко Царю-граду,
Да идё мимо полаты белокаменны,
Да закричал-де старик зычным голосом:
— Уж ты царь Костянтин Боголюбович!
Да создай-ко калики мило́стину,
Да милостину подай золоту гривну.

И от того ли от крыку богатырского,
Белокаменны полаты пошаталисе,
Да напитки на столах проливалисе.
И говорит-де поганый таково слово:
— Уж ты царь Костянтин Боголюбович!
Да й что у тебя за урод пришол?
Да зови-ко ты в полату белокаменну,
Погляжу-то я его лиця-возрасту.
Да и царь Костянтин Боголюбович,
Он-де скоро выходил на широкий двор:
— Уж ты, батюшко, калика перехожая!
Овладело-де поганоё Издолищо.
Да в церквах образа все исприколоты
И золотая-де казна запечатана,
У меня нет-де подать нынь милóстины.
Да изволь итти в полату белокаменну,
Напою я накормлю хлебом солию.
Да и тут-де калика перехожая,
Да заходит он в полату белокаменну,
Своему-де ён образу молится,
Он кланяется поклоняется,
Да на все на четыре на сторонушки,
Да поганому Издолищу челóм не бьё.
Да тут-де поганоё Издолищо,
Да садился за столы хлеба соли кушати,
Да по целой ковриге ён в рот суё,
Да по целому быку ён у выти ест,
Да по целому котлу ён-де пива пьёт,
Да и сам говорит он таково слово:
— Да и ой же ты, калика перехожая!
Уж ты знашь ли Илью славнаго Муромца.
Да по многу ли Илья у вас да у выти ест?
И говорит-де Илья таково слово:
— Уж я знаю Илью славнаго Муромца.
Да и наш-от Илья славной Муромец,
А и колачик он съест а и много два,
Да не так как ты, кобыла обжорищо!
Как у моего-то государя у батюшка,
Эка была-де корова обжорищо,
Да дробины-то наелась, ей и треснуло.
Да и тут-де поганому Издолищу

Да и речи ты его не прилюбилися,
Да и кинул он ножищо кинжалищо,
Да Илья от ножа приувёрнулся,
Да и ножик-от пал в ободверину.
Да и тут-де Илья славной Муромец,
Да снимае-де шляпу с буйной головы,
Да ударил поганого Издолища,
Да отшиб у поганаго голову,
И проломил две стены белокаменных,
Да и сам говорил он таково слово:
— Уж ты царь, Костянтин Боголюбович!
Обери-ко ты поганоё тулово,
Да живи-ко ты в Царе́-граде по старому,
Да моли-тко ты бога за Илью за Муромец,
Он на славу приходил в славный Царь-от град.

Записано на Кенозере, 15 августа.

233

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СЫН ЕГО

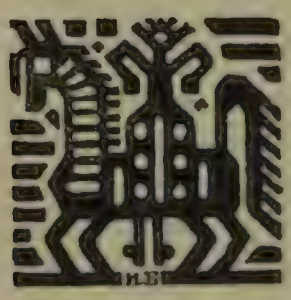
Выезжало два сильние два могучие два богатыри:
Илья Муромец да Добрынюшка Микитин сын,
Они ехали да во чисто полё,
Да роздёрнули в чистóм поли тонкой белóй шатер,
Да и стали-то в шатре да опочúк держать.
Да на тот на тонкóй да на белóй шатёр,
Налетела тут вран-от птица вещая.
Да и вран-от над шатром да ведь прокыркиват,
Да ставае Илья да славной Муромец,
Он-де будит Добрынюшку Микитича:
— И ты ставай-ко, Добрынюшка Микитин сын!
У нас что над шатром-то сучинилосе,
Не проехала ли поляница-та удалая,
Не подходит ли пóд кóней у нас лютой зверь.
Да ставае Добрынюшка Микитин сын.
Выходил-де Добрыня из бела шатру,
Поглядел по дорожке прямоезжие,
Да и еде поляница-та удалая,
Да подходит под коней у их лютой зверь,
И забирал он коней ко белу шатру,
И подавал пшена он белояраго,
И говорит Илья да таково слово:
— Да и ой же Добрынюшка Микитин сын!
Поезжай-ко в сугон ты за богатырем,
И буде русьской богáтырь, дак побратайся,
А неверной богатырь, дак бою́ проси.
И говорит-де Добрыня таково слово:
— Я не смею в сýгон ехать за богатырём.
У богатыря у коня из рота-то ведь пламё машё,

А из ноздрей у коня-то искры сыплютсе,
А из ушей у коня-то кудряв дым стаёт,
У правой ноги борзой ли кобель проскакиват,
С плéча на плече ясен сокол перелéтыват.
Да и еде богатырь-от сам тешится,
Да кинае палку вверх под облаки.
Да говорит Илья да таково слово:
— Да и ой же, Добрынюшка Микитин сын!
Да поезжай-ко к жене да к своей матери.
Да ты экой в товарищи мне больше́ не на́добно.
Ён-де скоро уздал-седлал своя́ добра́ коня,
Да уздае-седлае крепко на́ крепко,
Не ради красы-ба́сы молодецкие,
Ради крепости да богатырские,
И поезжае в сугон да за богатырём.
Еде ведь долог день еде до вечера,
Да и тёмну ночку до бела свету,
Да не может догнать богатыря во чистом поли.
И на другой день Илья да попущается,
И еде долог день еде до вечера,
Да и тёмну ночку до бела свету,
Да не может догнать богатыря во чистом поле.
Да на третий день же попущается,
Да догнал богатыря в чистом поли,
И закричал Илья-та по звериному,
И засвистал Илья-та по змеиному,
И у богатыря конь-де на коленка пал,
Да и бьёт богатырь коня по тучным бедрам:
— Уж ты, волчья сыть, конь, травяной мешок!
Да пугаешься крыку ты вороньяго.
Да и тут Илья закричал он по звериному,
Засвистал-де Илья-та по змеиному,
И у богатыря конь-де на коленка пал,
Да и бьёт богатырь коня по тучным бедрам:
— Уж ты, волчья сыть, конь, травяной мешок!
Да пугаешься крыку ты вороньяго.
Налетела ворона из чиста поля,
Налетела ворона порозграялась,
Так тут-де Илья да славной Муромец,
И того зля закричал он по звериному,
И засвистал Илья-де по змеиному.

И у богатыря конь-де на все ноги пал.
Да и видит богатырь неминучую,
Обварачиваё своя добра коня.
И съезжалось два сильние два могучи два богатыря,
Будто две сильние горы вместо скатилосе:
Да и палицами они ударились,
Да и палки у их-то поломалисе,
Да и друг-то друга-то не ранили.
Да и тут же добры молодцы порозъехались,
Да и копьями они ударились,
Да и копья в кольцах-то погибалисе,
Да и друг-то друга-то не ранили.
Да и тут же добры молодцы поразъехались,
Да и саблями они ударились,
Да и сабли у их же приломалисе,
Да и друг-то друга-то не ранили.
Да схватились оне на рукопашечку,
Да ушиб-де богатырь-от неверные,
Да ушиб-де Илью-то о сыру землю,
Да и сел на его-то на белы груди,
Да и ладит пороть он груди белые,
Да и вынять сердце-то со печенью.
И говорит-де Илья да таково слово:
— Да и ой же удалой доброй молодец!
Ты скажись какой земли, да ты какой орды,
Да чьего отца, да ты чьей матери?
И говорит-де богатырь таково слово:
— Да и чорт тебе старому псу надобно,
Да и старому да пущай мертвому.
И поглядел-то Илья да на праву руку,
Как Ильи на бою-то смерть не писана.
Да стрепестался Илья да под богатырем,
Да ушиб-то богатыря во чисто полё,
Да и взял-то богатыря впереди себя,
Да и стал у богатыря выспрашивать:
— Ты какой земли, да ты какой орды,
Да чьего отца, да ты чьей матери?
И говорит богатырь таково слово:
— Я есть сиверной страны да золотой орды,
Да есть девицы Сиверьянична.
И говорит Илья да таково слово:

— А й когда ты девицы Сиверьянична,
Да поезжай-ко ты да в свою сторону,
Да скажи Сиверьяничны низкой поклон.
Да и тут богатырь-от неверные,
Да поехал богатырь в свою сторону,
Да встречае родитель ёго матушка:
— Да что, дитя ты моё милоё,
Да и что, моё милоё, с лица ты спал.
И говорил богатырь таково слово:
— Уж ты свет, государынь моя матушка!
Я наехал богатыря в чистóм поли.
И перво я ево побил, а посли óн меня,
Да и стал он у меня-то ён выспрашивать,
Я сказался девицы Сиверьяничны,
Ён наказал тебе та ведь низкóй поклон.
И говорит девица таково слово:
— Да наказал как ведь низкой поклон,
Дак тут тебе, дитя, тебе родной отец.
И когда ездила я в поле поляницею,
И тогды он меня побил, да сó мной грех творил,
Да с того я тебя дитятко спородила.
И розгорелось ёго сердце богатырское
И обворачиваё своя добра коня:
— Я поеду, убью-то ведь старóго пса.
Ён близко ли ехал ведь далёко ли,
Да наехал шатёр да во чистом поли,
Да скрычал богатырь зычным голосом.
И выходил-де Илья да из белá шатру,
И ухватил-де ево же за желты́ кудри,
И шибáе вверх да ён под облаки,
Да назадь-то éго не подфатыват,
Да одно было чадушко на сём свети спорожено,
Да и то от своих рук смерть-та придана.

Записано там же, 15 августа.



234

ОТЪЕЗД ДОБРЫНИ

Да не куревка в чистом поли закурилась,
Да выбегало туто стадышко звериное,
Да как звериное-то стадышко серых волков.
И впе́реди бежит-то собачка, лютой скимер зверь,
Да глаза-ты у собачки как огонь горят,
Еще уши у собаки как востры копья,
Еще шёрстка на собачки да буланая,
Да ко ушам ли е́го шёрстка приклоняется.
И побежал тот вор собака ко Непру́-реки,
И закричал-де вор собачка по звери́ному,
Да засвистал-де вор собака по змейному.
И под ним бе́рёжки-то собачкой подломилисе,
И как Смородина-то река с песком смутилосе,
И это синеё-то море сколубалосе,
Еще мелкая-та ли рыбица на дно ушла,
Еще белая-та ли рыбица наверх всплыла.
Как во стольнём ли было в городи во Киеви,
Да середи того ли двора-ста княженецкаго,
Да как то ли не белая березка к земли клоняется,
Да не шелковая ли травка устилается,
Да еще кланяется-то сын своей матушки,
Да он-де просит благословленьица великаго:
— Да уж ты свет, государынь моя матушка!
Да мне-ка дай-ко благословленьицо великое,
Да мне-ка ли ехати во да́лече в чисто поле,
Да поискать мне своего братца названаго,
Да как старого казака-то Ильи Муромца.
Да как возговорит-то Добрыни родная матушка:
— Да еще ой же ты, дитя моё милоё!

Да на кого ты оставляешь свою матушку,
Да на кого ты покинаешь молоду жену,
Да как прекрасную ли Катерину да Микуличну?
Да как возговорит-то Добрыня родной матушки:
— Да ужо свет ты, государынь моя матушка!
Да оставляю тебя, матушка, да я на господа,
Да как на тех ли чудотворцев града Киева.
Да как давно у мня Катерине сказано,
Да за неделюшку Микуличной поведано.
Да возговорит-то Добрыни родна матушка:
— Да тебя-то бог простит, Христос помилуёт!
Да как садился Добрыня на добра коня,
Да одна куревка в чистóм поли закурилась.

Записано там же, 16 августа.

235

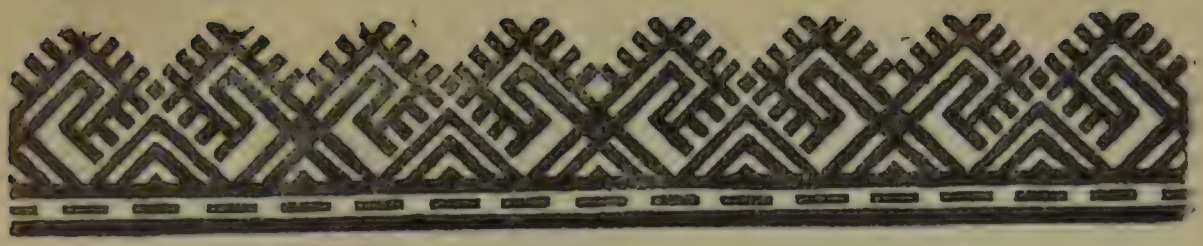
ЩЕЛКАН ДУДЕНТЬЕВИЧ

Да на стули на бархати,
На златом на ременчатом,
Сидел туто царь Возвяг,
Да Возвяг сын Таврольевич,
Да он суды рассуживал,
Да дела приговаривал,
Да князей бояр жаловал,
Да селами, поместьями,
Города с пригородками.
Да Фому дарил Токмою,
Да Ерёму Новы́м городом.
Да любимаго затяюшка,
Да Щелкана Дудентьевича
И на дворе не случилосе.
Да уехал Щелканушко
Во землю жидовскую,
Ради дани и выходу,
Ради чортова пра́вежу.
Он-де с поля брал по́ колосу,
С о́городу по курици,
С мужика по пяти́ рублей,
У кого тут пяти рублей нету,
У того он жену́ берет,
У кого как жены-то нет,
Так того самого берет.
У Щелкана не вы́робишься,
Со двора вон не вы́рядишься.
Да приехал Щелканушко
Из земли из жидовские

Да к царю на широкий двор.
Говорит же Щелканушко:
— Да ай же ты, царь Возвяк,
Да Возвяг сын Таврольевич!
Ты князей бояр жаловал,
Да селами поместьями,
Города с пригородками,
Да Фому дарил Токмою,
Да Ерёму Новы́м городом,
Да любимаго затяюшка,
Да Щелкана Дудентьевича
Подари Тверью городом,
Токо Тверью славною,
Токо Тверью богатою,
Двума братцами ро́дныма,
Да князьями благоверныма,
Да Борисом Борисовичем,
Да и Митриём Борисовичем.
— Да ой же, Щелканушко,
Да Щелкан сын Дудентьевич!
Заколи чада милаго,
Токо сына любимаго,
Нацеди токо ча́шу руды,
Токо чашу серебряную,
Да и выпей ту чашу руды,
Стоючись перед Звягой царем,
Перед Звягой Таврольевичем.
Подарю Тверию городом,
Токо Тверию славною,
Токо Тверью богатою,
Двума братцами родныма,
Да князьями благоверныма:
Борисом Борисовичем,
Да и Митриём Борисовичем.
Да тутo Щелканушко
Заколол чада милаго,
Токо сына любимаго,
Нацедил-де он чашу руды,
Токо чашу серебряную,
Да и выпил ту чашу руды
Стоючись перед Звягой царём,

Перед Звягой Таврольевичем.
Да и тут царь Возвяг
Подарил Тверию городом,
Токо Тверию славною,
Токо Тверью богатою,
Двума братцамы родныма,
Да князьям благоверныма:
Да Борисом Борисовичем,
Да и Митриём Борисовичем.
Поехал Щелканушко
Да во Тверь-ту город-от,
Да заехал Щелканушко
Ко родной сестры проститися,
Токо к Марье Дудентьевной:
— Да и здравствуй ты ро́дна сестра̀,
Да и Марья Дудентьевна.
— Да и здравствуй-ко, ро́дной брат.
Уж ты по́ роду ро́дной брат,
По призванью окаянной брат.
Да чтобы тебе бра́телку
Да туда-то уехати,
Да назад не приехати.
Да остыть бы те, брателко,
Да на востром копье,
На булатнем на ножичке.
Дунай, Дунай боле вперед не знай.

Записано там же, 15 августа.



ГРИШКА ОТРЕПЬЕВ

Да на что на нас господь бог прогневался,
Да сослал нам господь бог прелестника,
И вора Гришку ростригу Отрепьева.
И не успел он вор собака на царство сесть,
И похотел вор собака женитися,
И не у нас в Москвы на святой Руси,
Да во той во земли в проклятóй Литвы.
Да у Юрья у пана орды польские,
Да берёт он Маришку дочь Юрьевну.
Его свадьба была не в указной день,
Да на вёщный праздник Миколин день,
Да бояра ты пошли ко заутрены.
Да Гришка с Маришкой во бáину пошòл.
Да бояра ты идут от заутрены,
Да и Гришка с Маришкой из бáины идё.
Да на Гришки-то шуба чернаго соболя,
На Маришки салоп краснаго золота.
Говорит-де вдова благочесливая:
— Уж вы глупые, бояра неразумные!
Да убит наш царевич во Углицком,
Его мощи лежа в каменной Москвы,
Да в том ли во соборе Архангельском.
Да и тут-де бояра догодалися,
Да и скоро до Григорья добиралися.
Да и эта Маришка дочь Юрьевна
Обвернулась из окошка сорокою.
Да этот Гришà Отрепьев-от

Выпадал из окошка о сéреду,
О сéреду кирпичную убился и дó смерти.
Дунай, Дунай, боле вперед не знай.

Записано там же, 16 августа.

237

ШВЕДСКАЯ ВОЙНА

Ой да пишё пишё-то, пишё король шведские,
Да государыни пишё самой:
— Ой да милосердная наша государыни!
Ну да замиримся-ко мы с тобой.
Ой да ты отдай-ко мои города-ты,
Которые прежде ты нам побрала.
Ой отдай Ригу ту, Ригу о́тдай, о́тдай Ревель,
Отдай Нарву-ту крепкий городок.
Аль да роспиши ты нам ли полатушки
В каменной Москвы постоять,
Ой да нашой конницы, нашим драгунам,
В пирской в сла́вной-то стоять улицы,
Ой да нашим графам, графам офицерам,
Ино да по купеческим стоять по́ домам.
Ой да самому-то ко́ролю шведскому,
Ему в славном городе стоять в Кремле,
Ему в Шелементьёвом стоять во́ дому.
Ой да милосердная наша государынька
Убоялась она того̀,
Ой да ею скорые резвые ноженки
Подломилисе стоючись,
Ой да белотельные царские рученки
Опустились оне о бока.
Ой да как по правую царскую рученку
Стоит Румянцёв-от енерал,
Ой да как по левую царскую рученку
Стоит Потемкин-от енерал.
Ой да как возговорит ли-то промолвит
Ну да наш Румянцёв-от енерал:

— Ой да милосердная наша государыни!
Да не убойся-ко ничего.
Ой да не бывать-то вору ему собаки,
Ну да в каменной во славно́й Москвы.
Ой да не стоять-то вору собаки,
Ну да по купеческим славным домам.
Ой да уж мы встретим коро́ля шведскаго
Середи моря во губы́.
Ой да в славной в ревельской было во губы,
Стои́т тридцать-то караблей,
Ой да сто́ит тридцать у нас три кораблика,
Всё стопушечные.
Ой да мы столики ему поставим,
Черные ох мы карабли.
Ой да мы скатертки ему постелем,
Тонкие белые паруса.
Ой да уж мы кушанья ему составим,
Черные ох мы пушечки,
Ой да уж мы черны пушечки поставим,
Чугунные ох мы ядрышка.
Ой да мы силушку прибьём прирубим,
Короля-то мы в полон возьмём.

Записано там же, 16 августа.

238

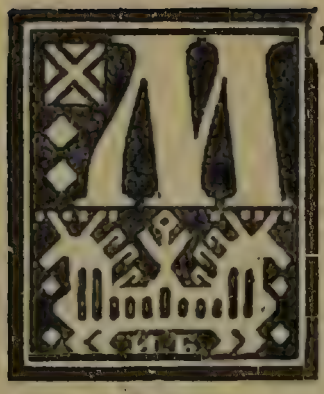
НЕБЫЛИЦА

Старина сказать да стародавная,
Стародавная да небывалая,
Хорошо сказать, да лучше слушати.
Да победна головушка бурлацкая,
Да сокопилась гривна перед злыднями,
Да на кабака сойдё да на вино пропьё,
Да на остатний грош да табаку возьмё,
Да табаку возьмё да свеселá запьё,
Да свесела запоё да свеселехонька.
Да Дунай, Дунай, боле вперёд не знай.
Да не курица на ступы соягниласе,
Коровá на лыжах покатиласе,
Да свинья в елй-то ведь гнездо свила,
Да гнездо свилá да детей вывела,
Малых деточек да поросяточек,
Поросяточка всё по сучкáм вися,
По сучкам вися и полететь хотя.
По поднéбесью братцы медведь летит,
Да медведь летит да он хвостом вертит.
И по чисту полю у нас караб бежит,
На синем мори у нас овин горит,
Да овин горит и то со репою.
Розодрался хлопот хлопотишечко,
Розодралась сношка со свекровкою,
Да рогатками ёна мутовками,
На остатках поварёнками.

Записано там же, 16 августа.

XLVI

ТРЯПИЦЫН



Михайло Иванов Тряпицын, крестьянин дер. Устьпога у Кенозера, 58 лет, небольшого роста, лысый, с русою бородою. Поет былины, которые заимствовал от деда и отца; в молодости знал больше; так, теперь он не мог припомнить былин про Святогора и про Илью Муромца, которые певал в прежнее время. Михайло Иванов упоминал, что и с его слов были записываемы „старины“ для г. Рыбникова тем же фельдшером, который записывал их у Сивцева. Оказывается, что былины, помещенные в сборнике г. Рыбникова под именем Михайлы Богданова, должны принадлежать этому певцу. Имя Богданова вкралось тут, вероятно, по ошибке.

239

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ГОЛИ КАБАЦКИЕ

От того от города от Галичи
Да ко городу было ко Киеву
Идё калика перехожая.
Балахонишко одето веретном тряхнуть,
Татавурищом он подпоясался,
Лапотци на ножках ёво липовы,
Бородушка у старого седёхонько,
Головушка у стара на убел бела.
Да идёт старик по городу по Киеву,
Захотелось зайти стару на царев кабак,
Да выпить стару зелена вина.
Идёт-то старой потихохонько,
Да ступает старой полегошенько,
Он молитву творит и воисусову,
Ён крест кладет по писаному,
Клонится на все четыре на стороны:
— Да здравствуйте, чумаки вы чёловальники,
И здравствуйте, бурмисты ларечные!
А й вы чумаки чёловальники!
И налейте вина мне полтора ведра,
Да опохмельте калику перехожаго.
Розопьюсь я старой, выпью на две тысящи.
Говорят чумаки человальники:
— Тебе нé во что старому поверити.
Да головушка у стараго седёшенько,
Да бородушка у стара на убел бела,
На головушки у стараго зелен колпак,
Да сорочишка одежда исприношена.
Да снимае с вóрота старой чуден крест,

В долину крéст он и две четверти,
Поперёк-то крест и в целу четверть,
В толщину-ту крест был он и двух верхов,
Он старого червоннаго золота.
Не берут чумаки ли целовальники,
Не берут у него крéста чуднаго.
И те ли бедны голи кабацкие,
Да те ли мужики деревенские,
Склали мужики оны по денежки,
Да побольше тово по копеечки,
И купили вина полтора ведра.
Да примае старой одной рукой,
И выпил старой на един на дух.
Говорил им старой таково слово:
— Вам спасибо, голи кабацкие,
Да спасибо, мужики деревенские!
Напоили стара меня дó пьяна,
Не напоили только стара роззадорили,
И теперь у нас дело поздноё,
Приходите по утру ко мне ранёшенько,
И напою я вином всех вас дó пьяна.
Да зашол старик на печку кирпичную,
И спит там старой просыпается.
Да ставае по утру он ранёшенько,
До восходу тёпла краснаго солнышка,
Да спрашивать ключов стал ларечников.
Ён и пришол ко погребам ко винным,
Да отворяет старой двери дубовые,
Берет бочку сороковку под пазуху,
Да другу́ сороковку под другую,
Ён и третью сороковку ногой катит,
Да выкатывал старой на зеленой луг,
Но на ту ли площадь торговую,
Да скрычал да старой громким голосом:
— Эй же вы, голи кабацкие,
Да вы мужики деревенские!
Ступайте вы ко стару на почестной пир,
Напою вином я всех вас дó пьяна.
А те ли чумаки ли чёловальники,
Собралось их человек до восьмидесяти,
Отбивать ли у стара зелена вина.

Ничего не могли у стара сделати,
Да пошли просить ко князю Владимиру,
Да на этого, калику перехожаго.
— Ты Владимир, князь столен-киевской!
Да у нас-то было во вчерашной день
Неведома калика появиласе:
Борода у калики седёхонька,
Голова у калики на убел бела,
Сорочинская одежда вся истаскана,
Лапотци на ножках ёво липовы.
Да зашёл в подвалы к нам во винные
Бочку сороковку брал под пазуху,
И другу сороковку брал под дру́гую,
Да третью сороковку ногой катил.
Да выкатывал старой на зеленой луг,
На ту ли площадь торговую,
Да собрал мужиков деревенские,
И собрал голей он и кабацкие,
И роспоил вино да и безденежно.
И где мы эту су́му, сударь, будем взыскивать?
Говорил князь им таково слово:
— А й же чумаки вы человальники!
Посмотрю я калики перехожего,
Да за это я вам росчитаюсе.
И роспоил стар зелено вино,
Говорил старой таково слово:
— А й вы голи кабацкие,
Да вы мужики деревенские!
Вы ступайте теперь по своим местам,
По своим местам, по своим домам,
По своим домам к молодым женам,
К молодым женам, к малым деточкам.
Я пойду теперь старой на царев кабак,
Да пойду ведь я на печку кирпичную,
И буду я старой просыпатисе.
Да по тому ли по утру по ранному
Приходя от князя слуги верные,
Говорят ене таково слово:
— А й ты, калика перехожая!
Ты ступай-ко ко князю ко Владимиру.
Говорил им старой таково слово:

— А й же вы, братцы товарищи!
Напрасно меня стара беспокоите,
Не да́ете мне старому проспатисе.
Сошел старик со печки кирпичные,
Да пошол старик по городу по Киеву,
Мимо этие палаты княженецкие.
И кричит старой громким голосом:
— А й ты, Владимир, князь столен-киевской!
Получай-ко сумму за зелено вино
Ты с донского казака ли с Ильи Муромца.
Я пойду теперь старик во чисто поле,
И на ту пойду дорогу на Латынскую,
И на ту пойду заставу богатырскую,
Да под тот пойду старой под сы́рой дуб.

Записано на Кеноозере, 11 августа.

240

ТРИ ПОЕЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА

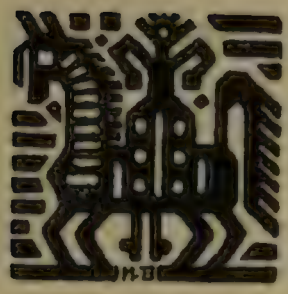
А ездил-то старый по чисту́ полю,
Ото младости ездил до старости,
И наехал старой во чисто́м поли
На те на три дороги широкие.
Лежит на дороги горюч камень,
Да на том ка́мёню подпись̄ подписана:
В дорожку ехати богату быть,
В другую-ту ехати женату быть,
Да во третью-ту ехати убиту быть,
Стоит-то старой, сам дивуется:
— Да колько по святой Руси не езживал,
Такового чуда век не видывал,
Да на что-то старому мне-ка богачество,
Своево у меня злата серебра,
Своево у меня скату-жемчугу,
На что мне-ка старому женитисе, —
Да старая взять, мне замены нет,
Да молоденька взять, мне чужа корысть.
Я поеду старой, где убиту быть,
Да убиту-то быть больнё ранену,
На бою на драки смерть̄ не писана.
Да хорош был у стараго доброй конь,
Был маленькой бурушко косматенькой.
Грива у бурушка тре́х локтей,
А фост-от у бурушка трех сажон.
Ён рики, озёра перескакивал,
Мхи-ты болота впромеж ног пустил,
Ен широки раздолья перерыскивал,
Да от смерти меня старова й унашивал.

Да едёт старик путем-дорогою,
Тут стоит сорок тысячей розбойников,
Да стоят и денные подорожники.
Стали ёни ко старому приступывать,
Хочут оны старого убить сказнить,
Да хочут е́го старого с коня стащить.
Говорил им старой таково слово:
— А й же вы, воры, разбойники,
А й же денные подорожники!
Да бить-то меня ста́рого вам не́ по что,
И бить меня старого не́ за что.
На кони у мня узда е во пятьсот рублёв,
И оттого узда у ме́ня дорога,
Драгоценные каменья в ею вплетены,
Не для ради красы-басы молодецкие,
Для ради славы богатырские,
Да для ради проезду полуноцнаго.
И на кони е се́дло в целу тысящу,
На се́бе ко́жан е во девять тысящей,
Свою доброму ко́ню да я цены не знай.
Да стали е́ни к старому приступывать,
И хочут е́ни старого убить-сказнить,
Да хочут ени старого с коня стащить.
И видит-то старой неминучую,
Да берет старой свой от вострой меч,
Да в другу́ руку копье да бурзомецкое.
И начал старои поскакивать,
Да копьём, мечём ён помахивать.
И куда-де проедет — туды улица,
А куда-де отьедет — переулок знать,
Да прибил сорок тысячей разбойников,
Да прибил всех денных подорожников.
И ворочается старой из дороженки,
И та ли дорога очищена,
Эта ли подписка захерена,
Да старым-то казаком Ильей Муромцем.
— Я поеду старой где женату быть.
Да едет старой по чисту полю,
И стоит в чистом поли белой шатёр,
И приезжае старой ко белу шатру.
Привязал коня к золоту кольцу.

Выходила прекрасна королевична,
Брала стара за белы руки,
Уводила в палаты белокаменны.
Ставила столы ёна́ дубовые,
Наносила всеи ествы сахарние,
Напоила накормила стара до́ пьяна.
Говорит прекрасна королевична:
— Старой казак, Илья Муромец!
Мы пойдем с тобой во ложни во те́плые,
Да на те ли на кровати слоновых костей,
И на те ли на перины на мягкие.
Говорит королевна таково слово:
— А й же, донский казак Илья Муромец!
Ты ложись-ко ко стены кирпичные.
Говорил ей Илья таково слово:
— А й же ты, прекрасна королевична!
Нам ли у стенки спать не хочется,
В нас ли в стариках мочь не держится,
Да мы старики часто вон ходим.
Да взял прекрасну королевичну,
Ён бросил на кроватку на тисовую,
Повернуласи кроватка тисовая,
Да й упала королевна во глубок погрёб.
Да молодцо́в у нёй туды наловлено.
Тут донски́е казаки Илья Муромец,
Да разломал он двери ты железные,
Да у этого погреба глубокаго,
Да выпущае молодцов на святую Русь,
Ворочается старой из дороженки,
Да та ли дорожка очищена,
И та ли подписка захерена
Да старым-то казаком Ильей Муромцем.
Да поехал он старой, где богату быть,
Да едет старой по чисту полю,
Стоит в чистом поли царев кабак,
Да сбираются в кабак воры́ разбойники,
Сбираются в кабак и голи пьяные.
Да розбил Илья э́тот царе́в кабак,
Да розгонял он всех голей кабацкиих.

Ворочается ста́рой из дороженки,
Да и та ли дорожка очищена,
Эта ли подписка захерена
Да старым-то казаком Ильей Муромцем.

Записано там же, 11 августа.



241

ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ

А й Добрынушки мать ему наказывала,
А й государыни Добрыни наговаривала:
— А й да поедешь ты, Добрыня, во чисто́ полё гуля́ть,
А й да приедешь ты, Добрыня, ко синю́ ко морю́,
А й ко синю ко морю Добрыня к морю че́рному,
И поедешь, Добрыня, о синё морё,
И палить будешь, стрелять гусей, лебедей,
Да малые пернастые утицы,
А тем будёшь, Добрынюшка, питатисе.
И приедешь, Добрыня, ко Пуча́ю ко реки́,
А й розгорится твоё сердце богатырскоё,
Да захочется, Добрыня, покупа́тися тебе́,
Заплови-тко, Добрынюшка, за пе́рвую струю́,
Заплови-ко, Добрыня, за другу́ю за струю,
Да не плавай-ко, Добрыня, за тре́тью за струю́.
А й налетит тут змея, змея лютая,
А й она лютая змея, змея пещерская,
Да возьмёт тебя на хоботы на че́рные,
А й унесё ли тебя на горы змеиные,
А й да сядет ли к тебе на бе́лые груди,
Да роспорет ли тебе да груди белые,
А й она вынет ли сердце со печенью.
А ещё мать Добрынюшки наказывала,
И государыни Добрыни наговаривала:
— А й да поедешь ты Добрынюшка по Киеву гуля́ть,
Да не езди-ко Добрыня на царев кабак,
Да не пей-ко ты Добрыня зелена вина,
И не езди во улицы Маринкины,
Во те ли переулочки к Игнатьёвны.

Эта ли ведь девушка Мариночка
Отравила девяти она богатырей,
А й отравит тебя Добрыню десятого.
А й Добрыня матушки не слушаёт,
Да садился Добрыня на до́брово на коня̀,
Да поехал он Добрыня во чисто́ ли во полѐ,
И приехал он Добрыня ко синю́ ко морю,
И ко синю морю Добрыня ко морю чёрному.
Стрелял он палил гусей, лебедей
И малые пернастые утицы,
А й едет тем ли Добрынюшка питается,
Да приехал ли Добрыня ко Пуча́ю ко рекѝ,
И розгорелось е́го сердце богатырское,
И захотелосе Добрыни покупа́тисе ему̀.
Скидыва́ёт он с себя платьѐ цветноѐ,
Да заплыл Добрыня за пе́рвую струю̀,
И ой заплыл Добрынюшка за дру́гую струю̀,
И обзадорило Добрыню плыть за тре́тью за струю̀.
И налетела тут змея, змея лютая,
И взяла его на хоботы на черные,
И унесла ли его на горы̀ змеиные,
И да садиласе к Добрыни на белы груди,
Да хочё ли роспороти груди белые,
Да вынять е́во сердце со печенью.
Да говорит ли Добрыня таково слово:
— А й ты, лютая змея пещерская!
А и не пори-ко, змея, моих белых грудей,
А не вымай-ко ты сердца со печенью,
А не придавай-ко мне смерти скорые.
Да ли ты змея пусть мне сестра родная,
И мы пойдем с тобою во чисто́е во полѐ,
Да палить будём стреляти гусей, лебедей,
Да малые пернастые утицы,
И с тем, змея, с тобой будём питатисе.
И взяла змея на хоботы на черные,
И унёсла-де ведь Добрыню во чисто́ полѐ,
И во чисто́ полѐ Добрыню ко добру́ коню.
И надевает он Добрыня платье цветное,
И да садился Добрыня на до́брова на коня̀,
И да берёт ли он саблю ли во́струю,
И во другу́ руку копьѐ бурзомецкоѐ,

И заздынул он саблю вострую,
Да отрубил ён змеи да буйну го́лову.
А й да поехал он, Добрынюшка, во Киев град,
И да заехал он, Добрыня, на царев кабак,
И да напился Добрыня вина до́ пьяна.
Да поехал ли ён, Добрыня, по Ки́еву гулять,
Ен заехал ведь во улицы Маринкины,
И во те ли переулочки к Игнатьевны,
И ко той ли ко девушки к Игнатьевны.
А й у той Маринки у Игнатьевны,
По окошечку два голуба поха́живаёт.
Да натя́гает Добрыня ту́гой лук,
Накладае́т он стрелочку каленую,
Да стреляет он во голубей во сизые.
Не попал ли ён во голубей во сизые,
Да ён розбил ведь околенку стекольчату,
Да рамочку ту вышиб позолочену,
Да убил ли у Маринки друга милого,
Друга милого убил у ней Тугарина,
Да Тугарина убил ево Змие́вича.
Ёму жалко стало стрелочки кале́ные,
Посылает ли Олёшеньку Поповича:
— Ты, крестовой брат, Алешенька, Попович сын!
И сходи-ко ты за стрелочкой во высо́к терём.
Еще стрелочки у мня е наточёная,
И точёна стрелка золочёная.
Стрелка точена́ ведь была на двенадцать грян,
Сажена была-то перьями орли́нскима,
Дарена-то была князем Владимиром.
И сходил ли Олеша во высок терём,
Да такой ли Добрынюшки ответ держал:
Говорила ёму девушка Мариночка:
— Да которыма руками стрелка стрелена,
Да тема́ руками пусть-де стрелка поднята.
Сам пошол Добрыня во высок терём,
Под Добрынею ступени подгибаются,
Половицы под ним да шатаются.
Да берёт ен стрелочку каленую,
Да выхо́дит ли Добрыня на широкой двор,

Да та ли девушка Мариночка,
И брала ли она ножики булатние,
Да подрезала следы его горячие,
И обвернула ведь Добрыню черным соболём.

(Дальше не знает.)

Записано там же, 11 августа.

242

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ

Не беленкой кречеток выпорхивал,
Не ясён соколичок вылетывал,
Выезжал удал дородний добрый молодец,
По прозванию Чурилушко сын Плёнкович.
Но не скатняя жемчужинка катается,
Да Чурило по Киеву катается.
Выезжае противу́ дому Бермятова,
Заиграл он во доску гусельнюю.
Да перву́ доску играе про Киёв град,
А й дру́гу до́ску играе про свою поездочку,
А й третью доску игра́е про Бермятов дом.
Да услыхала Катерина дочь Микулична,
Зазывала Чурилу на широкий двор:
— Заезжай, Чурило, на широ́кой двор,
У меня Бермята-то дома не случилосе,
Да ушол ли Бермята во божью́ церкву,
Да ён ушол к обедне благовещенской.
Заходи ко мне в полаты белокаменны,
Да станем Чурило мы во шахматы играть.
Да перву доску играли: Чурило Кати мат даё,
Да другу́ доску играли Чурило Кати мат даё.
Да тово ли Катя не пытаючи,
Ёна крепче за Чурила принимается,
И уводила во ложни во те́плые.
Да служанка по терему похаживат,
Таковы слова да выговариват:
— А й, Катерина, дочь Микулична!
А не за хороши порядки принимаешься,
И Катя глупого ума ты набираешься.

Я пойду схожу к Бермяту во божью церкву,
И на тебя, Катерина, накучу́ й намучу́.
Ёна спит-то Катя не пробудится,
Да пошла ли служанка во божью церкву,
А стоит-та Бермят да богу молится,
И говорила е́му девушка служаночка:
— А ай же, Бермят сын Михайлович!
А й у тебя в дому да заневе́жа е.
Ён спит с Катериной забавляется,
Над твоим, Бермят, над домом надсмехается.
Да стоит-то Бермят он богу молится,
И богу молится Бермят да не отве́рнется.
И во вторы́й раз служаночка гово́рила:
— А ай же, Бермят сын Михайлович!
А й у тебя в дому да заневе́жа е.
Ён спит с Катериной забавляется,
Над твоим, Бермят, над домом надсмехается.
Да говорил ей Бермят таково слово:
— А ай же ты, девушка служаночка!
Да ты правду го́воришь, тебя за му́ж возьму,
Да ты ложно го́воришь, да голову́ срублю.
И достоял он обедню благовещенску,
Ён пришол в свою полату белокаменну,
Это заперты ворота те широкие.
Да перво́й раз Бермят и постучается,
Да спит Катерина не пробудится.
И во второ́й раз Бермят и постучается,
Да из те́рема околицы вон посыпались,
Да крепко Катерина испугаласе.
И отворяла Катерина двери на́ пяту,
Да в одной становочки без пояса,
Да в калужских чулочиках без че́ботов.
И говорил ей Бермят таково слово:
— А ай, Катерина дочь Микулична!
Да что же сегодня не снаря́дна ходи́шь?
— Да сегодня у нас да дело празднично,
Да честно́ господне благове́щеньё.
— А й ты врёшь, Катерина, всё оманывашь!
На дворе-то стоит ли Чурилов конь,
Да шинель-сертук висит Чурилово.
Говорит Катерина дочь Микулична:

— У меня в гостях есть ведь ро́дной брат,
Да с Чурилом у их ко́нями поменяно,
И сертуками шинелями побратано.
— А й ты врёшь, Катерина, все оманывашь!
И он зашол-де во ложни во теплые,
Да спит тут Чурилушко сын Пленкович.
Да не утреня зоря да знаменуется,
Да вострая сабелька промахнула,
Но не скатняя жемчужинка скатиласе,
Да Чурилова голова с плеч свалиласе.
Да не черная тафта да росстилается,
Да Чурилова кровь проливается.
И отверня Катерине голову срубил.
Да берёт да девочку служаночку,
Да берёт Бермят да за себя́ замуж.

Записано там же, 11 августа.

243

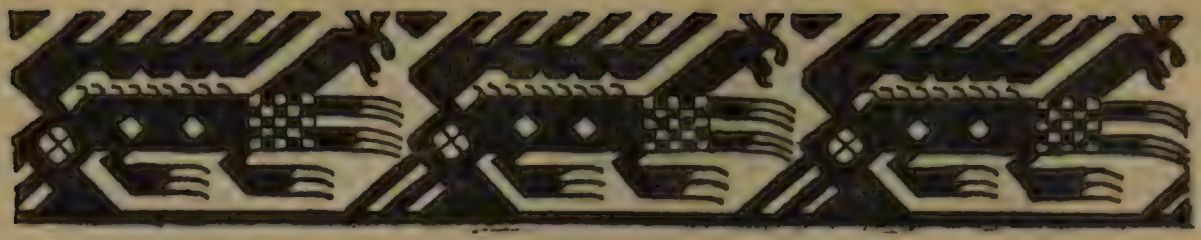
ДЮК

Кого нет сильняе да могучее,
Старика Ильи, да Йльи Муромца.
Кого нет славнее да богатее,
Молодца-то Дюка да Степанова:
Двор у Дюка на семи верстах,
Да кругом двора да всё булатний тын,
Столбики были точеные,
Да точёные да золочёные.
Да на кажном столбичку́ по маковки,
Маковки ты были медные,
Дорого́ю меди всё казарские,
Да пекут лучи да солнопечные,
По тому по городу по Галице,
Да по той Волын-земли богатые.
Да ещё у Дюка у Степанова
Ворота были вольячные,
Подворотенки были хрустальние,
Надворотенки да дорог рыбей зуб.
Да еще у Дюка у Степанова
Над воротами да над широкима,
Да стоя у Дюка чудны о́бразы,
Да горя свечи неугасимые.
Да еще у Дюка у Степанова
Да стоят три церквы три соборные:
Да на кажной церквы по три маковки,
Маковки ты были медные,
Дорогою меди всё казарские,
Да пекут лучи да солнопечные,
По тому по городу по Галице,

Да по той Волын-земли богатые.
Да во перву церкву соборную,
Туда ходит Дюкова-та матушка.
Да во другу церкву соборную,
Туда ходит Дюк Степанович.
А во третью церкву соборную,
Туда ходит дружина-та Дюкова.
Да еще у Дюка у Степанова
Середи двора его широкаго,
Да стоят три терема высокие,
Да высокие да златоверхие.
Да во первом тереми высокием,
Да живёт тут Дюкова-та матушка.
А во другом тереми высокием,
Да живет тут Дюк сын Степанович.
Да во третьем тереми высокием,
Да живет дружина тут ведь Дюкова.
Да еще у Дюка у Степанова
Середи двора того широкаго
Да стояли погребы глубокие.
Да во эти погребы глубокие
Бочки спущены да на тетивочках.
Да во эти погребы глубокие
Да провéдены да трубы медные,
Трубы медные да из чиста поля.
Да повиют ветры со чиста поля
Да во эти трубы да во медные,
Да во эти погребы глубокие,
В погребах там бочки зашатаются,
Оттого ли пиво да не запыкается.

(*Дальше не знает.*)

Записано там же, 11 августа.



244

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ

Когда взосияло красно солнышко
На наше ясно на́ небо,
Тогда нацарился грозный царь,
Грозный царь Иван Васильевич.
Ён царей казнил по-царские,
Царя Симиона с места снял;
Отнял клюху ли его царскую
И снял порфиру королевскую.
На ту на пору, на то время
Хорош появился почестной пир,
На многие на князей на бояров,
На русские могучих бога́тырей.
Все на пиру ли пьяны веселы,
Да никто на пиру ничим не хвастае.
Да то грозный царь Иван Васильевич
Да ходит по гридни столовые,
Таковы слова ён выговариват:
— Да вывел измену изо́ Пскова,
Я вывел измену из Ско́псково,
И вывел измену из Нова-города,
Из матушки вывел каменной Москвы.
Стават из-за бо́льшого стола больш<u>о́</u>й-от сын,
Больш<u>о́</u>й сын Иван Иванович:
— Батюшко грозный царь сударь милослив!
Дай одно слово мне-ка молвити,
За одно слово не повесити.
Только есть у нас изменщик за однем столом:
На князя сказать напрасной грех,
На барина сказать напрасна смерть,

На братца сказать братца тошно жаль,
На себя сказать пожальчее всех.
Братец-от Фёдор Иванович
Да по матушке ездил каменной Москве,
Свои-ты подписи подписывал,
Твои подписи похеривал,
Прибил указы ко всем столбам.
На ту пору на то времечко
Будто сине море вскулыбалосе,
Богатырско сердцо розгорелосе.
Грозный царь Иван Васильевич
Да ходит по гридни столовые,
Таковое слово ён выговариват:
— Да есть ли во пиру ли таки ма́стеры,
Казнить бы вешать роды царские.
Царски роды государские?
Встават из-за меньшего стола Малюта-та Шкурлаткин сын,
Говорил Малюта таково слово:
— Ты грозный царь Иван Васильевич!
Дай указ да за своей рукой,
Да за до́рогой печатью государевой,
Казнить буду вешать роды царские,
Царски роды государские.
Дават указ и за своей рукой
И за до́рогой печатью государевой
Да казнить-то вешать роды царские.
По тому по утру по ранному,
И до восхода тёпла красного солнышка,
Берёт вор Малюта-та Шкурлаткин сын,
Да того ли Фе́дора Ивановича
За рученьки брал за белые,
И за куде́рышка брал его за желтые,
Повёл во полё во чистое,
К тому ли болоту к Кули́кову,
На ту на казень на смертную.
И бы́ла у Фе́дора матушка,
Обувала башмаки на босу ногу,
Шла к братцу к Никиты Романовичу.
— Братец Никита Романович!
А спишь и незгоды не ведаёшь.

Надо мной несчастьё состоялосе,
Не стало сына одинакого,
Твоего ли крестника любимого,
Увёл Малюта во чи́сто́ полё,
К тому болоту Кули́кову,
На ту на казень на смертную,
Да хочёт отрубить буйну голову.
Не много Никита розговаривал,
А скочил Никита скоро-на́-скоро,
Обувал сапоги на босу́ ногу,
Одевал ён шубу соболиную,
Накла́дал шляпу пуховую,
Берёт узду свою медную,
Да идё на конюшню стоялую,
Берё жеребца да не езжалого,
Не езжалого да не седла́ного,
Не седла́ного, только́ узда́ного.
Только видели Никиту саждаючи,
Не видали Никиты поезжаючи,
Только столб стоит во чистом поли.
У вора Малюты-та Шкурлаткина
Лева ножка откинута,
Права рука заздынута.
А й скричал Никита громким голосом:
— А й же Малюта-та Шкурлаткин сын!
Не твоя вор ества, не тебе вор есть,
А съеси́ собака кус, подавишься,
Теперь тебе вору живу не быть.
У вора Малюты-та Шкурлаткина
Левая нога́ его оглезнула,
Права́я рука его одрогнула,
Выпадала у Малюты сабля вострая.
Приехал Никита Романович
Да берёт своего крестника любимого,
Да посадил ево ли на добра коня,
Да повёз ево ли в каменну Москву.
Стоит Малюта пороздума́лсе:
— Да как я молодец теперь к царю пойду.
Взял кобеля ли мелединского,
Отрубил кобелю ён буйну голову
И вынял сердцо со печенью,

Подносил на подносы на серебряны.
Идёт к грозному царю Ивану Васильевицу,
Говорил царь таково слово:
— А й Малюта-та Шкурлаткин сын!
Да что же от сердца пе́сей дух пахнё?
Говорил Малюта таково слово:
— Он закону-то был не нашево,
Порядку был не хорошего,
Оттово ли от сердца песей дух пахнё.
Да прошло тово времени целой год,
Да на ту ли заутрину христовскую
Приказал грозной царь Иван Васильевич
Обря́диться всем в платье опа́льнеё,
Поминать-то Федора Ивановича.
Да тот Никита Романович
Одевае платье ён цветноё,
Со каменьём да драгоценным,
И пришол во церкву соборную
Да бьет челом поклоняется:
— Здравствуй, грозной царь Иван Васильевич
Со своима́ ли детями одинакима:
И со тем ли Иваном Ивановицом,
И со тем ли Фе́дором Ивановицом!
Говорил царь таково слово:
— Да ты старая собака седатой пёс!
Да вочью́ ты мною насмехаешься
По ворах и по розбойниках.
Много потучиков и попецельщиков
По моём по сыни по Федори,
Не потучики не были, ни попечальщики.
Отстоял заутрину христовскую,
Да привел к обедени христовскиё,
Показал ли сына одинакова,
Да того ли Фёдора Ивановича.
Говорил царь таково слово:
— Да кто скраде, своруе, голову убьёт,
Да ступайте в Микитину вотчину.

Записано там же, 11 августа.

XLVII

КОСТИН

лександр Давыдов Костин из дер. Кузминска на Почезере (близ Кенозера), крестьянин-земледелец, 35 лет от роду. Оставшись в детстве сиротою, он ходил по миру и тут, по его словам, еще будучи маленьким мальчиком, затвердил несколько былин. Кроме печатаемых здесь, он пел про Добрыню совершенно сходно с Воиновым и про смерть Чурилы одинаково с Сивцевым.

245

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ

По той по дорожки по латынские,
Идёт тут калика перехожая,
Перехожая калика бродимая,
По прозванию славно́ Ива́нище.
Как навстречу ему Илья Муромец,
Говорил ему Илья таково слово:
— Уж ты здравствуй-ко, славно Иванище!
Благополучно ли есть во славном во Киеви,
Да здорово ли живёт наш Владимир князь?
Говорит ему славно Иванищо:
— Уж ты сильнии богатырь Илья Муромец!
Как на наш-от на батюшко Киев град
Наезжает нечисто Едолище,
По прозванию Батыга Батыгович.
Он князей бояр всех повырубил,
Самого Владимира в полон побрал.
Говорил ему Илья, Илья Муромец:
— А й же ты славно Иванище!
У тя силы есть вдвоём против меня,
Только сметки-то нет против меня.
Соходил Илья со добра коня,
Одевает он платье скоморошноё,
Наложает он шляпу сорочинскую,
Да и пошел по дорожке в славный Киев град.
И заходит Илья на царев кабак,
Говорил Илья таково слово:
— А й же вы чумаки целовальники,
А й же вы голи кабацкие!
Вы сбирайте-ко, голи, по денежки,

Да и мало тово — по копеечке,
Наливайте вина полтора ведра,
Опохмельте калику перехожую,
Перехожую калику бродимую.
И тут склали ему голи по денежки,
Да и мало тово — по копеечке,
Наливали вина полтора ведра,
Выпивает калика через край до дна.
Как пошол Илья в погре́б глубокие,
Да и перву брал бочку под пазуху,
А другу́ю брал бочку под дру́гую,
А третью-то бочку ногой катит.
— Вы сбирайтесь, чумаки целовальники,
Вы сбирайтесь все голи кабацкие!
Уж вы пейте вино все безденежно,
А молите вы бога за Илью Муромца.
А сам пошол в славный Киев град,
А заходит он в полаты белокаменны,
Да во те ли чертоги государевы.
Как во той ли полаты белокаменной,
За тем за столом белодубовым,
Да на той на скамейки из рыбья́ зуба,
Да сидит тут погано Едолище,
По прозванью Батыга Батыгович.
Как говорит Батыга таково слово:
— Ты скажи мне, калика перехожая,
Перехожая калика бродимая!
У вас есть сильний бога́тырь Илья Муромец.
Он много ли хлеба соли кушаёт,
А и много ли пьёт зелена вина?
Как говорил ему Илья, Илья Муромец:
— Уж он хлеба-то ест по три колачика,
А напиточок пьет по три рюмочки.
Как говорил ему Батыга Батыгович:
— Это нет богатыря Ильи Муромца.
Как я хлеба-то ем ведь по три́ печи,
А напиток-то пью по три́ ведра.
Говорил ему Илья, Илья Муромец:
— У моего-то родителя батюшка,
У его есть-то корова обжираная.
Она сена-то ела по три́ воза,

А напиток-то пила по три́ щану,
Ей с этих напиток всю пирвало,
А тебя разорвет, погано Одолищё.
Как хватает погано Едо́лище
Со стола ведь ножичок булатние
Да кидает в Илью, Илью Муромца,
И как ульнюл у Илья ножик в червоной крест.
Как снимает Илья шляпу сорочинскую,
Как махнул он в Батыгу Батыгова,
Тут-то где его глава, где-ка тулово,
И возвел он тут князя на высо́к престол.

Записано на Кенозере, 13 августа.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СЫН ЕГО

Из Волынца города Галича,
На ту на дорожку латынскую,
На ту на заставу богатырскую
Выезжало три сильних могучих богатыря:
Первой богатырь Илья Муромец,
А второй Добрыня Микитьевич,
А третей Микита Романович,
Простояли на заставы три месяца.
Как во то ли во время трехме́сячно
Проезжает тут сильний могучий бога́тыре,
По прозванью-то славно Аполонище.
Как воспроговорил Илья таково слово:
— Поезжай-ко ты Добрыня во чисто́ полё,
И ты наедешь в поли на бога́тыря,
И ты сруби ему буйну голову.
Как оседлал Добрыня добра коня,
Как поехал Добрыня за богатырем,
И наехал в поле на богатыря.
Как бога́тырь ревйт будто лютый зверь,
Под Добрынею конь пошарашился,
На коне-то Добрыня устрашился.
Повернул коня ко заставушки,
И приехал Добрыня к Ильи Муромцу
И сам говорил таково слово:
— Уж ты старой седатой Илья Муромец!
Как наехал я в поли на богатыря,
А бога́тырь ревйт будто лютый зверь,
Подо мною конь пошарашился,
На коне-то я поустрашился.

И говорил Илья таково слово:
— Поезжай-ко ты Микита Романович!
Поезжай-ко ты Микита во чисто полё,
И ты наедешь в поли на богатыря,
И ты сруби ему буйну голову.
Оседлал Микита ворона коня,
Поезжает Микита за богáтырем,
Наехал он в поле на богáтыря.
Как богатырь ревúт будто лютой зверь,
Под Микитою конь пошарашился,
На коне-то Микита устрашился,
Повернул коня ко заставушки,
Ко той ко заставы к Ильи Муромцу,
И говорил Микита таково слово:
— Уж ты старой седатой Илья Муромец!
Как наехал я в поли на богатыря,
А богáтырь ревúт будто лютый зверь,
Подо мною конь пошарашился,
На коне-то я поустрашился.
И воспроговорит Илья таково слово:
— Уж ты старость, ты старость богатырская,
Видно некому мне заменитися,
Надь покинуть мне старость великую.
И пошел на конюшню стоялую,
И берет жеребца неезжалово,
Неезжалово да неуздана.
Как седлаёт Илья ворона коня,
Только видели людюшки сядучи,
А не видели людюшки поездучи,
Только копóтка в поли как столб стоит.
И наехал он в поли на богатыря,
И богатырь рéвит будто лютой зверь,
И уж он бьет коня по туцным бедрам:
— Уж ты конь ли мой конь, травяной мешок,
Разве конь в поле не бы́ивал,
Вороньяво крыку не слыхивал?
Не ворона ли в поле розлеталасе,
Не пусто ли перо порозгрáялось.
Я хвачу воро́ну, в карман брошу,
Не бывать вороны на белом свету.
Они ударились палицей в палицу,

У обех у них палицы поломалисе,
Не один одново не поранили.
Ударились копием в копие,
У обех у их копья поломалисе,
Не один одново не поранили.
Как сошлись на ручную поборотисе,
Как ушиб ево Илья, Илья Муромец.
Он ставае коленами на белу грудь,
Уж он сам говорил таково слово:
— Уж ты чьей земли, уж ты чьей орды,
Ты чьего отца, коей матери?
Говорил ему удалой доброй молодец:
— Уж ты старой седатой Илья Муромец!
Кабы я у тя был на белой груди,
Я не спрашивал ни имени, ни вотчины,
Не какой пути дорожки проезжие.
Вынимал бы я ножичек булатние,
Я порол бы твои груди белые,
Вынимал бы я сердце со печенью.
Как второй раз спросил Илья, Илья Муромец:
— Ты скажи-тко, удалой добрый молодец!
Уж ты чьей земли, уж ты чьей орды,
Чьево отца, коей матери?
Говорил ему удалой доброй молодец:
— Уж ты дядюшка Илья Муромец!
Как по прозванию я славно Аполонище,
А мать моя — девка Сиверья́ночка.
Как берёт Илья за ручки за белые,
Поднимает Илья от сырой земли,
Целовал во уста во сахарние.
— Видно ты мне сильний могучий богатыре,
Видно ты мне, молодец, ро́дной сын.
Как садилисе о́ны на добрых коней
И поехали оне ко заставушки,
И наказал Илья Аполонищу:
— Ты свези своей матери низко́й поклон.

Записано там же, 13 августа.

247

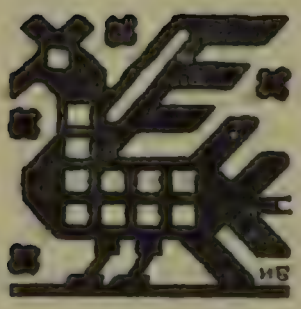
БРАТЬЯ ДОРОДОВИЧИ

Поехал Михайло Дородович,
Поехал гулять во чисто́ полё,
И выехал на гору высокую,
Розвертывал трубку подзорнюю,
Глядел-смотрел во чисто поле.
Увидел он там три знаменья:
Первое знамя белым-бело,
Друго́е знамя красным-красно,
Да и тре́тьё-то знамя черным-черно.
Как поехал Михайло Дородович
Ко тем-то ко трём он ко знамечкам,
Начал ево бурушко поскакивать,
Из-под копыт-то он долы вымётывать
По целой овчины барановой.
Приехал ко тем ко трем ко знаменям.
И первое знамя стоит бел шатер,
А другое знамя на шатри маковка,
А третье-то знамя стоит во́рон конь.
И соходил Михайло со добра коня,
И надовал коню пшена белоярова,
А и сам он зашол во белой шатер.
Во белом шатри удалой доброй молодец,
Уж он многима ранами раненой.
И как спросил он удала добра молодца:
— И ты удалой дородний добрый молодец!
Уж ты где-ка бит, где-ка раненой?
Как сказал ему удалой доброй молодец:
— Уж был я во лугах во кургановых,
Ино я бился с погаными татарами,

И наконец мне-ка измена состоялась,
И у туга лука тетивка порывалась,
Булатняя палица поломалась,
Копьё в череню поросшаталось,
И востра сабля пополам переломилась.
Тут обступили поганые татарове,
Тут меня били да ранили.
Как выходит Михайло из бела шатра,
Садился Михайло на добра коня,
Розвёртывал трубку подзорнюю,
Он смотрел во луга во курганови.
Уже сколько стоит лесу темного,
Да и столько поганых татаровей,
Да и сколько в чистом поли кувыль травы,
А тово боле поганых татаровей.
И тут-то молодца страх-от взял.
— Как куда мне-ка ехать, куда коня мне гнать?
Как ехать мне в луга, так убиту быть,
А домой мне-ка ехать, нечим хвастати.
И как поехал он в луга во курганови,
И уж он луком перебил силы сметы нет,
Копьем переколол силы сметы нет,
Да и палицей прибил силы сметы нет,
Да и саблёй перерубил силы сметы нет,
И наконец тово измена состоялась,
И у туга лука тетивка порвалась,
Булатняя палица поломалась,
Копье в череню росшаталось,
Востра сабелька пополам переломилась,
И обступили поганые татарове,
Да и хочут добра молодца с коня стащить.
Ино ево была головушка удалая,
Да и вся была натура молодецкая.
Как скочил Михайло с добра коня,
А хватал он поганого татарина
За его ли за поганые за ноги,
Начал он татарином помахивать,
Куда махнёт — туды улица,
Назадь отма́хнё — переулочек.
И то оружьё по плечу пришло,
Прибил он татар до единого,

И уж он сам сказал таково слово:
— И ты родись-ко головушка удалая,
А худа голова бы лучше не́ была.
Садился Михайло на добра коня,
Поехал Михайло ко белу шатру,
И как приехал Михайло ко белу шатру,
Надавал коню пшена белоярова.
И заходит Михайло во бел шатер,
И спросил Михайло добра молодца:
— Ты удалой дородний доброй молодец!
Ты кото́рого отца, которой матери?
Я твому бы отцу ведь поклон отвёз.
И как сказал ему удалой доброй молодец:
— Как по имени зовут меня Федором,
А по отечеству Федор Дородович,
А больше я с тобой говорить не могу.
И как тово часу молодцу смерть пришла.
А сказал тут Михайло Дородович:
— Да и видно ты родимой мне брателко,
Да и старшой-от Федор Дородович.
Да и предал он его тело сырой земли,
А своим он родителям поклон отвёз.

Записано там же, 13 августа.



248

БРАТЬЯ РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА

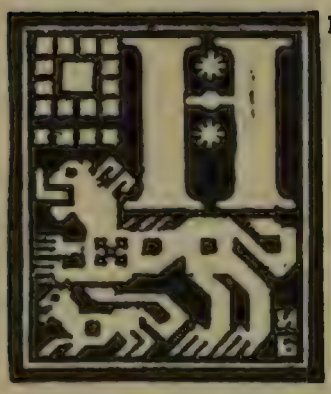
Уже за морем было за синием,
Там жила была молода вдова,
Молода вдова благочестивая.
Как у той вдовы было девять сынов,
Во десятых дочь одинакая,
Ею отдали замуж за́ море,
За́муж за́ море за море́нина,
Ею за вора за разбойника.
Она жила за морем девять годов,
На десятой год и стосковаласе.
Она стала звать моренинушка:
— Ты пойдем, море́нинушко, за море,
По́йдем за море к родной маменьке,
К родной маменьки, к ро́дным братьицам.
Они пошли с море́нином за́ море,
Как навстречу им девя́ть разбойников.
Они море́нина в море врезали,
А моряночку во полон взяли,
Во полон взяли и прибесчестили.
Они шли разбойники день до вечера,
Да и тут разбойники ночью сделали,
Да и все разбойники спать легли.
Как один разбойник не спит, не лежит,
Не спит, не лежит и думу думаё,
Думу думаё, речь проговорил:
— Ты скажи, моряночка, поведай мне,
Уж ты чьей земли, ты чьей орды,
Ты чьево отца, которой матери?
Начала моряночка высказывать:

—Уже за морем было за синием,
Там жила была молода вдова,
Молода вдова благочестивая.
Как у той вдовы было девять сынов,
Во десятых дочь одинакая,
Меня отдали замуж за море.
Как скричит разбойник громким голосом:
—Вы вставайте, братья, пробужáйтесе!
Не моренина мы в море врезали,
Не моряночку во полон взяли,
В море врезалú зятя́ любимого,
Во полон взяли сестру родимую,
Прибесчестили единокровную.
Как ставали разбойники пробужалисе,
Как давали заповедь крепкую,
Начали вязать они шелкóв невод,
Нé могли достать зятя любимого.
И возвратилисе оны в родимой дом,
Оне в родимой дом и к родной матери.

Записано там же, 13 августа.

XLVIII

КУКШИНОВ



Николай Иванов[ич] Кукшинов, крестьянин-земледелец из дер. Кинозерской у того же Почезера, о котором упомянуто выше. Ему лет за 50. Кроме былин, здесь помещаемых, знал, но плохо, про Грозного царя Ивана Васильевича и про Настасью королевичну литовскую.

249

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ГОЛИ КАБАЦКИЕ

Из Волынца города из Галица,
Из Волын земли неверные,
Из той Корелы из упрямые
Лежала дорожка широкая.
В ширину дорожка сорока сажен,
В долину́ по дорожке не бывано.
По той по дорожки широкие
Идёт калика перехожая.
Платье на нем веретно́м тряхнуть.
Идёт калика шатается,
Своею клюхой подпирается,
Под каликой земля подгибается.
На той на дорожки широкие
Стоит тут застава великая,
Стоит сорок воров, сорок разбойников,
Сорок ночных подорожников.
Берут калику за белы руки.
Говорит калика таково слово:
— Вы ай же воры разбойники,
Вы ай же ночны подорожники.
Чево вам у стара захотелосе?
Денег у мня теперь не было,
Только есть один крест полтора пуда,
Из самаво червонаво золота.
Обступили воры разбойники:
— Нам неча со старым разговаривать!
Примайтесь ребята за старова.
У калики сила богатырская,
Ухватка была молодецкая.

Ухватил он разбойника за́ ноги,
Начал разбойником помахивать,
Разбойник он гнётся — не ломится,
На жильях проклятой не сорвется,
Куда махнет — туда улица,
Куда отмахнет — переулочок.
Прибил сорок воров всех разбойников
И всех он ночных подорожников,
И сам он калика вперёд пошёл,
Приходит ко погребам питейным.
Ходят тут голи кабацкие,
На́гольни горькие пьяницы.
Он го́ворил таково слово:
— Вы ай же голи кабацкие,
Вы на́гольни горькие пьяницы!
Вы скиньте, голи, по денежке,
Еще прибавьте по копеечке,
Купите вина полтора ведра,
Опохмельте калику перехожую,
Заутра́ напою вас безденежно.
Скинули голи по денежки,
Еще прибавляли по копеечке,
Купили вина полтора ведра,
Подавали калики перехожие.
Берёт калика единой рукой,
Выпивает калика на единый дух.
— Спасибо, голи кабацкие!
Не напоили старика, лишь раззадорили.
Приходите к питейным по́гребам,
Напою я вас, голи, безденежно.
Приходили голи ко по́гребам,
Ждали калику перехожую.
Идет калика ко погребам,
Он двери колоды выпинывал,
Заходит во по́греба питейные,
Он бочку берёт он под пазуху,
Другу́ю берёт он под дру́гую.
Краны печати взял оторвал:
— Пейте, голи, сколько надобно,
Споминайте калику — Илью Муромца.

Записано на Кеновере, 14 августа.

250

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И АЛЕША ДОРОДОВИЧ

На той на дорожки латынские,
На той на заставы богатырские,
Стоит тут заставушка великая,
Три сильных могучих три богатыря:
Во первых богатырь Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович,
Второй же Микита Романович,
Под Микитой Олёша Поповичёв.
Нельзя ни пройти, ни проехати,
Ни конному да и не пешему.
Какая невежа проехала,
Неверная сила прокатиласе,
Не спросил он ни имени, ни вотчины.
Илья говорил таково слово:
— Кому из нас ехать за богатырем?
Послать нам Алёшу Поповича.
Поповские роды задумчивы:
Хошь сам он падет, хошь богатыря́ убьет,
Не спросит ни имени, ни вотчины.
Послать нам Микиту Романова.
В дорожку Микитушка справляется.
Он день-от ехал до темно́й ночи,
И темну ночь ехал до белово дни.
Другой день ехал до темно́й ночи,
И другую ночь ехал до белово дни.
Наехал он в поли на бога́тыря.
Богатырь крычит аки лютый зверь,
Он бьет коня по тучным бедрам,
А сам говорит таково слово:

—Конь ты мой конь, травяной мешок,
Травяной мешок, медвежей обед!
Ты разве конь во́ поли не бы́ивал,
Не слыхал ты вороньево покрику?
Не ворона ли в поле розлеталасе,
Не пустое ли перо порозграялось?
Налетит ворона, я в корма́н брошу.
Не бывать из кармана век и по́ веку,
Не видать вороне свету белаво.
Под Микитою конь пошарашился,
И он на коне приустрашился,
Конь пал на колена лошадиные.
Воротил Никита добра коня,
Поехал назад ко заставушки.
Встречае родитель ево дяденька,
И дяденька Илья Муромец.
—Ты ах же Микитушка Романович!
Здорово ли ездил за богатырем,
Срубил ли ему буйну голову,
Спросил ли про имя про вотчину?
—А й же дядюшка Илья Муромец!
Я день-от ехал до темной ночи,
Темной ночи ехал до белово дни.
Другой день ехал до темной ночи,
Другую ночь ехал до белово дни,
Наехал я в поли на богатыря.
Богатырь крычит аки лютый зверь,
Он бьет коня по тучным ребрам,
А сам говорит таково слово:
—Конь ты мой конь, травяной мешок,
Травяной мешок, медвежей обед!
Ты разве конь во́ поли не бы́ивал,
Не слыхал ты вороньево покрику?
Налетит ворона, я в корма́н брошу.
Не бывать из кармана век и по́ веку,
Не видать вороне свету белаво.
Подо мною конь пошарашился,
А я на коне приустрашился.
Конь пал на колена лошадиные,
Воротил я Никитушка добра коня,
Поехал назад ко заставушки.

Илья Муромец призадумался,
И сам он себе разговаривал:
—Верно некем у стара заменитися.
Росшатать разве старость богатырская,
Ехать мне в поле за богатырем?
Он день-от ехал до темной ночи,
Темну ночь ехал до белово дни,
Другой день ехал до темной ночи,
Другую ночь ехал до белово дни,
И третий день ехал до темно́й ночи,
И третью ночь ехал до белово дни.
Наехал он в поли на бога́тыря.
Богатырь крычит аки лютый зверь,
Он бьет коня по тучным бедрам,
А сам говорит таково слово:
—Конь ты мой конь, травяной мешок,
Травяной мешок, медвежей обед!
Ты разве конь во́ поли не бы́ивал,
Не слыхал ты вороньево покрику?
Не ворона ли в поле розлеталáсе,
Не пустое ли перо порозграялось?
Налетит ворона, я в корма́н брошу.
Не бывать из кармана век и по́ веку,
Не видать вороне свету белаво.
Под Ильею конь не шарашился,
Илья на кони не устрашился
И стал наезжать на бога́тыря.
Ударились молодцы во палицы,
И палицы у них приломалисе,
Ни который ни ко́его не ранили.
Ударились молодцы во копия,
И копья у них приломалися,
Ни который ни ко́его не ранили.
Ударились молодцы во сабельки,
И сабли у них приломалисе,
Ни который ни ко́его не ранили.
Сошли оны поборотися.
В пошибках пошиб Илья Муромец
И стал ему на белы груди.
Сам говорил таково слово:
—Скажи же, удал дородний молодец!

Ты чьей земли, скажи, чьей орды,
Чьево́ отца да чьево матери,
Чьево урождения великого?
Он говорил таково слово:
— Ты старой чорт Илья Муромец!
Кабы я был на твоих грудях,
Не спрошал бы ни имени ни вотчины.
Вымал бы ножищо-кинжалищо,
Порол бы твои груди белые,
Вымал бы я сердце со печенью.
— Ты скажи, удалый дородний молодец!
Скажи, чьей орды, скажи, чьей земли,
Чьево отца да чьёво матери,
Чьево урождения великого?
Он говорил таково слово:
— Ах ты старой чорт Илья Муромец!
Кабы я был на твоих грудях,
Не спрошал бы ни имени ни вотчины.
Вымал бы ножищо-кинжалищо,
Порол бы твои груди белые,
Вымал бы я сердце со печенью.
— Не гордись на́ меня, чадо милое,
Скажи, чьей орды, скажи, чьей земли,
Чьево отца да чьёво матери,
Чьево урождения великого?
— Я той орды, да я и той земли,
Тово отца да тово́ матери,
Тово урождения великого,
Зовут меня Алёша Доро́дович.
Ильи Муромцу речи прилюбилися,
Сходил как он со белой груди,
Да поднял ево за белы руки,
Целовал во уста во сахарние,
Назвались они братьями крестовыми

Записано там же, 14 августа

251

МОЛОДОСТЬ ЧУРИЛЫ

Во славном батюшке во Киеви гради,
У ласкова князя у Владимира,
Было столование почестен пир,
На многие князи а на бояра,
На сильни могучии богатыри,
На все поляницы на удалые.
Долог день идё ко вечеру,
Красное солнышко ко западу,
Почестные пир идё навесели.
Все на пиру пьяны веселы,
Все на пиру напивалисе,
Все на честном наедалисе.
Князь-де Владимир светел радошен,
Выходит на крылечко перёноё,
Опирается в перилицо точёноё,
Зрел-смотрел в чисто́е во полё.
Издáлека далéка из чиста поля
Идут мужики граждана,
Граждана мужики посадские,
Посадские рыболовщички.
Кланяются князю поклоняются,
Бьют-де челом, жалобу творят:
— Солнышко-де нашо красное,
Солнышко Владимир стольне-киевской!
Пьёшь-де, еси́, спотешаешься,
Над нами победушки не ведаёшь.
Над нами победа состоялась,
На наших любимых на займищах
У нас-то ли было на Сароги на реки́,

Неведомые люди появилисе.
Платье на них дорогой скурлат,
Источниками подпоясалисе́,
Шапки на них черны му́рманки,
Черны мурманки золоты́ вершки.
Са́пожки у них-де зелен сафьян,
До́рога сафьяну заморского,
Хо́роша шитья новоторского.
Нос-от шилом — пята востра,
Около носу яицо́ покати́,
Под пяту соловей пролети́.
Наши невода роздёргивали,
Свои невода заме́тывали,
Рыбу сорогу повыловили.
Нам, государь, лову не было,
Вам, государь, подносу нет,
Нам от вас нету жалованья.
Скажутся-называются —
Всё это дружина Чурилова.
Он и говорил таково слово:
— Не знаю я Чуриловой вотчины,
Не знаю я Чуриловой поселицы,
Не знаю я, Чурило где двором стоит.
Та толпа мимо двор прошла,
Новая из поля появляется.
Идут мужики граждана,
Граждана мужики посадские,
Посадские зверёловщички.
Кланяются князю поклоняются,
Бьют-де челом, жалобу творят:
— Солнышко-де нашо красное,
Солнышко Владимир стольне-киевской!
Пьёшь-де, еси́, спотешаешься,
Над нами победушки не ведаёшь.
Над нами победа состоялась,
На наших любимых на займищах
У нас-то ли было во темны́х во лесах,
Неведомые люди появилисе,
Наши они петельки задёргивали,
Свои они петельки заметывали,
Кунку да лиску повыловили,

Чёрного соболя повыдавили,
Серого заморского заяца.
Нам, государь, лову не было,
Вам, государь, подносу нет,
Нам от вас нету жалованья.
Скажутся-называются —
Всё это дружина всё Чурилово.
Он и говорил таково слово:
— Не знаю я Чуриловой вотчины,
Не знаю я Чуриловой поселицы,
Не знаю я, Чурило где двором стоит.
Та толпа мимо двор прошла,
Новая из поля появляется.
Идут мужики граждана,
Граждана мужики посадские,
Посадские огороднички,
Кланяются князю поклоняются,
Бьют-де челом, жалобу творят:
— Солнышко-де нашо красное,
Солнышко Владимир стольне-киевской!
Пьёшь-де, еси́, спотешаешься,
Над нами победушки не ведаёшь.
Над нами победа состоялась,
На наших любимых на заводях,
На наших любимых на займищах
Неведомые люди появилисе.
Наши за́води раздергивали,
Свои они огороды заметывали,
Травку-муравку повытоптали,
Красных девиц к сорому привели,
Молодых молодушок прибесчестили,
Старых старух обизвичили.
Скажутся-называются —
Всё это дружина Чурилова.
Он и говорил таково слово:
— Не знаю я Чуриловой вотчины,
Не знаю я Чуриловой поселицы,
Не знаю я, Чурило где двором стоит.
За тем за столом белодубовым,
На той на скамейке слоновых костей
Сидел тут удалой добрый молодец,

По имени Иван да Иванович.
Он сам говорил таково слово:
— Знаю я Чурилову вотчину,
Знаю я Чурилову поселицу,
Знаю я, Чурило где двором стоит.
У Чурила двор на Сароги на реки,
Супротив креста Леванидова,
У святых мощей у Борисовых.
У Чурила двор на семи верстах,
Около двора есть булатний тын,
На каждой тыниночке по маковке,
И маковки были золочёные.
Посередь двора стоит три терема,
Свéдены были по небесному:
Нá неби солнцо и в тереми солнцо,
На неби месяц и в тереми месяц,
На неби звезды и в тереми звезды.
Пó небу звездóчка покатится,
По терему звездочки посыплются,
В котором же тереми Чурило живёт,
Трои были сени косерчатые,
Трои были сени стекольчатые,
Трои были сени решатчатые,
Пол и середа из чиста серебра,
Потолóка были соболиные,
Зáвесы были миткалиновые.
Справляется Владимир стольне-киевской,
Со многими князьями со боярами,
Со всемá купцами со торговыма,
Поезжает Чуриловой посéлицы смотреть,
Приезжает Владимир ко Чурилову двору,
Сам говорил таково слово:
— Как сказано да так и сделано.
Из этого терема высокого
Выходит стар-младыи матéр человек,
Кланяется князю поклоняется,
Берё его за ручки за белые,
Проводит во тéрема высокие,
Садил за столы белодубовы,
Кормил де поил хлебом солию.
Князь-де Владимир воспотешился,

Сел под окошко косерчатое,
Зрел-смотрел во чисто́е во поле́.
Из да́лека дале́ка из чиста поля
Едет молодцов сот до двух,
Все молодцы одноличные.
Платье на них дорогой скурлат,
Источниками подпоясалисе,
Шапки на них черны му́рманки,
Черны мурманки золоты́ вершки.
Сапожки у них-де зелен сафьян,
До́рога сафьяну заморского,
Хо́роша шитья новоторского.
Нос-от шилом — пята востра,
Около носу яицо́ покати́,
Под пяту соловей пролети.
Кони под нима были латынские,
Узды, повода сорочинские,
Седелышка были чиста золота.
Кони бежа как соколы летя.
Та толпа к ним на двор пришла,
Новая из поля появляется:
Едет молодцов сот до трёх,
Все молодцы одноличные.
Платье на них дорогой скурлат,
Источниками подпоясалисе,
Шапки на них черны му́рманки,
Черны мурманки золоты́ вершки.
Са́пожки у них-де зелен сафьян,
До́рога сафьяну заморского.
Хо́роша шитья новоторского.
Нос-от шилом — пята востра,
Около носу яицо́ покати́,
Под пяту соловей пролети́.
Кони под нима́ были латынские,
Узды, повода сорочинские,
Седелышка были чиста золота.
Кони бежа как соколы летя.
Та толпа к ним на двор пришла,
Новая из поля появляется:
Едет молодцов до четы́рех сот,
Все молодцы одноличные.

В той толпе превеликие
Едет Чурило сын Плёнкович.
Едет Чурило на трёх лошадях,
С лошади на ло́шадь перескáкиваё,
Из рукú в руку копьé переме́тываё.
Князь-де Владимир испужается:
— Какая-то невежа появляется,
Не просит ли в поле поединщика?

(Дальше не знает.)

Записано там же, 14 августа.

XLIX

ПАТРИКЕЕВ

Филипп Васильевич Патрикеев из дер. Дородницкой на Почезере, крестьянин-земледелец, 40 лет от роду. Знает только две былины, которым научился от своей матери, в настоящее время дряхлой 70-летней старухи.

252

МИХАЙЛО ДОРОДОВИЧ

По за Киевом не ясён сокол в перелёт летит,
По той пути дорожке широкие,
Туды едё Михайло Дородович,
На своём-то на бурушке косматеньком.
У бурушка шерсть была трёх пядей,
И грива у бурушка трёх локот,
И фост у косматого трёх сажон.
И бил он коня по-кониному,
И бил он коня по тучным бокам,
И по тучным-то бокам по востры́м ребрам.
И пошёл этот бурушко косматенькой
И во всю пору-меть лошадиную,
И ископыть мечё кониную,
И по-повыше ле́су он жарового,
И по-пониже он облака ходячего.
И реки, озёра перескакивал,
И топучи места промеж ног пустил,
И выезжаё Михайло Дородович
На ту ли на гору Сорочиньскую,
И здрел-смотрел в трубку подзорную,
И увидел Михайло три знамечка:
И перво-то знамё белым-бело,
Да другое было знамё черны́м-черно,
И третьё-то знамё красны́м-красно.
И поехал Михайло Дородович
И к тем ко трём-то он знамечкам,
И приехал Михайло Дородович
И к этым трём он ко знамечкам.
И белым-бело знамечко — бел шатёр,

И черным-черно́ знамечко — доброй конь,
И красным-красно знамечко — доброй мо́лодец,
И лежит он бо́льнё пора́нёной.
И спрашиват Михайло Дородович:
— И ты трудне́й-то больне́й добрый молодец!
Уж как где ты был бо́льнё пораненой?
— Уж как был во лугах во кургановых,
Бился-дрался с погаными татарами,
И тут меня больнё поранили.
И росчитывал раны кровавые:
И коя была рана от туга лука,
И друга была рана от востра копья,
И третья была от палици булатнии.
И не синеё морё сколыбалосе,
У Михайлы ли сердце разгорелосе,
И поехал Михайло Дородович
И на ту ли на площадь широкую,
И на те на луга на кургановы,
И на то ли болото куликово,
И на ту ли на плашку на липову,
И на ту ли на казень на смертную.
И начал Михайло помахивать.
У туга лука тетивка срывалась,
И востро копьё потупилосе.
И фатил он татарина за ноги,
И начал татарином помахивать,
И вперед он махнё — улица́ стоит,
И татарин-от гнется не ломится,
И на жилках татарин подается.
И всех он татаринов повырубил,
Не оставил единого на семена.

Записано на Кенозере, 15 августа.

253

РЕВНИВЫЙ МУЖ

И женился князь во двенадцать лет,
Он ли брал княгину девяти годов,
Он ли жил с княгиной ровно три годы,
На четвёртой год он гулять пошол.
Он гулял, гулял да ровно три́ годы,
На четвёртой год он домой пошол.
И идё он по полю по чистому,
Встретилось ёму две старицы,
И две старицы две чёрноризицы,
И спрашиват князь у тех старицей:
— Вы давно ли, давно ли с моего двора,
С моего двора с княженецкого?
— Мы топерь, топерь да топерёшенько,
С твоего двора с княженецкого.
— А здорово ли стоит мой высок терём,
И здорово ли живут добры конюшки,
И здорово ли живут чайны чашечки,
И здорово ли пьяны питьица,
И здорово ли живут и цветны платьица,
И здорово ли живёт молода жена?
На ответ-то дёржа и ты старицы:
— Твой высок терём покося́ стоит,
Добры кони да все заезжены,
И чайны чашечки да все испри́биты,
И пьяны питьица да все испри́питы,
Цветны платьица да все изношены,
Молода жена во терему́ сидит,
Во терему сидит колубе́нь качат.
И не синёё-то море всколыбалосе,

У князя сердце разгорелосе.
И приходит князь к своему двору,
К своему двору да княженецкому,
Топне ворота правой ноженкой,
Улетели те ворота середи двора,
Середи двора да княженецкого.
Вышла княгина на круто крыльцо,
В о́дной тоненкой рубашке без ни́тничка,
В одних беленких чулочках без чеботов.
Вынимал тут князь востру сабельку,
А срубил у княгины буйну голову.
А во терем-от заходит, колубе́ня нет,
Колубеня нет, всё пяла́ лежа.
Сколько шито было, вдвое сплакано,
Все князя́ домоичёк дожи́дано.
Уж как тут ли князь да закручинился,
И сходил во конюшенку стоялую.
Добры кони не езжены,
Лучше старого да лучше прежнего,
Чайны чашечки да не прибитые,
Пьяны питьица да не припитые,
Цветны платьица да не изношены.
И не синё море всколыбалосе,
А у князя сердце разгорелосе,
И заставал он князь и во чистом поли
Этых старицей да чёрноризицей.
Вынимает князь и востру сабельку,
Он срубил у стариц буйну голову.

Записано там же, 15 августа.

I

ЛЯДКОВ

ван Михайлович Кропачев, более известный по прозвищу Лядков, крестьянин деревни Мамонова на Кенозере, грамотный, 65 лет, высокий сгорбленный старик с сильною проседью. Заимствовал былины от своего отца, крестьянина-торговца, который знал очень много „старин“ и превосходно их пел; но от кого и где отец им научился, этого Лядков не знает, потому что помнит отца только стариком. Когда он родился, отцу было 50 лет, умер же он в глубокой старости лет 25 тому назад. Сын позабыл многое из того, что он прежде знал от отца, особенно с тех пор как научился грамоте от тетки-монастырки (это было лет 15 тому назад) и предался чтению церковных книг. Он прочел всю Библию, Четью-Минею, Пролог, Златую Цепь, Маргарит и др. В продолжение 9 лет (в конце 50-х и в 60-х годах) Лядков был целовальником и в это время ему случилось бывать в Каргополе, где он однажды встретился с Рыбниковым, который записал с его слов одну былину. Он означен в его сборнике под именем „кенозерского целовальника“. Развязавшись с должностью целовальника, Лядков занялся опять крестьянством, но, разоренный недавно пожаром, живет очень бедно. Былины поет не совсем приятным, хриплым голосом, но весьма складно.

254

ВОЛГА И ЩЕЛКАН

Ди-ди-ди Волга рекà,
Да широка-де мать река,
Да под Казань подошла,
Да пошире-то тово
Была под Вастракань.
Много Волга река в себя побралà,
Да поболе того ручьев ведь пожралà,
Негде Добрынюшки прогуливаться,
Негде Микитинцу проéзживаться.
Да во славном во Твéри во городе,
Да на том ли то было на стули на зóлотом,
Да й на том ли было ремéнчатом,
Да сидел туто царь-от Везвяк сын Везвякович.
Он сидел суды ведь рассуживаё,
Да слова он выговариваё,
Да князей-де бояр он жалуё,
Он чинами их, вотчинами:
Да ли Сеньшу на устьё послал,
А Щелкана-то Дудентьевича
Да тово-де пожаловал Тверúю-то городом,
Да ли Тверью-то славною,
Да ли Твéрью богатою.
Да Щелкан-от Дудентьев сын
Да он с улици брал-де по кýрици,
Со двора он брал по коню,
У кого коня-то ведь нет,
У того он жену возьмё,
У кого-де жены-то ведь нет,
А тово-де самово возьмё.

Да у Щелканушка не вы́служишься,
Из двора-то вон не вы́режешься.
Да тот ли то Щелканушко Дудентьёв сын,
Да царь-от Везвяк сын Везвякович,
Да они слыша нарожденье богатырское
Сильнего могучего богатыря,
Да Вольву́ сына Щесла́вьевича.
Да по той ли по Волги по реки,
Взяли-де рыбоньку белуженку повыловили,
Окуня, сарожку повы́добыли,
Рябчика, косачика повыстреляли,
Да лисицу, куницу повыдавили.
Да тут Вольвушенька раждается,
Да Щелканушко кончается,
Да кончается Щелканова вотчина
Да только ли Щелканушко жив-то бывал.

Записано на Кеновере, 12 августа.

255

МИКУЛА СЕЛЯНОВИЧ И ИВАН ГОДИНОВИЧ

Да во славном городи Киеви
Да у младого князя Владимира
Был любимые млемник Иван сын Годинович.
Он ездил по всем землям, по всем ордам,
Он сбирал дани, пошлины,
Он со всех с царей, со всех королей,
Привозил-де во славный Киев град
Своему дядюшке князю Владимиру.
Он-де набрал много злата и серебра,
Да и набрал много скатнего жемчуга,
Да и больше того он набрал меди аравйтские.
Котора была медь аравитская,
Никогда она ни бусела и не ржавела,
Была дороже злата и серебра,
Дороже скатнего жемчуга.
Да за ту-де ево службу верную
Ево дядюшка князь Владимир стольне-киевской
Пожаловал Иванушку уделом три города,
Которые были городы сударь славные.
Там в их жили люди упрямые,
Да никому-де они не были покорные,
Некому не давали ни дани, ни пошлины,
Да и некрутской с себя-де повинности.
Да Иванушку пожаловал князь Владимир эти городы.
Да поехал Иван сын Годинович.
Славной-от город был Курсовец,
А другой-от город Ореховец,
А третьей городок был Орешечок.
Набрал с собой он дружины хоробрые

Тридцать удалых добрых молодцев,
Супротив себя голосом и волосом,
И речью, походкой, пословицей,
И всей он поступочкой да молодецкою,
И выезжал-де Иван во чисто полё из Киева.
Ехал он белый день до вечера,
Услыхал, что сошка в поли поскрыпыват,
Ратные в поли посвистыват.
Пристигала его на пути ведь темна ночь.
Спал он со своей дружиною хороброю
Всю темну ночь до бела́ свету.
Таже на другие бе́лой день,
Слышит, что сошка в поли поскрыпыват,
Да и ратные в поли посвистыват.
Наезжае он во чистом поли,
Что пашет ратные,
Сырые́ дубья выа́рыват,
А пни-де коренья валит в борозду.
Поровнялся супротив ево Иван сын Годинович,
Закричал громким голосом:
— Тебе бог помочь, ратные!
Что же ты пашешь на кобы́лици,
Можно бы тебе было и коня за́вести.
Ответ ему дёржит ратные:
— Да моя-то кобы́лица
Да буде лучше твоево коня.
Говорит ему Иван сын Годинович:
— Почему же твоя кобылица лучше моево коня?
— Потому она лучше твоево коня:
Ей у мня дано прозванье „Унеси-голова".
Когда я был во городи Курсовци,
Купил я два куля соли курсовской,
Да оны были кулья весу два девяносто пуд.
Да хоша злы были мужичоночка Курсовци,
Да и зляе тово-де Ореховци,
Хотели у меня мужичоночка соль отнять,
Соль отнять и самого убить,
Я брал куль под пазуху,
Другой под другую,
Садился я на свою на кобы́лицу,
Только видели они меня-де саждаючи,

Да не могли-то меня увидать поезжаючи
Тогда говорил-де Иван Годинович
К ратному да таково слово:
— А й же ты, ратные, как тебя зовут по имени?
В ответ ратной слова держал:
— А й же ты Иван сын Годинович!
Когда я пашу во чистом поли,
Тогда называют меня люди ратным,
А когда приде весна-та красная,
Будут мужички-де ко мне ходить,
Да ко мне ходить да у мня и хлеб купить,
Да тогды меня зовут величают по имени,
Да Микула да сын я Селянович.
А я тебя-де спрошу, Иван Годинович,
Ты куда идешь-едешь, куда путь держишь?
Говорит-де Иван сын Годинович:
— Я иду-еду во славные город во Курсовец,
Да й во славные город Ореховец,
Да й во малый городок-де Орешечок.
Мне пожаловал дядюшко Владимир князь
Покорить-то и с них дани побрать.
Говорит-де Микула Селянович:
— А й же ты Иван сын Годинович,
Да те много меня мужики ведь прогневали,
Я желаю тебе ехать на́ помочь.
Да вели-тко ты, Иван сын Годинович,
Своей-то дружины хоробрые
Да обрать мою соху ратную с бо́розды,
Да обрать соху в край снести,
Чтобы не украли ей воры разбойники.
Приказал-то Иван-от Годинович,
Да своей-то дружины хоробрые
Да обрать соху ратного,
Да соху в край снести.
Да их тридцать-то удалых добрых мо́лодцов
Пришли обирать соху ратного,
Да не могли сохи они с места двигнути,
Да не то что им соха в край нести.
Говорил-то Микула Селянович:
— А й же ты Иван сын Годинович!
Да не по что везёшь дружину хоробрую.

Подходил он к своей сохе ратные,
Как поднял соху на руки,
Да он бросил-де сошку под облаки,
Сам говорил таково слово:
— Ты прощай, моя сошка ратная,
Да боле мне-ка век на тебе и не пахивать.
Как приехали Иван сын Годинович
Да й Микула сын Селянович
Да во тот ли славной-от город во Курсовец,
Да й во славные город Ореховец,
Да й во тот городок во Орешечок,
Как собрались мужики к им станичами,
Да учинили мужики с нима великий бой.
Как начали оне-де поезживать,
Да й Микула с Иваном поскакивать,
И мужичков стали шалыгами пощалкивать.
Хоша злы мужичоночка Курсовци,
А злее тово-де Ореховци,
Да видя они, что делать буде нечево,
Тут мужики покорилисе,
Да й Микулы с Иваном поклонилисе,
С той поры стали они да́нь платить
Ко князю Владимиру во Киев град.
И тем-то у их дело кончилось.

Записано там же, 12 августа.

256

ЖЕНИТЬБА ИВАНА ГОДИНОВИЧА

Во славном во Киеви было во городи,
Был сильние славные богатырь
Иван сын Годенович.
Ездил он по всем землям,
По всем землям, по всем ордам,
И во многие земли неверные,
Сучинял-де он войска великие,
Он царей устрашал и богатырёй убивал,
Множество городов в полон побрал,
Роспространял он землю Российскую.
Был он во той земли да во Индии богатые,
Увидал у гостя Митрия торгового,
У купця у индийского,
Его дочерь прекрасну красавицу,
Молодую Настасью Митриевну.
Как очи-ты у ей были как ясного сокола,
А брови-ты у ей были как черного соболя заморского.
Речь-та у ей была белой лебеди кыкучие,
А походочка у ей была птици павиные.
Захотел он-де на Настасье Митреевной свататься,
Приходил-де он в полату к купцу гостю Митрию торговому.
Он-де пришол без докладу и бесспроса,
То-де купцю Митрию не показалосе.
Он бьё Иван челом гостю Митрию торговому
О добром деле о сватовстве:
— А й же ты гость Митрий торговые!
Есть у тебя ведь прекрасная дочь красавица,
Красавица Настасья Митреевна,
Ты пожалуй отдай за меня замуж.

Говорил гость Митрий торговые неразумную речь:
— А й же ты Иван сын Годинович!
Да у нас из Индии богатые,
Да за тебя-де во Киев град,
У мня на двори и собачка не выросла.
Да й немного Иван спрашивал,
Да й не горазно купцём розговаривал,
Он брал-де Настасью Митреевну за белы руки,
Повёл-де он во чисто поле.
Говорил ему гость Митрий торговые:
— А й же ты Иван сын Годинович!
У меня ведь есть дочка просватана
За тово за царя за Кощуя Трипетова.
Выезжает Иван во чисто поле
Со прекрасной Настасьей Митреевной,
Он силу армию да впереди послал
Ко славному Киеву городу,
Сам-де лёг опочинуть во белом шатри,
Да он хотел ли с прекрасной девицей забавиться.
Да в ту пору не стук стучит, не пыль пылит во чистом поли,
Еде поганый Кощуй сын Трипетовой.
Увидал-де Ивана с Настасьей в белом шатри,
Закричал-де он громким голосом:
— Стой же Иван сын Годинович!
Да ты не всем повладел-де Настасьей Митреевной,
Как она ведь есть моя богом сужена,
За меня у отца ведь просватана.
Поедем-ко мы нынь во чисто́ полё,
Сядем мы с тобой на добры́х коней,
А мы сделаем над Настасьей великой бой.
Да которому достанется прекрасна красавица
Настасья Митреевна,
Тому-де она буде молодой женой.
Выезжали они во чисто поле на добрых конях,
Друг на друга разъехались,
Копьями ударились,
У их копья в кольца согнулисе,
Они саблями ударились,
У их сабли поломилисе,
Сами от удару на землю валилисе.

Имели на земли они рукопашный бой,
Ушиб-де Иван Кощуя о сыру землю,
Сел-де Кощую на белу грудь,
Сам говорил таково слово:
— А й ты прекрасна красавица
Настасья Митреевна!
Подай ты мне вострой булатний ножичок,
Я роспорю Кощую груди белые,
И выну ёму сердце ретивоё.
Кощуй под низом лежит,
Говорит Кощуй да не с упадкою:
— А й же ты Настасья Митреевна!
Ты подумай нынь своим разумом:
Как за Иваном жить, дак те служанкой слыть,
А за мною быть, дак те царицей слыть.
Будут земли покорятисе,
Добры люди поклонятисе.
А бери-ко ты Ивана за желты кудри,
Тащи-ко ты Ивана с моей груди белые.
Тут Настасьюшка раздумалась,
Брала-де Ивана за желты кудри,
Тащила-де она с груди Кощуевой.
Выставал-де Кощуй со сырой земли,
Он берет тетивки шелковыи,
Связал-де Ивану ручки белые,
Да завязал он крепко ножки резвые.
Положил он Ивана под сырой дуб,
Он поставил противо ножищо-кинжалищо,
Говорил-де он таковы слова:
— Вот тебе, Иван сын Годинович,
Тебе будет тут скора смерть,
А я пойду с Настасьей Митреевной в белой шатер,
Я пойду позабавлюсе.
Да зашол-де Кощуй во белой шатер
Со прекрасной красавицей,
Со Настасьей Митреевной.
Лежит-де Иванушко Годинович
Да под тем ли под дубом под сырыим,
Да от желанья Иван богу молится,
Чтобы Ивану от смерти избавиться.
Налетели на шатер на Кощуев ведь

Да два сизых два голубя,
А не два голубя налетело — два ангела,
Поразили Кощуя смертью скорою,
Только Кощуй ведь Трипетов и жив бывал.
Оставаласе Настасья единёшенька,
Выходила она из бела шатра,
Приходила к Ивану Годиновичу,
Брала она от сырой земли в руки острой нож,
Сама говорила Ивану таково слово:
— А й же ты молодый Иван сын Годинович!
Ты возьмешь ли нынь меня Настасью за себя замуж?
Если ты взять обещаешься,
То я розрежу тетивки шелковые
На твоих на белых руках,
А нет, дак предам те смерти скорые.
Да Иван на земли лежит,
Говорит Иван да не с упадкою:
— А й же ты Настасья Митреевна!
Я возьму тебя за себя замуж,
Только я тебе дам три грозы превеликие:
Перву грозу — отрублю ручки белые,
Другую грозу — отсеку ноги резвые,
А третью грозу — отсеку твою буйную голову,
Да и вырежу все твое доброё.
Таковых угроз Настасья испугаласе,
Опустила нож из белыих рук,
Пал-де к Ивану по тетивкам шелковыим,
Он розрезал у Ивана на руках тетивки шелковые.
Тут-то Иван сын Годинович от земли восстал,
Брал-де он Настасью Митреевну за белы руки,
Отсек он ей ручки белые,
Сам говорил таково слово:
— Эты мне ручки не надобно,
Обнимали поганого Кощуя Трипетова.
Отрубил ножки резвые,
Сам говорил таково слово:
— Да этые ножки мне не надобно,
Оплетали Кощуя Трипетова.
Да отрезал ей уста те сахарние,
Сам говорил таково слово:
— Этые уста мне не надобно,

Целовали Кощуя Трипетова.
Да ископал-то у Настасьи очи ясные,
Да отсек-де у ей буйну голову,
А только-то Иванушко и женат бывал.

257

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ГОЛИ КАБАЦКИЕ

Во славном во Киеви городи
Был сильние славные богатырь Илья Муромец.
Он ездил да́лече дале́че во чистом поли,
Он ездил много времени.
Цветно платье ево истаскалосе,
Золота казна у ево издержаласе.
Приезжаё во Киев град,
Захотел он с пути с дорожки опохмелиться,
Приходит он во царев кабак,
Говорит чумакам человальникам:
— А й вы братцы чумаки человальники!
Я ездил долго в чистом поли,
Цветно платье у мня истаскалосе,
Золотая казна у мня издержаласе,
Я желаю теперь с пути опохмелиться,
Со своими людьми познакомиться.
Вы позвольте мне три бочки сороковые
Зелена вина безденежно.
Говорят чумаки человальники:
— А й ты старая собака, седатый пёс!
Да не дадим мы без денег зелена вина.
Да не много-то Илья у их спрашивал,
Да не много с нима разговаривал.
Приходил он ко подвалу кабачному,
Он пинал правой ногой во двери подвальнии,
Брал он бочку сороковую под пазуху,
Да другу́ю брал под другу́ю,
Третью бочку он ногой катил.
Выходил Илья да на зеленый луг,

Закрыкал он во всю голову человичию,
Во всю силу свою богатырскую,
Он зычным громким голосом:
— А й вы братцы мои пьяницы,
Да вы голи кабацкие,
Кабацкие голи, мужички деревенские!
Вы пожалуйте ко мне на зеленый луг,
Да вы пейте у мня зелена вина до́ пьяна,
Да вы молите бога за старого.
Да собиралисе пьяници голи кабацкие,
Мужики деревенские на зеленый луг,
Они пили вино да и безденежно.
Да чумаки человальники
Не могли у Ильи отнять зелена вина.
Да Илья-то Муромец скидал с себя шубу соболиную,
Обливал эту шубу зеленым вином,
Сам волочил по лу́жечку зеленому,
Он ко шубы приговаривал:
— Уливайся, моя шуба, зеленым вином.
Судит ли мне бог волочить собаку царя Галина
Да по этому лужечку зеленому,
А ёму от моих белых рук плакати.
Услыхали эти речи чумаки человальники,
Приходили ко князю Владимиру,
Они били челом, низко кланялись.
— Да уж ты наш свет государь-де Владимир князь!
Да мы не знаем, у нас вчера какое чудо сотворилосе,
Да не знаем, кто пришол:
А черт ли пришол, али водяной пришол
К нам на царев кабак.
Он просил зелена вина безденежно
Три бочки сороковые,
А мы безденежно ёму вино не́ дали.
Да он не много у нас спрашивал,
Да не горазно с нами разговаривал,
Шол ко подвалу кабачному,
Он пинал-де во двери подвальние право́й ногой,
Брал он бочку сороковую под пазуху,
А другую брал бочку под другую,
Да третьюю бочку ногой катил.
Да й выходил он сударь на зеленый луг,

Закричал-де он громким голосом,
Во всю голову человическу,
Во всю силу свою богатырскую:
— А й вы братцы мои вы товарищи,
Пьяници голи кабацкие,
Мужички деревенские!
Вы пожалуйте ко мне на зеленой луг,
Да вы пейте у мня зелена вина безденежно.
Приходили тут пьяници голи кабацкие
На зеленой луг,
Роспоил он вино им безденежно,
Да скúнал с себя шубу соболиную,
Да уливал эту шубу зеленым вином,
Да й волочил по лужечку зеленому,
Да он ко шубы приговаривал:
— Да уливайся, моя шуба, зеленым вином,
Да судит ли мне бог волочить собаку князя Владимера
Да по этому лугу зеленому.
Да нам нечем, сударь Владимир князь,
Нечем буде за вино рассчет держать.
Воскричал князь Владимир стольне-киевской
Своим громким голосом:
— Посадить его в погреб глубокие,
В глубок погреб да сорока сажен,
Не дать ему не пить не есть да ровно сорок дней,
Да пусть он помрёт собака и с голоду.
Как узнала про это честная вдовица княгиня Апраксия,
Что посажен Илья Муромец да во глубок погреб,
Она сделала подкопь ту тайную
Да во тот ли погреб глубокие,
Кормила поила Илью ровно сорок дней.
Да прошол тутo слух по всем землям, по всем ордам,
Да познали то все короли иностранные,
Что не стало во Киеви во городи
Славного богатыря Ильи Муромца.
Из той земли из Корельские
Подходил тут под Киев град
Собака Галин царь
Со своей силой армией.
Да й не много не мало было силы нагонено,
Да колько было в лиси лесу стоячего,

Да й на лесочку-то прутья весучого,
А на прутьях листочку зеленого.
Он пишё во Киев град ко князю Владимиру,
Да ли пишё к ёму со угрозами:
— А й ты князь Владимир стольний-киевской!
Ты пожалуй-отдай добром мне Киев град
Без бою-то драки великие.
А если добром не дашь Киева,
То я возьму его силою,
Я князей бояр твоих всех повырублю,
Да и княгины, боярыней живых в полон возьму,
А тебя князя Владимира
Предам смерти скорые.
Тех-то угроз Владимир князь испугается,
Об Ильи Муромци схватается.
— Как бы был у мня жив несудимый богатырь Илья Муромец,
Да я не слышал бы я этой угрозы великие.
Да приходит честная вдовица княгиня Апраксия
Ко князю Владимиру.
Она бьет челом да й поклоняется:
— Да уж ты свет государь наш Владимир князь!
Да ты прости меня, я виновата есть:
Да жив-то Илья да ведь Муромец,
Он сидит во тёмном во погреби.
Я сделала подкопь тут тайную
Да во тот ли во погреб глубокие,
Я поила кормила его сорок дней.
Да говорит ей Владимир князь:
— А й же ты честна́я вдова княгина Апраксия!
Если правду говоришь, до люби буду жаловать,
А если нет жива, буду казнить твою голову.
Приходил князь во погреб глубокие,
Тот погреб сорока сажен.
Он приходит к Ильи поклоняется,
Говорил-то Владимир Ильи таковы слова:
— Ты прости, сударь Ильюшенка, во пе́рвой вины,
Этому делу были виновны человальники.
Да приходит во погреб честная вдова княгина Апраксия,
Да приходит Ильи поклоняется:
— А й же ты сильний богатырь Илья Муромец!
Послужи ты за веру христианскую,

Да и за землю Российскую
Да за славный за Киев град,
За вдов за сирот за бе́дных людей,
За меня молодую княгину Апраксию,
Да за князя за стольнего Владимира.
Говорит тут Илья-де ведь Муромец:
— А й же ты честная княгиня вдовица Апраксия!
Я иду служить за веру христианскую,
И за землю Российскую,
Да и за стольние Киев град,
За вдов, за сирот, за бе́дных людей.
И за тебя молодую княгину вдовицу Апраксию.
А для собаки-то князя Владимира,
Да не вышел бы я вон из погреба.
Выходил-то Илья из погреба глубокого,
Он седлал-уздал своево коня доброго,
Он садился на добра коня,
Брал он в руки шалыгу железную,
Да железну шалыгу дорожную,
Да котора была весу ровно сто пудов.
Да поехал он во чисто́ полё,
Где стояла сила собаки царя Галина.
Только видели молодца на коня ведь саждаючи,
Да не увидели куда его поедучи.
Он как взял этой шалыгой помахивать,
Да и по татарам пощалкивать,
Дак куда ли махнё — улица́ падё,
А назадь отмахнё — переулици,
Да исприбил он всех до единого.
Приезжал ко шатру-де он царскому,
Да он берёт-де в полон самого царя Галина,
Предал его смерти скорые,
Да тем решилосе царство татарскоё,
Покорилась земля-де Корельская.
Да стольнёму князю Владимиру,
Да стали татаровя
С той по́ры дань платить,
И тем это дело прикончилось.

Записано там же, 13 августа.

258

ВАСИЛИЙ ИГНАТЬЕВИЧ И БАТЫГА

Из-под белые березки кудревастенькие,
Из-под чудного креста Деванделидова
Шли туто четыре гнедые туры,
Гнедые туры олени златорогие.
Они шли-де бежали мимо Киев град,
Они видели над Киевом городом
Чудо ли чудноё, диво ли дивние:
Да на той ли стены городовыи
Да стоит-то девица душа красная,
Держит она в белых-де руках
Да святую книгу-де евангелье,
Колько читат, вдвоё плакала.
Да настречу турам йде турица златорогая:
— Да вы здравствуйте, туры-де олени златорогие!
Да вы шли-де мимо Киев мимо град:
Что ли над Киевом видели,
Али что ли над городом слышали?
— Да мы видели над Киевом городом,
Да ли чудо-то видели чудноё,
Да ли диво-то видели дивноё:
Да на той ли стены-де ограды городовые
Да стояла девица душа красная,
Да держала-де в руках божью книгу,
Али божию книгу святое евангелье.
Сколько читала, вдвое плакала.
Возговорит турица златорогая:
— А вы глупые туры олени златорогие!
Да не девица тут стояла душа красная,
Да стена та-де ограда городовая,

Она плакала о вдовах, о сиротах, о бедных о головах.
Да на ту ли пору вре́мечко,
Да ко нашему городу Киеву
Подходил-то ведь царь Батыга Батыгович,
Он привёл много силы-де армии;
Колько было-де в лиси лесу стоячево,
На лесочку-то прутья весучево,
Да на прутьицах листьица зелёненького, —
Только у Батыги было силы нагонено.
Да во славном во Киеви во городи
Сильных славных тех богатырей не лучи́лосе.
Самсон Святогор за сини́м за морём,
Славные Илья-то ведь Муромец
Тот да́лече, дале́че во чисто́м во поли́,
А Добрыня со Олёшкой у Макарья на желты́х на песка́х.
Только во Киеви осталосе во городи
Одна-та ведь голь-та кабацкая,
Молодые Василей Игнатьёв сын.
Да в младые лета он во двенадцать лет
Да он пропил житьё-бытьё отеческо богачество,
Он ходил темной ноченкой,
Да за стену он ходил городовую.
Не путём он ходил, не дорогою,
Прямо он скакал через башни наугольнии,
Выходил он во чисто́ во полё,
Приходил он ко Баты́гину шатру́,
Он убил у Батыги у царя у Батыговича
Он убил у Батыгушки три́ головы́,
Да которые головушки ни лучшенькие:
Первую головушку — мила́ сынка,
А другу́ю-ту головушку — любимого зятушка,
Да любимого-то зятя Торокана Кара́никова,
А третью-ту головушку — большо́го дьяка,
Да большо́го-то дьяка ево здумщика.
Пишё-де Батыга ко князю ко Владимиру,
Али пишё Батыга со угрозами:
— А ты солнышко Владимир-де князь стольне-ки́евские!
Кто же теперь у тебя виноватой есть,
Кто у мня убил-де три́ головы,
Да которые головушки ни лучшенькие:
Первую головушку — мила сынка,

А другую-ту головушку — любимого зятушка,
Да любимого-то зятя Торокана Карáникова,
А третью-ту головушку — большóго дьяка,
А большово-то дьяка моя здумщика,
Нонь пришли ко мне, сударь, виноватого.
Солнышко Владимир-от князь стольне-киевские
Собирал-де почестный пир
На многие князя он на бояры,
Да й на сильни на могучи на богатыри,
Да на все ли поляницы на удалые.
Говорил-де Владимир на пиру таково-де слово:
— А вы ли мóи князи есть бояры,
И все вы мóи сильни могучи богатыри,
Все те поляничи удалые!
Да ли кто ли из вас винова́т сударь есть?
Кто ли ночесь-де ходил тёмной ноченкой,
Через стену он ходил-де городовую,
Не путём он ходил, не дорогою,
Он-де прямо скакал через башню науго́льнюю?
Кто ли убил у Батыги царя у Батыговича
Три головы, которые головушки ни лучшенькие:
Первую головушку — мила́ сынка,
А другу́ю-ту головушку — любимого зятушка,
Да любимого-то зятя Торокана Карáникова,
А третью-ту головушку — большóго дьяка,
Да большого-то дьяка ево здумщика.
Нынь ступай-ко ко Батыги со ответами.
Да большой-от стол тулился за середнего,
А середней стол тулился за меньшего,
А меньшово стола́-де князю ответу нет.
Да со той ли скамеечки дубовенькие,
И за того ли стола из-за меньшаво,
Выставае каравульние сторож ведь,
Он приходит ко князю ко Владимиру:
— А й ты солнышко Владимир князь стольне-киевские!
Да я знаю ли, кто у нас виноват сударь есть.
Есть у нас во Киеви во городи голь-та кабацкая
Молодые Василей Игнатьев сын:
Да в младые он лета во двенадцать лет
Он пропил всё отеческо житьё-бытье богачество,
Он ходил-де тёмной ноченкой,

Через стену-ту ходил он городовую,
Да не путём он ходил, не дорогою,
Он-де прямо скакал через башню наугольнюю.
Он убил у Батыгушки три́ головы́.
Солнышко Владимир князь стольне-киевские
Доставае он Василья на почестен пир.
Приходит Василей на почестный пир,
Да он крест-от кладё по-писаному,
А поклоны-ты ведё по-учёному,
Да он князю-то Владимиру поклоняется в особину:
— А й ты солнышко Владимир-де князь!
Да не достоен я притти к тебе на почестен пир.
Да возго́ворит Владимир-де князь:
— А й же ты Василей сын Игнатьевич!
Да почто ты убил у Батыгушки три головы,
Да которые головушки ни лучшенькие?
Нынь ступай-ко ко Батыге со ответами.
Да ответ держит Василей Игнатьев сын:
— А й ты солнышко Владимир-де князь стольне-киевские!
Не могу я нынь итти ко Батыги со ответам.
Как болит у мня с похмелья буйна́ голова,
Да дрожа у мня с похмелья все жилья подколенныя.
Да налей-ко ты мне чарочку похмельную,
Да опохмел-ко мою буйну голову
Похме́льною чарочкой зеле́ного вина,
Этого вина полтора-де ведра,
А другу налей пива-то пьяного,
А третью ты налей меду сладкого.
Наливал Владимир князь-де чару похмельную,
И сливал он питьё в еди́ное место,
То ведь этого питья было полпята́ ведра.
Да принимал то Василей чарочку еди́ною рукой,
Выпивал-то Василей на еди́ныя дух,
Говорил-то Василей таково слово:
— Да топеречу Васильюшко поправился,
Да спасибо те, царь Батыга Батыгович,
Что приехал ко нашему Киеву городу,
Да привёз ко мне-ка чарочку похмельную.
Не видать бы мне-ка чарочки похмельныя
Да от ласкова князя Владимира.

Нонь пошол-де Василей во чисто́ во поле́,
Да во чи́стое поле ко Батыгину шатру.
У собаки у царя у Батыги у Батыговича
Нету на воротах-де спасова образа,
Помолиться-то Васильюшку некому.
Он приходит ко Батыги во бе́лые шатѐр,
Он приходит к Батыги поклоняется.
Говорит-де ведь царь Батыга Батыгович:
— А й ты голь же кабачная,
Молодые Василей Игнатьев сын!
Да ты ли то топерь виноватый есть,
Ты ли ночесь приходил ко мне во бе́лой шатѐр,
Ты почто у мня убил-де ведь три головы
Да которые головушки ни лучшенькие:
Первую головушку — мила́ сынка,
Другу́ю ту головушку — любимого зятушка,
Да любимого-то зятя Торокана Кара́никова,
Третью ту головушку — большо́го дьяка,
Да большо́го-то дьяка моя здумщика.
Возговорит Василей таково́е слово:
— Да помилуй-де царь Батыга Батыгович!
Да моё-то ведь дело поднево́льноё,
Да моё-то ведь дело поднача́льноё.
Да ты прости, сударь, во пе́рвой вины,
Да пожалуй мне силы-де армии три́ста тыся̀ч,
Я пойду-де под стольние Киев град,
Да я скоро-де град в полон без труда возьму.
Да я знаю, где-ка тонкая стена городо́вая,
Да я знаю, где-ка полы ворота-ты не зало́женые.
Да сдавался Батыга на Васильевы слова,
Давал-де Васильюшку силы три́ста тыся̀ч,
Да выходил-то Василей во чисто́ во полѐ,
Да выводил-де он силушку Батыгина,
Да брал он-де татарина за ноги,
Да как начал он татарином помахивати,
Куды-де махнё — улица́-де падё,
Отмахнё-де — переулочки,
Да исприбил он татар всех до еди́ного.
Да пошол он ко Баты́гину шатру́,
Ко Батыги ко царю ко Баты́говичу,
Увидал-то Батыга Василья еди́нёшенька,

Да садился Батыга на доброго коня,
Да поезжал он в свою-де ведь сторону.
Проговорил Батыга таково-де слово:
— Да унеси-тко господь буйну голову
Да от стольнёго города от Киева,
Да от молода Василья от Игнатьевича.
Да не дай боле бог бывать под Киевом,
Да не детям моим, де не внучатам,
Да не роду моему, де не племени.
Только-то Батыгушка под Киевом бывал.

Записано там же, 11 августа.

259

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВИЧ

Молодый Василей Буславьевич,
Да во млады лета был восемнадцать лет,
Заводил он почестен пир —
Изобрать себе дружина хоробрая.
Много на пир народу к Василью съезжалосе.
Выходил-то Василей преже пиру на широкой двор,
Говорил-то Василей таково слово:
— Кто хочё к Василью на пиру ведь быть?
Брал-то Василей в руки черлёный вяз,
Ударял народ по резвым ногам:
Кто от удару ево выстоит,
Тот ему буде дружина хоробрая.
Перебил он народу многи тысячи,
Только нашлося дружина хоробрая
Фома толстородливой,
Да Костя белозёрянин,
Ванюша новгорóжанин.
Да пошли со двора мужики от Василья Буславьева,
Все идут со двора-де ругаючи,
Все Василья проклинаючи.
— Да ушито было у вора Василья не уедено,
Да и в красни́ в хороше́ не ужожено,
Только на век безвечья зализено.
Услыхал-де солнышко Владимир князь да стольнекиевской,
Созывал он Василья к себе на почестен пир.
Все на пиру напивалисе,
Да многие люди на пиру поросхвастались:
Умной-от фастат отцем матерью,

А богатой-от фастат золотой казной,
А глупой-от фастат молодой женой.
А Василей-от Буславьевич,
С молодого ума разума,
Воспроговорил-то он словечушко глупое:
— А й ты князь Владимир стольне-киевской!
Я могу итти биться-драться со всем Новы́м-градом,
Со своею дружиной хороброю,
Оприче двух манастырей — Юрьева и Антоньева.
Ударились оне о велик заклад:
Если Василей побьёт, с князя два ста тысяч,
Если побьют мужики новгорожана,
То Василью голова срубить.
Бой чинить на мосту на калиновом,
Да на славной на речке на Волхови.
Тут на пиру принапилисе,
Тут на пиру принаелисе,
Розошолся у князя почестен пир.
Приходил он Василей в свои полаты белокаменны,
Ложился он во спальню во тёплую,
Спал он с хмелю тёмну ночь до бела́ свету,
Да не́ мог пробудиться, прошло много бела дня.
В ту пору биласе ево дружина хоробрая
На мосту на калиновом,
На той ли на речке на Волхови.
Малая девушка чернавочка,
Васильёва верна служаночка,
Мыла она бельё на речке на Волхови,
Выходила она с коромыслом дубовым
На тот на калинов мост,
Убила она новгорожан до трёх ведь сот.
Приходила к Василью во спальню во теплую,
Говорила она таково слово:
— А й же ты молодый Василий Буславьевич!
А й же ты пьешь, еси́ да проклажаешься,
Али сладко спишь забавляешься,
А над собой ничего-де не знаешь не ведаёшь.
У твоей-то у дружины хоробрые,
На мосту на калиновом,
Да на той ли на речке на Волхови,
На бою их головки проломаны,

Да уже платками, кушаками были завязаны.
Пробуждался Василий Буславьевич из велика сну,
Брал на двори он ось ту телёжную,
А телёжную ось ту дорожную,
Выходил-то Василий Буславьевич на калинов мост,
На ту ли на речку на Волхово,
Говорил таковы слова:
— А й же вы моя дружина хоробрая!
Порасстроньтесь, пораздвиньтесь на стороны,
Чтобы мне вас не убить вместо с новы-горожаны.
Как зачал Васильюшко осью помахивать,
Исприбил новгоро́жан он до единого.
Был у новгоро́жан староста Фо́ма Родивонович,
Шол в манастырь-де он Юрьевской.
Упросил он-де старца сильня богатыря,
Посулил-де он старцу много золотой казны,
Чтобы он победил-де Василья Буславьева,—
А этот старец был Василью крестный батюшко.
Да пошол-де старец на калинов мост,
Да на ту ли на речку на Волхово,
К своему сыну крестному
Молодому Василью Буславьеву.
Он клал на свою голову колокол манастырскии,
Который колокол был весу ровно три тысячи.
Он идёт-де, колокольним язы́ком подпирается,
Тут калинов мост да подгибается.
Как поровнялся с сыном крестным,
С молодым-де Васильём Буславьевым,
Говорил-де Василей таковы слова:
— А й ты собака мой крестные батюшко!
Как без тебя было у нас с князем дело делано,
Да й без тебя были записи написаны.
Да не дождался ты яичка от крестника о христове дни,
Дак вот тебе нынь яичко о петрове дни.
Как ударил его осью телёжною в голову,
Расколол колокол манастырскии,
Который был весу пудов три тысящи,
И проломил он у старца ево буйну голову.
Тем тут бой на мосту прекращается.
Получае Василей Буславьевич со князя Владимира
По залогу золоту казну до двух сот тысяч.

Как Василей Буславьевич
Со своей-то дружиной хороброю
Получили они со князя залог золоту казну,
Пировали оне, угощалисе
Ровно семь-де дён.
Да от той-де великой от радости
После этого пиру великого
Вышли на гору высокую,
Не могли никак у себя силы изведати.
Увидали на горе лежит серые горючие камешок,
В долину камéнь да сорокá сажен,
В ширину камень да двадцати сажен,
В толщину камень да десяти сажен.
Брали они в руки копья долгомерные,
Скакали они поперек сера горючего камешка.
Да захотелось скакать вдоль сера угрюмого камешка.
Да мало того Василью показалосе,
Говорил-то своей дружине хоробрые:
— А й же вы моя дружина хоробрая!
Вы скачите вдоль камешка наперёд лицом,
А я буду скакать назадь лицом.
Как скочил-де Василей назадь лицом
Вдоль сера горючего камешка,
Как перенёс ножку правую,
А задел ножкой левою
Да упал-де Василий о сыру землю,
Только-де Васильюшко тут жив бывал,
Получил тут Васильюшко скору смерть.
Оставалась дружина хоробрая:
Фома толстородливой,
Костя белозéрянин,
Да Ванюша новгорóжанин.
Да тому молодцу тáкова слава,
А тем дело всё их кончилось.

Записано там же, 12 августа.

260

АВДОТЬЯ РЯЗАНОЧКА

Славные старые король Бахмет турецкие
Воевал он на землю Российскую,
Добывал он старые Казань город подлесные.
Он-де стоял под городом
Со своей силой армией,
Много поры этой было времени,
Да й разорил Казань город подлесные,
Разорил Казань-де город на-пусто.
Он в Казани князей бояр всех вырубил,
Да и княгинь боярыней —
Тех живых в полон побрал.
Полонил он народу многи тысячи,
Он повёл-де в свою землю Турецкую,
Становил на дороги три заставы великие:
Первую заставу великую —
Напускал реки, озёра глубокие;
Другую заставу великую —
Чистые поля широкие,
Становил воров разбойников;
А третьюю заставу — темны́ лесы,
На́пустил зверьёв лютых.
Только в Казани во городи
Оставалась одна молодая жонка Авдотья Рязаночка.
Она пошла в землю Турецкую
Да ко славному королю ко Бахмету турецкому,
Да она пошла полону просить.
Шла-де она не путём, не дорогою,
Да глубоки-ты реки, озёра широкие
Те она плово́м плыла,

А мелкие-ты реки, озёра широкие,
Да те ли она бродком брела.
Да прошла ли она заставу великую,
А чистые поля те широкие,
Воров разбойников тех о полдён прошла,
Как о полдён воры лютые
Те опочив держа.
Да прошла-де вторую заставу великую
Да темны ты леса дремучие,
Лютых зверей тех о полночь прошла,
Да во полно́чь звери лютые
Те опочив держа.
Приходила во землю Турецкую
К славному королю Бахмету турецкому,
Да в его ли палаты королевские.
Она крест-от кладет по-писаному,
А поклоны-ты ведё по-ученому,
Да она бьё королю-де челом, низко кланялась.
— Да ты осударь король-де Бахмет турецкий!
Разорил ты нашу стару Казань город подлесную,
Да ты князей наших бояр всех повырубил,
Ты княгинь наши́х боярыней тех живых в полон побрал,
Ты брал полону народу многи тысячи,
Ты завёл в свою землю Турецкую,
Я молодая жонка Авдотья Рязаночка,
Я осталасе в Казани единешенька.
Я пришла, сударь, к тебе сама да изволила,
Не возможно ли будет отпустить мне народу сколько́-
нибудь пленного,
Хошь бы своево-то роду племени?
Говорит король Бахмет турецкие:
— Молодая ты жонка Авдотья Рязаночка!
Как я розорил вашу стару Казань подлесную,
Да я князей бояр я всех повырубил,
Я княгинь боярыней да тех живых в полон побрал,
Да я брал по́лону народу многи тысячи,
Я завёл в свою земль́ю Турецкую,
Становил на дорогу три заставы великие:
Первую заставу великую —
Реки, озёра глубокие;
Вторую заставу великую —

Чистые поля широкие,
Становил лютых воров разбойников.
Да третью заставу великую —
Темны леса-ты дремучие,
Напустил я лютых зверей.
Да скажи ты мне, жонка Авдотья Рязаночка,
Как ты эти заставы прошла и проехала?
Ответ держит жонка Авдотья Рязаночка:
— А й ты славныи король Бахмет турецкие!
Я эты заставы великие
Прошла не путём, не дорогою.
Как я реки, озёра глубокие
Те я пловом плыла,
А чистые поля те широкие,
Воров-то разбойников,
Тех-то я о полдéн прошла,
О полден воры разбойники
Они опочив держа.
Темные леса, те лютых зверей,
Тех-де я в полночь прошла,
О полночь звери лютые,
Те опочив держа.
Да те ли речи королю полюбилисе,
Говорит славныи король Бахмет турецкие:
— А й же ты молодая жёнка Авдотья Рязаночка!
Да умела с королем ричь гóворить,
Да умей попросить у короля полону-де головушки,
Да которой головушки боле век не нажúть будё.
Да говорит молодая жёнка Авдотья Рязаночка:
— А й ты славныи король Бахмет турецкие!
Я замуж выйду да мужа нáживу,
Да у мня буде свёкор, стану звать батюшко,
Да ли буде свекровка, стану звать матушкой.
А я ведь буду у их снохою слыть,
Да поживу с мужом да я сынка рожу,
Да воспою вскормлю, у мня и сын будё,
Да стане мéня звати матушкой.
Да я сынка женю да и сноху возьму,
Да буду ли я и свекровой слыть.
Да еще же я поживу с мужом,
Да и себе дочь рожу.

Да воспою вскормлю, у мня и дочь будё,
Да стане меня звати матушкой.
Да дочку я замуж отдам,
Да й у меня и зять будё,
И буду я тёщой слыть.
А не нажить-то мне той буде головушки,
Да милого-то братца любимого.
И не видать-то мне братца буде век и по веку.
Да те ли речи королю прилюбилисе,
Говорил-де он жонке таково слово:
— А й же ты молодая жонка Авдотья Рязаночка!
Ты умела просить у короля полону ли головушки,
Да которой-то не нажить и век будё.
Когда я розорял вашу стару Казань город подлесные,
Я князей бояр-де всех повырубил,
А княгинь боярыней я тех живых в полон побрал,
Брал полону народу многи тысячи,
Да убили у мня милого братца любимого,
И славного пашу турецкого,
Да й не нажить мне братца буде век и по веку.
Да ты молодая жонка Авдотья Рязаночка,
Ты бери-тко народ свой полонёные,
Да уведи их в Казань до единого.
Да за твои-ты слова за учливые,
Да ты бери себе золотой казны
Да в моей-то земли во Турецкие,
Да ли только бери тебе, сколько надобно.
Туто жёнка Авдотья Рязаночка
Брала себе народ полоненые,
Да и взяла она золотой казны
Да из той земли из Турецкие,
Да колько ей-то было надобно.
Да привела-де народ полоненые,
Да во ту ли Казань во опустелую,
Да она построила Казань город нáново,
Да с той поры Казань стала славная,
Да с той поры стала Казань-де богатая,
Да тут ли в Казани Авдотьино имя возвеличилось,
Да и тем дело кончилось.

Записано там же, 13 августа.

261

КАСТРЮК

На горах было да Воробьёвых,
На местах было да на знакомых,
Становилисе да пораздернули
Шатры да бел-полóтняны
Да той ли царици для крыльские,
Для той ли Управы татарские,
Для Марьи Дюмрюковной,
Дочери королевские.
Туто был Кастрюк-Демрюк
Молодой черкашенин.
Кострюк семдесят побоищов пробил,
Триста бóрцей пóборол,
Да и девятьсот городов вы́борол.
Похвалялся он вы́бороть
Матушку каменну Москву,
Просит он себе с Москвы
Кострюк он поединщика:
С кем бы было поборотися,
Да ёму́ попытатисе,
Да ли друг друга изведати
Своего плеча богатырского.
Да у грозного царя
У Ивана Васильевича
И не было в Москвы поединщика,
Некому с Кострюком поборотисе,
С молодым попытатисе,
Друг друга изведати
Своего плеча богатырского.
Собирал царь почестен пир

Он на многи на князи на бояры,
На сильние думные русски богатыри,
Да й на все поляничи удалые.
На пиру государь слово го́ворил:
— А й вы все мои князи есть и бояра,
Да все сильни могучи богатыри!
Кто бы из вас мог с Кострюком поборотисе,
С молодым попытатисе,
Друг друга изведати
Своей силы богатырские?
Да больша́й стол тулился за середнего,
А середней стол за ме́ньшаво,
От меньша́го стола-де ответу нет.
Говорит на пиру тут честная вдова-де Апраксия:
— Ты государь император-царь!
Есть у меня два сына любимые:
Больша́й сын Ванюшка,
Меньша́й сын Потанюшка.
Ты достань, сударь, их на почестен пир,
Оне могут с Кострюком поборотисе,
С молодым попытатисе,
Друг друга изведати
Своей силы богатырские.
Посылае царь-государь
Призвать сыновьёв на почестен пир.
Приходили они на почестен пир,
Говорил государь император-царь:
— Да вы дити честной вдовы-де Апраксии!
Да можете ли вы с Кострюком поборотисе,
А с молодым попытатисе?
Ванюшка не хвалится,
А Потанюшка он похваляется.
А Потанюшка был ростом маленькой,
Собой был ху́денькой,
Сам был хроменькой, горба́тенькой.
— Я сударь могу с Кострюком поборотисе
Да я могу с молодым попытатисе.
Да Кострюк и за столом сидит,
Он ест-то Кострюк по-звериному,
А пьё Кострюк по-лошадиному,
Сам во хмелю похваляется,

На Потанюшку ругается:
— Да мне с тобой с дураком бороться не с кем ведь.
Потанюшка наместо ответ держит:
— А й же ты Кострюк-Демрюк,
Молодой Кострюк черкашенин!
Да у нас на России прежде всякого дела не хвастают;
Когда дело сделают,
Тогда и пофастают,
Да пожалуй, Кострюк, мы пойдем на широкой двор.
Как пошол Кострюк на широкой двор,
Он пинал правóй ногой за скамейку дубовую,
Где сидели татáровя поганые.
Тут татаровя на земь повалилисе,
Много их от разу убилосе.
Выходили оне на широкой двор.
Потанюшка хроменькой, маленькой
На ножку припáдаё,
Из-под ручки выглядаё.
Он бьё Кострюка правóй рукой во белу́ю грудь,
А левой ногой пинае его пóд гузно:
От его Кострюк упал на сыру землю.
Содрал с его Потанюшка платьицо цветное,
Оказалось его тело женскоё.
Тут узнали все люди, уведали,
Что ходила девчонка мущиною.
Говорила царица та крыльская,
Та ли Управа татарская:
— А й же ты Потанюшка хроменькой!
Да на что Кострюком надрыгаешься?
Лучше бы было, кабы ты по рукам локти в .... бирал,
А ясные очи копал,
Неже нагу Кострюка по Москвы пускал.
На то-де царици Потаня ответ держит:
— Да на то ведь дело было у мня делано,
Дело делано, и с царем записи были пописаны,
Чтобы знали все люди и ведали,
Как ходила дивчонка мущиной.
Да Дунай, Дунай да Лядков боле петь не знай.

Записано там же, 12 августа.

262

МОЛОДЕЦ И РЕКА СМОРОДИНА

А бог молодца-то не милуё,
И государь его царь не жалуё,
И нет ни чести ему, похвальбы молодецкие,
Да друзья, братья, товарищи
Те на совет не съезжаются,
Да женил молодца родной батюшко,
Да на чужой-то дальней сторонушки.
Да брал-де он ему молоду жену,
Да брал за женой приданого
Три, три чернёных ка́рабля:
Да перво́й-от гружон черён корабь
Был златом и серебром,
А другой-от гружон черён корабь
Все скатниим жемчугом,
А третей от гружон черён корабь
Все жениным приданыим.
Тут молодцу-де жена не в любовь пришла,
Не в любовь-де пришла ему, не по разуму.
Брал молодец себе он коня доброго,
Да брал себе он седёлко черкальское,
Да брал себе уздицю точмяную,
Да брал себе в руки плетку шелковую,
Сам говорил таково слово:
— Лучше мне доброй конь злата и се́ребра.
Лучше мне седёлко, уздица точмяная,
Лучше все́во женина приданого.
Да лучше мне-ка плетка шелковая,
Да лучше-то мне буде молодой жены.
Шол да сковал себе два товарища два надейные,

Два ножа он сковал два булатние.
Он садился ведь на добра коня,
Сам поезжал на чужую на дальню на сторону.
Да ли ехал он путём ли дорожкою,
Где-ка было на пути на дороги широкие
Текла быстрая речка Смородинка.
Было на этой реки на Смородинки
Три, три мосточка калиновы:
Да на первом-то река бе́рё на́ мости
Да седёлко с коня окованоё,
Да на другом бе́рё на́ мости
Добра коня наступчива,
А на третьем бе́ре на́ мости
Самово добра молодца.
Он взмолился-де речки Смородинки:
— А й ты матушка черная речка Смородинка!
Есть ли через тебя, река, переходы-ты узкие,
А переброды-ты мелкие?
Да ответ держит река ему Смородина:
— А й ты удалый дородний добрый молодец!
Есть через меня речку Смородинку,
Есть переходы-ты узкие,
Да и переброды есть мелкие.
А есть три мосточка калиновы:
Я на первом беру на мости
С коня седёлко кова́ное,
А на дру́гом беру на́ мости
Добра́ коня наступчива,
Я на третьем беру на мости
Самово добра молодца.
А ты поезжай-ко, дородний добрый молодец,
Я тебя и так топерь пропущу.
Как переехал молодец через речку Смородинку,
Да те ли мосточки калиновы,
Да возговорит молодец неразумну речь:
— Да мне сказали добру молодцу,
Что топерь на пути на дороги широкие
Да текёт черная речка грозна Смородинка.
Да он стал над рекой надсмехатисе,
Да он стал над рекой надрыгатисе:
— Да топерь ли ведь речка Смородина,

Будто текёт болотня вода-та со ржáвчиной.
Да забыл-то доброй молодец,
За рекой за Смородинкой,
Он забыл два товарища два надейные,
Два ножичка забыл два булатние,
За той рекой за Смородинкой.
Он поехал через речку Смородинку
Да по тем по мосточкам калиновым.
Да на первом брала на мости
С коня-де седёлко кована́ое,
А на дру́гом брала на мости
Добра коня наступчива,
А на третьем бра́ла на́ мости
Самово добра молодца.
Возмолится удалый дородний добрый молодец
Он-де быстрои речки Смородинки:
— А й ты матушка быстрая речка Смородинка!
И не губи, не топи добра мо́лодца.
Говорит-де река молодцу,
Говорит-де река человеческим голосом:
— Да не я тебя топлю гублю,
А топит губит похвальба молодца молодецкая.
Только ведь молодец и жив бывал,
Да тому хоробру́ такова слава́,
И оставалась у его нелюба́ жена.

Записано там же, 12 августа.

263

МОЛОДЕЦ И КОРОЛЕВНА

Ездил молодец из земли в землю,
Гулял удалой из орды в орду,
Загулял молодец к королю в Литву,
К королю в Литву-де ко прусскому.
Да тово молодца-де король во люби держал,
Да тут молодец с королём за однем столом сидел,
Да ведь пил он ел с одной ложечки,
С одново-де стоканца да водочку кушали.
Тово было времени прошло три года,
Да слюбился молодец с королевскою дочерью,
Да ничево-то про это король не ведаё.
Да донесли королю вести нехорошие:
— А й ты король земли Прусские!
Да ты котора молодца во люби́ держишь,
Да ты с которым молодцом сидишь за одним столом,
Да ты пьёшь, еси́ да с одной ложечки,
А с одново стаканца винца кушаешь,
Тот живё молодец с твоей дочерью,
Он творит любовь ведь третей год.
Эти королю были речи не понравились,
Приказал вести молодца во чисто́ полё,
Да на то ли болото Куликово,
Да на то ли на место на лобноё,
Да на ту ведь на плаху на липову,
Да отрубить молодцу буйну голову.
Повели молодца палачи во чисто полё,
Мимо те ведь ведут палаты королевские.
Тут возмолился молодец палачам немилосливым:
— А й вы братцы палачи немилосливы!

Не водите молодца вы по задворкам,
Да мимо ту ли палату королевскую.
Да вы ведите меня молодца по подóконью,
Да мимо эту спальню ту тёплую,
Где-ка мы спали с девицей королевичной.
Повели молодца по подóконью,
Да мимо те ли палаты королевские,
Да мимо эту спальнюю теплую,
Где-ка спал молодец с девицей королевичной.
Да он запел песню новую,
Да он новую песню хорошую:
— Да хорошо у мня молодца было пожито,
Да хорошо было цветноё платье изношено,
Да приупито было у молодца, приуедено,
Да и в красни́ в хороши́ приухожено,
Да и в зелено́м-то саду приугу́ляно,
Да под яблонью на кроваточке было приу́спано,
Да и у королевскою дочери
На белой груди было у девицы улёжано.
Как услыхала девица королевична,
Что повели молодца палачи во чисто полё,
Да во то ли болото Куликово,
Да на ту ведь на плаху на липову,
Да хотя отрубить ему буйную голову,—
Сама отворяла красно окошко косевчато,
Брала в руки булатние вострые ножичок,
Ставила она тупым концём да во окошечко,
А вострыим себе да в белу грудь,
Говорила она таково слово:
— Да куда полетел млад ясён сокол,
Да туда полетай-ко лебёдушка белая,
Да ты преже лети ясна сокола.
Тут-то она сама себя и зарезала.
Да отрубили палачи молодцу буйну голову,
Да донесли королю-де прусскому,
Да дошли ему ведь вести нехорошие,
Что ево-то любимая дочь сама себя зарезала,
Да еще преже дородня добра молодца.
Тут говорит-де король таково слово:
— Кабы знал я это ведал ведь,
Что моя любима дочь ведь зарежется,

Да я бы не приказал вести молодца во чисто́ полё,
Да на то на болото Куликово,
Да на ту ли на плаху на липову,
Да не рубить бы ему буйну голову.
Пусть бы лучше жил молодец с моей дочерью,
Да пусть бы жил-де век да и по́ веку.
Топерь я весь потерял белый свет из ясны́х очей,
Я лишился милой дочёри любимые.

Записано там же, 12 августа.

264

ПТИЦЫ

Отчего-то зима наставала?
Наставала зима от морозов.
После той зимы — теплое лето.
Из-за тихого дунайского синего моря
Вылетала младая дунайская птица,
Малая птица певица,
Садилась на синё русское море,
Начала птица ведь пи́ти,
Голоса́ на Русь подавати.
Да слетались к ей русьские птицы,
Да садились птицы ко птицы рядами,
Да в одну ли оне сторону головами.
Начали птицы ведь пи́ти,
Стали они воспевати,
Младую птицу певицу пытати:
— Да́ скажите нам, младая птица певица,
Да кто у вас на́ мори на́большо большой,
А кто на дунайском всех выше?
Да возговорит млада дунайская птица:
— Да у нас было на мори на́большо болей,
Да у нас на дунайском всех выше,
Белые клепчик — то белые царь,
Белая птица клепица — та ведь есть белая царица.
Гусь-от ведь на мори — тот губернатор,
А рябчик — тот на мори стряпчий,
А журавь-от на мори-то — перевощик:
Ноженки тоненьки тоне́ньки,
Штаники синё́ньки узе́ньки.
Он ходит да бродит

Да всякую птицу перевозит,
А цветного платья не мочит.
А ку́ропать на́ мори — бобыль безпоместной,
И́з куста в куст вылетает,
Сам себе покою не знаёт.
Хлюстик — тот на́ мори плюстик,
Дроздик — тот на́ мори гвоздик,
Сив — тот на́ мори птица бессчастна,
А сив работать не умеё,
Казаков нанимать он не смыслит.
Галка — та на́ мори палка,
Богатая на́ мори птица ворона:
Она зиму-ту живё по дорогам,
А лето живё по суслонам,
Осень живё по омётам,
Всё она крестьян разоряё,
Оттого она сыта пребываё,
Тем свою голову питаё.
Детель — тот на́ мори плотник церковный:
Церквы он божии строит,
Тем свою голову кормит.
А курица на мори птица несчастна:
Всяк у ей в .... копаё,
Одно яица добываё,
А всё тёща зятю запасаё.

Записано там же, 12 августа.

265

СВЯТОГОР

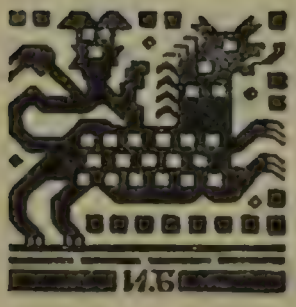
По той дороге по латынские
Стоит семь застав да богатырскиех.
Перва́ застава — Илья Муромец,
Друга́ заставушка — Добрынюшка Микитьевич,
Третья застава — Алёша Попович млад.
Под Алёшей стоял туто Полешанин,
Полешанин да Долгопо́лянин.
Было два братца родимые,
Лука, Моисей — дети боярские.
Те ли роды-ты боярские
Охвочи они были долго спать,
Они проспали житьё-бытьё-богачество.
Проехал богатырь-от во чисто́ полё,
У коня следы по цело́й овчине по борановы.
Поутру ставали-то ранёшенько:
— Кому у нас ехать за бога́тырем с уго́ною?
Послать Лука, Моси́я — боярски́х детей,
Оне ли роды-ты боярские,
Оне проспали житьё-богачество.
Послать Добрынюшку Микитича.
Седлал Добрыня своего́ коня,
Уздал Добрыня своего́ коня,
Садился Добрыня на добра коня,
Поехал за бога́тырем с угоною,
Застал бога́тыря-то во чистом поли,
Не доедучи до Киева-то двадцать вёрст.
Сидит богаты́рь-от на добро́м кони,
Он мечет палку ту под облаки,
До́ земли не допускаючи,

На бе́лы руки подхватаючи.
Не смел Добрыня дати напуска,
Назад Добрыня ворочается,
Не путём он ехал, не дорогою,
Приехал Добрыня к Ильи Муромцу:
— Я застал богатыря-то во чистом поли,
Не доедучи до Киева-то двадцать вёрст.
Сидит богаты́рь-от на добро́м кони,
Он мечет палку ту под облаки,
До́ земли не допускаючи,
На бе́лы руки подхватаючи,
Не смел-то я да дати напуска.
Говорит Илья да таково слово:
— Хоша й много рати, — удало́го нет,
Нет на Илью да нет на Муромца.
Седлал Илья да своево́ коня,
Уздал Илья да своево́ коня,
Садился Илья да на добра́ коня,
Поехал за бога́тырём с угоною,
Застал бога́тыря-то во чисто́м поли,
Не доедучи до Киева пятнадцать вёрст.
Сидит богаты́рь-от на добро́м кони,
Он мечет палку ту под облаки,
До́ земли не допускаючи,
На бе́лы руки подхватаючи.
Закричал Илья да громким голосом.
У богатыря конь-от на колени пал,
Выскочил с под стре́мена багро́в жижлец.
Поди, жижлец, да на свою́ волю,
Лови, жижлец, да осетра́ рыбу,
Споминай меня ста́рого хозя́ина,
Видно мне уже живу́ не быть.
Полети́, сокол, да на свою волю,
Лови лисицу да и за́яца,
Споминай меня, старого хозя́ина.
Съехались оне, ударились,
Друг-то друга ведь не ранили,
Оба из седел вон выпа́дали.
Помог-то бог да Ильи Муромцу,
Сбился Илья да на белы́ груди,
Вынимал ножищо он кинжалищо,

Хочет пороть да груди белые.
И стал Илья да ёво спрашивать:
— Ты коёй земли, да ты коёй орды,
Как тебя да именём зовут?
— Я есть-то ведь из Золотóй орды,
Петр царевич Золотни́чанин,
Тебе, Илья, да ведь я крéстный сын.
Тебе полно, Илья, ездить по чисту полю,
Побивать, Илья, тебе богатырей,
Пора, Илья, тебе душа спасти.
Ильи те речи прилюбилися,
Спустил богатыря он на свою́ волю,
Сам поехал Илья да по чисту полю,
Застал бога́тыря он во чистом поли
И думал: „богатырь-от неверные".
Разгорелось у Ильи да ретиво сердцо,
Наганивал коня он со чиста́ поля,
Со чиста́ поля он во перво́й након,
Ударил бога́тыря он палкою
И думал: „богатыря с конём убил".
Сидит бога́тырь на добром кони,
Назад богатырь не оглянется.
Разгорелось у Ильи да ретиво сердцо,
Наганивал коня он со чиста́ поля,
Со чиста́ поля он во второ́й након,
Ударил бога́тыря он палкою
И думал: „богатыря с конём убил".
Сидит бога́тырь на добром кони,
Назад богатырь не оглянется.
Разгорелось у Ильи да ретиво сердцо,
Наганивал коня он со чиста́ поля,
Со чиста́ поля он во третий након,
Ударил богатыря он палкою
И думал: „богатыря с конём убил".
Сидит бога́тырь на добром кони,
Назад бога́тырь отоглянется:
— Я думал, кусают русские комарики,
Ажно славной бога́тырь Илья Муромец.
Взял Илью он и со конём в карман,
Возил-то он ведь трои́ сутки.
Святигоров конь провещился язы́ком человеческим:

— Ты славный богатырь Свя́тигор!
Тяжело возить мне двух богатырей,
Третью лошадь богатырскую.
Он вынял Илью да из кармана вон,
Говорит Ильи он таково слово:
— Ты поедем, Илья, да на святы́ горы,
Я буду там да преставлятися.
Пойдё от меня ужо великой пот,
Ты моёво поту-то нако́н лизни,
Нако́н лизни да ты другой лизни,
Третьяво нако́ну, И́лья, не́ лижи,
Не стане но́сить матушка сыра́ земля,
Не станут во́зить кони богатырские.
Приехали оне да на святы́ горы,
Стал Свя́тигор-от преставлятися.
Пошол от нево ужо великой пот,
Илья тово поту-то након лизнул,
Након лизнул да он друго́й лизнул,
Тре́тьяво нако́ну И́лья не́ лизал.
Святигорово было преставление,
Ильи Муромца было погребение,
Над верхом воздвиг-то он чуден крест.
А й дидай-дидай боле вперед знай.

Записано на Кеноозере, 17 августа.



LI

ТРЕТЬЯКОВ

гнатий Григорьевич Третьяков, крестьянин дер. Росляковой на Кенозере, 58 лет, грамотный. Отец его знал очень много былин, которые он от него и перенял, но теперь забыл большую часть. Третьяков, хотя и поет былины, но сомневается в правдивости событий, которые в них описываются. Кроме былин, здесь помещаемых, он знает, но только словами, в виде сказки, „историю“ про первые поездки Ильи Муромца и про Михайлу Потыка.

266

ТРИ ПОЕЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА

Ездил стар по чисту полю,
Ото младости ездил до старости.
Хорош был у старого ли добрый конь,
За реку перевозу он не прашивал,
Конь реки, озёра перескакивал,
Широкие мхи кругом обскакивал.
Наехал ли старой во чистóм поли
Три пути дороги три широкие.
На росстáнях лежит серый камешок,
На камени подпись подписана:
— В дорогу ту ехать — убиту быть,
В другую ту ехать — женату быть,
В третью ту ехать — богату быть.
Стоит тут старик да пороздумался,
Седой головой своей пошатывает:
— На что мне-ка старому богачество,
У мня есть-то своей золотой казны,
Своей золотой казны сметы нет.
На что мне-ка старому женитися,
Женитися мне да не нажитися:
Худая та взять, так замены нет,
Хорошая взять, так чужа корысть.
Я поеду в ту дорогу, где убиту быть,
А убитому быть, так не вéку и жаль,
При смерти головушка шатается.
Еде старик да по чисту полю,
Заехал ли старой во темны леса,
Стоит тут станица станичников,
По-русски назвать так разбойников,

Не много не мало — сорок тысячей.
И хочут-то старого пограбити,
И хочут у старого коня отнять.
Говорит-то старик да таково слово:
—Вы ой же станичники разбойники!
И бить меня старого некого,
Пограбить у старого нечего,
С собой-то казны да не случилосе,
С собой-то казна одна пятьсот рублей,
Шуба на себе да соболиная,
Шуба-та сто́ит три тысящи,
Седелко черкальское в две тысящи,
Узда та течмяная в пятьсот рублей.
Меж ушами каме́ньё драгоценноё
Не ради красы-басы великие,
Ради тёмные ночи осённые:
Где ходит гуляе мой доброй конь,
Видно за три-то вёрсты как мерные,
Мерные вёрсты семисотные.
Го́ворят-то станичники разбойники:
— Ты много, старик, да разговариваешь.
И хочут-то старого с коня стащить.
Как снимае старик шело́м да со буйной главы,
Весом то шело́м был двенадцать пуд,
И стал шелому́м он помахивать.
Куды он махнёт — дак туды улицы,
Куда отмахнёт — дак переулочки.
Прибил сорок тысяч станичников,
По-русски назвать дак разбойников.
Назад-то старик ворочается
Ко серому каменю латырю,
Старую подпись захеривал,
Новую подпись подписывал:
— Ложно была подпись подписана,
Я съездил в дорожку, уби́т не бывал.
Поеду в ту дорогу, где женату быть.
Едет ли старой по чисту полю,
Стоят тут полаты белокаменны
Из тех из полат белокаменных
Идет из полат сорок девицей,
Прекрасна идет королевична,

Берет старика да за белы руки,
Целуе во уста да во сахарние,
Зовет во полаты белокаменные
К себе хлеба-соли она кушати.
Идет-то старик да усмехается:
— Сколько по святой Руси не бывано,
Экого ли чуда век не видано.
Ведёт-то прекрасна королевична,
Ведёт старика да за белы руки,
Целуе во уста да во сахарние,
Зовёт в полаты белокаменные
К себе хлеба-соли она кушати.
Привела она в полаты белокаменные,
Садила за столы да за дубовые,
Пили, ели, прохлаждалися.
Говорит-то прекрасна королевична:
— Вот тебе место старому туто спать,
Ложись-ко ко стенки кирпичные.
Говорит-то ли старый таково слово:
— Ты ой же прекрасна королевична!
Мы ста́рики да по краям век спим,
Нашо-то дело ведь староё,
Охвочи мы ночию на двор ходить.
Ложись-ко сама ко стенки ко кирпичные.
Взял он прекрасну королевичну,
Взял-то ее за белы́ груди,
Кинул на кровать на тисовую.
Тисо́вая кровать была подложная,
Тисовая кровать та обвернулася,
Упала прекрасна королевична,
Упала во погребы глубокие,
Во глубокие погребы сорока́ сажен.
Говорит-то старик да таково слово:
— Вы слуги лакеи безызменные!
Покажите вы ход мне во глубок погрёб.
Показали ему ход да во глубок погрёб,
Ключи старику были не надобно.
Замки ты руками роздёргивал,
Он двери-то ногами вон выпинывал.
Идёт тут из погреба соро́к царей,
Сорок то царей идёт царевичей,

Сорок королей да королевичей,
Идёт тут прекрасна королевична.
Говорит-то старик да таково слово:
— Подьте, цари, вы по своим царствам,
А вы, ко́роли, да по своим ордам.
Молите вы бога за старово,
За старово Илью вы за Муромца.
И взял он прекрасну королевичну,
Посадил на ворота на широкие,
Он всю расстрелял да из туга́ лука,
Россек роспластал да тело белое,
И всё разметал он по чисту́ полю.
Назад-то старик да ворочается
Ко серому каменю латырю,
Старую подпись захеривал,
Новую подпись подписывал:
— Та ложно была подпись подписана.
Я съездил в дорожку и жена́т не быва́л.
Я поеду в ту дорогу, где богату быть.
Едет старик по чисту полю,
Заехал ли старой во темны леса.
Стоит туто погрёб золотой казны,
На погребе подпись подписана:
— Выкатить казна да Ильи Муромцу,
Нанять хитро-мудрыих плотников,
Построить-то церкву соборную
Святителю Николы Можайскому,
Во славном во городи во Киеви,
И тут-то Ильи́ будет преставиться.
Как выкатил казну да Илья Муромец,
Нанял хитро-мудрыих плотников,
Построил он церкву соборную
Святителю Николы Можайскому,
Во славном во городи во Киеви,
Сам заехал во пещеры во глубокие,
Тут-то Илья уже преставился.
Поныне теперь мощи нетленные.

Записано там же, 17 августа.

267

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА

По три годы Добрынюшка-то стольничал,
По три годы Добрынюшка да чашничал,
По три годы Добрыня у ворот стоял.
Тово стольничал-чашничал он девять лет,
На десятые Добрынюшка гулять пошол,
Гулять пошол по городу по Киеву,
А Добрынюшки ли матушка наказывает,
Государыня Добрыни наговáривает:
— Ты пойдешь гулять по городу по Киеву,
Не ходи-тко ты, Добрыня, на царев кабак,
Не пей-ко ты до пьяна зелена вина.
Не ходи-ко ты во улицы Игнатьевски,
Во те ли переулки во Маринкины.
Та ли б.... Маринка да потравница,
Потравила та Маринка девя́ти ли молодцо́в,
Девяти ли молодцов да будто я́сных соколо́в,
Потравит тебя Добрынюшку в деся́тые.
А Добрынюшка-то матушки не слушался,
Заходит ли Добрыня на царев кабак,
Напивается до пьяна зелена́ вина.
Сам пошол гулять по городу по Киеву,
А заходит ли во улицы в Игнатьевски,
А во те ли переулки во Маринкины.
У той у́ б.... Маринки у Игнатьевной
Хорошо ли терема были роскрашены,
У ней терем-от со те́ремом свивается,
Однем-то жемчугом пересыпается.
На теремах сидели два сизых два голубя.
Носок-то ко носку они целуются,

Правильныма крылами обнимаются.
Розгорелось у Добрыни ретиво́ сердцо,
Натя́гает Добрынюшка свой тугой лук,
Накла́дает Добрыня калену стрелу,
Стреляет ли Добрыня во сизы́х голубей.
По грехам ли над Добрыней состоялосе,
Ево правая-то ноженка поглёзнула,
Ево левая-та рученка подрогнула,
А не мог згодить Добрыня во сизы́х голубей,
Едва згодил к Маринке во красно́ окно.
Он вышиб прицы́лину серебряную,
Разбил-то околенку стекольчатую,
Убил-то у Маринки друга милаво,
Милово Тугарина Змеёвича.
Стоит-то ли Добрыня пороздумалсе:
— В терем-от итти, так голова́ пропадёт,
А в терем-от нейти, так стрела́ пропадёт.
Зашол-то ли Добрыня во высок терём,
Крест-от он кладёт по-писаному,
А поклон-от он ведёт по-ученому.
Сел он во больша́й угол на лавицу,
А Маринка та сидит да б.... за за́весою.
Посидели они летний день до вечера,
Оне друг-то с другом слова не промолвили.
Взял-то ли Добрыня калену стрелу,
Пошол-то ли Добрыня из высо́ка терема́.
Ставала ли Маринка из-за за́весы,
А берёт-то ли Маринка булатний нож,
Она резала следочики Добрынюшкины,
Сама крепкой приговор да приговаривала:
— Как я режу эти следики Добрынюшкины,
Так бы резало Добрыни ретиво сердце
По мне ли по Маринке по Игнатьевной.
Она скоро затопляла печь кирпичную,
Как метала эти следики Добрынюшкины,
Сама крепкой приговор да приговаривала:
— Как горят-то эти следики Добрынюшкины,
Так горело бы Добрыни ретиво сердцё
По мне ли по Маринке по Игнатьевны.
Не мог-то бы Добрынюшка ни жи́ть, ни быть,
Ни дни бы не дневать, ни часу́ бы часова́ть.

Как вышел ли Добрыня на широкой двор,
Розгорелось у Добрыни ретиво сердцё
По той ли по Маринке по Игнатьевной.
Назад-то ли Добрыня ворочается.
Этая Маринка Игнатьевна
Обвернула-то Добрынюшку гнедым туром,
Послала-то ко морю ко Турецкому:
— Поди-ко ты, Добрынюшка, ко морю ко Турецкому,
Где ходят там гуляют девять туров,
Поди-ко ты, Добрынюшка, десятым туром.
Как проведала Добрынюшкина матушка,
Сама-то ли старуха подымаласе,
Пришла она к Маринки ко Игнатьевной,
Села-то на печку на кирпичную,
Сама ли говорила таково слово:
— Хочешь ли, Маринка б.... потравница,
Обверну я тя собакой подоконною,
Ты будешь ли ходить да по подоконью,
Этая Маринка Игнатьевна
Видит ли она да неминучую.
Обвернуласе Маринка серой ласточкою,
Полетела-то ко морю ко Турецкому,
Села ли Добрыни на могучи плеча,
Говорила ли она да таково слово:
— Возьмешь ли ты, Добрыня, за себя меня за муж,
Отверну я тя, Добрыня, добрым молодцем.
— Возьму я тя, Маринка, за себя за муж.
Повернула-то ево да добрым молодцом.
Взял-то он Маринку Игнатьевну,
Посадил он на ворота на широкие,
Всю он росстрелял из туга лука,
Россек он роспластал тело белое,
Всё ли розметал по чисту полю.

Записано там же, 17 августа.

268

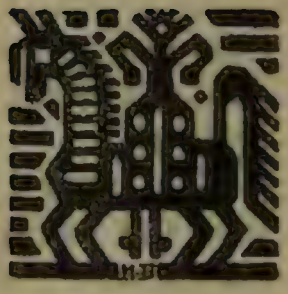
СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ

Выпала порошица снéг молодòй.
По той по пороши по белу̀ снежку
Да не белый горностай следы промётываѐт,
Ходит ли гуляет удáлой молодѐц,
На имя Чурилушко сын Плёнковѝч.
Ронит он гвоздочики серéбряныѐ,
Скобочки да позолóченыѐ,
И вслед ходят ребятушка мáленькиѐ,
Обирают те гвоздочики серéбряныѐ,
Тем они ребята свою гóлову кормя̀т.
Приходит ли Чурило ко Бермя̀тову двору̀,
И пóшол ли Бермята ко зау̀трены̀.
Кто ли от беды да откупается̀,
Иной то нá беду да накупается̀.
Старые Бермята Васи́льевѝч
Он на беду ту ведь сам идёт.
Посылает ли Чурила во высóк терём:
— Ты поди-тко ли, Чурило, во высóк терём.
Заходит ли Чурило во высóк терём,
Стоит-то Катерина богу мóлится,
Назадь Катерина огля̀нулася̀,
Тёпла вода да по пятáм потекла̀.
Говорит-то Катерина таково слово̀:
— Сядем-ко, Чурило, мы во шáхматы игра̀ть.
Ты ли поиграшь, так тéбе стó рублей,
Я ли поиграю, тебя та́к прощу.
Поиграл он Катерину во перво́й нако̀н,
Взял казны он с ней стó рублей,
Поиграл он Катерину во второ́й након,

Взял казны он с ней две́сти рублѐй,
Поиграл он Катерину во третьей након,
Взял казны он с ней три́ста рублѐй.
Говорит-то Катерина таково слово:
— Ты премладые Чурилушко сын Плёнкович!
Хошь во шахматы играть, хошь на тебя́ смотреть.
У меня по те́бе сердце розгоре́лосѐ.
По́йдем-ко, Чурило, в ложню тёплую,
И станем-ко, Чурило, опочик держать.
Черная девка, служа́нка еѐ,
Она говорила таково слово:
— Не ходите вы во ложню во тёплую.
Я пойду к Бермяту накучу́ и намучу́,
Накучу и намучу я, нажа́люсѐ.
Катерина-то тово да не пытаючи,
А во тёплую-то ложню убираетсе,
А черная-то девка из те́рема пошла.
Пришла-то она да ко зау́трины,
Говорила ли она да таково слово:
— Ты старые Бермята Васильевич!
Стоишь ты, Бермята, богу молишься,
И не́ знаешь, Бермята, ты не ведаешь.
Право у тебя да сударь го́сть гости́т,
Не́званой-от гость да не прика́зыванòй.
Говорит-то Бермята Васильевич:
— Черная девка служа́нка моя!
Правду донесёшь, я за му́ж тебя возьму,
А неправду донесешь, я тебе го́лову срублю.
— Поди-ты, Бермята, скоро-на́-скоро.
Скоро золото кольцо забря́кало,
Маковки все пошатилися,
Идёт Катерина да Микулична
В одной она рубашки бе́з пояса̀.
Говорит-то Бермята Васильевич:
— Что же, Катерина, не в снаря́де ты идёшь?
У нас-то севодня дело пра́здничноѐ.
Говорит-то Катерина таково слово:
— У меня-то ли севодня голова болит,
Болит моя буйная головушка,
Ще́мит мое сердце ретивоѐ,
Дрожат мои жилья подколенные,

Не могла я хорошо да снарядитися.
Зашол-то ли Бермята во высок терём,
Вися туто кафтаны, платьё цветное.
Говорит-то ли Бермята таково слово:
— Эты я кафтаны на Чури́лы-то вида́л.
Говорит-то Катерина Микулична:
— У мо́ево у братца родимово
С Чурилом было платьями поме́няно,
Платьями да добрыма́ коньми.
Зашол-то ли Бермята в ложню тёплую,
Спит туто Чурило, опочик держит.
Взял-то ли Бермята саблю острую,
Отрубил-то ли Чурилу буйну голову.
Будто скатняя жемчужина скатиласѐ,
Скатилася Чурилова головушка,
Не грущатая камка да расстилаласе,
Чурилова кровь проливаласѐ.
Отрубил он Катерины буйну голову.
Две ли головы да вдруг погинуло
Накануне честного благовещенья.
Дожили до светлого христова дня,
Чёрную девку за му́ж он взял,
Стал он жить-быть, век коротати.

Записано там же, 17 августа.



269

ЩЕЛКАН ДУДЕНТЬЕВИЧ

Во Тавре было городи,
На стули на золоти,
На отласи на бархати,
Сидит Возвяк, Возвяк царь,
Возвяк Таврольевич.
Он суды-ты рассуживал,
Дела приговаривал,
Кня́зей бояр жаловал,
Он Фомку-ту Тотмою,
Ерёму Новы́м-городом;
Любимого зятелка,
Щелкана Дудентьевича,
На́ дому не случилосе,
Он уехал в землю Жидовскую,
Во Жидовскую землю Литовскую,
Не для дани да выхода,
Ради чо́ртова пра́вежу.
Чорт-от с улицы
Брал по курицы,
Со́ избы брал он по пе́туху,
Со́ бела двора он по добру́ коню,
У ково коня нет, дак и жену́ возьмёт,
У ково жены нет, самово в поло́н возьмёт.
Где ли Щелкан побывал,
Как будто Щелкан головне́й покатил.
Приехал Щелканушко Дудентьевич
К царю Возвяку Таврольевичу.
— Чем тебя Щелкана буде жаловать?
Се́ла тебе ли же с присёлками,

Ли городами тебя с пригородками,
Ли деревни тебе да со крестьянами?
— Пожалуй меня, государь царь Таврольевич,
Тверью-то городом,
Тверью богатою,
Двумя братьями ро́дными:
Борисом Борисовичем,
Митрием Бори́совичем.

(Дальше не помнит.)

Записано там же, 17 августа.

LII

ГУРЬБИН

ван Александрович Гурьбин, из Кривцова, 60 лет, крестьянин, в прежние годы занимавшийся преимущественно изделием гребней, отчасти земледелием. Былины перенял частью от своего отца, частью от посторонних стариков. Кроме здесь помещаемых, пел обыкновенную былину про Добрыню и Алешу, про Дюка Степановича и Михайлу По́тыка. Гурьбин петь былин не умеет, но знает содержание их, которое рассказывает словами, в виде сказок.

270

СВЯТОГОР

Ездил-то Илья да по чисту полю
Да наехал Илья на поляницу тут.
И да едут с поляницей по чисту полю,
Да ударил ёво палицей по буйной головы,
Да ударил ён тут во другие раз,
Да ударил ён ведь тут да в третий раз,
И розгорелось у ёво сердцо богатырско,
У тово ли у Самсона Святигора у богатыря.
Дал-то-ко Илью да за белы руки,
И положил-то-ко Илью да во корман к себе,
И дал-то-ко Илью да во кормани у себя.
Еще стал туто ведь конь да попинатисе.
— Еще что ты туто, волчья сыть да травяной мешок!
Еще что ты туто ведь да запинаешься,
Еще разве ты незгоду мне-ка ведаёшь?
И да провещился ведь конь языком человеческим:
— Еще где мне-ка возить да двух богатырей с конём.
И вынимал туто Самсон Илью да из кармана тут,
Да поехали с Ильей да по святым горам,
Еще стал Самсон-Святигор тут выспрашивать:
— Да велика ли в тебе да еще сила есть?
— А й во мне еще сила небольшая есть,
Еще только побиваю я ведь храбростью своей.
— И да славные Илья да ведь ты Муромец!
Да ведь во мне-то сила да такая есть,
Кабы в земною-то обширности был столб,
Да как был бы-то в небесной вышины,
Да кабы было в столби в этом кольцо,
Поворотил бы я всю землю подвселенную.

И поехали-то тут они да по святым горам,
И наехали на тех они на святых горах,
Да лежит туто ведь две сумы переметные,
И говорит туто Самсон да таково слово:
— Уж ты славные Илья да ты Муромец!
Соходи-ко ты, Илья, да со добра коня,
И каки тутó лежат две сумы переметные,
Поздымай-то ты сумы переметные.
Соходил-то-ко Илья да со добра коня,
И он примается за ты сумы за переметные,
Еще те ли сумы с места не здымаются.
Соходил-де вéдь Самсон да со добра коня,
Еще сам-то за сумы да принимается,
Еще те ли-де сумы да с места не здымаются,
А все жилы и суставы у Самсона роспущаются,
И по колену-то в землю Самсон убирается.
(Тут Илья его и похоронил.)

Записано на Кенозере, 15 августа.

271

ТРИ ПОЕЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА

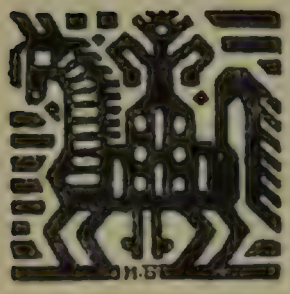
Ездил-де стар по чисту полю,
Ото младости ездил он до старости.
И хороший у его был добрый конь,
И за конём-то он ведь перевозу век не прашивал,
И все реки ты, озёра конь ведь перескакивал,
Мелкие источйны прóмеж ног пустил.
Да наехал-то-де старый на чистом поли
Да на те ли на росстани на черниговски.
И лежит-то на росстанех ведь Латы́нь камень,
И на камешки-то подпись написана:
— Во дороженьку ту ехать, где ведь старому богату быть,
Да во другую-ту ехать, где женату быть,
Да во третью-ту дороженьку ведь ехать, где убиту быть.
Да сидит-то-ко ведь старый на добром кони,
Да сидит-то-ко ведь старый пороздумался:
— Да на что-то мне ведь старому богачество?
Еще нет у мня любóю-то семьи да молодой жены,
И нету малыех у мня да нету детонёк,
Еще некому тощить да золотой казны.
А на что-то мне да старому женитися?
Еще старая мне взять, дак не нажитися,
И от старою-то мне да ведь замены нет,
И да молода́я взять, то ведь чужа корысть.
Да поеду в ту дорожку, где убиту быть.
Да отъехал-де ведь старый за три поприща,
Да по-русьски-то сказать да за три верстоньки.
Вышло сорок-то воров да разбойников,
Вышло сорок-то станичных подорожников,

Тутo хочут старого-де ведь пограбити.
Еще что тута у старого пограбити:
И тачмяная да есть на бурушке в пятьсот рублёв,
И черканское седёлко во две тысячи,
И на бурушке попона есть семи шелков,
И в три строки́ ли-то попона была точена.
Еще первая строка да злата серебра,
А другая-та строка да чиста золота,
Да третья-та строка меди́ казарочки,
Еще тою ли-де ме́ди журавицкие,
Да на всех-то уголках да камешки самоцветные,
И во гривушку тут вплетан-де скачён жемчуг,
Не для ради красы-басы,
А для ноченки-то было ради темные,
Чтобы видно старому-то ехать ведь путем дороженкой.
— А коню-то у меня да еще сметы нет,
А мне-то старику да на бою смерть не писана.
Говорят тутó-де воры разбойники:
— Уж ты старой-де ведь чорт, седатый волк!
Еще много с нами стал да разговаривать.
Соходи-тко-де ведь старый со добра коня,
И тогда ведь будем мы с тобой да бой держать.
Соходил-то-де ведь старый со добра коня,
Снял то-де ведь стар шелом да с буйной головы,
И да начал-де шеломом он помахивать.
Со права-то-де плеча-то махнет — улочка,
И назадь-то отмахнёт — и переулочок.
Розгорелось ево сердце богатырское,
Ухватил-то ведь татарина он за ноги,
Начал он татарином помахивать,
Да прибил он, припленил всех татар до единово.
Да назадь-то старенькой ворóтился,
И он старую-то подпись вон выхеривал,
Еще новую-ту подпись он подписывал:
— И та очищена дороженка старым казаком Ильей Муромцем.
И поеду во дорожку где женату быть.
И отъехал то-де старый за три поприща,
Да по русьски-то сказать да за три ве́рстоньки,
Тут стоят-де терема ведь златоверхие.
Выбегала-де прекрасна королевична,

Брала-де ведь стара за белы руки,
Да вела-то в терема ведь златоверхие,
Да ведь ставила столы она дубовые,
Стлала скатерёточки ведь браные шелковые,
И носила ена ествы ведь сахарние,
И напиточки носила ведь медовые,
Да поила ведь кормила, низко кланяласи,
И ложила на кроватку слоновых костей.
Говорил тут старый таково слово:
— Ты хорошая прекрасна королевична!
Ты сама-де ведь ложись ко стеночки,
А я-то-де старик и на краю посплю.
Не ложится тут хорошая прекрасна королевична.
Брал тут старые казак да Илья Муромец
И хорошую прекрасну королевичну,
Брал-то-ко ведь ей да за белы руки,
И за ей-то ведь за перстни за злачёные,
И бросúл-то на кроватку слоновых костей.
А у ей-то ведь кроваточка подложная,
Увалиласе во погреб сороку сажен.
Выходил-то старые казак да Илья Муромец,
Выходил он с теремов ведь златоверхиех,
И перстами-то замки он сдергивал,
Да ногами-то ведь двери вон вышибывал.
Вышло сорок-то царей да ведь царевичев,
Вышло сорок королей да королевичев,
И вышло сорок сильниех могучиех богатырей.
И говорил тут старые казак да Илья Муромец:
— Еще глупы вы, цари да все царевичи,
И да глупы короли да королевичи!
Вы сдаваетесь на прелесть-ту на женскую.
И говорил тут старые казак да Илья Муромец:
— Вы поезжайте-тко да по своим местам,
По своим местам вы ко своим женам,
И ко малыем ко глупыем ко детонькам.
И туто все они да съединилися
И да стару казаку да Ильи Муромцу
И да все-то ведь оне да поклонилися.
Туто взял ведь он росстрелял прекрасну королевичну,
Пресек, припластал, куски разметал по чисту полю,
И назад-то-ко старенькой ворóтился,

И он старую-ту подпись вон выхеривал,
Да ведь новую-ту подпись подписывал:
— И стали туто старому женату быть,
Туто старенькой женат не бывал.
И поехал в ту дорожку, где богату быть.
И отъехал старой за три поприща,
Да по русски-то сказать за три вёрстоньки,
И тут стоят-то погреба да золотой казны.
Тут он взял эту казну и стал строить монастыри.

Записано там же, 15 августа.



272

ДУНАЙ

А во стольнём-то городи во Киеви
Да у ласкова князя у Владимира
И хорошой-то заведен был почестной пир,
На все сильние могучи на богатыри
И на все ли поляницы на удалые.
И долог-то ведь день идёт ко вечеру,
И да все ли во пиру да пьяны веселы,
Сам государь да роспотешился.
Еще красное солнышко Владимир князь
И он по гридни по столовые похаживат,
И он умильних-де слов выговариват:
— Еще все у нас во Киеви поженены,
А девицы-ты, вдовицы за муж выданы,
Еще я-то-де Владимир не женат хожу.
Еще кто бы мне-ка знал да супротивницу,
Чтобы люба-то да мне была княгиною,
Еще вам нарекать да государынею.
Тут большой-от ворог-де хоронится за среднего,
А середней-от ворог хоронится за меньшего,
А й от меньшего от ворога й ответа нету.
Из-за тово ли-де ведь столика окольнего
Стават тихие Дунай сын Иванович:
— Благословь-ко ты словцо промолвити.
— Говори-тко ты, тихой Дунай Иванович!
— И я жил-то я во земли во Польские
А й у короля у Жимана у польского.
И жил я во служеньице двенадцать лет,
И есть у нево три дочери любимые:
Еще перва — Настасья королевична,

Еще та тебе не буде ведь царицею,
Ездит в чистом-то во поле поляницею.
Есть вторая-то ведь — Марья королевская,
И та просватана в землю в Жидовскую
И за царя-то за Кощея за Трипетова,
И тут пописаны-то записи крепкие.
И третья-то есть Апракси королевична,
Еще та тебе люба княгиною,
И нам нарекати государынею,
Есть нам кому покоритисе,
И по низкому нам поклонитисе.
— И тихие Дунай сын Иванович!
И силы ты бери сорок тысячей,
Золотой ты казны — сколько надобно,
И поедь-ко ты ко ко́ролю посватайся.
И добром отдаёт, так ты добром возьми,
А добром не даёт, так ты забоём возьми,
И силою грозой княженецкою,
И великой могутой богатырскою.
— И красное солнышко Владимир князь!
О сватовстве-то с войском-то не ездят ведь.
Дай-ко думщичка мне да ведь советничка,
А дай молодца Добрынюшку Микитьевича,
А ево-то-де родительство хорошее,
Да умее-то Добрыня с людьми ри́чь говори́ть.
Да не долго тут у Солнышка замешкалосе,
И да́вал думщичка ему да ведь советничка,
А еще молодца Добрыню-то Микитича.
И да седлали да уздали ведь добрых коней,
Не для ради красы-басы молодецкие,
Для ради могуты ведь богатырские.
И да видели ведь мо́лодцев седучи
И да не видели удалыех поедучи.
И да наскок-от берут да по цело́й версты,
Да ископыть тут мечут по целой копны.
И приехали во землю во Польскую,
И ко Жи́ману, ко ко́ролю литовскому.
И оставлял ведь он товарища в чисто́м поли,
И поехал-де ко Жи́ману на широкий двор,
А идёт-де во полаты безобъявочно,
И крёст-от он кладёт да по-писа́ному,

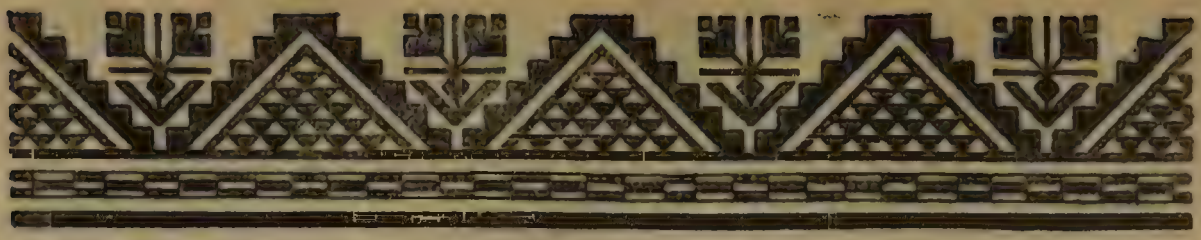
И молитву-ту творит изуст по-книжному,
И поклон-от он ведёт да по-ученому,
Еще с правого колена до сырой земли,
И Жиману-де ко́ролю в особину.
— Поди, тихие Дунай да сын Иванович!
Аль в придверники идёшь ли в приворотники,
Аль в любимые идёшь ко мне во конюхи?
— И не в придверники иду, не в приворотники
И не в любимые иду да я во конюхи,
Я пришол к тебе ведь, ко́роль польские,
Посвататься-то да на хорошей Апракси королевичны,
И за солнышка Владимира за́ князя.
И росшумелися со ко́ролем о бо́льшую,
И выходил-то-ко тихо́й Дунай Иванович
И на то ли на крылечко на перёное
И махнул он туто шелковым платком.
— И казни-тко ты татар да и улановей
И всех туто́ идолищёв поганыех.
Да из чистого-то поля ведь бегцы́ бежат,
А из чистого-то поля ведь гонцы́ гонят.
И не велика-то птичка летат во чисто́м поли,
Еще все-де нашу силу о полу́ била,
И для одной-то нам ведь девки не погинути.
Говорит туто да ко́роль Жи́ман польские:
— Уйми-тко ты ведь думщичка советничка,
Уйми молодца Добрыню Микитича.
Отдаём-ко мы честным пирком да за свадебку.

Записано там же, 15 августа.

LIII

МЕНШИКОВ

Петр Яковлевич Меншиков, крестьянин 52 лет с Тамбасезера, на юго-запад от Кенозера. Он считался в прежнее время хорошим певцом былин, которых, по его словам, знал в молодости весьма много, выучившись им частью от своего отца, частью ходя по чужим людям на заработки; но теперь уже позабыл большую часть того, что знал: „крестьянство“ убило в нем память, потому что у него большая семья, 9 человек детей, и хлеба не всегда хватает на ее прокормление.



278

СВЯТОГОР

Ездил-то стар да по чисту полю,
Въехал стар да на святы́е горы́,
Да наехал стар да на богатыря.
А богатырь едет на коня́ да дре́млет он.
— Что это за чудо есть?
Сильние могучие богатыре
Мог ба выспаться да во белом шатри.
Да розъехался Илья Муромец,
Да ударил бога́тыря крепко-на-крепко.
Бога́тырь еде всё вперед.
— Ах да что я за сильнии богатыре,
От моей руки никакой богатырь не мог на коня́ усидеть,
Дай-ко розъедусь во вторы́е раз.
Как розъехался Илья Муромец,
Да ударил крепко-на-крепко,
Богатырь еде всё вперед.
— Что это за чудо есть?
Видно я ударил ху́до ево́.
Как розъехался Илья да он ведь в третий раз,
Как ударил богатыря крепко-на-крепко,
Да ударил ево плотно-на́-плотно,
Тут-то бога́тырь пробудился ото сна.
Хватил-то Илью да своей пра́вою руко́й,
Положил-то Илью да к себе в корман,
Возил-то Илью да двои суточки,
Да на третьи сутки конь и стал потыкатися,
У коня-то стали ножки подгибатися.
Как ударил Святогор да своево доброго коня:
— Что ты, конь, потыкаешься?

Говорил-то конь таково слово:
— Как мне-ка-ва да не поткнутися?
Вожу я третьи суточки
Двух сильниех могучиех богатырей,
Третьёго вожу коня да богатырского.
Тут Святогор вынимал Илью да из кармана вон,
Но раздёрнули шатёр белополотняной,
Стали с Ильей да опочик держать.
А побратались они крестами с Ильей Муромцем,
Назвались они крестовыма братьями.
Но ездили гуляли по святым горам,
Съезжали-то они да со святых ведь гор
На те ли на площади широкие,
На те ли лужка они зелёные.
Как увидели-то они чудо чудноё,
Чудо чудноё да диво дивноё,
Как состроен стоит да ведь бе́лой гроб.
Говорил-то Илья да таково слово:
— Ты послушай-ко, крестовый ты мой брателко,
Для ково ж этот гроб состроен есть?
Соходили они да с ко́ней добрыих,
Ложился-то Илья да во сей-от гроб,
А Святогор-от говорил да таково слово:
— Ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко,
Не для тебя сей гроб состроен есть,
Дай-ко я ведь лягу да во сей-от гроб.
Дак лёг Святогор во сей гроб спать,
Говорил Святогор да таково слово:
— Ты послушай-ко, крестовой мой да брателко,
Да закрой-ко меня дощечками дубовыми.
Говорил-то Святогор да таково слово:
— Ты послушай-ко, крестовой мой ты брателко,
Хорошо здесь во гробе жить.
Ну-тко, крестовой мой ты брателко,
Отокрой-то дощечки дубовые.
Как Илья Муромец стал открывать дощечки дубовые,
Да не может оторвать ни како́й доски.
— Да ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко,
Не могу я открыть ни какой доски.
— Ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко,
Да Илья ведь Муромец!

Бей-ко своей боевою-то палицею.
Илья-то начал палицей бить:
Куды ударит, туды обручи железные.
Говорил-то Илья да таково слово:
— Да ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко!
Куды ударю, туды обручи железные.
Говорил-то Святогор да таково слово:
— Ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко!
Видно мне-ка туто бог и смерть судил.
Тут Святогор и помирать он стал,
Да пошла из его да пена вон.
Говорил Святогор да таково слово:
— Ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко!
Да лижи ты возьми ведь пену мою,
Дак ты будешь ездить по святым горам,
А не будешь ты бояться богатырей,
Никакого сильнего могучего богатыря.

Записано на Кенозере, 14 августа.

274

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК

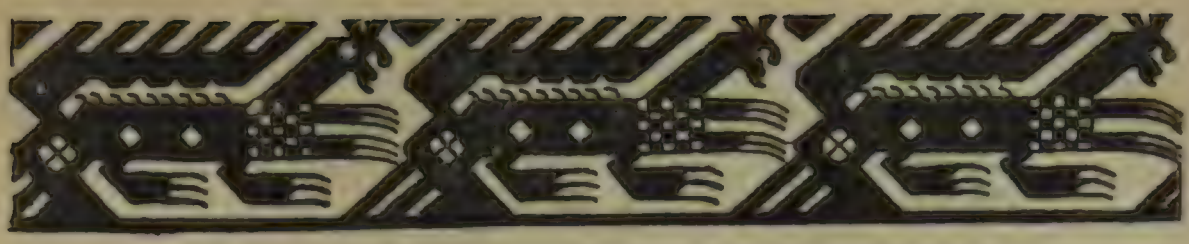
Ездил-то старой во чистом поли,
В тех ли во долинушках широкиех.
Приезжает стар ко лесам да дремучием,
Выезжает старый на дороженку широкую.
А прямою дороженькой ехать над трои суточки,
А окольною дорожкой ехать над три месяца,
А на этой дорожки есть заставушка великая.
— Да поеду я прямой дороженкой.
Ехал он день ко вечеру,
Наехал на сорок воров, сорок разбойников,
На сорок ночных да подорожников.
Начали оне да ево спрашивать:
— Ты давай-ко, старой, нам именьицо.
— Пограбить-то у мня у стараво нечево,
Но убити-то меня стараво не за что.
Уздица на кони да во сто рублей,
А седёлко на кони да во пятьсот рублей,
А попонка на кони да в целу тысячу,
А самому-то я коню цены не знай.
— Но давайте-тко, ребята, принимайтесь-ко за старого.
Но как у старого сердцо розгорелосе,
Да и начал плёточкой помахивать,
Начал плёточкой посвистывать.
Куды он махнёт — да туды улушка,
А назадь он отмахнёт — да переулочок.
Да прибил он всех-то сорок воров, сорок разбойников.
Да убил-то он сорок ночных-то подорожников.
Да садился старой на добра коня
Да поезжает старой ко Соловьиному ко гнездышко.

Не доехал до гнезда да за три поприща,
Услыхал Соловéй-от разбойник-от:
— А какая невежа проехала
Мимо мою заставу ту великую?
Засвистал-то Соловеюшко в пол-свиста,
Конь под Ильей да на коленци пал.
Бьёт коня он по тучным ребрам,
Говорил Илья да таково слово:
— Что же ты, конь, и потыкаешься,
Не слыхал ты Соловьиного посвисту?
Приезжае к Соловьйному гнездышку.
У Сóловья гнéздо на двенадцати дубах.
Начал Сóловей посвистывать,
Илья на коне сидит не ворохнется,
А кудёрышка на нем да не стряхнутся.
А натя́гае старый свой тугой лук
Да накладае старый калену стрелу,
А спущал в Соловья́ вора разбойника,
Вышиб у Соловья́ да правый глазичок,
А отшиб у Соловья́ да право ухо прочь,
Увалился Соловéй да со гнезда долой.
Соходил Илья да со добра коня,
Привязал Илья Соловья вора разбойника,
Привязал Соловья да ко стремянышку,
А садился Илья да на добра коня
Да спущался во долинушки широкие.
Из да́леча далеча из чиста поля
Да не солнце там выкаталосе,
Выезжает старые казак Илья Муромец.
Выходила Соловьиная дочка вон
Да смотрела в подзорную трубочку,
Говорила она да таково слово:
— А й мужья наши любезные!
Батюшко едет из чиста поля
Да какого-то бога́тыря везёт у стремянышка.
Средняя дочи вышла на улушку,
Глядела в подзорнюю трубочку.
— А й мужья наши́ любезная!
Да седлайте-тко добрых коней.
Какой-то богатырь едет, везет нашево батюшка,
Едьте-тко да отбивайте нашево батюшка.

Меньшая дочи вышла на улушку,
Глядела в подзорнюю трубочку.
— Мужья наши любезные!
Садитесь на добрых коней,
Едьте-тко да вы встречайте-тко,
Просите-тко сильнего могучего богáтыря
К себе éво в гость.
А больша-то дочи говорила таково слово:
— Я пойду сяду на ворота,
Здыну я подворотенку железную,
Как он и въедет под ворота,
Тут спущу я подворотенку железную,
Убью сильнего могучего богатыря.
Не доехал Илья да до двора́ да к ним,
Увидел невежу на воротах сежучись.
Но ударил коня по тучным ребрам
Да пустился Илья во Киев град.
Приезжает-то Илеюшка во Киев град,
Да заезжал Илья да на широкой двор,
Становил коня да середи двора
Ко тому ли столбичку к точёному,
Да к тому ли-то крылечку к золочёному,
Заходил Илья в полаты белокаменны.
— Уж ты здравствуй-ко, батюшко Владимир князь!
— Уж ты здравствуй, Илья да Илья Муромец!
Где ты ездил, где гулял?
— Ездил-гулял во долинушках широкиех,
Ездил-гулял я во чистом поле,
Привёз к тебе Соловья вора разбойника.
Слы́хал ли ты Соловьиного посвисту?
— А й же ты Илья да Илья Муромец!
Прикажи-тко засвистать Соловью́ вору разбойнику
Во весь-от свист.
Говорил Илья князю Владимиру:
— А й же ты батюшко Владимир князь!
Прикажу я засвистать да в полной свист,
Да рассыплются твои полаты белокаменны.
А прикажу я засвистать в четвереть свиста.
Выходят со княгиной на балхончик смотреть,
А приказал Илья одеть им шубы-то енотовые,
А завязать-обвить свои буйные головушки.

Говорил Илья да таково слово:
— Ты послушай, Соловéй вор разбойник-от!
Засвищи-тко в четвереть свиста.
Соловей вор разбойник-от осмелился,
Засвистал Соловей в пол-свисту.
Задрожали полаты белокáменные,
Посыпались стёкла хрустальние.
Тут у Илеюшки сердце розгорелосе
На Соловья́ вора разбойника.
Да приходит Илья да к Соловью́ вору,
Вынимает Илья да саблю вострую,
Отрубил у Соловья вора разбойника
Отрубил буйну голову.

Записано там же, 14 августа.



275

ИВАН ГОДИНОВИЧ

Во славном-то во городи во Киеви
У ласкова князя у Владимира
Да заведен был почестной пир
Да на многие-ты князей бояров,
Да на сильниех могучиех богатыри,
Да на все-ты поляницы на удалые.
Честной-от пир идет по-веселу,
Катится красно солнышко ко вечеру.
Все на пиру понапивалисе,
Все на почестном наедалисе,
Все на пиру поросхвасталисѐ:
Умной хвастат отцем матерью,
Безумной от хвастат молодой женой,
А иной-от хвастат коньми добрыма,
А иной-от хвастат золотой казной,
Золотою-то казной несчотною.
А сидит Иванушко Годенович,
Не весел сидит он и нерадошен.
Приходит к нему дядюшка Владимир князь,
Владимир князь стольнѐ-киевской:
— Что же ты, любезной мой племянничек,
Не весел сидишь, нерадошен?
Разве тебе чарочка винца да не рядом дошла,
Ли безумница тобою осмеялась,
Ли злые-ты собаки облаяли,
Ли черны́е вороны тебя ограяли?
— А й же ты любезный мой ты дядюшка!
Мне-ка чарочка винца рядом дошла,
И безумница-то мной не осмеялась,

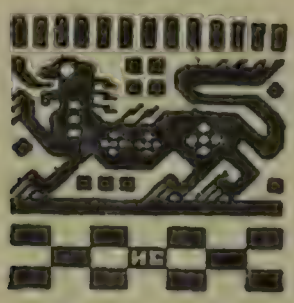
И злые-то собаки меня не облаяли,
И черные вороны меня да не ограяли.
А все-ты на пиру у тебя да испоженены,
А один я молодец холостой сижу,
И холостой сижу да и жени́ться хочу.
Дай-ко ты мне силы сколько надобно,
Золотой казны да сколько я возьму,
Да поеду я ко Митрею гостю торговому свататься
На прекрасной Настасье дочке Ми́трьевной.
Он добром отдаст, дак я добром возьму,
А добром он не отдаст, дак забоём возьму,
Своей силой могуто́й да богатырскою.
— А й любезной мой племянничок!
Да бери-тко силушки да сколько тебе надобно,
Казна тебе не затворёная.
Да берет-то Иван да сын Годенович
А и силы сколько надобно,
А й золотой казны да сколько сам возьмёт,
Да в поход-от отправил свою силушку
Впереди себя да за два месяца.
Но он застал-то силу в единой день,
Но объехал всеё силу во чистом поли
Да приезжает к Митрию́ гостю торговому,
Не спрашивал он у дверей придверничков,
Да у ворот да приворотничков,
Да прямо приправил своего бурушко
Прямо через стену городовую.
Становил коня да середи двора
Ко тому ли столбичку точеному,
Да ко тому колечку золоченому,
Да приходит прямо к Митрею гостю торговому,
Прямо-то в полаты белокаменны.
Крест-от кладет и по-писаному,
Да молитву творит да воисусову,
Кланяется да покланяется
Да на все ли на четыре и на стороны,
Митрею гостю в особинку.
— Здравствуй-ко ты Митрей гость торговые!
Я приехал к тебе ведь свататься
Да на прекрасные Настасьи дочки Митрьевной.
Ты добром отдашь, дак я добром возьму,

А добром ты не отдашь, дак забоём возьму,
Своей силой могутой да богатырскою.
А й заходит Иванушко Годенович,
Да заходит он во спаленку во теплую,
Да отдёрнул он ведь завесу шелковую,
Да берёт он Настасью за белы руки,
Да целует он Настасию в уста сахарние.
Да говорил-то Иван да таково слово:
— Да прощай-ко, Митрей, гость торговые!
Да выходил Иван-то на широкой двор,
То садились-то с Настасьей на добра коня,
Да отправились с Настасьей во чисто поле.
Да застал он силушку в чистом поли
И говорил-то он да таково слово:
— Отправляйтесь вы да ведь во Киев град.
Он поехал Иванушко Годенович во Киев град.
Не доезжая Иван до Киева,
Раздернул Иван шатер белополотняной,
Стал-то Иван да опочик держать
Да с прекрасные Настасьей дочкой Митрьевной.
В тое само времечко
Да наехал Кощей-от бессмертные
Биться-рубиться с Иван Годеновичем.
Выходит тут Иван да из бела шатра,
А садился Иван да на добра коня,
Да съехались с Кощеем да бессмертным,
Да вышиб Иван Кощея да из седла,
Да садился Иван Кощею на белы груди.
Вострой сабельки при себе да не случилосе,
А кинжалища у его не пригодилосе
Распороть-то у Кощея груди белые.
— Эй да ты прекрасная Настасья дочка Митрьевна!
Да подай-ко мне-ка-ва саблю вострую
Роспороть-то у Кощея груди белые,
А и вынять-то сердечушко со печенью.
Говорил-то Кощей да таково слово:
— А й же ты Настасья дочка Митрьевна!
Пособи-тко мне Ивана приобдюжати.
Да за мной-то жить, дак царицей слыть,
А за Иваном-то жить, дак портомойницей слыть.
Настасья пороздумалась

Да и взяла-то Ивана за желты кудри,
Да стащила-то с Кощея со бессмертного.
Да и двое-то одного да приобдюжали,
Да связали у Ивана ручки белые,
Да сковали у Ивана ножки резвые,
Да привязали-то Ивана ко сыру дубу.
Да пошол-то Кощей опочик держать
С прекрасные Настасьей дочкой Митрьевной.
Но налетело-то два голуба с голубушкой,
Сели они да на сырой дуб,
Да голуб-от с голубушкой воркуется,
А носочик к носочику целуются,
А правильнима крыльями обнимаются.
А выходит-то Кощей да из бела шатра,
Да натягаё Кощей да свой ведь тугой лук,
Да накладаё Кощей да калену стрелу,
Да спущал-то Кощей в двух сизых голубей,
Да не попал-то он в двух сизых голубков.
Высоко-то стрела да поднималасе,
Да назадь-то стрела да ворочаласе,
Расколола у Кощея буйну голову,
Распорола у Кощея груди белые.
Выходила-то Настасья из бела шатра,
Говорила-то Настасья таково слово:
— А й же ты Иван да сын Годинович!
Возьмешь ли, Иван, меня да за себя за муж,
Да отвяжу я тебя да от сыра дуба.
— А и взяти возьму да за себя за муж,
Только дам тебе я три грозы великие:
Первую грозу да белы ручки отсеку,
А вторую-то грозу дам тебе —
Сахарние уста прочь отрублю,
А третью-то грозу дам тебе —
Да резвы ножки отрублю.
Тут-то сердце-то женско испугалосе,
Белы рученки у ней да задрожалисе,
Востра сабелька из ручек повалиласе
Да на те ли-то тетивочки шелковые.
Тут-то Иванушко на воли стал.
Да берет-то Иван саблю вострую,
Отрубил-то у Настасьи ручки белые,

Отрубил-то у Настасьи уста сахарние,
Отрубил у Настасьи ножки резвые,
Говорил-то Иван да таково слово:
— Только Иван да женат бывал,
Только Иванушко с женой сыпал.
Да не всякому женитьба издавается;
Издалась-то женитьба Олешу Поповичу
Да Ивану Годеновичу.

Записано там же, 14 августа.



276

СТЕНЬКА РАЗИН

В славном-то во городи во Ва́стракани
Очудился-проявился там детинушка незна́мый человек,
Да незнамой, незнакомый чей, неведомый откуль.
Баско-щепетко по городу погуливат,
Черной бархатний кафтанчик нараспа́шечку таскал,
Перстирску опояску но́сил в пра́вые руки,
Зелены сафьянны сапожки но́сил на шелковы́х чулках,
Черну шляпу со полями носил на же́лтых на кудрях.
Он ведь штафам офицерам не кланяется,
Востроканьскому губернатору челом не бьёт,
А челом-то ему не бьёт да под суд нейдёт.
А й увидел губернатор из око́шка молодца̀,
Воскричал-то губернатор громким го́лосом свои́м,
Громким голосом своим на своих верных слуг:
— Уж вы слуги мои слуги, слуги ве́рные мои́.
Слуги верные мои да банбанде́ры урванцы́!
Уж вы подьте приведите удало́го молодца̀,
Удалого молодца̀ да к губерна́тору на дво̀р.
Приводили молодца да к губернатору на двор,
Становили молодца проти́в паратнего крыльца,
Выходил-то губернатор на пара́тнеё крыльцо
И говорил-то губернатор таково слово:
— Ты скажись-ко, скажись, детинушка, незна́мый человек,
Да незнамый, незнакомый, неведомый откуль!
Да ты какой орды, какой земли,
Да какого отца, да чьею матери?
Али со Дону казак, али казачий сын?
Отвечал-то молодец не с упадкою:
— Я не со́ Дону казак да не казачий сын.

Я из-за матушки Москвы да я со Камы со реки,
Со Камы со реки да Сеньки Разина сын.
Завтра батюшко приедет, дак ты умей-ко гостя встретити.
Хорошо ты гостя встретишь — кунью шубу подари́т,
Уж ты худо гостя встретишь — во тюрьму́ тя посади́т,
А и мало-то тово — так и на ви́селицу.
Ах по утру во полдёнь да красно солнышко пекёт,
Ах по Камы по реки да лёкка ло́дочка бежи́т,
И всем-то лодка изукрашена,
Да молодцами ведь эта лодка изусажена.
В этой лодочке гребцов да си́дит со́рок молодцо́в,
Посреди-то этой лодки Сенька Ра́зин сиди́т.
Как гренули, прихватили прямо к губернатору на двор,
Не успел-то губернатор Сеньки встретити,
Ах посадил-то Сенька Разин губерна́тора в тюрьму́,
Мало-то тово — ево на ви́селицу́.

LIV

ГЕОРГИЕВСКАЯ

вдотья Васильевна Георгиевская, супруга кенозерского иерея о. Никиты и дочь прежнего иерея о. Василья Кенозерского. Родилась и всю жизнь провела на Кенозерском погосте; ей лет под 40. Выучилась былинам от крестьянина — „шведа“ из Масельги Лекшмозерской (Лекшмозеро лежит к югу от Кенозера в Каргопольском уезде), который по зимам живал для портняжных работ в доме ее отца. По словам Георгиевской, причина, подавшая ей повод усвоить себе былины, состояла в том, что ее отец, отличавшийся особенною суровостью характера, запрещал своим дочерям петь хороводные и другие веселые песни, которые он называл греховными, и заставлял их петь божественные стихи. Вместе с такими стихами она от скуки выучилась и былинам, которых знала в молодости гораздо больше, чем теперь.

277

ХОТЕН БЛУДОВИЧ

Было на пиру две почестных вдовы:
Первого была Садового жена,
А другá была вдова да Огорóдникова.
Наливала вдова да Огородникова
Еще чарочку да зелена вина,
Подносила вдовы да Садового жены:
— Уж ты пей-ко, вдова да Садового жена!
Как буду я тебе да слóво говорить,
А слово говорить да буду свататься.
У меня-то есть Фадеюшко Игнатьевич,
У тебя-то есть да лебедь белая,
Лебедь белая да одинáкая дочь.
Уразила вдова да Садового жена
Она чарочку да о сыру землю:
— Ты не хвастай-ко вороной погумённою,
Пусть-ко ворона полетае по загýменьям.
И отправилась вдова Огородникова,
И встречает ей Фадеюшко Игнатьевич.
— Что же ты, родитель моя маменька, не вéсело идешь?
Разве местечко да не по вотчины,
Али чарочка тебе да не рядом дошла,
Али пьяница тебя да обесчестила?
— А й же ты дитятко да моё милое!
Мне-ка мистечко было по вотчине,
И мне-ка чарочка да ведь рядом дошла,
Пьяница меня не обесчестила.
А что же ты родился нехорóш непригож:
Красотою бы родился в Олёшеньку Поповича,
А походочкой бы родился в Чурила Плёнковича,

А поездочкой да в Илью Муромца,
А богатьством да в Дюка Степановича.
— А й ты родитель моя матушка!
Ты ложись-ко на кроваточку тисовую,
А на ту ли на перинку на пуховую,
Пусть-ко дикой-от хмель да выкуряется.
Как наедет-то к тебе да лебедь белая.
Как садился Фадей да на добра коня
Да берёт-то Фадей полура́товьё.
Приехал Фадей ко той ли ко вдовы да ко Садового жены,
Как задел-то Фадей да полуратовьём,
Сини новые да пошаталисе,
А крылечушко да приломалисе.
Выходила тут да лебедь белая:
— А й же ты ворона погумённая!
Летала бы ворона по загу́менью.
У меня-то есть да де́вять братов,
Как стоят они да во чисто́м во поли́,
А тебя-то, вороны, дожидаются.
Как поехал Фадейко во чисто́ поле,
А задел-то Фадей да полуратовьём.
Как убил-то Фадеюшко пяти́ братов,
А остатние братья помирилися
Да Фадеюшку в ноги поклонилися:
— Ты бери́-тко с нас да золотой казны.
Уж как вта́кнул Фадей да полуратовьё:
— Насыпайте-тко мне да полуратовьё.
Они пять-то сажен да насыпали,
А три-то сажени не дохва́тило,
И пошли они к Чурилушку займовать.
Говорил им Чурило таково слово:
— Не давайте Фадею золотой казны,
А отдайте за Фадея сестру родную.
Говорили они Фадею таково слово:
— Не бери-тко с нас да золотой казны,
А возьми-тко за себя лебедь белую.
И на то Фадей да соглашается,
Заезжает к вдовы да Садового жены,
Он берет себе да лебедь белую,
Лебедь белую да одинакую дочь,

Он привозит ко родители ко матушки:
— Уж ты матушка да моя родная!
И вот тебе привез я лебедь белую,
Лебедь белую да одинáкую дочь.

Записано на Кеноозерском погосте, 16 августа.

278

ДАНИЛО ИГНАТЬЕВИЧ

Гулял молодец загуливал,
Загулял он к королю в Литву.
Полонил его король и стал выспрашивать:
— Ты коей земли, да ты коей орды,
Какого отца да ты коей матери?
— Уж как есть да со тиха́ Дону,
Со тихого Дону есть донской казак,
Да Данило сын Игнатьевич.
Полюбил король да добра молодца,
За однем столом да хлеба кушали,
С одной чарочки пили сладкой водочки,
А жил молодец да то тринадцать лет,
Еще стал молодец да он стал погуливать,
По царевым ко́бачкам да он похаживать,
А королевским жи́тьем он похвастывать.
— Как жил в королевстве тринадцать лет,
Со той прекрасной королевичной двенадцать лет.
Как стали к ко́ролю вести донашивать,
Говорил король да таково слово:
—Палачи, палачи да немилосливы!
Отыщите Данилушку Игнатьева,
Отведите к болотичку Куликову,
А й на ту ли на плашечку на липову,
Отсеките Данилу буйну голову.
Отыскали палачи ево, Данилушку,
Вели-то ево да ко болотечку,
Говорил-то Данило таково слово:
— Проведите меня по короле́вству,
Позвольте-ко спеть да песню новую,

Песню новую да ведь победную.
Как вели палачи по королевеству,
Запевал-то Данило песню новую,
Песню новую да ведь победную:
— Как во этом-то садичке погуляно
Да со той со прекрасной королевичной,
И попито-то было да й поедено.
Услыхала прекрасна королевична,
Не разбирала она частых мелких да лесенок,
Выпадала с окошечка косерчату
И бежала ко родителю ко батюшку.
— Уж ты батюшко мой родненький!
Не секи-тко Данилы буйной головы.
Говорил отец да таково слово:
— Ты бежи-тко к болотечку Куликову.
Если можешь застать жива да добра молодца,
Не казните ему да буйной головы.
Еще брала она два ножичка булатние,
Отправлялась к болотечку Куликову,
И не застала жива да добра молодца.
Ена втакну́ла ножечки в сыру землю,
А ко ножечкам сама да выговариват:
— Где тут пал да пал ясён сокол,
Тут пади-тко пади да лебедь белая.
Она пала на ножечки, скололасе.

Записано там же, 16 августа.

279

ДЮК

Из Волынца-то города из Да́леча,
Из Волын-земли было богатые
Не ясён ли соколичек выпархиват,
Как не Дюк ли на бурушке выезживат,
Он на сивушке да он на бурушке,
Он на маленьком да на косматеньком.
Еще шерсть-та у бу́рка ровно трёх пятей,
Уж как грива у бурка ровно трёх локот,
Уж как хвост у бурка ровно трёх сажен.
Из кольца да в кольцо да завивается,
Из замочка в замочек замыкается.
Поезжает-то Дюк да во чисто полё,
А Дюку матушка да ведь наказыват,
Государыня Дюку выговариват:
— Уж ты Дюк, ты Дюк, да Дюк Степанович!
Ты не езди, Дюк, да во чисто полё,
Ты не бей-ко уда́лых добрых молодцев,
Ты поезди-ко, Дюк, да ко синю́ морю,
А на те ли-то тихие на заводи.
Уж ты бей-ко пали́ да гусей, лебеди,
Серу малую заморскую да утушку.
Дюк-от матушки да он послу́шаёт,
Он седлаёт уздаёт добра коня,
Он и уздицю кладёт тесмяную,
Да седёлко кладёт да Дюк черкальское,
А подпруги кладёт да Дюк шелковые,
Еще славного шолку шемахинского.
Как поехал-то Дюк да ко синю морю,
Да на те ли-то тихие на заводи,

Еще нет-то ни гуся да ни лебеди,
Нет ни серыя заморския да утушки.
Он палил-то стрелял да в бела заюшка,
Он повыстрелил да ровно тридцать стрел,
Еще тридцать-то стрел, ровно три стрелочки.
— Тридцати-то стрелам да цену ведаю,
Уж я трём-то стрелам цены не ведаю,
Еще чем-то стрелки были дороги,
Чистым се́ребром стрелки изнаве́дены.
Как не тем-то стрелки были дороги,
Как из камешка были драгоценного,
А и не тем-то стрелки были дороги,
Разве тем эты стрелки были дороги,
Как из перышка были из орлиного
Еще славного орла да из чиста поля.
Поезжает-то Дюк да во чисто́ поле
Ко тому ли ко белому ко шатрику.
На шатричке подписочка подписана:
— Кто во этой-от шатёр зайдёт, тому убиту быть.
Богатырскоё сердце не удро́гнуё,
Богатырская кровь да разгореласе,
И пришол это Дюк да во белой шатёр,
Он и крест-от кладёт да по-писа́ному,
Он поклон-от ведёт да по-учёному,
Он бьёт-то челом да поклоняется.
А сидит тут старо́й да хлеба кушаёт,
И говорил-то старо́й да таково слово:
— А й же ты удал доброй молодец!
Ты на что идёшь да во белой шатёр?
Как на ша́тричке-то написано?
— Я зашёл к тебе, старой, роспроситисе.
— Ты куда едешь, куда путь держишь,
Ты коей земли, да ты коей орды,
Какового отца да ты и матери,
Еще как тебя зовут на имя, на отечество?
— Как есть я из Волынца города из Да́леча,
Из Волын-то земли да из богатые,
Уж я Дюк-то Дюк да Дюк Степанович.
— А й же ты молодой Дюк Степанович!
Мы поедем с тобою да силой пробовать,
А розъедемся мы да по чисту́ полю.

Говорил это Дюк да таково слово:
— Ты скажись-тко, да ты поведайся,
Ты коей земли, ты коей орды,
Какого отца да ты и матери,
Еще как тебя зовут на имя, на отечество?
— Уж как есть-то есть да со тиха́ Дону,
Со тихого-то Дону есть донской казак,
А донской-то казак да Илья Муромец.
Говорил это Дюк да таково слово:
— Как одно-то на́ небе да красно солнышко,
А один-то на́ Руси да Илья Муромец.
Я не еду с тобой да во чисто́ полё.
Еще это-то слово показалосе,
За одним-то столом да хлеба кушали,
Из одной-то чарочки пили сладку водочку.

Записано там же, 16 августа.

280

ПТИЦЫ

Ди-ди-ди-ди отчего же зима становилась?
Становиласе зима да от морозов,
От зимы становилась весна́ красна,
От весны становилось лето тёпло,
А от лета становилась богатая осень.
Из-за синего Дунайского моря
Налетала малая птица певица.
Садиласе птица певица
Во зеленой да во садочек,
Ко тому ли ко белому шатрочку.
Налетали малые птицы стадами,
Садилисе птички рядами,
И в одну сторону да головами,
И начали птицу пытати:
— А й же ты малая птица певица!
И кто у нас за мо́рем бо́льшой,
Кто за Дунайскием меньшой?
— На море колпик-от царик,
Белая колпица царица.
На море гуси бояра,
А лебедушки были княгины.
На мори рябчик стряпчой,
На́ мори жера́в перевощик:
Ножки беленьки тоненьки,
Штаники синеньки узеньки,
По́ морю ходит и бродит,
Штаничков не омочит,
Кажную птицу перевозит,
Тем свою голову кормит.

На мори дятел-от плотник,
Кажное дéрево пытаёт,
С тово ради сыт пребываёт,
А ластушки были девицы,
Утушки молодицы,
Чаюшки водоплавки,
Гагары были рыболовки,
Много-то рыбы наловили;
Рыба на горы не бывала,
Крестьяны рыбы не едали,
Всё она крестьян розоряёт,
С того ради сыта пребываёт.
А синочка она худая,
Часто милая она хвораёт,
Долго она не умираёт.
Роботы роботáть не умеёт,
Казаков нанимать она не смыслит.
А ворона богатая птица:
В летнюю пору по суслонам,
А в зимную пору по омётам,
Всё она крестьян розоряёт,
С тово ради сыта пребывает.
А воробьи были царские холопы,
Кольё-жердьё подбирают
И загороды подпирают,
Всё они крестьян розоряют,
С тово ради сыты пребывают.
А голубь-от на мори попик,
А голубушки попадьюшки,
А сорока кабацкая жонка,
С ножки на ножку ступаёт,
Черные чёботы топтаёт,
Высоко чéботы топтает,
Удалых молодцов прелещаёт.
Петушки козачки были донские,
Имеют по хозяйки и по две,
По целому да по десятку,
И не так, как на Руси крестьянин,
Одну-то он женку имеет,
И той нарядить не умеет,
А бить-то ей бедной не смеёт.

Курица победная птица,
По улице ходит и бродит.
Кто ведь ей изымáёт,
Всяк яйца у ей пытаёт.

Записано там же, 16 августа.

LV

МАТРЕНА МЕНЬШИКОВА

Матрена Григорьевна Меньшикова, крестьянка лет около 40, подруга Георгиевской, с которою росли вместе; уроженка дер. Якимовой на Кенозере, ныне замужем в соседней деревне Горке. Выучилась петь былины от своего отца. Ее отец, так же как и сын, грамотные; сама она грамоте не знает. Она поет, таким же складом как былины, „старину“ про Иову и Мару (в переводе Щербины), вовсе не делая различия между этою песнью и настоящими былинами. Меньшикова знает, кроме печатаемых здесь, былины про Добрыню и Маринку, про молодость Чурилы и Молодца и королевну. Про Садка купца богатого она рассказывает словами, изредка переходя к стихотворному складу, вариант, одинаковый по содержанию с напечатанным выше под № 70.

281

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ГОЛИ КАБАЦКИЕ

Ото стольнего города Киева
Ко славному городу Чернигову
Пролегала дорога-путь широкая.
В ширину та дорожка двадцати сажён,
А в долину та дороженка не бывана,
А боем та дороженка не выбита.
И по той дорожке прямоезжия
Идет тут калика перехожая.
Ён волосом бел, а бородой седат,
А гуня на калики сорочинская,
А трунь на калики трипетова,
И шляпа у калики шестьдесят пудов,
И костыль у ка́лики девяти сажон,
И клюхой идё калика подпирается,
И под им мать земля вся колубается.
И заходит калика на царев кабак,
А по ка́баку калика та похаживал,
С ноги на́ ногу калика переступывать,
Все дубовые половки подгибалися.
Говорит чумакам он целовальникам:
— Отпустите вина мне полтора ведра.
Говорят чумаки-де целовальники:
— Как не во что старому те верити.
Муниця на тебе ведь веретно́м тряхнуть.
— А берите в заклад у мня чуден-крест,
Золотого крест червонного золота,
А весу́-то крест тя́не пол-сема́ пуда.
Не смеют за крёст оны принятися,
Не смеют ему дати зелена вина.

Как он вышел на площадь на торговую
И скрыкнул-де калика зычным голосом:
— Собирайтесь-ко все голи до единого,
А купите вина мне полтора ведра,
А опохмельте калику перехожего.
Собиралися голи до единого.
Как собрали калики да по денежки,
И мало того — по копеечке,
И купили калики полтора ведра.
И принял калика единой рукой
И выпил калика на единой вздох,
И у́же сам говорит ён таково слово:
— Не напоили старика, лишь роззадорили.
Как шол ён ко погребу княженецкому,
Ён ведь замочки руками-то отщалкивал,
А двери колоды вон выпинывал.
И заходит во погребы княженецкие
И берё бочку сороковку под пазуху,
Дру́гу сороковку брал под другую,
А третью-ту бочку ён ногой катил.
И выходил на площадь на торговую
И скрыкнул-де сам он зычным голосом:
— Собирайтесь вы голи до единого!
Пейте-тко, голи, зелено вино,
Зеленого вина вы пейте до пьяна.
Собиралися голи на площадь торгову́ю́,
Пили-де голи зелено вино,
Зелено вино да пили до пьяна.
Туто все голи напивалисе,
Напивались голи, упивалисе.

Записано на Кенозере (дер. Немятова), 16 августа.

282

ХОТЕН БЛУДОВИЧ

Как во стольнем городи во Киеви
И у ласкова князя у Владимира
Хо́рош заведен да был почестной пир
На многие князи пир на бояра,
На все сильни могучие бога́тыри,
На все поляницы на удалые.
И было-де на том на почестном пиру
Славна богата Часо́венна вдова,
Другая вдова-де была Збудова.
Так эта ведь Збудова вдова
Ена наливала чару зелена вина,
Подносила ту чару славные богатые Часовенной вдовы:
— Выпей-тко ты, славная богатая Часовенна вдова.
— И я же ведь теперь не у тебя в гостях.
— А есть у меня премладый Фотеюшко Збудовича,
А у тебя есть единка та Часовенна.
И отдай-ко ты Чединку за Фоте́я заму́ж.
И она хлоп по подносу и стокан у́летел,
И так-де вдову ведь обесчестила,
И одва вдовица и пир кончала,
И не весела вдова приезжала домой.
И встречае Фотей да родну матушку:
— Ты свет государынь моя матушка!
Разве место те было не по вотчины,
Разве винная чара да не рядом дошла,
Разве пьяница тобою осмеялась,
И безумница да слово молвила?
— Ты премладыи Фотеюшко сын Збудович!
И место-то мне было по вотчины,

И винная чара мне рядом дошла,
И пьяница та мной не осмеялася,
И вдова та меня и прибесчестила.
Я за тебя, Фотеюшко, посваталась
И у славные богатые Часовенной вдовы.
Ена хлоп по подносу и стакан улетел.
Говорил Фотей да родной матушки:
— Свет государынь моя матушка!
Я насмешку эту отсмеюсь.
Говорит слуги он своей верные:
— А й слуга ты моя верная!
Поди на конюшню на стоялую,
Выбирай-ко ты двух добрых лошадей,
И седлай-уздай да скоро-на-скоро,
Скоро-на-скоро и крепко-на-крепко,
И не ради красы-басы молодецкие,
Ради крепости да богатырские.
И шол слуга на конюшню на стоялую,
Ен седлал-уздал да двух добрых лошадей,
И не ради красы-басы молодецкие,
Ради крепости да богатырские.
И поехал со слугой он в стольний Киев град
И заехали ко вдовы да во широкий сад,
Приломали, притоптали, всё притравили.
И вдовы-то дома не случилосе,
И одна Чадинка пригодиласе.
Выходила на балхончик на точеные,
Сама говорила таково слово:
— И что за невежа появиласе,
И над нашим домом насмехается!
У Фотея-то ратовьё шести сажён,
Ён-де хлопнул по балхончику точеному,
И балхончик точеный весь рассыпался.
И приезжала вдова-де на широкий двор,
Говорит Фотей да таково слово:
— Вот те, славная богата Часовенна вдова,
И обсыпь-ко это ратовьё ты золотом,
И не увезу Чадинки за себя замуж.
Сам уехал Фотей да во чисто полё.
И роздёрнул Фотей да тонкой бел шатёр
И сказал слуги он своей верные:

— Как появится силушка из Киева,
Ты буди-ко меня да скоро-на-скоро.
Эта славна богата Часовенна вдова
Она начала сбирать да злато серебро
И обсыпáть это ратовьё шести сажён.
И пять она сажен ведь насыпала,
И шестой сажени ведь нечем насыпать.
И выехала она ведь в стольней Киев град,
И сама говорила таково слово:
— А й мужики вы все мне должные!
Ваши головы все запоручены.
А поедьте, мужики, вы во чисто полё,
Убейте Фотеюшка в чистом поли,
Я всех мужиков вас во долгах прощу.
Она справила, срядила семи сы́новьёв,
И появиласе силушка из Киева.
Да будит слуга Фотеюшка Збудовича:
— А вставай, Фотеюшко Збудович!
Появиласе силушка из Киева.
И вставае Фотеюшко Збудович
И нараз зашиб он всех семи́ сыновьёв.
— И вас, мужики, не трону я не единого,
Ваше дело поневольнёё.
И приехал Фотéй ко вдовици на широкой двор
И скрыкнул-де Фотей да зычным голосом:
— Неси, вдова, записи закладние,
По которым золота казна роздóвана.
И несла-де вдóва записи закладние,
По которым золота казна раздована.
Роздал Фотеюшко эти записи,
И все мужики поехали да кланялись.
— Как спасибо, Фотеюшко Збудович!
И взял ту Чадинку Часовенну
И увел ту Чадиночку замуж за себя.
Привозил Фотей ей к родной матушки:
— Свет государынь моя матушка!
Эту насмешку ты ей отсмейся,
И втрое ты, вдвое да и впятеро,
Хоть в портомойницы клади, хоть в беломойницы.

Записано там же, 16 августа.

283

ЩЕЛКАН ДУДЕНТЬЕВИЧ

А на стуле на бархате,
На златом на ременьчатом
Сидел тут царь Возвяг,
Возвяг сын Таврольевич.
Ен-де суды рассуживал,
Все дела приговаривал
И князьев, бояр жаловал
Селами, поместьями,
Городам с пригородками.
И Хому дарил Токмою,
И Ерёму — Новым-городом.
И Щелканушка дома не случилосе,
И уехал Щелканушко
Ён во землю жидовскую,
Ён для чёртова правежу
Ради дани и выходу.
Ён-де с поля по колосу брал,
С улици по курици,
С мужика по пяти рублей.
У кого-де пяти рублей нет,
У того он жену берёт.
У кого как жены-то нет,
И того самого берет.
Как у Щелкана не выробишься,
Со двора вон не вырядишься.
Как приехал Щелканушко
Из земли из жидовские
Ко царю на широкой двор:
— Токо токо ты царь Возвяг,

Царь Возвяг сын Таврольевич!
И ты су́ды россуживал,
Все дела приговаривал.
Всех князьёв бояр жаловал
И селами поместьями,
Городам с пригородками.
И Хому дарил Токмою
И Ерёму — Новым-городом.
Подари-тко, Щелканушка,
Ты любимого зятюшка,
Ме́ня Тверию городом,
Ме́ня Тверию славною,
Меня Тверью богатою.
Двума братцами родными
И князьём благоверными,
И Борисом Борисовичом
И Митриём Борисовичом.
Говорит ему царь Возвяг:
— Ты, любимые зятюшко,
Щелкан сын Дудентьевич!
Заколи́-ко чада малого,
Своего сына любимого,
Ты Гордея Щелкановича.
Нацеди́-ко ты чашу руды,
Токо чашу серебряную;
Выпей ту чашу руды,
Стоючи́сь перед Звягой царём,
Перед Звягой Таврольевичем.
Токо взявши Щелканушко
Заколол чада милого,
Своёго сына любимого
И Гордея Щелкановича.
Нацедил же ён чашу руды
Токо чашу серебряную,
Выпил ту чашу руды,
Стоючи́сь перед Звягой царём,
Перед Звягой Таврольевичем.
Подарил ёго царь Возвяг
Ёго Тверию городом,
Ёго Тверию славною,
Ёго Тверью богатою,

Двума братцами ро́дными
И князьём благоверными
И Борисом Борисовичом
И Митриём Борисовичом.
И поехал Щелканушко
И заехал Щелканушко
Ко родной сестры проститися,
Токо к Марье Дудентьевной:
— Ты прощай, моя ро́дна сестра̀
Токо Марья Дудентьевна.
— Ты прощай же, мой ро́дной брат,
Ужо по́ роду ро́дной брат,
По прозванью окаянной брат.
И кабы́ ти уехати
И назадь не приехати.
Ка́бы ти самому на ножи́ остыть
И на сабли на вострые.
И уехал Щелканушко
Еще сам голово́й вёршил.

Записано там же, 16 августа.

LVI

ЛОСКУТОВА

Марья Семеновна Лоскутова, крестьянка-вдова, дер. Горка, лет 60 от роду. Былинам научилась от своего отца, который, по ее словам, пел очень много и между прочим знал большую былину про Михайлу Пòтыка, ею теперь забытую. Кроме былин, здесь помещаемых, она пела отрывки из былин про молодость Чурилы и про братьев-разбойников и сестру.

284

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВИЧ

Был у вдовы единый сын,
Был Василий сын Буслаевич,
Ходил Василий на великий пир.
Все на пиру да напивалисе,
Все на пиру да наедалисе,
Все на́ пиру да приросхвастались.
Васильюшко да тем похвастыват,
Кабы биться-рубиться со Новым градом,
Со тем ли новгородским новым старостой.
Сделали залоги ты великие,
Пописали записи за бо́ле того,
Что заутра́ Василью стать да на великий бой,
Биться-рубиться со Новым градом.
Пошол Василий с пиру ведь не весел ён, не радошен,
Буйну голову да пони́зил он Васильюшко.
Встречае ёго родна матушка:
— Что ты, Васильюшко, с пиру́ идешь
Да не весел ведь, не ра́дошён?
Место тебе было не по разуму,
Ли рюмка тебе не рядом пришла,
Али пьяница да осмеялася?
Говорит Васильюшко да родной матушки:
— Мне место было да по разуму,
Мне рюмочка да ведь ряду́м пришла,
Мною пьяница не осмеялася.
Сделали мы записи великие
Со тем ли новгородским новым старостой,
Что заутру мне стать Василью на великий бой.
Говорит же ёму родна матушка:

— Не за дело, Васенька, примаешься.
Ужо где те биться со Новым градом,
Со тем ли новгородским новым старостой.
Ёна брала мису злата серебра,
Другую брала скатня жемчугу,
Пошла ёна да к новгородскому да новому старосты:
— Ты новгородские да новой староста!
Ты возми-тко мису злата серебра,
А другу́ бери да скатня жемчугу,
Оставь моево да сына родного.
Говорит же новгородский новый староста:
— Мне не надо миса злата серебра,
Не надо мне другая скатня жемчуга,
Надо мне Васильева головушка.
Приходила ёво родна матушка,
Брала Василья за белы руки,
Поводила Василья во чисто́ поле,
Посадила Василья во глубо́к погреб,
Решоточкой задернула железною,
Чтобы не выйти Васе да не выехать.
Как девочка, её служаночка,
Со дубовыем да со ведёрышком
Пришла к Василью во ту погребу,
Говорила Василью таково слово:
— Ты Василий сын Буславьевич!
Ты сидишь да ведь во погребе.
Как идё да шум да гром да во Новом гради,
Как твои ты дружинушки хоробрые
Как тебя Василья дожидаются:
Еще где у нас да славной воин есть,
Славный воин-от Василий сын Буславьевич?
Говорит же девочки служаночки:
— Ты отдерни-ко решоточку железную,
Выпусти Васильюшка на белый свет.
Как отдернула решоточку железную,
Выходил Васильюшко на белый свет,
Ухватил Васильюшко черлёный вяз,
Пошол Василий по Нову́ граду.
Еще стал Васильюшко помахивать,
Как куды махнёт — так туто улица,
Назадь отмахнет — переулочек.

Ён прибил всю силу богатырскую,
Не оставил силы он на семена.
Как прослышала да ёго родна матушка,
Выходила она на крылечко на перёное,
Кричала она да зычным голосом:
— Ах ты Василий мой да сын Буславьевич!
Сокроти-тко свою силу богатырскую.
Ён идёт ко мосту то ко во́лховскому,
Идё старичищо-то Угрюмищо,
На головы несе колокол да стопудовые,
У колокола язык двадцати пудов.
Говорит старичищо-то Угрюмищо:
— Молодоё ку́ро, не попа́дай мне,
Молодоё ку́ро, не попорхивай.
Как хватил Василий он черлёной вяз,
Теснул Василий по буйной главы,
Слетел колокол да стопудовые.
Ухватил язык-от колокольние,
Зашиб старичища с одного́ разу.
Не старичища ён убил, да крёстна батюшка.
Как прослышала ево да родна матушка,
Выходила она на крылечко на перёное,
Как крика́ла ему да сыну родному:
— Ах ты чадо, чадо мое милоё!
Ты зачем убил да крёстна батюшка,
Тебе самому да ведь така же смерть придё.
Пошол да ведь Василий во дороженку,
Как стоит же камень превелича́ющей,
Как на камешку́ подпись да ведь подписана:
— Еще кто этот камень ведь перескочит,
Так ведь богато будет жить.
Василий раз скочил, так ён не до́скочил,
А другой скочил, так тут и смерть пришла.

Записано на Кеноозере, 17 августа.

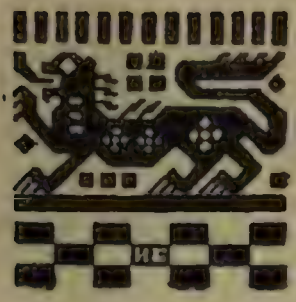
285

ДВА ЛЮБОВНИКА

Было у вдовы тридцать три́ дочери,
Да все ёны во грамоте повы́учены.
Все ёны пошли по божьим церквам,
Все ёны сказали: „боже мой,
Боже мой да помилуй нас!“
А одна бедна́ Софиюшка промо́лвиласѐ:
— Князь молодой ты Васильюшко,
Ты, Васильюшко, подви́нься сюда̀.
Брал он Софию за белы руки,
Поводил он Софию во божью церкву,
Накладали им да золоты венци.
Как проведала Васильюшкова матушка,
Да садиласе она на ворона коня,
Поезжала во Китай̀-города̀,
А на гривенку взяла зеле́ного вина̀,
А на другую взяла люта́ зелья,
Да Василью наливала люта зелья,
А Софии наливала зелёного вина.
— А Василий испивай, ты Софии не давай.
А Василий испивал, он Софии подавал,
А к утру свету преставиласе.
А Васильюшку те́шут из клено́ва дерева̀,
А Софиюшки те́шут из елу́шки молодой.
А Васильюшка несут на буйны́х головах,
А Софи́юшку несут на белы́х на руках.
А Васильюшка хоронят по праву́ю по руку̀,
А Софиюшку хоронят по леву́ю по руку̀.
На Софии выростало кипари́сное древо̀,
На Василье выростала золота́ верба̀.

А старой от идёт, так наплачется,
А посередь веку идё, надивуется,
А маленьки ребятка — те натешатся.

Записано там же, 17 августа.



LVII

ШУМАНОВ

Федор Григорьевич Шуманов, крестьянин 68 лет из дер. Тамницкой-лахты на Кенозере, по ремеслу каменотес, ослепший лет пять тому назад. Знает хорошо только одну былину, здесь печатаемую. Он ее перенял от старика Ивана Григорьева из дер. Ряпусовой, который был отличный мастер петь былины.

286

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВИЧ

И жил-то Буславьюшко сто годов,
И жил-то Буславьюшко не старелся,
И теперь-то Буславьюшко преставился.
Оставалось у Буславья чадо милое,
И премладые Вася Буславьевич.
И стал-то ли Васенька конём владать,
Конём-то владать и копьем шурмовать.
И стал-то Вася по улки похаживать,
И нелёккие шутки пошучивать,
И нелёккие шутки непомерные:
Ково за руку хватит — ручку выдернё,
Ково под ногу пнё — ножку выпинывал,
Ково в голову ударит — и в смерть убьёт.
И тут ли новгородские староста
И приносит великие жалобы
И к той ли вдовы благочестивые,
И премлады Амельфы Тимофеевны:
— Ай же ты вдова благочестивая
И премлада Амельфа Тимофеевна!
Уйми своево чада милово,
И премладова Васю Буславьева,
И много обидушку делаё.
У тово ли новгородского старосты
И хорош был заведен почестной пир
И на сильни могучи богатыри,
И на все поляници удалые
И да на все на добрые молодцы.
И как все на пиру напивалися,
И как все на пиру наедалися,

И все на пиру пьяны веселы,
И все на пиру поросхвастались.
И которой-то хвастат добрым конем,
И которой-то хвастат золотой казной,
И безумной похвастал молодой женой.
И сидит-то Василий Буславьевич
И ничем-то Василей не хвастает.
И говорит-то новгородские староста:
— И что ты, Василей Буславьевич,
И что ты ничем не похвастаешь?
— И чем мне-ка, братцы, похвастати?
Да нету у мня ведь добрых коней,
И нету у мня золотой казны,
И нету у мня молодой жены;
И похвастаю силой могучие,
Итти-то ведь биться-драться на весь Новый град
И с тем ли новгородскием старостой.
И тут-то ли они записи записывали
И к записям белы ручки прикладали,
И заутра-то итти да на Волхов мост
И биться-то драться со Новым градом,
И с тем ли новгородскием старостой.
И приезжает Василей к своей матушки
И премлады Амельфы Тимофеевны,
Он не весёл приезжает, не радошён.
Говорила ему родна матушка,
Премлада Амельфа Тимофеевна:
— И что ты ли Вася Буславьевич,
Али что ты не весел, не радошён?
Али место тебе было не по разуму,
Али цара тебе не рядóм дошла,
Али безумьица тобой осмеялась?
— Ай ты же рóдная матушка!
И место-то было по разуму,
И цара та мне ведь рядом дошла,
И безумьица мной не осмеялась.
И как все на пиру напивалисе,
И как все на пиру наедалисе,
И все на пиру поросхвастались:
Которой-то хвастат добрым конём,
А которой-то фастат золотой казной,

И безумной пофастал молодой женой.
Я похвастал-то силой могучие
Итти-то биться-драться на весь Новый град,
И с тем ли новгородскием старостой.
И повела ево да и во чисто полё,
И садила ево во темно́й погрёб,
И темной-от погрёб сорока сажон,
И навалила плиту ровно сто пудов,
И наклала кису злата серебра,
И другую наклала скатня жемчуга,
И понесла-то великие даровья
И тому ли новгородскому старосты.
— А й же новгорочкие староста!
И прими-ко великие даровья,
И отмени-ко моего чада милова,
И премладаго Васю Буславьева,
От тово ли побоища кровавого.
И говорил-то новгорочкие староста:
— А й же ты вдова благочестивая,
Премлада Амельфа Тимофеевна!
Не дорого ни злато ни серебро,
И не дорого ни скатниё жемчуго,
Тольки до́рога похвальба молодецкая.
И были дружины хоробрые,
И были слуги, были верные,
Слуги верные и неизменные,
И пошли оны да и на Волхов мост
И биться-то драться с Новым-градом,
И с тем ли новгорочкием старостой.
Оны бились ровно три ведь дня,
И эта-то девка чернавушка
И выходила на Дунай-реку,
И увидала это побоищо кровавое,
И эте ево слуги верные
И стоят оны и по колен в руды,
И буйны головки проломаны,
И платками головки повязаны.
И тут-то ли девка чернавушка
И тут-то она слезно всплакала,
И приходила она да и во чисто полё,
И во чисто полё да и во темной погрёб,

И говорила она таково слово:
— А й же ты, Вася Буславьевич!
И спишь ли ты, Вася, просыпаешься,
И над собой ты незгодушки не ведаёшь.
И твои-то слуги верные
И стоят оны да по колен в руды,
И буйны головки проломаны,
И платками головки повязаны.
И скидывала эту плиту ровно сто пудов
И выпущала Василья на святую Русь.
И выходил-то ли Вася на святую Русь,
И не попало оружьицо звериноё,
И не попало копьё бурзомецкоё,
И ратовьё да девяти сажён,
И попала оси́ща тележная.
И пошол-то ли Вася на Волхов мост,
И на то ли кроваво побоищо,
И начал-то Вася помахивать.
А куды-то махнёт — улица́ падё,
И повымахнёт — дак переулочёк.
И прибил-то народу и сметы нет.
И тот ли новгорочкие староста
И наклал-то кису злата серебра,
И другую наклал скатня жемчуга,
И понёс-то великие да́ровья
И той ли вдовы благочестивые
И премлады Амельфы Тимофеевной.
— А й же ты вдова благочестивая!
И уйми своево чада милого,
И премладаго Васю Буславьева,
И оставь хошь народу на симена.
И говорила ему родна матушка,
И премлада Амельфа Тимофеевна:
— А й же ты Василей Буславьевич!
И окроти своё сердцо богатырскоё,
И оставь хошь народу на симена.

Записано на Кенозере, 14 августа.

LVIII

АНДРЕЙ ГУСЕВ

ндрей Тимофеевич Гусев, из Заболотья на Кенозере, худеньксй, маленького росту старичок-крестьянин, 70 лет. Оставшись в детстве сиротой, выучился былинам от сторонних людей, у которых жил в работниках; потом завел себе крестьянское хозяйство, под старость впал почти в нищету. Кроме былин, здесь печатаемых, он знал, но довольно плохо, былины про Василья Игнатьевича и Батыгу и про братьев-разбойников и сестру.

287

ТРИ ПОЕЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА

А ездил-то стар по чисту полю,
Ото младости ездил до старости,
Ото старости ездил до гробной доски.
Хорош был у старого доброй конь
А батюшко бурушко косматенкой,
А й фост-от у бурушка трёх сажон,
А грива у бурушка трёх локот,
А шерсть-та у бурушка трёх пядей.
А й реки, озёра перескакивал,
А мхи-ты болота промеж ног пустил.
Поехал путём по дороженки.
На той на пути на дороженки,
На дорожки лежит сер горюч камень,
На камешки подпись подписана,
Написана подпись, напечатано:
— От камешка три дороженки.
И во дороженку ехать — убиту быть,
Убитому быть, биту, граблену.
И во другую ехать — женату быть,
А в третью-ту ехать — богату быть.
И тут-де как стар пораздумался,
А в каку ехать дорожку широкую.
И во дорожку ту ехать — богату быть?
А на что мне-ка старóму богачество?
Своево живота класть как некуда.
В дорожку ту ехать — женату быть?
На что мне-ка старóму жёнитися?
И старой-то взять — не захочется,
Молодая-та взять, дак чужа корысть.

Я поеду в ту дорожку широкую,
И во которой дорожке-то убиту быть,
А убитому быть, биту, граблену.
И поехал путём по дороженки.
И по дороженки сорок тысяч разбойников,
И тут атаман со ата́манью,
И захватили у старого добра коня.
— А сходи-тко ты, стар, со добра коня,
Давай-ко нам злата да серебра,
Давай-ко нам скатнего жемчуга.
Говорит тут стар не с упадкою:
— И ой же станичны разбойники!
У мня-то у старого взять нечего.
Уздица у мня во пятьсот рублёв,
А седёлышко-то в целу тысячу,
А батюшку бурушку — сметы нет,
Самому старику мне-ка смерти нет,
На бою мне-ка смерть не написана.
— Ой же ты старой матёрой человек!
Почему у тя седёлышко да до́рого?
— Потому у мня седёлышко до́рого,
Орлено́ было перьем орлиным.
А не тот ли орёл по горам летал,
А тот ли орёл по морям летал,
Да ушибся орёл о сыр горюч камень,
Ломал ён перья да орлиные.
Ехали купцы́ з-за синя́ моря,
Обирали эты перья орлиные,
А врезаны каменья самоцветные,
Самоцветны каменья драгоценные,
Не ради красы-басы молодецкие,
Не ради крепости богатырские,
Ради тёмныя ночки да осенние:
Ходит батюшко бурушко в чисто́м поли,
От батюшка бурушка лучи́ пекут.
— А й ты же стар матёр человек!
А много ты стал розговаривать.
Говорит же стар не с упадою,
Хватил как разбойника за ноги,
Как взял он разбойником помахивать,
Прибил ён станичных разбойников,

Убил атама́на со ата́манью.
Приехал ён ко тому ли ко камешку,
Ту ведь он подпись сорезывал,
А другую-то подпись нарезывал:
А эта-то подпись была ложная.
А пусть-ко дорожка прямохожая,
Прямохожая дорожка прямоезжая,
Прочистил Илья старый Муромец.
— Я поеду в ту дорожку, где женату быть.
Едет путём по дороженки,
А стоят терема златоверхие.
Заехал-то стар на широкой двор,
Привязал-то коня он ведь доброго
Ко тому-то столбу ко точёному,
Ко тому ли к кольцу к золочёному.
И выходила прекрасна королевична,
На ей было платье самоцветноё,
Самоцветноё платьё драгоценноё,
На денежку места рублём не купить.
Берёт же за ручки за белые,
Целуе во уста во сахарние,
Заводит ево во высок терём,
Становила столы́-ты дубовые,
А стлала-то скатерти браные,
Носила-то кушанья сахарние,
Питья носила медвяные,
Сама говорит таково слово:
— Не упивайся-то, стар, не уедайся-тко,
Черед со девицей забавлятисе.
Приводила к кроватки тисовые,
Ко той ко перинке пуховые.
— А ложись-ко, старой, ко стеночке,
Я молода на краю просплю.
— Ой же ты девица душа красная!
Да нашё-то дело дорожное,
И нашё-то дело походноё.
Ложись-ко, девица, ко стеночке,
А я ведь стар на краю просплю.
И хватил как ведь ён по серёдочке,
Уложил как ей да ко стёночке.
Кроваточка была у ней ложная,

Упала во погреб глубокие,
Глубокие погреб сорока сажон.
В тех погребах во глубокиех
Наспускано народу у ней — сметы нет:
Много царей, много царевичёв,
Много королей и королевичёв,
Много сильних могучих богатырёв.
И ключёв ён не роспрашивал,
Двери колоды ногами выпинывал,
И роспустил ён народ по своим землям,
По своим он землям, по своим ордам,
По своим отцам, по своим матерям.

Захватил он прекрасну королевичну,
Ухватил ю за ноженку
Да роздёрнул прекрасну королевичну.
И воротился старик на дороженку,
И на те росста́ни на широкие,
Да с каменя он попись ту сорезывал
Да новую ту попись сам нарезывал:
Да прочистил Илья да как дороженку.
— Да поеду я в дороженку,
Где-ка старому богату быть.
А еде старик путём-дорогою
Да наехал на дороги сер горюч камень,
Да на камешки, где попись подписана,
Насыпано злата серебра,
Отвалить старику да Ильи Муромцу,
Отобрать-де злато серебро,
Поставить три церкви, три соборные:
Пе́рвая-та церковь спасу́ пречистому,
А другая-то церковь Миколы Можанскому,
А третья-та церковь Егорью Храброму.
Отправился старик на росстани широкие
И старую-ту попись да срезывал,
Да новую ту попись стар подрезывал:
Прочищены дорожки широкие
У старика да Ильи Муромца.

Записано на Кенозере, 16 августа.

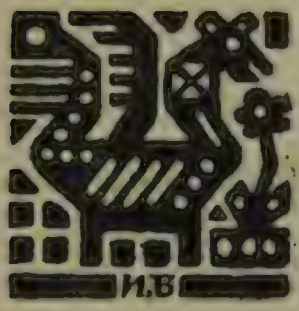
ДОБРЫНЯ И МАРИНКА

По три годы Добрынюшка столарничал,
По три годы да пивоварничал,
И на четвёртой год Добрынюшка коня седлал,
Коня седлал да со двора съезжал.
Добрынюшке матушка наказыват,
А Микитичу да наговариват:
— А поедешь, Добрынюшка, по Киеву гулять,
Поедешь, Микитич, да по славному гулять,
И не завёртывай-ко в улицы мещаньские,
А во те переулочки Маринкины.
И курва-б.... Мариночка Игнатьевна
Отравила провела да девятй молодцов,
Отравит тебя, Добрыня, во десятыих.
А Добрынюшка матушки не слушаё,
Поехал Добрюнюшка по Киеву гулять,
Заехал во улочки мещаньские,
А во те переулочки Маринкины.
А курва-б.... Мариночка догадлива,
Сама отравчивая.
У курвы у Маринки у Игнатьевной
Сидит голубок да со голубушкой
На ее на окошке на косерчатом,
А рыльцо-то в рыльцо оны целуются,
Правильныма крылами обнимаются.
А натягивал Добрынюшка ён тугой лук,
А накладываe стрелочку каленую
И стрелил в голубка да со голубушкой.
А не убил он голубéюшка с голубушкой,

А пролетела стрелка во высо́к терём,
Убила у Маринки друга милого,
Друга милого Тугарина Зми́евича.
— А поди-тко, слуга да мо́я верная,
Маринкиным богам поди не кланяйся,
Да девке Маринке ты челом не бей,
Стрелку возьми да сам во́н поди.
Пошол-то слуга да слуга верная.
Говорит-то Мариночка Игнатьевна:
— Кто застрелил, да пусть-ко сам идёт.
Розгорелось у Добрыни ретиво сердцё,
Маринкиным богам идё не молится,
И девке Мариночке челом не бьё,
Стрелочку взял да сам вон пошол.
А курва Мариночка догадлива,
Да брала ёна да свой-от вострой нож,
А срезыват следочики Добрынины
И мечё во пе́ченьку кирпичную,
Сама ко следам да приговариват:
— А горят как следочики Добрынины,
Так розгорись-ко у Добрыни ретиво́ сердцё
И розгорелось у Добрыни ретиво́ сердцё
По девки Маринки по Игнатьевной.
Маринкиным богам да и́дет молится,
Девке Маринке да челом-то бьёт:
— Здравствуй, Мариночка Игнатьевна!
Ты ли девица на выдаваньи,
А я молодец да неженат, холост,
Идешь ли, девица, за меня замуж?
И говорит-то Мариночка Игнатьевна:
— Теперь ты, Добрыня, во моих руках,
Как захочу, так и поворочу.
Обверну тебя во чисто́ поле серы́м волком,
А нет, дак во темны́ леса гнеды́м туром.
И обвернула ведь в темны́ леса гнеды́м туром.
Познала его да ведь проведала
Родитель его тётушка.
— Уж ты курва Мариночка Игнатьевна!
Теперь ты, Маринка, во моих руках,

Как захочу, так и поворочу̀.
Обверну́ тебя сорокой щекотливой,
А нет, дак кобылой водовозницей,
Вози-тко ты воду на весь Киев град.

Записано там же, 16 августа.



289

ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ

Добрынюшки матушка наказывала,
А Микитичу да наговаривала:
—Поедешь, Добрынюшка, ко риченки,
Поедешь, Микитич, да ко быстрые,
И не задумай-ко, Добрыня, ты купатися,
И не задумай ты, Микитич, да ныро́м ходить.
Добрынюшка матушки не слушаё,
Задумал Добрынюшка ку́патисе,
Задумал Микитич он ныро́м ходить.
А на бережку ны́рне, на дру́гом вы́нырне.
Налетела змея да змея лютая
А ладит Добрынюшку глотом сглотить.
И говорит-то Добрынюшка Микитич млад:
—А нагого сглотить да будто мёртвого,
Дай надеть платьё богатырскоё.
И надевае ён пла́тье богаты́рскоё,
Берёт-то же ён да саблю вострую,
Отсек у змеи да ён три хо́бота.
А на ту ли пору на то времечко,
Летит-то змея да змея лютая,
Несё ёна да красну девушку,
Сидит-то девица да причитыват
И ко своей-то косы да желто-русые:
—И моя-та коса да желто-русая
Плетена́ у родители у матушки
Во новом во высоком во тереми.
Росплета́ть станут маленьки змие́ныши
Да во тех во пещерах во глубокиех.
Розгорелось у Добрыни ретиво сердце,

Поехал за змеёй да он за лютой
Во те во пещеры во глубокие.
А эта змея́ да змея́ лютая
Да хоче его да ведь глото́м сглотить,
И убирается во пещеры во глубокие.
А во тех во пещерах во глубокиех
А наношено народу там ведь сметы нет,
Сметы нет да сме́тить не́мошно.
Сидят старички-ты — поседатели,
Сидят старушки-то — поседатели,
У грудей висят маленьки змиёнышки.
Розгорелось у Добрыни ретиво сердце,
Розбил эты пещеры он глубокие,
Прибил он ведь маленьких змиёнышков,
Роспустил он народ-от по своим землям,
По своим землям да по своим ордам,
По своим отцам, по своим матерям.

Записано там же, 16 августа.

290

ДОБРЫНЯ И АЛЕША

Во славном-то городи Киеви
У ласкова солнца Владимира
Хорош заведен был почестной пир
На многи на князи, на бояры,
На сильни могучи богатыри,
На все поляницы удалые.
А все на пиру напивалисе,
И все на почестном наедалисе,
А тут все молодцы поросхвастались:
Иной-от хвастает: „у мня дом хорош“,
Иной-от хвастает силой богатырскою,
Иной-от хвастат: „у мня платьев много“,
Иной-от хвастат отцем-матерью,
Безумный-от хвастает молодой женой.
Один молодец он не пьёт, не ест,
Не пьет он не ест да не кушаё.
Не кушаё да ён не хвастаё.
А солнышко-то наш Владимир князь
И ходит по полатам княженецкием,
А сам государь выговаривал,
Накидыват службу на бо́льшого,
А бо́льшой тулялся за среднего,
Сре́дней тулялся за ме́ньшего,
А от меньшой-то братьи ответу нет.
Накинули службу великую,
А великую службу непомерную,
А на молодца Добрыню Микитича:
Завтра ему ехать в чисто поле,
Биться-рубиться с богатырем,

С богатырем биться с Ягой бабой.
Наказывал Добрыня молодой жене:
— Послуай, моя молода жена!
Жди-тко меня ровно три года,
Другое-то жди меня три года,
И жди меня третье три́ года.
Пройдет того времечка девять лет,
На десятый год домой не жди.
Хоть вдовой живи, хоть замуж поди,
Хоть за́ князя поди, за боярина,
И за сильня могуча богатыря,
Не ходи за Олешу Поповича:
Олеша Попович — крестовой брат,
Крестовой брат он да насмешник мой.
Поехал Добрыня во чисто́ полё
А биться-рубиться с бога́тырем,
С бога́тырем биться с Ягой бабой.
Под красным-то бором стоял три́ годы,
Под крутой-то горой стоял три́ годы,
Под ракитовым кустом стоял три́ годы,
Того времечки прошло девять лет.
Ой поехал Илья славный Муромец
Ой искать он баженого племянничка.
— Ой же Добрыня Никитич млад!
И пьёшь ты, еси́, проклажаешься,
Не знаешь незгоды, не ведаешь:
Твоя молода жена замуж пошла
А й за вора Алёшу Поповича.
Поневолил ей солнышко Владимир князь.
Севодни у них рукобитьицо,
А завтра у их буде свадебка.
— Ой же родитель мой дядюшка!
Подломились у меня ножки резвые
И трёпали у меня ручки белые,
И не могу я убить-то богатыря.
Пособи-тко убить мне богатыря,
А богатыря убить мне Ягу бабу.
— Не честь похвала молодецкая
Биться двум богатырям с Ягой бабой,
А бей бабу по титкам, пинай под гузно.
И бьет бабу по титкам, пинал под гузно,

Да ведь тут же баба и умерла.
Россек эту бабу на мелки куски,
Розметал эту бабу по чисту полю,
Поехал путём по дороженки,
Ён встретил калику перехожую,
Перехожу калику переезжую:
— Ты ой же калика перехожая!
А скидывай-ко, калика, платье чёрное,
И надевай-ко ты платьё Добрынино.
Добром не даси́ — забоём возьму.
И скидыва́е калика платье калическо,
И поехал каликой перехожею.
Приехал Добрыня Микитиц млад
Ко своей ко родители к матушке:
— И здравствуй, Добрынина матушка,
А й матушка Омельфа Тимофеевна!
И дай-ко гусёлка яровчаты,
И дай же шалыгу подорожную,
Я поеду к Алёши на свадебку.
И говорит-то Добрынина матушка:
— И ой же калика перехожая!
Пришол ты, калика, насмехаешься
Надо мной бессчастной над матерью.
Потерялось у ме́ня солнце красное,
А сегодня закатился млад светёл месяц,
У Добрыни молода жена замýж пошла.
Несё ёна блюдо злата серебра,
А другоё несё скатня жемчуга,
И третьё — меди жаровически,
Поминает Добрыню Микитичу.
— И ой же Добрынина матушка!
Како́е у Добрыни было знамечко?
— Знамечко было на головушки.
Ущупала ёна знамечко.
Распекло тёплое красное солнышко,
Приехал Добрыня Микитич млад.
И несё она гусёлка яровчаты
И несё она шалыгу подорожную.
Ён поехал к Олёши на свадебку,
Приехал к Олёши на свадебку,
Ён и́грищо играл от Царяграда,

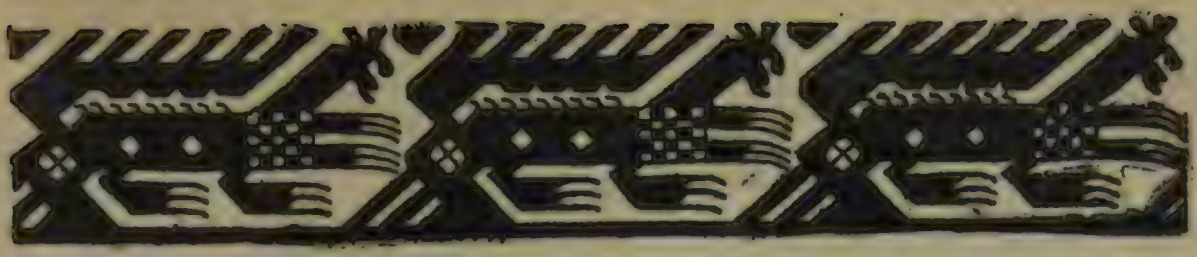
Другое играл от Ерусолима,
Третьё играе от Киева,
И похожденья выигрывал Добрынины.
Которы на пиру догадалисе
А з-зара́нья с пиру убиралисе.
И сам говорил таково слово:
— Послушай, Алёша Попович млад!
Прикажи налить чару зелена вина,
Поднести-то твоей молодой жены.
Наливали ту чару зелена вина.
С руки он спустил свой злачён перстень:
— И выпьешь до дна — увидашь добра,
Не выпьешь до дна — не видать добра.
И выпила до дна й увидала добра,
А спущон с руки-то злачон перстень.
Она говорит таково слово:
— Не тот мой муж, кой подле́ меня сидит,
Да тот мне муж, супротив меня стоит.
Хватил как шалыгу подорожную
А взял как шалыгой помахивать,
Куды он махнёт — туда улица,
Куды отмахнёт — переулочка.
А в бухканье как не слышно о́ханья,
А в охканье как неслышно бухканья,
Хватил как Алёшу за желты кудри,
Ушиб ён Алешу о сыру землю.
— Кабы ты ведь был не крестовой брат,
Я придал бы тобе скору смёртоньку.
И говорит-то Алёша Попович млад:
— И все-то у нас братцы женятся,
А не всякому женидьба издавается.
И только и Алёша и женат бывat.

Записано там же, 16 августа.

LIX

ХАРЛАМ ГУСЕВ

Харлам Андреевич Гусев, сын предыдущего сказителя. Ему лет 40. Былины заимствовал от отца. Кроме здесь помещаемых, он знал еще былины про Добрыню и Маринку и смерть Чурилы.



291

ТРИ ПОЕЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА

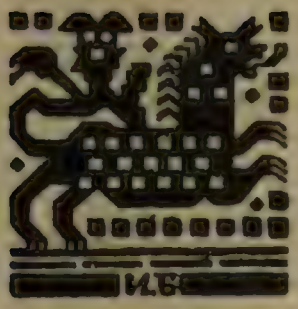
Был стар матёр человек Илья Муромец,
Был у сторого хорош добрый конь,
Реки, озёра перескакивал,
Грива-то была да трёх локот,
Да фост-от был да трёх сажён,
Шерсть-то была да трёх прятей.
Оседлал-то старой коня доброго,
Поехал во чисто полё,
Ко тому ли камешку горючему.
На камешки подпись подписана:
Во перву дорожку ехать — убиту быть,
В другу́ю-ту ехать — женату быть.
Тут-то стар пороздумался:
— На что мне старому женитися?
Старой-то взять мне не хочется,
Молодая-то взять, так чужа корысть.
Поеду в дорожку, где убиту быть,
А биту-то быть, биту, граблену.
Поехал в дорожку, где убиту быть.
Начал бурушко поскакивать,
Начал косматушко помахивать,
Он реки, озёра перескакивал,
А мхи-ты болота промеж ног пустил,
Наехал на заставу великую,
Сорок тысяч разбойников.
Атаман стоит со ата́манью,
Захватил у стара добра коня.
— Отдай-ко, старой, золоту казну.
Говорит-то старой не с упадкою:

— А й же станичны разбойники!
У мня у стара грабить нечего.
Седёлко у мня во пятьсот рублей,
Уздица у мня во тысящу.
— Почему у тебя она дорога?
— Врезываны каменья самоцветные,
Самоцветны каменья драгоценные,
Не для красы-басы молодецкия,
Для крепости богатырския,
Чтобы видно в осенние ноченьки,
Чтобы видно добра коня во чистом поли.
Еще шуба у меня во пятьсот рублей,
Шапка у меня да во тысящу.
— Почему у тебя она дорога?
— Перена она перьем орлиным.
Не того орла, кой летал по синим морям,
А того ли орла, кой летал по крутым горам,
Ударился он горючь камень,
Обломал он перья орлиные.
Ехали купцы измайловски,
Собирали перье орлиное,
Везли-то старому в подарочках.
Коню моему цены ведь нет,
А мне старику ведь смерти нет.
Хватил он разбойника за ноги,
Начал разбойником помахивать,
Начал он поворачивать.
Куда махнё — туда улушка,
Куда отмахнё — переулочёк,
Прибил он сорок тысяч разбойников,
Убил атама́на со ата́манью,
Сам ли он выговаривал:
— Пусть эта дорожка прохожая,
Прохожа и проежая.
Поеду в дорожку, где женату быть.
Начал бурушко поскакивать,
Он реки, озёра перескакивал,
Мхи-ты болота промеж ног пустил
Приехал к терему златоверхому,
К той ли стены да высокия,
К той ли башни треугольние.

Скочил он через стену высокую,
Через ту ли башню треугольнюю.
Приезжает он на широкой двор,
Слезает стар со добра коня,
Привязывал старой добра коня
К тому ли столбу да точёному.
К тому ли кольцу золочёному.
Выбегала девица душа красная,
Брала стара за белы руки,
Целовала в уста сахарние,
Проводила в полаты белокаменны,
Садились за столы за дубовые,
За те ли скатерти браные.
Приносила вина полтора ведра.
Брал старой единой рукой,
Выпивал-то старой на единый дух.
Возговорит девица душа красная:
— А й же ты стар матёр человек!
Полно пить, есть, веселитися,
Пора времечко со мной забавлятися.
Ложись-ко ты, старой, на кроваточку,
На кроваточку ко стеночке,
Я молода на краю просплю.
Говорит-то стар таково слово:
— А й же девица душа красная!
Ты ложись-ко ко стеночке,
А я старичок на краю просплю,
Потому что часто вон хожу.
Не ложится девица ко стеночке.
Хватил-то старой за белы руки,
Бросил ей на кроваточку,
Кроваточка была ложная,
Кроватка у ней провалиласе,
Сама во погреб увалиласе,
Погреба были сорока сажон.
Выходил-то старой на широкой двор,
Разломал он двери дубовые.
Выходило из погреба глубокого
Сорок царей, сорок царевичёв,
Сорок королей, королевичёв,
Сорок сильных могучих богатырей,

Простого народу и сметы нет,
Стары старички — поседатели.
Возговорит стар таково слово:
— А й же вы люди добрые!
Росходитесь по своим землям, по своим ордам,
По своим отцам, по своим матерям.

Записано там же, 16 августа.



292

ДОБРЫНЯ И АЛЕША

Во славном во городи Киеви
У ласкова солнца Владимира
Был заведен хорош почёстной пир
На многих на князей и на бояров,
На сильни могучи богатыри,
На все поляницы удалые,
На все ли татарья улановы.
Все на пиру напивалися,
Все на пиру наедалися,
Все на пиру роспотешились,
Все на пиру поросхвастались:
Умной-от хвастат отцем-матерью,
Безумной-от хвастат молодой женой,
Иной-от хвастат: „у мня конь хорош“,
Иной-от хвастат: „у мня дом хорош“,
Иной-от хвастат силой богатырскою.
Добрыня Микитич млад
Не пьёт он, не ест да не кушаё,
Не кушае Добрыня, не хвастаё.
Солнышко Владимир князь
По княженецким полатам похаживал,
Руки в карманах понашивал,
Сам государь выговаривал:
— Кому-то, братцы, ехать с утра во чисто́ поле
Биться-рубиться с богатырем,
С богатырем биться с поляницею,
С поляницею биться со Ягой бабой?
Накинывали службу великую
На того ли Добрыню Микитича.

Пошол-то Добрыня ко матушки,
Не весел идё, не радошен,
Спустил он очи ясны в сыру́ землю,
Буйну голову в плечи могучие.
Встречает родитель ево матушка,
Та ли Омельфа Тимофеевна:
—А й же Добрыня Микитич млад!
Что ты не весел, не радошён,
Спустил ты очи ясны в сыру́ землю,
Буйну голову в плеча могучие.
Разве место было не по разуму,
Разве чарка тебе не рядом дошла,
Или дворянски собаки облаяли,
Невежа тобой осмеялась?
—А й же родитель моя матушка!
Место-то было по разуму,
Чарка-та мне-ка рядом дошла,
Дворянски собаки не облаяли,
Новежа-та мной не осмеялась.
Солнышко Владимир князь
Накинывал службу великую:
Заутра́-то ехать в чисто́ полё
Биться-рубиться с богатырём,
С богатырем биться с поляницею,
С поляницею биться с Ягой бабой.
Наказывал Добрыня молодой жене:
—А й же моя молода жена,
Катеринка Микулична!
Жди-тко меня ровно три года,
Другое-то жди меня три́ года,
Третье-то жди меня три́ года.
Того времечки пройде девять лет,
На десятой год домой не жди,
Хоть вдовой живи, хоть за муж поди,
Хоть за́ князя поди, за боярина,
Хоть за сильня могуча богатыря,
Не ходи за Олёшу Поповича,—
Олёша Попович—крестовой брат,
Крестовой брат да насмешник мой.
Оседлал Добрыня коня доброво,
Поехал Добрыня во чисто полё,

Ко тому ли камешку горючему.
Начали биться с Ягой бабой.
Под серым-то камешком бились ровно три́ года,
Под красной-то со́сной друго три́ года,
Под крутой-то горой третье три́ года.
Того времечки прошло́ девять лет.
Солнышко Владимир князь
Обневолил Добрынину молоду жену
Итти за́ муж за вора Олёшу Поповича.
Севодня у их рукобитьицо,
Завтра будет у них свадебка.
Был у Добрынюшки дядюшка,
Славный-то храбрый Илья Муромец.
Оседлал он коня доброго,
Поехал и́скать он племянничка,
Нашол он племянничка в чисто́м поли,
Говорил-то ему таково слово:
— А й же Добрыня Микитич млад!
Что ты пьешь, еси́, проклажаешься,
Не знаешь незгоды, не ведаешь.
Твою ли молоду жену
Солнышко Владимирь князь
Обневолил итти за муж за Олёшу Поповича.
Севодня у их рукобитьицо,
Завтра будет у них свадебка.
— А й же родитель мой дядюшка!
Пособи-тко убить мне бога́тыря,
Богатыря убить мне Ягу́ бабу.
Возговорит дядюшка:
— Не честь-то хвала молодецкая
Двум бога́тырям биться с Яго́й бабой.
Бей бабу по титкам, пинай под гузно.
Бил он бабу по титкам, пинал под грузно,
Тут-то ей да скора смерть пришла.
Рассек он бабу на мелки́ куски,
Росшибал он бабу по чисту́ полю,
Сорокам воронам на пожра́ниё.
Сам поехал путём-дорогой широкою,
Стретил калику прохожую.
— Здравствуй, калика прохожая!
Скинавай-ко платье калическо,

Надевай-ко платье цветное,
Платьё цветно богатырскоё.
Надел калика платье богатырскоё,
Надел Добрыня платье калическо,
Пришол-то Добрыня ко матушки.
— Здравствуй, Добрынина матушка!
— Здравствуй, калика прохожая!
Несет она блюдо злата серебра,
Другое несёт скатня жемчугу,
Третьё несет меди жаровической.
— Поминай Добрыню Микитича.
Примае блюдо злата серебра,
Другое примае скатня жемчугу,
Третье примае меди жаровической,
Поминае Добрыню Микитича.
— А й же Добрынина матушка!
Како у Добрыни было знамечко?
— Знамечко было на головушке,
Кружок-от был да с копеечку.
— Погляди-ко у мня на головушки.
Поглядела у калики на головушки,
Кружок-от был да с копеечку.
Говорила она таково слово:
— Роспекло-то севодни красно солнышко,
Осветйт-то севодни млад светёл месяц.
Возговорит Добрыня таково слово:
— А й же родитель моя матушка!
Принеси мне шалыгу подорожную,
Принеси мне гусёлка муравчаты,
Пойду я к Олёши на свадебку.
Принесла она шалыгу подорожную,
Принесла ему гусёлка муравчаты.
Пошол-то Добрыня на свадебку.
Приходит Добрыня на свадебку,
Игрище игра́л от Царяграда,
Другое играл от Ерос6лима,
Третье играл от града от Киева,
От того ли от солнца Владимира,
Похожденья выигрывал Добрынины.
Которы на пиру́ здогодалися,
Те заранья с пиру убиралися.

Которы на пиру́ не догадалися,
То на пиру́ оставалися:
Оставались воры-разбойники,
Оставались голи кабацкие.
Розгорелось у Добрыни ретиво сердце,
Хватил он шалыгу подорожную,
Начал шалыгой помахивать,
Начал шалыгой поворачивать.
Куда махнё — туда улица,
Куда отмахнё — переулочёк,
Он силы прибил и сметы нет,
Говорит он Алеши Поповичу:
— А й же Алеша Попович млад!
Прикажи-ка своей молодой жене
Налить-то чару зелена вина,
Подать-то калики прохожия.
Приказал Алёша молодой жене
Налить-то чару зелена вина,
Подать-то калики прохожия.
Примае калика прохожая,
Полагае перстень со правой руки
В чару зелена вина,
Подавае Алёшиной молодой жене:
— А й же Алёшина молода жена!
Пей чару до дна, дак увидашь добра,
Не выпьешь до дна, не видать добра.
Она пила до дна, увидала добра,
Увидела злачён перстень
Мла́дого Добрыни Микитича,
Говорила таково слово:
— Не тот мой муж, кой подле́ стоит,
Тот мой муж, кой супротив стоит.
Хватил Добрыня Алёшу за желты́ кудри,
Ударил Алёшу о сыру́ землю:
— Кабы был, Алёша, не крестовой брат,
Придал бы тебе скору смёртоньку.
Столько Алёша и женат бывал.
Всякой у нас, братцы, женится,
Не всякому женитьба издается.

Записано там же, 15 августа.

LX

АНДРЕЕВА

рина Андреева, крестьянка, вдова, под 60 лет, в дер. Немятовой на Кенозере; слыхала былины от стариков и поет некоторые из них, впрочем, довольно нескладно. Кроме былин, здесь помещаемых, она пела еще общеизвестную женщинам старину про двух любовников и весьма плохой пересказ того самого варианта былины про молодца и реку Смородину, который поет Лядков (см. № 262).

293

ИВАН ГОДИНОВИЧ

А й да во славном городе во Киеве
А у ласкова князя Владимира
А й да пошло пированье почестной пир
А й да на многии князи на бояра,
А й да на сильние могучие богатыри,
А й да на все поляницы удалые.
А й летной день идёт ко вечеру,
А красное солнышко ко западу,
А й честен-от пир на весели.
А й все-то на пиру да напивалисе,
А й все-то на почестном наедалисе,
А й все-то на пиру да порасхвасталисе:
А умной-от хвастат отцем-матерью,
А й да безумный хвастат молодой женой.
Да один на пиру да все не весёл сидит,
Не весёл ён сидит, не ра́дошен.
— А й что ты, Иван сын Годинович,
Не весёл ты, Иванушко, не радошен?
Разве место-то тебе да не по вотчины,
А чара-та да не рядом дошла,
А й ли умница прибесчестила,
Аль безумница насмеялисе,
Али пьяница надрыгаласе.
— А й послушай-ко, любезный мой дядюшко!
А й умница не насмеялисе,
А й пьяница не нарыгаласе,
А во славном городи в Чернигови,
А у Митрея, гостя торгового,
Есте у него любима́я дочь,

Любимая Настасья дочь Митреевна.
Телом-то бела ёна, лицом свёрстна,
А походочка-то лани златорогие,
Щечки у неё будто маков цвет,
Брови у неё соболиные,
А глаза-ты у неё соколиные,
А дородно бы, дядюшка, посвататься.
А добром ён отдаст, я добром возьму,
А добром не отдаст, забоём возьму.
А й силушки дай колько надобно,
Золотой-то казны колько требуется.
Поеду я к Митрию свататься,
А на той ли Настасьи Митре́вичной.
А видели молодчика саждаючи,
А не видели молодчика поезжаючи.
А приехал ён в город Черниговской,
А ко тому ли то к Митрею ли гостиному,
А ко тому ли терему златоверхому,
А ко тому ли крылечку ко перёному,
А ко тому ли столбичку ко точеному,
А к колечушку к золоченому.
А й да заходит Иван во высокой во терём,
Крест-от кладёт по-писаному,
Поклоны ты ведёт по-ученому,
Да на все-то четыре сторонушки,
А й Митрею гостю в особинку.
— А й здравствуй, Митрей, торговый гость!
А приехал у тебя я посвататься
А на той ли Настасьи Митреевной.
А й добром-то отдашь, я добром возьму,
А добром не отдашь, дак забоём возьму.
Говорит тут Митрей таково слово:
— У меня про тебя и собачки нет.
А у мня Настасьюшка просватана,
А й да великие записи пописаны,
А к запися́м-то рученки прикладены,
А буйные головушки приложены.
Не много Иванушко спрашивал,
Да не долго Иван розговаривал,
Зафатил он Настасью за белы́ руки,
Да за те ли за перстни за злаченые,

Целовал во уста во сахарние,
Выходил с Настасьей на широкой двор,
А садился с Настасьей на добра коня,
А поехал с Настасьей во чисто полё.
А видели молодчика саждаючи,
А не видели, куды поезжаючи.
Выехал с Настасьей во чисто поле,
А роздернул шатёр белополотняной,
Надавал коню белоярова пшена,
Стал с Настасьей опочив держать.
А не стук стучит да не гром гремит,
Лётит тут Кощей сын Трипётович,
— А й станем, Иванушко, мы бой держать,
А кому-то будет на бою божья́ помочь.
Как ура́зил Кощея о сыру́ землю,
А ура́зил ён Иван сын Годинович.
— А й же ты Настасья дочь Митреевна!
А подай-ко ты мне булатний нож,
Стану резать пороти е́го белу грудь,
Вынимать сердечушко со печенью.
Говорит Кощей сын Трипётович:
— Не давай-ко, Настасьюшка, булатнего ножа,
А за им-то жить тебе служанкой слыть,
А за мной-то жить тебе царицей слыть.
А й женское сердце розгорелосе,
А фатила Ивана за желты́ кудри,
Уразы́ла Ивана о сыру землю.
Привязали Ивана ко сыру дубу,
А сами зашли во белой шатёр
А й стали со Кощеюшком опочив держать.
А й на этот на сы́рой на дубечок
Налетело тут два сизых голуба́,
А й голуб налетел да со голубушкой,
А носок к носку ёны́ целуются,
Правы́льными крылышками обнимаютсе.
Направливал Кощеюшко тугой лук,
Натягивал Кощеюшко калёную стрелу́,
А этая стрела Кощеюшку
Прилетела Кощею в бе́лу грудь,
Роспорола у Кощеюшка белу грудь.
А сидит тут Настасья дочь Митреевна,

Сидит тут Настасья розгорюнилась,
А й от бережку да откачнуласе,
А к другому-то не прикачнуласе.
Говорит тут Иван сын Годинович:
— Отвяжи-тко ты, Настасья, от сыра дуба,
Я не стану тебя да не бить, бранить,
Только дам тебе три грозы, три великие.
Женское сердце розгорелосе,
Отвязала Ивана от сыра дуба.
Отрезал Иван белы рученки:
— А мне-то эты рученки не надобно,
Которые обнимали Кощеюшка.
Да отрезал у нею да сахарние уста:
— А мне эти устика не надобно,
Которы целовали Кощеюшка.
А отломил у ей резвы ноженки:
— А мне эти ноженки не надобно,
Которы заплетали Кощеюшка.
Да столькы Иван и женат бывал.
А Дунай, Дунай, Дунай,
Боле вперед не знай.

Записано на Кеновере, 12 августа.

294

БРАТЬЯ РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА

А жила была да молода вдова,
Молода вдова благочесливая.
А у той вдовы было девять сынов,
А девять сынов да ясных соколов,
Во десятые да дочь любимая,
Дочь любимая да одинакая.
А приехали да на ей свататься
Да за муж за море да за морянина.
А ею отдала да родна матушка,
Поневолили ведь ро́дны братьица,
А ушла с морянином она за море,
А девять годов да не стоснулосе,
На десятой год да стосковалосе,
Стала звать просить морянина:
— А пойдем, морянин, со мной за море,
Со мной за морё да к моей матушки,
К той ли ко вдовы благочесливые.
Как шли-прошли да путь-дороженку,
А нам встретилосе девять школьничков,
Девять школьничков, девять разбойничков.
Как морянина да в море врезвили,
А моряночку да с собой взяли.
Все разбойнички да опочив держа,
А один разбойник не спит нечто,
У моряночки да стал выспрашивать:
— Ты скажись, моряночка, коей земли,
Ты коей земли да ты коей орды,
Коего отца да коей матери?
— Есть морянка из-за синя моря,

Той вдовы благочесливые.
Меня отдали да родны братьица,
Поневолила да родна матушка.
Говорит разбойник таково слово:
— Вы ставайте, братцы розбойники!
Не морянина да в море врезвили,
Не моряночку да вособо́й взяли:
В море врезвили зятя любимого,
Да вособой взяли да сестру родную.
Все разбойнички да перепалисе,
За рогатинки да пофаталисе,
Три дни, три ночи да не пиваючи,
Не пиваючи да не едаючи,
У морянина душу добываючи.

Записано там же, 12 августа.

295

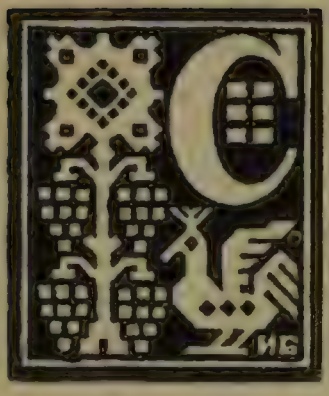
НЕБЫЛИЦА

Старина́ скажу стародавную,
Стародавную да небывалую.
Хорошо сказать, да лучше слухать.
Победна головушка бурлацкая,
Соскопилась гривна перед злыми дни.
— На кабак иду да на вино пропью,
На остатний грош да табаку возьму,
Дунай, Дунай, Дунай, вперед боле не знай.
А не курица под стопою ягниласе,
Не кобыла на лыжах прокатиласе,
Клепина в ели да белку слаяла,
Белку слаяла да деток вывела́.
Малы деточки да поросяточка
По сучкам вися да полетить хотя,
Полетить хотя да по подне́бесью.
По подне́бесью, братцы, медведь летит,
Медведь летит, сам фостом вертит.
А за плотно̀й стеной было за жарновом,
Роздралась свекрова со невесткою,
Ёна мутовками да поварёнками,
Таракан шельма̀ да ён в портки на....

Записано там же, 12 августа.

LXI

СТЕПАН МАКСИМОВ



тепан Ильич Максимов, крестьянин-земледелец и отчасти каменотес, из дер. Немятовской. Выучился былине про Илью Муромца от Трофима Романова из дер. Пирзаковской, что́ на Колодозоре (Пудожского уезда), известного сказителя, со слов которого записано 8 былин в сборнике Рыбникова (этот Трофим Романов умер в 1870 году). Прочие „старинки“ Максимов перенял дома, у своей тетки.

296

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН ЦАРЬ

Во стольном городи во Киеве
Да у ласкового князя у Владимира
Да собран-то был почестной пир
Да на многие князи всих на бояров,
Да и сильних на могучих на богатырей,
Да на их поляницу на удалую,
Да на все-то купцей-гостей торговыих.
Сам ли солнышко спотешился,
Да кого дарил он городами-то,
Да кого-то дарил и с пригородами,
Да кого-то дарил и селами-то,
Да селами-то дарил да с присёлками,
А Ильи-то подарил да шубу кунью-ту,
Да-де тот воротник соболиные.
Да Ильи-то шуба не в честь пришла,
Да не в честь пришла, не в хвалу дошла.
Да понёс-то-де шубу он на кухиньку,
Да таскал-то-де шубу он по кухиньке,
Да сам-то-де шубе приговариваёт:
— Таскаю я как шубу соболиную,
Оттаскаю змея царя Калина,
За его ль-то за кудерышка да жолтые.
И обливаю шубу зеленым вином,
И обольется-то сердцо ретивое
Да ево ли-то кровью горячею.
Да-де была тут девушка чернавушка
И доложило-то солнышку Владимиру:
— Уж ты солнышко Владимир князь!
Как и был-то Илья у меня на кухеньки,

Да таскал ён шубу как и кунью ту,
Да-де сам-то он шубы приговариваёт:
Оттаскивать ли мне князя да Владимира
И за его ли-то кудёрышка за жолтые,
Обливал-то-де шубу зеленым вином,
Сам-то ли шубе приговариваёт:
Обольется ли солнышко Владимир князь
Да своей-то ли кровью горячею
И от моих-то ли рук да от белыих.
Да россерчался-то солнышко Владимир князь
Да скричал своим да громким голосом:
— Ах вы сильние могучие богатыри!
Да отведите вы Илью да ведь во погребы,
И навалите чугунную решоточку,
И завалите дуб-колодья со все стороны,
Да заройте песками ёво желтыма.
Приезжают тут бога́тыри:
— Уж ты старые казак Илья Муромец!
Приказал нам солнышко Владимир князь
Посадить тебя в по́гребы глубокие
И навалить-то решоточку чугунную,
И завалить-то дуб-ко́лодьем со все стороны,
Да зарыть-то песочками жолтыма.
И говорит-то Илья да таково слово:
— Да-де что со мною вы поделаете?
И говорят бога́тыри таково слово:
— Да не одно ли солнышко на́ небе,
Не один ли бога́тырь на святой Руси,
Старые казак Илья Муромец.
Да выведи из неволи из великия,
Победит нас солнышко Владимир князь.
Да садился Илья да на добра коня
Да поехал Илья да и во Киев град,
Не заехал Илья во Киев град
Да поехал ко погребу глубокому.
Соходил-то с коня да он со доброго,
Да снимае седелышко черкальское,
Да снимае уздицу да тесмяную,
Да спущае он бурушка на божью́ волю.
Да спущался Илья в погребы глубокие,
И навалили решоточку, навалили

И навалили дуб-колóдье со все стороны,
Да зарыли песочками как желтыма.
Как проведала княгина да Апраксия,
Да копала-то ли копи да глубокие
Да к старому казаку да к Ильи Муромца
Да носила-то ествы сахарние
Да ставила напитки медовые.
Да сидел-то Илья да он три годика,
Да проведал-то царь-змей Калинов
Да собрал силы сорок тысячей,
Подошол ён к городу ко Киеву,
Посылае посланника строгого:
— Уж ты солнышко Владимир князь!
Ваше-то царство пожрём-попленим
И головней покатим,
А тебя-то возьмем во поварники,
Молодую-то княгину да в постельницу.
Да некому-то князя заменити-то.
Говорила княгиня-то Апраксия:
— Да иди-тко ты к погребам глубокием
Да отрой-ко песочки ты желтые.
Отвали-ко ты дуб-кóлодья на все стороны,
Отвали-тко решоточку чугунную
Да проси старика да Илью Муромца.
И говорит-то-де солнышко Владимир князь:
— Да ведь нет-то Ильи да во живностях.
Да приходит ко погребам глубокием,
Да открыл-то песочики да желтые,
Отвалил-то ли дуб-кóлодья на все стороны,
Отвалил-то решеточку чугунную
Да сидит-то Илья ведь во живностях.
И говорил-то-де солнышко Владимир князь:
— Уж ты выдь-то Илья да из погреба.
Как подступил-то змей царь Калинов
Под наш да под Киев град.
— А нет у мня силы теперь по-старому.
И приходила-то княгина как Апраксия
С сиротами да с вдовами, людьми бедныма,
Да просила-то Илью да с унижением:
— Да встань ты, Илья, да как из погреба,
Да ли выдь ты, Илья, да на святую Русь.

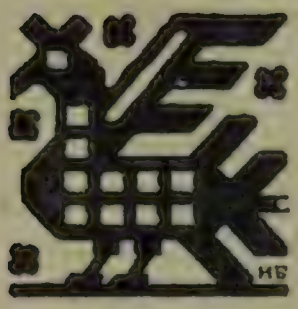
И выходил-то Илья да как из погреба
Да скрикал ён теперь да громким голосом:
— Ах ты бурушко да ты косматые!
Да накладывал уздечку тесмяную
Да накидывал седёлышко черкальское,
Да поехал-то Илья да во Киев град,
Да заехал-то Илья да на широкой двор,
Да заходит-то в полаты княженецкие.
Да встречае ево солнышко Владимир князь.
Да не одно-то ли солнышко на небе,
Не один ли бога́тырь на святой Руси,
Старые казак да Илья Муромец.
Да на эту пору да на времечко
Да является посланник и как строгие
Да и требует от солнышка Владимира,
Да и требует ево да во чисто полё.
Говорит-то Илья да как и Муромец:
— Ах ты солнышко да Владимир князь!
Принеси-тко вина да полтора ведра,
Да ты потчуй посланника строгого.
Да берёт-то посланник вино единой рукой
И выпивает ён на единый дух.
— Принеси еще вина полтора ведра.
Да берёт-то вино он едно́й рукой
И выпивает ён на единый дух.
— Принеси-тко ты да пива крепкого
Да подай-то ему да полтора ведра.
Да берёт-то-де пиво он едно́й рукой,
Выпивает на единый дух.
Говорит-то старик таково слово:
— Ах ты солнышко да Владимир князь!
Да хорош к нам приехал гостюшко,
Да выпил напитки полпята ведра.
И говорит-то старик таково слово:
— Да й отсрочьте вы время трои суточки.
Да садился Илья да на добра коня
Да поехал Илья да во чисто́ полё
Да искать-то дружины своей храбрые.
Говорит ему бурушко косматые:
— Поезжай-ко, Илья, да ко синю́ морю,
Да стоит-то дружина у синя моря,

Да служила молебные богомольние.
Да розъехался старик да Илья Муромец
И поклонился-то им с унижением.
— Да заступим мы да за Киев град,
Да не для́ ради князя Владимира
С молодой-то княгиной Апраксией,
Да для́ ради дому богородицы,
Да для́ ради вдов, сирот, людей бедныих.
И отвечает-то дружина и как храбрая:
— Ты старые казак да Илья Муромец!
Да однажды от Киева отказаны.
И воротился Илья да он ко Киеву
И приехал он к дядюшку родимому.
— Да любимый мой как дядюшка Самсон богатыр!
И пособи защитить да за Киев град
Да не для́ ради князя Владимира,
Да не для́ ради княгины Апраксии,
Да для́ ради дому богородицы,
Да для́ ради вдов, сирот, людей бедныих.
Да не много-то я да не поправился.
Да подъехал он ко городу ко Киеву.
Обступила-то сила бо́льша армия
Да ко нашему городу ко Киеву,
Да ли бьют в колоко́лы во церковные,
Проклинают старика да Илью Муромца.
И россерчался Илья Муромец
Да заехал-то в рать силу великую,
Да вынимае старик шалыгу подорожную,
Да и начал шалыгою пома́хивать.
Да куда-то махнёт — да как улица,
Да куда й отмахнёт — переулочок.
Да скричал-то ли царь громким голосом:
— Уж ты старые казак да Илья Муромец!
Да отсрочь-ко ты времени трои суточки.
Говорит-то старик да Илья Муромец:
— Да не дам-то тобе да нисколёшенько.
— Да отсрочь-ко ты мне хошь на суточки.
Да дозволил Илья да как на́ суточки.
Да-де в эту пору, в это времечко
Да копали-то копи глубокие,
Да спущали телеги ордынские,

Становили-то копья бурманецкие,
Зарывали песочками желтыма.
Да заслышал-то бурушко незгодушку
И говорит-то Ильи да таково слово:
— Да великое несчастьицо подведено.
Да на той-то дорожке на латышкиной,
Да на тех-то скоках богатырскиех
Да ли выкопаны копи глубокие,
Да ли спущены телеги ордынские,
Становили-то копья бурманецкие.
Да перву-то копь перескочим мы,
И другу́ю-то копь перескочим мы,
А и в третью-ту копь сами врежемся.
И россерчался старик да Илья Муромец
И да садился на бурушка косматого,
Да и бил-де бурушка по тучным ребрам.
И на бою-то Ильи смерть не писана.
Да поехал Илья по дорожке по латышкиной,
Да по тем-то скокам богатырскием.
Да-де первую копь перескакивали,
Да другую-ту копь перескакивали,
Да-де в третью-ту копь сами врезалисе.
Да взлетел-де бурушко косматые
Да из тех-то копей из глубокиех,
Да свалился старик да Илья Муромец,
Да схватила его сила больша армия,
И завязали ему очи ясные
И повели-то Илью да по чисту полю,
И говорит-то царь таково слово:
— Да й отправьте его да во свою землю.
И говорит-то Илья да таково слово:
— Да повесьте меня да во своей земли,
Да во славном-то городе во Киеве.
И повели-то Илью да ко виселице,
И спровожают Илью да как и Муромца
Со всема звонами-то с церковныма.
Да идет-то старик потихохонько,
Да розглядывал старик помелёхонько,
И осмотрел-то он да й богатыря,
Да который бога́тырь пил вина да пол-пята ведра,
И ухватил-то богатыря за́ ноги

Да и начал он богатырем помахивати:
Так куда-то махнёт — туда улица,
Да куда отмахнёт — переулочёк.
Да прибил-то всех до единого,
И самого-то царя да во плен ён брал
Да садил-то в засадушки во крепкие.

Записано на Кенозере, 17 августа.



297

СТАРИНА О БОЛЬШОМ БЫКЕ

Да все-то теперь разбежалися,
Да все-то теперь роскучалися
И со того со двора со боярского,
Да со того поместья государского:
— Да, князья, послушайте,
Да, бояра, послушайте,
Да мужички-ты земские,
И старички деревенские,
Да ребятушка ма́хотные,
Да крестьянушка па́хотные,
И не шумите — послушайте.
Да я вам старинушку скажу
Про тово-де большо́во быка,
Робода́новика,
У которого степи рукой не достать,
Промежду-то рогами коса́я сажень,
На рогах была подпись та книжная,
Того Василья Богда́новича,
Самого-де Робода́новича.
Да ли был Алёшенька Кутятин-от,
Да не ел ли он да ни утятинки,
Да не ел ли он ни лебедятинки,
Захотел поесть уро́слой телятинки,
Да-де собрал ён почестной пир.
И говорил-то Алёша таково слово:
— Да кто бы у мня да во честно́м пиру,
Да кто бы у мня да на ножку скор,
Да кто бы у меня да на похо́дку легок,
Да скочил бы за Москву́ за реку

Да на тот бы на боярской двор,
Ко тому бы боярину
Да к Василью Богдановичу
К самому Рободановичу?
Да был Зеновка на ножку скор,
Да был на походку легок,
Да скочил за Москву́ за реку
Да на тот ли на широкий двор,
Да к тому ли Василью Богдановичу,
К самому ён да ли Рободановичу.
Да обул-то бытца в лапотци,
Да повернул быка пятами на́ перёд,
Да сам-то быку да приговаривал:
— Да кто-то быка как увёл,
Да тому бы как безве́стно уйти.
Да кто-то быка к де́реву вязал,
Да тому бы как в то ве́зиво попасть.
Да был Алёшенька мясник,
Да были у его кулаки толсты.
И росскочился — быка палкой в лоб,
Да ткнул-де ево ножо́м в бок.
Да сдирали кожу с бычоночка,
Совивали кожу трубочкой,
Завязали кожу урывочком,
Поносили кожу кожевнику.
Ихние урывочёк срывается,
Ихна кожа розвивается,
Да собаки-ты облаяли,
Да черные вороны ограяли,
Пала кожа — дело не у́дало.
Три года в дели была,
Да серёдочка у ей повы́гнила,
Да краёчкой у ей да не осталосе,
Да-де вовсе-то кожа потерялась.
Да тому-то кожевнику
Да набили-то спи́ну кнутом
Да справили двесте с рублём,
Да двесте с полтиною,
Да полно, дело покинули.
Да не люди-ты добрые,
Да не заступы-ты крепкие,

Да не гости-ты Стро́ганые,
Да только кожевнику бы голово́й вершить.
Да та беда — не беда,
Лишь бы бо́льше вперёд не была.
Да была Марья кишочница,
Она старая харчевница.
Да состроила харчевенку,
Наварила она студенца,
Наварила она хорошого,
Да сварила она с про́росью,
Господам-то есть было с лёгостью,
Да не с того ли большого быка,
Робода́новика,
У которого сте́пи рукой не достать,
Промежду-то рогами косая сажень,
На рогах была подпись та книжная,
Тово-то Василья Богдановича,
Самого-де Робода́новича.
Да той-то Марье кишочнице
Да набили-то спину кнутом
Да справили двесте с рублем,
Да двесте с полтиною,
Да полно, дело покинули.
Да не люди-ты добрые,
Да не заступны-ты крепкие,
Да не гости-ты Стро́ганые,
Да только бы Марье и головой вершить.
Да та беда — не беда,
Лишь бы больше вперёд не была.
Да был у их Васенька,
Да был у их Васильюшко,
Да состроил он волыночку
Да на новую переладочку.
Да стал-то Васенько пощалкивать,
Да стали господа-ты посматривать,
Да стали Василья подхваливать.
— Да то-то наш Васенька,
Да тот наш Васильюшко!
Как состроил он волыночку,
Да не с большого ли быка,
Робода́новика,

Промежду-то рогами коса́я сажень,
На рогах была подпись та книжная,
Того Василья Богдановича,
Самого-де Ро̀бодановича.
Да тому-то ли Васеньке
Да набили спину кнутом
Да справили двесте с рублём,
Да двесте с полтиною,
Да полно, дело покинули.
Да не люди-ты добрые
Да не заступы-ты крепкие,
Да не гости-ты Стро́ганые,
Да только Василью и головой вершить.
Да тот-то бык стал во шестьсот рублёв,
И во шетьсот рублёв кроме становы́х костьёв.
Дунай, Дунай — больше вперёд не знай.

Записано там же, 17 августа

LXII

АНДРЕЙ МАКСИМОВ

ндрей Ильич Максимов, меньшой брат предыдущего, крестьянин-земледелец, 35 лет от роду. Знает только одну нижеследующую „старину“, которую певал его дед, живший в той же деревне Немятовой.

298

ПТИЦЫ

Из-за синего дунайского моря
Вылетела малая птица,
Малая птица синица.
Садилася птица синица
На высокое дерево калину,
Начала птица та пети,
На Руси голос подавати.
Услышали русьские птицы,
Слётались птицы стадами,
Садились около рядами,
В одну сторону да головами.
Начали птицы-ты пети,
Заморскую птицы пытати:
— Скажи-ко, заморская птица,
Всю-ту сущу правду неутайну!
Кто у вас за́ морем больше,
Кто за дунайскием меньше?
— Глупая русьская птица!
Зачем же сюда налетела,
Про синее море спросила?
Всé у нас за́ морем больши́я,
Нет за дунайскием меньши́е:
Цари — ты всé ца́ря по царствам,
Попы — ты по́пя по погостам,
Купцы, бояра по посадам,
Крестьяна живут по деревням.
Колпик был на́ мори царик,
Белая колпица — царица.
Соло́вьюшко был весели́е,

Всякие свирёла играе,
Всё ли царя спотешае.
Голуб-от на́ мори попик,
Голубушка та попадейка.
Ко́сачки — дьячки церковны.
Тетери были дьячицы,
Ку́лик — пономарь церковный,
Травник был на́ мори трапезник,
Зуй-от ли был портомойник,
Жерав-от был перевозник:
Всякую птицу перевозит,
Ноженки тоненьки доле́ньки.
Штанички были узе́ньки,
Глу́боко по берегу бродит,
Цветного платьица не мочит.
Гуси — ты на́ мори бояра,
Белые лебеди — княгины,
Ластушки были девицы,
Утушки — ты молодицы,
Се́лезни — гости торговы,
Чаюшка — та водоплавка,
Га́гара была рыболовка:
Всю-то ли рыбу приловила,
Та-то ли рыба
На го́ры не бывала,
Той-то ли рыбы
Крестьяна не едали.
Мошни́к-то на мори крестьянин,
Ко́ппала — крестьянская жонка,
Дроздь-от у их казачёнко:
Колья, жердьё подбирае,
Вы́городы подпирае.
Ястреб на мори — разбойник,
Сова-то ли был подорожник.
В де́ревни оны летают,
Великую дань собирают:
По куры берут, по другой,
Для сердия ради по четыре.
Дя́тель-от на мори плотник,
Желна́-то — церковные мастер.
Галушки были циганки,

Во́рон-от — вещая птица,
Воробушки были холопы,
Рябчик-от на́ мори стряпчик,
Пищик-от на мори писчик,
Ко́кушка — победная птица:
День она, ночь кокуе,
Детей выводить не толкуе.
Ворона богатая птица:
Зи́мой она да по гумнам,
Вёсной она по дорогам,
Осенью по суслонам.
Сорока — кабацкая б...ка
С ножки на ножку скакала,
Высоко фост залупала,
Всё молодцов прелещала.
Ку́ропоть — беспоместная птица:
Из куста в куст он и бродит,
Себе подворья не имеё.
Пе́тушки — ты казачки донские,
Те ли молодцы удалые,
По́ куры держит, по другой,
По́ другой дёржит, по четыре,
И по целому ли по десятку, —
Не так, как мужик-крестьянин:
Одну бажёну женушечку держит
И той нарядить не толкуе.
Курица — победная птица:
Кто ли ей ни изымае,
Кажный в .... ковыряе,
Всё как яйца пытает.
Кошечки были вдовицы:
День они, ночь вдовеют,
Днём-то ли спя по печуркам,
Ночью-то ходя по добычам,
Молочные крынки ломают,
За то их и бьют непощадно.
Волк-от на мори — овчинник,
Медведь-от ли был кожедерник,
Заюшко был калачник,

Лисица — лукавая свекрова:
Сделае вину́, да не скаже,
Долог фост, не наступишь.
Дунай, Дунай — боле вперед не знай.

Записано на Кенозере, 17 августа.

LXIII

ВАРВАРА МАКСИМОВА

арвара Ивановна Максимова, жена предыдущего, лет 30 от роду, уроженка дер. Шуй-лахты на Кенозере. Переняла былины от своего отца, ныне умершего.

299

КНЯЗЬ МИХАЙЛО

Женился — не спросился,
Повенчался — не сказался.
Его матушка родима
Скоро с двора спроводила,
Парну баенку топила,
Горюч камень нажигала,
Горюч камень до калины.
Выжигала мать младеня,
Мать младеня из утробы,
Завивала мать младеня
В мелкотравчату бумажку,
Кладала мать младеня
Во белодубову колоду,
Набивала на колоду
Что ты обруча железных,
Поносила ту колоду
Во Онего великое.
И как еде князь Михайло,
Вороной-от коня попялся,
Востра сабелька сломился,
Очи ясны помутились,
Из глаз слёзы покатились.
Видно, дома нездорово,
Родна матушка не может.
Ко крылечку приезжае,
Его няночки встречали,
Со слезами проздравляли.
Князь Михайло прослезился,
Во Онегушко бросился,

Во Онего великое,
Во Онего к рыболовам.
Рыболовцы рыбу ловят.
— Вы закиньте шолков нёвод,
Вы достаньте ту колоду
Из Онега великого.
Ён примае ту колоду
С горючима со слезами.

Записано на Кенозере, 17 августа.

НЕВОЛЬНОЕ ПОСТРИЖЕНИЕ

Батюшко с матушкой спор сучинил:
Батюшку надо за́ князя отдать,
Матушке надо да́ в стару́шки постричь.
— Садись-ко ты, дитятко, да на зо̀лотой на стул,
Постригём тя, дитятка, ста́рушкою.
— Дай волю, матушка, в ба́енку схожу.
— Вытопишь ты, дитятко ста́рушкою,
Да садись-ко ты, дитятко, да на зо́лотой на стул,
Постригём тя, дитятка, ста́рушкою.
— Дай волю, матушка, божатушку дождусь.
— Садись-ко ты, дитятко, да на зо̀лотой на стул,
Постригём тя, дитятко, ста́рушкою.
— Дай волю, матушка, я́ косы заплету.
— Остригём у дитятка ножницами.
Мало-по-малу да стук в крыльцо,
Стук в крыльцо да еще бряк в крыльцо,
Да батюшко идё да молода́ князя ведет.
Молодой князь идё да золоты венцы несё,
Матушка на ей да ли роспрогневаласе.
Хватила она дитятка за белы́е волоса,
Ушибла она дитятка о сыру́ю о землю.

Записано там же, 17 августа.

LXIV

ЛОСКУТОВ

едор Николаевич Лоскутов, крестьянин дер. Вершинина у Кенозера, 50 лет. Большой мастер петь божественные стихи (что̀, впрочем, не имеет для него значения ремесла). Из былин знает только нижеследующую, составляющую переход от былин к духовным стихам.

СОРОК КАЛИК

Из-за славного батюшка Царя-града,
Из-за тово ли из-за озера Маслова,
Вышло сорок калик да со каликою,
Да калики те всé были ученые,
Ученые калики были, грамотние.
Да шубы на каликах соболиные,
Подсумки у калик рыта бархату,
Да шляпы на главах земли грецкие.
Пришли эти калики ко Ясень ко рекѝ
Да резали калики по жеребью,
Метали те жеребьи во Ясень во реку.
— А й да чей у нас жеребей против воды пойдет,
Тому у нас, братцы, атаманом быть.
Да все как ведь жеребьи вниз пошли,
Один у нас жеребей против воды пошол,
Против воды пошол, будто сокóл полетел.
— Пошол жеребей Касьяна Михайловича,
Тому у нас, братцы, атаманом быть,
Податаманьем — Терентью Михайловичу.
Как сделаемте заповедь великую:
Кто скраде, своруе, за блудом пойдет,
По титкам копать да во сырý землю,
Язык-от тянуть у него теменем,
Глазá ты копать да кон косицами.
А пошли эти калики во Киев град.

LXV

ЗАВАЛ

Ефим Яковлевич Завал, крестьянин-коновал, 84 лет, из Ошёвенска (волость эта лежит к югу от Кенозера, по дороге к Каргополю). Он — старообрядец и пользуется репутациею мудреца, лекаря и чуть ли не знахаря. В качестве коновала исходил почти всю Россию от Петербурга до Кавказа, был в 20 губерниях; на старости лет поселился на родине и имеет некоторый достаток. Он мастер рассказывать сказки и шутливые повестушки, которых набрался в своих странствиях. Из старин помнит только две, которые певал его отец.

302

КОРОЛЕВИЧИ ИЗ КРЯКОВА

Как во ту было пору, во-то время,
Как во славном было граде во Крякове,
Как не белая берёза к земли клонится,
Приклоняется сын ко матери
Молодые Лука Петрович дворянской сын:
— А ой же ты матушка честна вдова,
Честна вдова Катерина Ивановна!
Ты дай мне прощенье благословеньицо
Ехать во далечо во чисто́ поле
Да ко славному морю Каспицкому,
Там стреляти гусей да и лебедей,
Серых малых пернатых утенышков.
Не дала она ему не прощенья, не благословеньица.
Выходил он на свой на широкий двор,
Выводил он коня себе бурого.
В вышину тот бурушко трёх аршин,
В долину тот бурушко трёх сажён,
Как у бурушка грива трёх аршин,
Как у бурушка чолка трёх пядей,
Как у бурушка фостик трёх сажён.
Полагал он войлоки на войлоки,
А на верх наложил седелько черкаское.
Подтягивал он двенадцать подпруг по̀д брюхо,
А тринадцатую по́д груди,
Не ради красы-басы молодецкие,
А ради крепости богатырские.
Видели доброго молодца на коня седучи,
А не видали, в кою сторону поедучи.
Выезжал он из града из Крякова,

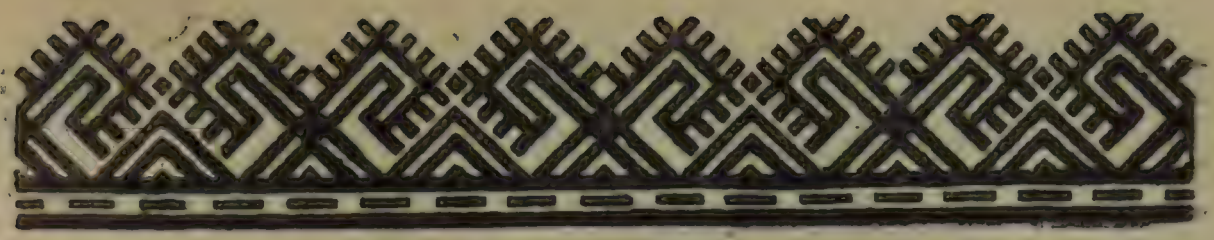
Он бьет коня по тучным бедрам.
Как конь его разгорается,
От земли его конь отделяется,
Он пошол выше лесу стоячего
А ниже облака ходячего.
Он реки, озёра перескакиват,
А мхи да болота промеж ног пустит.
Он приехал во далечо чисто́ поле,
Он ко славному морю Коспицкому.
Он ездил целый день до вечера.
Не нашол он не гуся, не лебедя,
Да не серого малого пернатого уте́нышка.
И тут говорит Лука Петрович дворянской сын:
— А ой же ты мать пресвята богородица!
Не дала мне не гуся, не лебедя,
Да не серого малого пернатого уте́нышка.
Теперь поеду ли я во те ли во́ лесы во темные,
Да во те ли то грязи топучие.
Заехал он во те ли во темны́ лесы,
Привязал коня он ко сыру́ дубу,
Он насыпал пшена белоярова,
А сам стал вынял колачик крупивчатой,
И не по множечку ножичком порушиват.
Да вдруг со восточною стороны
Не те́мной облак накатается, —
Налетел на́ дуб черно́й ворон,
Как заграял ворон по-ворониному,
Да как дуб по коренью шатается,
Говорит Лука Петрович дворянской сын:
— А ой же ты черно́й ворон!
Как я выну свой ту́гой лук из залучника,
А калену́ю стрелу из заплечника,
Натяну я свой ту́гой лук,
Я пущу в тебя, черного ворона.
Ушибёт твое черно мясо о сыру́ землю,
Потекёт твоя черна кровь во кореньё дубовоё,
Полетит твоё черно перьё по чисту полю,
Полетит твой белой пух по поднёбесью.
Во ту было пору, во то время,
Возговорит ворон по-человечески:
— А ой же ты молодый Лука Петрович дворянской сын!

Тебе ворона убить — не корысть получить,
А тебе старца убить — спасенья нет.
А лучше ты, молодый Лука Петрович,
Ты стань по утру ранешенько,
Ты до самой красной зори до утренной,
Поезжай ты во да́лечо чисто полё,
Там приедет татари́н касимовской,
Там побейся, подерись с татариным касимовским.
И во ту пору ворон невидим бысть.
Как ставае поутру Лука Петрович до зори до утренной,
Он садился на своево на добра коня,
Выезжает во да́лечо чисто́ полё,
Он раскинул шатёр белополотняной,
Как насыпал коню пшена белоярово.
Как не долго поры миновалосе,
Да как едет татарин касимовской.
Под татарином бежит белой конь,
У коня из ушей дым валит,
Из ноздрей у коня искры сыплются,
Изо рта у коня пламя́ машет.
Тут садится Лука Петрович дворянской сын,
Садится Лука Петрович на добра коня,
Поезжает противо татарина каси́мовского.
Они съехались с татарином касимовским
И ударились они палицами боёвыми.
У них палицы в руках поломалисе.
Съезжаются они во второ́и раз
И ударились они саблями вострыми.
У них сабли в руках поломалисе.
Как съезжаются оне в тре́тей раз
Да ударились они белыми ру́ками.
Как сшиб Лука Петрович татарина на сыру́ землю,
Как притиснул конь но́гой татарина к сырой земли.
Как сходит Лука Петрович со своево добра́ коня,
Садится к татарину на белу грудь,
Вынимает ножищо кинжалищо
И сам говорит таково слово:
— А ой же ты татарин касимовский!
Ты скажи, какой орды ты, какой земли,
Какого роду ты, какого племени.
Говорит татарин касимовской:

— А ой же ты удал доброй молодец!
Кабы я сидел на твоих на белы́х грудях,
Я не спрашивал бы не роду, не племени;
Я порол бы твои белы́ груди,
Вынимал бы твоё сердце со печенью.
— Да однако скажи, татарин касимовский,
Ты какой орды, какой земли,
Ты какого роду и племени.
Говорит татарин касимовской:
— А ой же ты удал доброй молодец!
Кабы я сидел на твоих на белы́х грудях,
Я не спрашивал бы не роду, не племени;
Я порол бы твои белы́ груди,
Вынимал бы твоё сердце со печенью.
В тре́тьих говорил Лука Петрович:
— Ты скажи, татарин касимовской!
Ты какой орды, какой земли,
Ты какого роду и племени?
Говорит татарин касимовской:
— Я из славного города из Крякова,
Я Василей Петрович дворянской сын.
Как ставает Лука Петрович дворянской сын
На свои на резвы ноги,
Как примает его за белы руки,
Как становит его также на резвы ноги,
Да целует его во уста во сахарние:
— А ой же ты любезной мой брателко,
Я и сам из того града из Крякова,
Молодые Лука Петрович дворянской сын.
Говорит татарин касимовский:
— А ой же ты родимый мой брателко,
Молодой Лука Петрович!
Как наехали татара касимовски
Как на славный наш на Краков град,
Отца нашего Петра смерти предали,
А меня малолетнего в полон взяли,
А ты остался от меня во качелюшки.
Тут садятся они на добрых коней,
Приезжают во славный город во Кряково.
Заезжает Лука Петрович на свой на широкий двор,
Говорит Лука Петрович таково слово:

— А ой же ты матушка честна вдова Катерина Ивановна!
Ты встречай-ко меня с дорогим гостем,
Я привез тебе в гости татарина касимовского.
Говорит Катерина Ивановна:
— А ой же ты мой любезный сын,
Молодой Лука Петрович дворянской сын!
Я и чуть не могу про татарина касимовского.
Как пленили татара наш Кряков град,
Твоего отца Петра дворянина смерти предали,
А брата Василья Петровича в полон взяли.
— А ой же ты любезная матушка,
Честна вдова Катерина Ивановна!
Я не татарина привёз тебе касимовского,
А своего я привёз братца родного,
Я Василья Петровича, сына дворянского.
Тут пошли оны в полаты белокаменны;
Там садились они за столы за дубовые,
Там веселились, пировали много времени,
А потом остались в покое и веселии.

Записано в Ошевенском, 18 августа.



303

СТАРИНА О БОЛЬШОМ БЫКЕ

А й диди диди диди дидѝ,
Князи, послушайтѐ,
Да бояры, послушайтѐ,
Да вы все, люди земскиѐ,
Мужики вы деревенскиѐ,
Да солдаты служивые,
Да ребятушки маленькие,
Не шумите, послушайте.
Да старушки вы старенькие,
Не дремлите, послушайте,
Молоды́е молодушки,
Не прядите, послушайте,
Да красные девушки,
Да не шейте, послушайте.
Да как я вам пословицу скажу,
Да пословицу хорошенькую,
Про того ли про большо́го быка̀,
Про быка Рободановского.
Да как тот ли великие бык,
Да как степи рукой не добыть,
Промежду роги коса́я сажѐнь,
На рогах подпись княжеская:
Василья Богдановского,
Да еще Рободановского.
Да как наш-от великие князь,
Афонасий Путятинской,
Да не ест он гусятинки,
Да не белы́е лебедятинки,
Да не серые утятинки,

Не индейской курятинки.
Да свинина отъеласе,
Баранины не хочется.
Захотелосе говядинки,
Да уросло́й телятинки.
Да как сам-то похаживаёт,
Да как сам-то покрякиваёт,
Бородой-то потряхиваёт.
Да как сам выговариваёт:
— Да как есть ли у меня на дворе
Да такие люди надобные.
Да сходили бы на барской двор,
Да на поместьё дворянское
По того ли по большого быка,
По быка Рободановского.
Да как был-то Зеновей слуга,
Да он часто по Волги ходил,
Да он много-то сёл там громил,
Да и тем голову кормил.
Хватил конопля́ на плетень,
Да скочил за Москву за реку
Ко двору-то боярскому,
Да к поместью-то дворянскому.
Да как свил-то ведь вязивцё,
Да как он вор догадлив был,
Быку липовы лапотци обул,
Наперёд он пятами повернул,
Да как так-то быка увёл.
Да завёл быка в рощицу,
Привязал быка к деревцу.
Да как сам-то похаживаёт,
Да как сам поговариваёт:
— Да как кто-то быка-то увёл,
Да и тот-то безвестно ушол,
Да как кто с быка ко́жу сдерёт,
Да и тот концом пропадёт.
Да как был-то Алёша мясник,
Да у него кулаки мясны,
Да у него клепики́ востры.
Да как ткнул быка палкой в лоб,
Да как ткнул клепико́м-то в бок,

Да как взял с быка ко́жу слупи́л,
Да слупил — в трубу завертел,
Завязал его вязивцём,
Да и чуть на плечо воротил.
По несчастью Алёшенькину,
По навожденью по дьявольскому,
Да как люди-те пробаяли,
Да собаки-те облаяли,
Да обстали собаки в круг,
Да лише тольки кожа кинуть с рук.
Да скочил за Москву́ за реку́,
Да как к Митьке к кожевникову.
Полтора́ годы в де́ле была̀,
Да не у́дала из де́ла вышла̀:
Да серёдочка выгнила,
По краям не осталось ничто.
Да Алёши-то мя́сникову,
Да как Митьки-то кожевникову,
Как кожи по ряда́м провелѝ,
Да кожи те кнутòм набили́,
Да как справили двести рублей,
Да по двести с полтиною,
Да еще не покинули,
Кабы не́ люди добрые,
Да не заступы те крепкие,
Да не гости те Стро́ганова̀,
Да лише только головы́ отста̀ть,
Та-то беда — не беда,
Да лишь бы боле той не была.
Да к тому ли к большому быку,
Да к быку Рободановскому,
Да были два те харчевничка,
Да молодые те поспешнички,
Да как губки обрезывали,
Да бедёрки обрезывали,
Да как сделали студеньцу
Молодую да с про́резью,
Да на здоровье и с лёгостью,
Да не на что не подумати.
Выносили на база́р продава̀ть,
Да как гости подхаживали,

Да бояра подхаживали,
Да студене́чку подкушивали,
Да как ей-то подхваливали:
Да как-то это сту́деньца
Молодая да с про́резью,
На здоровье и с лёгостью,
Не на что не подумати,
Да не тово ли большого быка
Да быка Рободановского.
Да как двум-то харчевиникам,
Да молоды́м-то поспешникам.
Да как кожи по ряда́м провели́,
Да как кожи те кнуто́м набили́,
Да как справили двести рублей,
Да по двести с полтиною,
Да еще не покинули,
Кабы не́ люди добрые,
Не заступы те крепкие,
Да не гости те Строга́новы́,
Лише только головы́ отста́ть,
Да как то-то беда — не беда,
Да лишь бы больше той не была.
К тому ли к большому быку,
Да быку Рободановскому.
Да била Марья харчевенка,
Молодая поспешенка,
Да кишочки обрезывала.
Да как их-то начинивала
Толоконцем да крупочкой,
Да лучком да и пе́речком,
Выносила на базар продавать.
Да как гости подхаживали,
Да бояра подхаживали,
Да кишочки подкушивали,
Да как их-то подхваливали:
Да как-то это ки́шечки
Молоды́е да с прорезью,
На здоровье и с лёгостью.
Не на что не подумати,
Не того ли большого быка,
Да быка Рободановского,

Да как Марьи-то харчевенки,
Да молодой-то поспешенки.
Да как кожу по рядам провели,
Да как кожу-то кнутом набили,
Да как справили двести рублей,
Да по двести с полтиною,
Да еще не покинули,
Кабы не люди добрые,
Не заступы те крепкие,
Да не гости те Строганова,
Лише только головы отстать,
Да как та-то беда — не беда,
Да как [бы] больше той не была,
Да к тому ли к большому быку,
Да к быку Рободановскому
Да был некаков волынщичёк,
Да молодой-от гудошничёк.
Да он другом пузырь доступил,
Да как сделал волыночку
Да на новую перегудочку,
Да как стал он на рынок гулять,
Да как стал он в волынку играть,
Да как гости подхаживали
Да бояра подхаживали
Да волынку послушивали,
Да как ей-то подхваливали:
Да как-то это волыночка
На новую перегудочку,
Да не на что не подумати,
Не того ли большого быка,
Да быка Рободановского,
Да тому ли-то волынщику,
Да молодому-то гудошнику,
Да как кожу-то кнутом набили,
Да как справили двести рублей,
Да по двести с полтиною,
Да еще не покинули,
Кабы не люди добрые,
Не заступы те крепкие,
Да не гости те Строганова,
Лише только головы отстать,

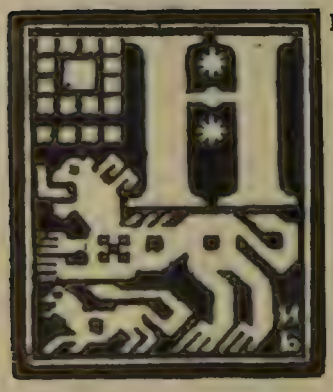
Да как та-то беда — не беда,
Да как боле бы той не беда,
Да к тому ли к большому быку,
Да к быку Рободановскому.
Да как кажная косточка
Да как стала-то в пять рублей,
Да как кажное рёбрышко
Да как стало-то в семь рублей,
Опричé становы́х костей,
Ровно тысяча сéмьсот рублéй,
А становы́м костя́м
И цены не знай.

Записано там же, 18 августа.

МОША

LXVI

ШВЕЦОВ



Николай Михайлович Швецов, крестьянин дер. Орьмы, Лимского прихода (соседнего с Мошенским), 65 лет, грамотный. Его дед, Леонтий Игнатьевич, славился как знаток былин; занимаясь преимущественно рыболовством на р. Моше, он брал с собою внука, который тут и наслышался от него былин, потому что дед во время рыбной ловли почти всегда певал. Сам Швецов мало занимается рыболовством, а более „крестьянствует“, по зимам же обыкновенно ездит к Белому морю, в Сороку, покупать там сельдей, которые доставляет для продажи в Вельск, Верховажье и Вологду. Он один из самых зажиточных и уважаемых крестьян в его местности. Один из его сыновей, по словам Швецова, перенял почти все былины, которые он знает.

304

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН ЦАРЬ

А й ведь чужда Калин Смарадонович
Собирал он силы с сорока земель,
С сорока земель и с сорока царей,
Со и кажным силы по сту тысячей,
А с самим собакою сила́ несчетная.
Поднимался он чужь да на святую Русь,
На святую Русь, на красен Киев град,
Не дошел до Киева пятнадцать верст,
Розоставил он шатры белополотняны,
Выбирал татариченка малава,
Который по-русьски умел гово́рити,
Он горазд толмачить по-татарскому,
Он и пи́сал ему грамоту скоропи́счату,
А на верх словами наговаривал:
— Ты поди, татарченко, во Киев град,
Ты поди ко князю ко Владимиру,
Да поди в палаты белокаменны,
Отворяй ты двери-ти на́ пяту,
Не клади креста ты по-писаному,
Не веди поклона по-ученому,
А Владимиру князю ты не кланяйся,
Да й княгини Опраксии такожде,
Выкидай ты грамоту на дубовый стол,
Да й на верх словами наговаривай:
Уж ты ой Владимир столен-киевской!
Выбирайсе из города из Киева,
Аль встречай собаку царя Калина.
Он пошел татарченко во Киев град
Да й приходит ко князю ко Владимиру,

Он заходит в палаты белокаменны,
Не кладет креста он по-писаному,
Не ведет поклона по-учёному,
Он Владимиру князю не кланялся,
Да й княгини Опраксии такожде,
Выкидал он грамоту на дубовой стол,
А он сам говорил таково слово:
— Уж ты ой Владимир столен-киевской!
Выбирайся из города из Киева,
Али стрéчай собаку царя Калина.
Ты мости мосточки каленые,
Усыпай песочками желтыма,
Утяни всё сукна багречевые,
Убивай гвоздьём шеломчатыим,
Да куда итти, куда ехати,
Самому собаке царю Калину.
А ведь тут Владимир призадумался,
Он задумался и запечалился,
Собирал он скоро князь почестной пир,
Да он сам говорил же таково слово:
— Уж вы ой князья вы мои́, бóяра,
Вы сильни́ могучии бога́тыри,
А й все поляницы вы удалыи,
Пособите князю думу думати,
Выбираться из города из Киева,
Али нам с собакой попротивиться.
А большéй хоронится за среднево,
А средний хоронится за меньшево,
А от меньшево князю́ ответу нет.
Из тово ли стола было́ из заднево,
Да из той скамельки белодубовой,
Выставал удалой доброй молодец
А ведь храбрыя сударин Илья Муромец,
Да он сам говорил таково слово:
— Уж ты ой Владимир столен-киевской!
Когда заведешь ты, князь, почестной пир,
Тогда много есть у тебя думщиков,
Много думщиков, много́ советников,
А топерь ведь нету ни единово.
Еще я тебе да что придумаю,
Я придумаю да присоветую:

Ты дари татарченка шубою,
Ево шубою ты соболиною,
Ты дари татарченка шапкою,
Ево шапкой чёрной мурманкой,
А осиста, пушиста была, завесиста,
Насыпай ему мису злата серебра,
Я поеду просить строку на три годичка,
К самому собаке к царю Калину.
Он седлал-уздал скоро добра коня,
Да й поехал Илеюшка во чисто полё.
А Владимиру князю он наказывал:
— Запирай ворота-ти на́ крепко.
Он приехал к собаке царю Калину,
Он заходит Илеюшка во бел шатер:
— Уж ты чужь да Калин Смарадонович,
А ты дай нам строку на три годичка —
Намостить мосточики каленые,
Усыпать песочками желтыма,
Утянуть всё сукна багречевые,
Убивать гвоздьём шеломчатыим,
Да куда встречать собаку царю Калину,
А куда итти да куда ехати
Самому собаке царю Калину.
— Я не дам вам строку на три годика.
— Ты хоть дай нам строку на пол-годичка.
— Я не дам вам строку на пол-годичка.
— Ты хоть дай нам строку на три месяца.
— Я не дам вам строку на три месяца.
— Ты хоть дай нам строку на три денечка.
— Я не дам вам строку на три денечка.
А проговорит татарченко малоё:
— Уж ты чужда Калин Смарадонович,
А бесстрочных людей-то ведь на свете нет.
Он ведь дал им строку на три денечка.
А й поехал Илеюшка от бела шатра,
Он ведь тут Илеюшка раздумался,
Он раздумался и запечалился:
— Не знай, в Киев ехать, не знай — во чисто поле,
Я поеду разве да в чисто поле,
А искать поеду своёво дядюшки,
Дядюшки Самсона Нанойловича.

А он ездил день да и до вечера,
Да не мог наехать своёво дядюшки.
А стоит гора да превысокая,
Да ведь тут Илеюшка раздумался:
— Я выеду на гору на высокую,
Я поеду впрямь да со крутой горы,
Упаду ли я да со добра коня,
Ушибуся я о сыру землю,
Хошь бы мне не от собаки скору смерть принять.
А он выехал на гору на высокую,
А он здрел-смотрел да на все стороны,
А увидел в поли стоят белы шатры,
А ведь белые ша́тры полотняные,
А ведь маковки были золочёныи,
Да й поехал Илеюшка ко белым шатрам,
Ажно тут в шатре ево дядюшка,
Ево дядюшка Самсон Нанойлович.
Да проговорит Илеюшка Муромеч:
— Уж ты ой родимой ты мой дядюшка,
А й поедем скоро в красен Киев град,
Обступил собака красен Киев град.
А проговорит Самсон Нанойлович:
— Уж ты ой любезной мой племянничек,
Отказал меня Владимир князь от Киева.
А проговорит Илья Муромеч:
— Не для Владимира князя со княгиною,
Для божьих церквей, для монастырей,
Для сирот-то маленьких деточок.
Закрычал Самсон да громким голосом:
— Уж вы ой, мои слуги верные,
Вы двенадцать сильнии богатыри,
Вы седлайте-уздайте скоро добрых коней.
А срядились они да и поехали.
Не доехали до Киева пятнадцать верст,
Соходил Самсон со добра коня,
Розоставили шатры белополотняны,
Он ложился спать, опочив держать,
А Илеюшки Муромчу недосуг ведь спать,
Он ведь бил коня с поры на́ пору,
Он ведь скачет конь с горы на́ гору,
Он приехал Илеюшка во Киев град,

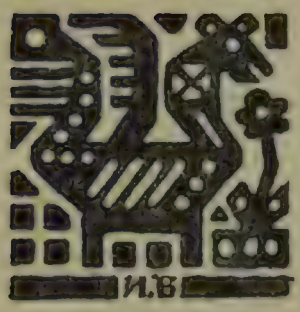
Обступила сила красен Киев град,
А ведь бьют в колоко́лы да в плаку́щие,
Проклинают Илеюшку Муромча:
Не велел выбираться да нам из Киева,
А теперь приходит сме́ртка скорая.
У Илеюшки побоища не случилосе,
Ухватил татарина он за́ ногу,
Да й начал татарином помахивать,
Он ведь где махнёт, тут и улочка,
А назадь отмахнёт — переулочек,
Да й отбил он силу на три поприща.
Тут забили в колоко́лы да в радущие,
Моля здравия здровья, веку долгого
А за света суда́ря Илью Муромча.
Да й проговорит Илеюшка Муромеч:
— Уж ты ой Владимир столен-киевской,
Ты подай с поли́цы мне-ка тугой лук,
Ты подай с польца́ мне калену́ стрелу.
Да й натягивал Илеюшка тугой лук,
А накладывал стрелочку каленую,
А он сам ко стрелки приговаривал:
— Полети, моя ты калена стрела,
Далеко́ далече во чисто поле,
Не пади не на́ воду не на́ землю,
Пади к дядюшки Самсону на белы груди
А сбуди его да от велика сна.
Ото сна Самсон пробуждается,
Закрычал Самсон громким голосом:
— Уж вы ой мои слуги верные,
Вы двенадцать сильния богатыри,
По што ехали мы, то и проспали,
А мы видали Илью Муромча.
Вы седлайте-уздайте скоро добрых коней.
А срядилиси они да и поехали,
Да й приехали во красен Киев град.
А проговорит Самсон Нанойлович:
— Уж ты любезной мой племянничок,
Поезжай теперь ты во чисто поле,
А ложись ты спать да опочив держать,
А мы будем здесь оберегатели.
Он поехал Илеюшка в чисто поле,

Он расставил себе скоро бел шатер
А ложился спать и опочив держать.
Он ведь спал девять дней да и девять нощей,
Поутру ставает ёво добрый конь,
Он провештвует языком человеческим:
—Уж ты ой любезной мой хозяйнушко,
Мне ночёсь коню добру мало́ спалось,
А мало́ спалось, да много виделось,
Будто копает Калин Смарадонович,
Он копает три подкопи глубокия.
Упаду я доброй конь в перву́ подкопь,
А я сам-то добрый конь выскочу,
Тебя доброго молодца вынесу;
Упаду я доброй конь во втору́ подкопь,
А я сам-то доброй конь выскочу,
Тебя доброго молодца вынесу;
Упаду я доброй конь в третью́ подкопь,
Я ведь сам-то доброй конь выскочу,
Тебя доброго молодца не вынесу.
А проговорит Илеюшка Муромец:
—А тебе не спалось, дак тебе виделось,
А ведь мне Илеюшки на здоровьицо.
Он седлал-уздал скоро добра коня,
Да поехал Илеюшка из чиста поля.
А упал ево доброй конь в перву́ подкопь,
А он сам ведь доброй конь выскочил,
Ево, доброво молодца, выносил;
Да упал он доброй конь в втору подкопь,
Он ведь сам-то доброй конь выскочил,
Ево, доброго молодца, выносил;
Да упал он, доброй конь, в третью́ подкопь,
Да он сам ведь доброй конь выскочил,
Ево, доброго молодца, не выносил.
Тут схватали-сымали ведь доброго молодца
Да й сковали в железа во немецкие,
А в ручные, в ножные, да и в заплечные,
Повели к собаке к царю Калину.
А проговорил чужда Смарадонович:
—Уж ты ой Илеюшка Муромец,
У меня ведь есть две дочери,
Ты посватайся на мо́их дочерях,

Я любую отдам за тебя замуж.
Говорил Илеюшке не с упадкою:
— Уж ты чужда Калин Смарадонович,
Не случилось у меня сабли вострыя,
Я посватался бы на твоей шеи.
Да на то ли чужда пороссердился,
Приказал вести да во чисто поле —
Отрубить ему буйну голову.
Повели Илеюшку в чисто полё,
Да ведь вывели ево во чисто полё,
Он стряхнулся Илеюшка Муромец,
Все немецкие железа попадали,
А ручные, ножные да и заплечные,
А ведь тут Илеюшка на воли стал.
У Илеюшки побоища не случилосе,
Ухватил татарина он за ногу
Да начал татарином помахивать,
Он где махнет, а тут и улица,
Назадь отмахнет — тут переулочек,
А прибил он силы и смету нет.
Сам пошол Илеюшка во Киев град,
Да приходит ко князю ко Владимиру.
А ведь тут Самсон и Нанойлович
А с двенадцатью он богатырями.
Они стали метати во жеребей,
Да кому итти по правў руку,
А кому итти по левў руку.
На паю Илеюшки не обидели,
Доставалось итти по серёдке по матицы
Противо собаки царя Калина.
Выходили они да во чисто полё
Они стали силу бить, как траву косить,
А прибили силу всю до единово
Не оставили и не единово
Самого собаку царя Калина,
А отсекли ему да руку правую,
Отрубили ему да ногу левую,
Да ведь выкопали ему-то ведь правый глаз,
Посадили ево да на добра коня,

Да спустили ево да во чисто полё:
— А ты езди век да и по веку,
А мы будем за Киев обстоятели,
От всех сторон оберегатели.

Записано на Мше, 24 августа.



305

ТРИ ПОЕЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА

А старыя сударин Илья Муромец,
Хорош был у старово доброй конь,
А он ездил в чистóм поле день до вечера,
А темную ночь до бела свету,
Да наехал он в чистóм поле три дороженки,
Три дорожки наехал, три росстанюшки.
На росстанях лежит там ведь бел камень,
На камешке подпись написана:
— А в дорожку-ту ехать — богату быть,
В другýю-то ехать — женату быть,
А во третьюю ехать — убиту быть.
А тут ведь как стар пороздумался,
Да в которую дорожку будет ехати:
— На что мне-ка старому богачество?
Я сам-то умру, живот останется,
Животом-то владеть будет некому.
А по что мне старому женитися?
А женитися мне — не нажитися,
Худой-то мне взять — не захочется,
А хорошая-то взять — так чужа корысть.
Поеду в ту дорожку, где убиту быть,
А убитому быть и замучену,
А души-то со телом быть разлýченой.
А он ехал по пути по дороженки,
Наехал стаметников разбóйников
Не мало число — сорок тысячей.
Говорят эти стамéтники разбойники:
— Это что ли за шаль к нам приехала,
С коня-то ведь снять ево нéково,

Да разве взять-то у старово нечево.
Говорил с нима стар не с упадкою:
— А вы глупые стаметники-разбойники!
С коня-то ведь снять ево неково,
Да и взять вам у старово нечево,
Одна кунья ведь шубочка в пятьсот рублей,
По карманам казны сорок тысячей,
А доброму коню и цены ведь нет,
А мев уши вплéтан был светёл камень,
Он не ради красы́ молодецкия,
А он ради ведь ноченки темныя.
Осередь-то ведь было темной ноченки
Росстрелял я все стрелки каленыя,
Да и собрал я стрелки до единой все.
Да натягивал Илеюшка ту́гой лук,
Накладывал стрелочку каленую,
Да стрелял он ведь стрелку в сыру землю,
Рва́ла стрела землю в косу́ сажень,
Тому они весьма испугалисе,
Со дубов они на землю попадали,
Да сами говорят таково слово:
— Одно красное солнцо на белом свете,
О́дин си́льней бога́тырь Илья Муромец,
А спусти ты нас, свет, по своим домам,
Бери ты казны колько надобно,
Да табун лошадей ты любы́х бери,
А спусти ты нас, свет, по своим домам,
Да к отцам, к матерям, к молодым женам,
Не будем мы стоять при пути, при дороженке,
Проливати ведь кровь христианскую.
Натягивал Илеюшка ту́гой лук
Да накладывал стрелочку каленую,
Стрелял он стаметников разбойников,
Прибил он ведь всех до единово,
Не оставил он тут ни единово.
Да оттудова назад он воро́чался,
На камешке подпись переписывал:
— Хоть я ездил во дорожку, мне-ка смерти нет,
Росчистил дорожку широкую.

Да поеду в ту дорогу, где монату быть.
Доехал; стоят теремы высокие,
Идет ведь толпа красных девушок.
Выходила тут прекрасна королевицна,
Брала ево за руки за белыя,
За те ли за перстни злаченыя,
Повели ево в высоки новы те́ремы,
Садила за столы за дубовыя,
Да поила-кормила хлебом-солию:
— Ты гой еси удалой доброй молодец,
Пожалуй со мною опочинуться
На ту на кроватку тисовую
Да на ту ли на перину пуховую.
Привела она во спальню во теплую
Да сама говорит таково слово:
— Ты к стенке ложись, я на край с тобой.
А видит Илеюшка Муромец,
Он видит, что кроватка фальшивая,
Фальшивая кроватка, подломная.
Ухватил как он прекрасну королевицну
Да он бросил на кроватку тисовую
На ту ли на перину пуховую,
Да и в тот час кроватка подломилась,
Упала она во погребы глубокия,
Оттудова назад он ворочался,
Пошол во погребы глубокия,
У дверей он придверников не спрашивал,
У ворот приворотников не следовал,
Весучия замочки он на руку берет,
Подворотенки ногами выпинывал,
Отворял он воротца широкия,
Побралось там ведь много князьёй да боя́р,
Много сильних могучих богатырей.
Проговорит Илеюшка Муромец:
— Проздравляю вас с прекрасной королевичной!
Они молят здравия здоровья, веку долгого
Да за света суда́ря Илью Муромча,
Проклинают всё прекрасну королевичну,
Отрубили королевны руку правую,

Отсекли королевны ногу левую,
Посадили ея на добра коня,
Спустили ея во чисто поле.

(Дальше не знает.)

Записано там же, 24 августа.

306

ДОБРЫНЯ И АЛЕША

Повышла, повышла, повыкатила
Наша славная матушка быстра Волга река,
Много она рек и ручьей побрала̀.
Широк перевоз под Нижним городо̀м,
Пошире-подале под Ва́страха̀нью;
Долгие плеса Чижиковския,
Высокия горы Сорочинския,
Темныя лесы Смоленския.
Росстаяньица шла она три тысячи,
А устьев ровно она се́мьдесят дала̀
Во славное морё во Персидское.
Это ведь Добрынюшки не сказочка.
Во славном во городе во Киеве
У ласкова князя у Владимира
Было столованьё поче́стной пир.
Да сам государь князь роспотешился,
Выходил он на крылечко на красно̀ё,
Приходит в палату, розговарива̀т:
— Гой вы есть князья мои, бо́яра,
Вы сильнии могучи бога́тыри,
Да все поляницы удалыи!
Ково нам послать будё в чисто поле —
Стоять на заставы на крепкия,
Биться со невежей во чистом поле,
Пишет ведь невежа та угрозою ко мне.
Большо́й-от хоронится за среднево,
Середней хоронится за меньшево,
От меньшево князю ответу нет.
Из тово стола было из заднево

Выставал удалой доброй молодец
Храбрыя сударин Илья Муромец,
Да сам говорил он таково слово:
— Хоть долго молчать да говорить же будѐ.
Вчарà я приехал из чиста поля,
Стоял на заставы двенадцать лет,
Бился со невежей во чистом поле,
У ево ли у невежи крылатой конь.
А службу-работу накладывали
На премладаво Добрыню Микитича,
А ехать Добрыни во чисто́ полё,
Стоять на заставы ему шесть годов,
Биться со невежей во чистом поле.
Пошол ведь Добрынюшка домо́й со пиру́.
Не весел пришол он, не радочен.
Матушка Добрыню ведь спрашиват:
— Что же ты, Добрынюшка Микитьевич,
Не весел пришол и не радочен?
Место тебе было не по разуму,
Чара та была разве не рядовая,
Княгина в пиру разве обесче́стила тебя́?
— Гой еси родитель моя маменька!
Место мне-ка было по разуму,
Чара та была мне-ка рядовая,
Княгина в пиру не обесчестила.
На что такова меня споро́дила?
Силою роди́ла мня не сильняво,
Кра́сотой родила не красиваво,
Счастьицом да не счастливого.
Проговорит родитель ево маменька:
— Гой еси Добрынюшка Микитьевич,
Как бы я могла тебя споро́дить молодца
Силою в Самсонища сильняво,
Красотою я в Осипа прекрасново,
Смелостью в Илеюшку Муромча,
Богачеством в Дюка Степановича,
Пощапкой в Чурила сына Плёнковича,
Премудростью в Соломона премудрого,
Кудрями в царища Кудреянища, —
Такова-то тебя, дитятко, Госпо́дь да спородил.
Прощается Добрыня с своей маменькой,

Наипаче со своей молодой женой.
Молодой жены Добрыня наказывает:
— Гой еси моя молода жена!
Пройдет как ведь времечка шесть годов,
Ни вести не будет, ни грамотки,
Так тебе, Авдотья, своя воля:
А хошь ты, Авдотья, вдовой сиди,
А хошь ты, Авдотья, замуж поди,
Прибирай ты молодца супротив меня;
Не ходи ты за Алёшу Поповича,
Алёша Попович мне-ка крестный брат,
А крестный-от брат паче родного.
Поехал Добрынюшка во чисто полё,
Стоял на заставы на крепкия,
Бился со невежей во чистом поле,
У ево ли у невежи крылатой конь.
Прошло ведь как времечка шесть годов.
Не коннаво нету, не пешево
Ко славному городу ко Киеву,
А не с кем послать ему весточки,
А не с кем послать ему грамотки.
Алёша Попович догадлив был,
Он ездил Алёша во чистом поле,
Приехал он к князю, россказывает:
— Убит лежит Добрынюшка в чистом поле,
Буйной головой во ракитов куст,
А резвые ноженки в ковыль травы,
Сабелька лежит на сырой земли,
А доброй конь ходит во чистом поле,
Черны вороны ведь тело ево притрынкали,
Пойдем же, Владимир, станем свататься
На Добрыниной на молодой жены.
Пришли, на Авдотьи стали свататься.
Авдотьи итти не хотелосе,
Насилу Владимир поневолил ей итти.
В пятницу было рукобитьиче,
В суботу было у них сватовство,
В воскресенье-то у них буде свадебка.
Премладый Добрынюшка Микитьевич
Износил Добрыня платье своё цветноё,
Надевал на себя платье звериное,

Поехал Добрыня из чиста поля,
Наехал Добрыня в поле бел шатер.
Ко белу шатру Добрыня приворачивал,
Ажно тут в шатре Илеюшка Муромец.
Первое сло́вчо нерадошно:
— Твоя-то жена ведь замуж пошла
За премладаго Алёшу По́повича,
Авдотьи итти не хотелосе,
Насилу Владимир понево́лил ей итти,
Во пятницу было рукобитьице,
В суботу у них было сватовство,
В воскресеньё у них дак буде свадебка.
Недосуг Добрыни долго разговаривать,
Поехал Добрыня от бела́ шатра
Ко славному городу ко Киеву.
Поездку давает лучше прежнаво:
Скачет конь по вёрсты по мерныя,
Ископыть по ямы по репныя.
Приехал Добрынюшка во Киев град,
Пришол он к родитель своей маменьке,
Матушка Добрыни не у́знала:
— Гой еси удалый доброй молодец!
Коей ты орды а ты коей земли,
Как же ведь тебя именем зовут
А как звеличают из отечества?
На Добрынюшки была заметочка,
На белом лице была бару́здинка,
Узнала родитель е́во матушка:
— Обогрело меня красное солнышко,
Потух у нас младой-от светёл месяц,
Твоя-та ведь жена да заму́ж пошла.
Авдотьи итти не хотелосе,
Насилу Владимир понево́лил ей итти.
В пятницу было рукобитьице,
В суботу у них было сватовство,
Сёводня у них да и́дет свадебка.
Недосуг Добрыни долго разговаривать:
— Гой еси родитель моя маменка!
По́дай мне-ка платье скоморошноё,
Подай мне-ка доску гусельную,
Подай мне шалыгу подорожную,

Пойду я к Алёши на свадебку.
Приходит в палаты белокаменны,
Отворяет двери он на пяту,
А крест-от кладет по-писаному,
Поклон-от ведет по-ученому,
На все он ведь стороны поклоняется,
Владимиру князю на особинку.
Садился на печку на муравленую,
Да й начал играть он ведь в гу́сельцы:
Струночку играет от синя́ моря,
Другую играет от Царя-града,
А третьюю от Ерусалима,
А всё похожденьицо Добрынюшкино.
Не кто ли тому не догадается,
Добрынина жена вразумляется.
Владимиру игра полюбиласе:
— Гой еси удалой доброй молодец!
Любо тебе место подли́ меня — садись,
Друго́ тебе место — супротив меня,
А третьеё место — куды хо́чешь ты садись.
Садился Добрынюшка в скамелечку
Противо Авдотьи Микуличны.
Премлада Авдотья Микулична
Налила стакан зелена вина,
Подавала она Добрыни Микитичу.
Брал он ведь стакан едино́й рукой,
Выпивал стокан на единый дух,
Положил в стокан Добрынюшка злачен перстень,
Наливал стакан зелена вина,
Подносил Авдотьи Микуличны,
Да сам говорил таково слово:
— Пить до дна — так видать добра,
А не пить до дна — не видать добра.
Брала она стокан единой рукой,
Выпила стокан на единый дух,
Брала ведь Авдотья злачён перстень,
Наложила на руку на правую,
Сама говорит таково слово:
— Этим мы с Добрыней обручалисе.
Не тот мне-ка мил, кой подли́ меня сиди́т,
А тот мне-ка мил, кой супротив меня,

Премладый Добрынюшка Микитьевич.
Недосуг Добрыни долго разговаривать,
Хватил как Алёшу за желты кудри,
Через стол бросил на чéреду кирпичную,
Да начал шалыгой охобачивать:
Во охканье нé чуть бухканья,
А в бухканье дак не чуть охканья.
Прибил он Алёшу до полу-смерти,
Только Алёшенька женат бывал,
Лучше бы Алёши не родитися,
Родитися, мне бы не женитися,
Всяк-то на сем свете женится,
Не всякому женитьба издавается.
Премладый Добрынюшка Микитьевич
Брал он ведь Авдотью за праву́ руку,
Пошол он к родитель своей маменьке,
Да стал он жить-быть да век коротать,
Отныне живёт да и до́ веку.
А мы ведь Добрыню в старинáх поём,
Ах дудай-дудай, больше вперед не знай!

Записано там же, 21 августа.

307

ИВАН ГОДИНОВИЧ

Во славном во городе во Киеве
У князя Ивана Васильевича
Было столованьё почестной пир.
А сам государь-князь роспотешился,
Выходил середь полаты белокаменной
Да сам говорил он таково слово:
— Гой вы есть мои́ князья, бояра,
Сильнии могучии богатыри
Да все поляницы удалыи!
Есть у меня три добры́е три коня,
Кто ударится со мною о велик заклад,
Розъезжать ведь нам на добрых конях —
Из Киева ехать в Чернигов град,
Из Чернигова ехать в чисто́ поле,
Из чиста поля ехать во Киев град
Не воротами, прямо через стену городовую.
Большéй-от хоронится за средняво,
Серéдней хоронится за меньшево,
От меньшево князю ответу нет.
Из тово стола было из заднево,
Из той ли скамельки белодубовой
Выставал удалой доброй молодец
Премладыя Иванушко Годенович,
Да сам говорил он таково слово:
— Гой еси князь Иван Васильевич!
Есть у меня маленький бурушко,
Селяточком куплен был за́ морем,
За селяточка дано было пятьсот рублей,
С пошлиной, с провозом стал в тысящу.

Я ударюся с тобою о велик заклад —
Розъезжать ведь нам на добрых конях.
Написали записи крепкие,
К записям-то руки прикладывали.
По князе-то все поручаются,
По Иване-то никто не поручается,
Поручилося две голи две кабацкия.
Пошол ведь Иванушко домо́й да со пиру́.
Матушка Ивана ведь спрашиват:
— Что же ты не весел, не ра́дочен пришол?
Место было тебе не по разуму,
Али чара та была разве не рядовая,
Княгина в пиру разве обесче́стила тебя́?
Проговорит Иванушко Годенович:
— Гой еси родитель моя маменька!
Место мне-ка было по разуму,
Чара-та была мне-ка рядовая,
Княгина в пиру не обесчестила.
Я сам во хмелю призахвастался,
Ударился со князем о велик заклад —
Розъезжать ведь нам на добрых конях.
Князь прописал золоту казну,
А я прописал буйну го́лову свою̀.
Проговорит родитель е́во маменька:
— Поди на конюшню стоялую,
Падай малу бурушку в ноженки,
Чтобы збавил он хозяина от смёрточки.
Пошол он на конюшню стоялую,
Падал малу бурушку в ноженки.
Он провештвует язы́ком человеческим:
— Гой еси любезный мой хозяйнушко!
Выпусти меня во чисто полё
Поесть-то ведь мне муравой травы,
Попить-то ведь мне ключевой воды.
Конь наелся-напился, он домой идет,
Сам провештвует языком человеческим:
— Гой еси любимый мой хозяйнушко!
Седлай-уздай ты скоро добра коня,
Поезжай ко князю на широкой двор
Не воротами, прямо через стену городовую,
Станови добра коня середи двора,

Приказана станови, а не привязана,
Сам соболину шубочку порывай,
Маленькаво бурушка подрачивай.
Седлал-уздал он скоро добра коня,
Поехал ко князю на широкой двор
Не воротами, прямо через стену городовую,
Становил добра коня середи двора,
Приказана становил, а не привязана,
Сам соболину-ту ведь шубочку порывать,
Маленькаво бурушка подрачивать.
Набралось тут много князей да бояр,
Сами говорят таково слово.
— Пропала у Ивана буйна голова.
Донесли ведь князю Ивану Васильевичу.
Выходил ведь князь на широкий двор
Да сам говорил он таково слово:
— Гой еси мои слуги верныя!
Выпущайте коней вы на берег.
Бежат ево кони со ярости,
Хотят мала бурушка на смерть да затоптать,
Хотят мала бурушка на смерть залягать.
Как маленькой бурушко справился,
Закусил он губу ту нижнюю,
Ударил копытом о сыру землю,
Мать-земля приудрогнула.
Красное крылечко россыпалось,
Все князья-бояра попадали,
Златогривова коня он на смерть затоптал,
Сивогриваво коня он на смерть залягал,
Полонёной воронко Ильи Муромча,
Полоненой воронко одва выскочил.
Приходит ведь князь Иван Васильевич,
Бьёт он челом до сырой земли:
— Спасибо, Иванушко Годенович!
Спасибо на маленьком бурушке,
Не на ком мне ехать в чисто поле,
Получай поди со князя золоту казну.
Получил ведь он Иван и золоту казну,
Зашел он в канторы питейныя,
Откупил две бочки зелена вина:
— Гой вы есть мои поручители!

Пейте зелено вино безденежно.
Садился Иван на добра коня,
Поехал к родитель своей матушке.
Да стал он ведь жить-быть да век коротать,
Отныне живёт да и до́ веку.

Записано там же, 24 августа.

308

ХОТЕН БЛУДОВИЧ

Во славном во городе во Киеве
У ласкова у князя у Владимира
Было столованьё почестной пир,
Да было у князя во честно́м да во пиру́
Две славны две богаты две Часо́выя вдовы́:
Перва славная Часо́вая вдова̀,
Вторая богатая Збу́дова жена̀
Наливала она чару зелена вина,
Заливала чарочку сладким медом,
Засыпала чару белым сахаром,
Подносила эту чарочку Часо́выя вдовы:
— Ты славна богата Часо́вая вдова,
Выпьем мы по чары зелена вина,
Да мы ведь за чарой порозго́воримся с тобо́й.
У тебя ли у вдовы есть ведь де́вять сыновѐй,
Будто ясные хороши твои соколы.
— Еще у вдовы есть единака дочь,
Премлада Чадиночка Часо́венная̀.
— У меня ли у вдовы есть единакий сын,
Премладый Хотеюшко сын Збудович.
Отдай-ко ты Чадиночку Часо́венную
За моево Хотея любимо́й семьей.
На то ли вдова пороссе́рдилась,
Броси́ла она чару зелена вина,
А платьё-то все перепозорила,
Пристрамила она Хотея, в безче́стьицо ввела,
Называла она вороной погумённою.
На то ли вдова же пороссердилась,
Пошла ведь вдова домо́й со пиру́,

Не вéсела пришла она, не радочна.
Начал ведь Хотей да éе спрашивать:
— Гой еси родитель моя маменька!
Что же ты не вéсела, не рáдочна пришла?
Место было тебе не по разуму,
Чара-та была разве не рядóвая,
Княгина в пиру разве обесчестила?
Прогóворит родитель ево матушка:
— Место мне-ка было по разуму,
Чара-та была мне-ка рядовая,
Княгина в пиру не обесчестила,
А я за тебя, Хотей, посваталась
У той ли у вдовы у Часовыя
На премладыя Чадиночки Часовенныя,
Пристрамила она тебя, Хотей, в бесчестьицо ввела,
Называла она вороной погумённою.
Проговорит Хотей своей маменьке:
— Гой еси родитель моя маменька!
Напейся ты с горя зелена вина,
Ложись-ко ты спать, опочив держать,
Эту я насмешку отсмеюся я вдовы.
Верному слуги он приказывал:
— Гой ты есь моя слуга верная!
Седлай ты, уздай скоро двух лошадей.
Срядились они да и поехали.
Видели они, как садилися,
Не видали, в кою сторону поехали.
Приворачивали ко вдовы ко Часовыя.
Вдовы-то ведь дома не случилосе,
Девять сыновей дома не было,
Одна в доме Чадиночка Часовенная.
Поехал Хотей на широкой двор,
У дверей придверников не спрашивал,
У ворот он приворотников не следовал.
Подворотенки ногами выпинывал.
Выходила тут Чадиночка Часовенная
На то на крылечко на красное,
Сама говорит таково слово:
— Настояща ты ворона погумённая.
Над нашим ты домом надсмехаешься.
На то ли Хотей пороссердился,

Брал он ведь копьё буржомецкое,
А ратовьё было девяти сажон,
Хотел ударить по Чадиночке Часовенной,
Ударил по крылечку по красному,
Росшиб на щепу он на мелкую.
Оттудова назад он ворочался,
Поехал Хотей во чисто полё,
Росставил Хотей себе бел шатёр,
Ложился он спать, опочив держать,
Верному слуге он наказывал:
— Гой еси слуга моя верная,
Поберется когда сила из Киева,
Тогда ты меня ото сна́ разбуди̂.
Часовая вдова домой прибыла,
Девять сыновей домой приехали,
Чадиночка им и порозжалилась.
Проговорит вдова та Часовая:
— Ой вы сыновья мои, ясны соколы!
Убейте Хотея во чистом поли.
Проговорят сыновья ее ясны соколы:
— Гой еси родитель наша маменьки!
Были мы во земли во Шведския,
Были у Хотея мы во ве́рных во слугах,
Не убить ведь нам Хотея во чисто́м поли.
На то ли вдова пороссердилась,
Бросалась в сундуки окованыя,
Вымала ведь записи крепкия,
По которым были денежки разда́ваны,
Собрала мужиков своих должников:
— А вы мужики, мои должники!
Убейте Хотея во чисто́м поли —
Во всех-то вас денежках господь простит.
Видят мужики, что беда пришла,
Деться мужикам стало некуда,
Срядилися они да и поехали.
Побралася сила из Киева,
Начал ведь слуга Хотея-то бужать.
Ото сна Хотей пробужается,
Садился Хотей на добра коня,
Брал он ведь копьё буржамецкоё,
А ратовьё было девяти сажон.

Трёх-то ведь сынов у ей на смерть убил,
А шесть-то сынов он во полон побрал.
— А вы мужики, ее должники,
Ваше-то ведь дело поневольное,
Скажите вдовы вы Часовыя,
Этою ведь силою меня не взять.
Сам поехал он к родитель своей матушке.
Не хотелося вдовы покоритися,
Пришло ведь вдовы да поклонитися,
Пришла она к Хотею, низко кланялась:
— Премладый Хотеюшко, сын Збудович!
Возьми мою Чадиночку Часовенную,
За себя возьми любимóй семьей,
Отдай мне-ка шесть сынов из полону.
Прогоʊорит Хотей таково слово:
— Мне твоя Чадиночка не надобна,
Я за верного слугу замуж ее нé возьму.
Брал он ведь копьё буржомецкоё,
А ратовьё было девяти сажон,
Поставил тупым концом в сыру землю:
— Засыпь это ратовьё златом-серебром,
Отдам тебе шесть сынов из полону.
Сбирала вдова злато серебро.
Шесть-то ведь сáжон призасыпала,
А трёх-то ведь сажон мне-ка нéгде взять.
Пошла она ко князю ко Владимиру
Зáймовати злата и сéребра,
Выкупити шесть сынов из пóлону.
Проговорит Владимир столен киевской:
— Соберу я скоро князь почестной пир,
Попросим Хотея на почестен пир,
Нечто мóёво разговору он послушает,
Возьмёт твою Чадиночку Часóвенную,
Отдаст тебе шесть сынов из полону.
Собирал ведь скоро князь почестной пир,
Просили Хотея на почестен пир,
Да начал Владимир уговаривать.
Послушал он князя Владимира
Да взял он Чадиночку Часовенную.
Да шли во божью церковь, обвенчалися
Со той ли Чадиночкой Часóвенныя,

Брал он ведь за руку за правую,
Повёл он к родитель своей маменьке:
— Гой еси родитель моя маменька!
Вот тебе Чадиночка Часовенная,
Хоть ты держи ее подворницей,
А хоть ты держи портомойницей,
Как тебе надо-ть поворачивай.
А мы ведь Хотея в старинах поём.
Ах дудай-дудай, больше вперёд не знай.

Записано там же, 24 августа.

309

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ

Супротив праздника велúка дни,
Накануне было благовещенья,
Выпала пороха, снежок молодой.
По той по порохе, по белу снежку,
Ходил там ведь гулял купат молодец,
По имени Чурилушко сын Плёнкович.
Дóрого на нём было цветнóе платьé,
Шапочка была соболиная,
На ножках сапожки — зелён сафьян,
Зелена сафьяну турецкаво,
Мудрово покрою немецкаво,
Крепково шитья ярославскаво;
Около носочка — яичко катить,
Под пяту Чурилу соловей пролетит.
Ходил-щапил по городу по Киеву,
Красные-те девки ведь стёкла рвут,
Смотрючись да на Чурилкову на крáсоту,
На ево ли на дороднее дородинство.
Молоды молодки в голенища ....
Старые старухи ведь клюкú те грязут,
Смотрючись да на Чурилкову на красоту,
На ево ли на дороднее дородинство.
Зашол-загулял он ко Бермятину двору,
Ко ему ли-то Бермяты высокóму терему̀.
Бермяты во доме не случилосе,
Ушол к благовещенской заутрины,
Одна в доме Катерина дочь Микулична,
Отпирала она окошко косúвчатоё,
Отворяла она околенку стекóльчатую̀,

Сама говорит таково слово:
— Премла́дый Чурилушко сын Плёнкович,
Пожалуй ко мне на высок терем.
Отворяла она воротца широкия,
Пошли они в высоки новы те́рема,
Брали они доску ту шахматную,
Да стали играти они шашками.
Проговорит Катерина дочь Микулична:
— Гой еси Чурилушко сын Плёнкович,
Буде ты меня поиграешь, с меня сто рублей,
А как я тебя поиграю, тебя бог простит.
Раз сы́грал, да он мата́ ей дал,
Наиграл на Катерину он ведь сто рублей;
Другой раз сы́грал, да он мата́ же ей дава́л,
Наиграл на Катерину он ведь два ста рублей;
Третий раз сы́грал, он мата́ же ей дава́л,
Наиграл на Катерину он ведь триста рублей.
Проговорит Катерина дочь Микулична:
— Гой еси Чурилушко сын Плёнкович,
Полно нам играть с тобой шашками,
Пойдем мы во спальню во тёплую,
На ту на кроватку тисовую,
На ту на перину пуховую,
Лягем-ко мы спать-забавлятися.
А девка ведь ходит служа́нка ево.
Ходит она девка стучи́т да ворчи́т:
— Я пойду к Бермяты, накучу́ да намучу́.
Тому Катерина не пытается,
С Чурилом на перины забавляются.
Надевала девка платье-то цветноё,
Пошла к благовещенской заутрины,
Приходит она в церковь соборную,
Отворяет двери-ти на пяту,
Да крест-от кладёт по-писаному,
Поклон-от ведёт по-учёному,
На все она стороны поклоняется,
Старому Бермяты на особинку:
— Престарелыя Бермята сын Васильевич!
Не хо́рошо у нас в доме учинилосе,
Есть у тебя ведь и гость гостит,
Гость щаплив есть и го́сть ломлив,

Незва́н у тебя и не приказыван,
Премла́дый Чурилушко сын Плёнкович,
С Катериной на перины забавляются.
Проговорит Бермята таково слово:
— Гой еси девка служанка моя!
Буде правду говоришь, девка, пожа́лую тебя;
А неправду говоришь, тебе голову срублю.
Проговорит девка служанка ево:
— Буде мне веры не ймёшь, поди са́м досмотри́.
Пошол от благовещенской заутрины,
Ко своим пошол он ко высоким теремам,
Здымался на крылечко на красное
Да брякал в колечко серебряное.
Как раз он побрякал, да нет никово,
Другой раз побрякал, да нет же никово,
Третей раз побрякал попуще тово,
Высокие те́ремы пошаталисе,
Маковки со те́ремов попадали,
Выходила Катерина дочь Микулична,
Сафьяны башмачки на босо́й ноги.
Проговорит Бермята сын Васильевич:
— Что ты, Катерина, не убо́рна идѐшь,
Севодня у нас праздник благовещенье́.
Проговорит Катерина дочь Микулична:
— Гой еси Бермята сын Васильевич!
Угорела я севодня, голова болит,
Щемит у меня ретиво сердцо,
Не могла так хорошо обрядитисе.
Тому ли Бермята не пытается.
Пошол он в высоки новы теремы,
Увидел на стопке шапку Чурилкову:
— Эту я ведь шапку на Чури́ле вида́л.
Проговорит Катерина дочь Микулична:
— Гой еси Бермята сын Васильевич!
У моево родимово у брателка
С Чурилом ведь платьицом поме́нянось,
А добрыми ко́нями побра́танось.
Тому ли Бермята не пытается,
Пошол он во спальню во тёплую,
Увидел под кроваткой сапожки Чурилковы,
Увидел — на кроватки Чури́лко лежит.

Как брал он со стопки саблю вострую,
Не утрена зорюшка просвéтила,
А вострая сабелька просвúркала,
Не скачёная жемчужинка катиласе,
Чурилкова головушка с плеч свалиласе
На ту ли на чéреду кирпичную,
Не красная камка росстилается,
Чурилкова кровь проливается
На ту ли на череду кирпичную.
Не белой горох рассыпается,
Чурилковы желты кудри валяются,
По той ли по чéреды кирпичныя.
Видит Катерина, что беда пришла,
Деться Катерины стало нéкуда,
Брала Катерина востр булатний нож,
Поставила тупым концом в сыру землю,
А вострым концом в ретиво сердцо.
Погинуло втáпор две головушки,
Чурило с Катериной со Микуличной.
Прожили говенье великоё,
Пропустили ведь неделю они светлую,
Старыя Бермята сын Васильевич
Да шли с девкой в цéрковь обвенчалисе,
Со той ли со девкой служанкой евò,
Стали жить и быть да век коротати.
А мы ведь Чурила в старинáх поём.
Ах дудай-дудай больше вперёд не знай.

Записано там же, 24 августа.

310

КОСТРЮК

Изволил наш царь государь,
Царь Иван да Васильевич,
Он изволил женитися
Да он, свет, обручитися,
Не у нас на святой Руси,
Не у нас в каменной Москвы,
Во земли во Литовския,
Да во той во Черкасския
На премладой черкашеньки,
А на Марье Демрюковны.
Да он много в приданы брал,
Он триста улановей,
Да пятьсот улывановей.
Еще он в приданы брал
Молодого-де шурина
Кострюка-то Демкрюковича.
На радостях завёл он пир,
Да он всех по местам садил.
А все во пиру напивалися,
Да все во хмелю пьяны веселы сидят,
Один во пиру как не пьет, не ест,
Зелена вина не кушает,
Белой лебеди не рушает.
Проговорит царь государь:
— Уж ты гой еси шурин мой,
Кострюк ты Демрюкович,
Молодой черкашенко!
Для че'же ты хлеба и соли не ешь,
Зелена вина не кушаёшь,

Белой лебеди не рушаешь,
На царя лихо думаешь,
Али на мать каменну Москву?
Проговорит Кострюк Мастрюк
Да Кострюк-от Демрюкович:
— Уж ты гой еси царь государь,
Царь Иван да Васильевич!
Хоть я хлеба и соли не ем,
Зелена вина не кушаю,
Белой лебеди не рушаю,
На царя лиха не думаю
И на мать каменну Москву.
Захотелось как мнé Кострюкý,
Захотелось как мнé Демрюкý
Молодому черкашенке —
В Москве поборотися,
Да в Москве поломатися,
По двору покататися,
По двору-то по царскому,
По тому государскому.
Борцов не случилосе,
Молодцов не сгодилосе,
Один князь Микита Романович
Выходил на широкой двор,
На крылечко на красноё,
Да кричал громким голосом:
— Еще есть ли у нас в Москвы,
Еще есть ли у нас борцы,
Удалые молодцы?
Борцов не случилосе,
Молодцов не сгодилосе.
Из тово из села из Иванова
Да шло ведь три родные брателка,
А первой-от брателко
Был Василий Андреевич,
Второй-от брателко
Был Андрей да Андреевич,
А третей-от брателко
Был Потапей Андреевич.
Большой-от ведь брат говорит:
— Да мне не с кем боротися,

Да мне не с кем ломатися,
По двору-ту кататися.
Середней-от брат говорит:
— Да мне не с кем боротися,
Да мне не с кем ломатися,
По двору-ту кататися.
А малой-от брателко
Был Потанюшко хроменькой,
А на ножку был лёгонькой,
Он на ножку припадыват,
Из-под ручки поглядыват:
— Разве мне поборотися,
Разве мне поломатися,
По двору покататися?
Ухватил как ведь о́н Кострюка́,
Ухватил как ведь о́н Демрюка́,
Молодово черкашенку,
Да ушиб о сыру землю,
О че́реду кирпичную.
Из холы́ ногу выставил,
Из плеча руку выломил,
Да нага́ по двору спустил.
А был доброй молодец,
Стала красная девица,
Он рукой закрывается,
За людей убирается.
За беду пришло
Марьи Демрюковны:
— Не поставлю я пени в том,
Что крестьянской-от сы́н одоле́л
А царева-то шурина,
А поставлю я пеню в том,
Что нага́ по двору спустил.

Записано там же, 24 августа

311

МОЛОДЕЦ И КОРОЛЕВНА

Ходил молодец из орды в орду,
Из орды он в орду, к королю в Литву,
Служил королю ровно тридцать лет.
Король молодца любил-жаловал,
Королевна любила паче короля,
Да он стал молодец по пирам ходить,
По пирам-то ходить стал, упиватися,
Королевским-то домом похвалятися,
Королевским-то домом, ево дочерью.
А злы палачи, бурзы-гетманы
Донесли королю они шведскому:
— А батюшка ты ль наш, шведско́й королы!
А есть у тебя с Руси молодец,
По пирам он ведь ходит упивается,
Королевским твоим домом похваляется,
Королевским-то домом, твоей дочерью.
Король-то на молодца прогневался:
— А вы злы палачи, бурзы-гетманы!
Отведите молодца во чисто́ полё,
Да на то ли на поле кровавое,
Да на ту ли-то на плашку на липову,
Отрубите молодцу буйну голову.
А злы палачи, бурзы-гетманы
Повели молодца позади дворца.
Да рече́ молодец таково слово:
— А вы злы палачи, бурзы-гетманы!
Не водите молодца позади дворца,
А ведите молодца попередь дворца,
Мимо тот ли-то сад, мимо зе́леной.

Палачи молодца ведь послушали,
Повели молодца попередь дворца,
Мимо тот ли-то сад, мимо зе́леной.
Запел молодец с горя песенку:
— А сад ты мой сад, ты мой зе́леной,
А яблонь ты, яблонь кудреватая,
Приупито ведь было, приуедено,
С королевной-то было приугуляно,
А теперь ведь приходит смертка скорая.
Да услышала прекрасна королевицна,
Она по́ пояс в окошко бросаласе:
— А вы злы палачи, бурзы-гетманы!
Не водите молодца во чисто́ полё,
По локо́т вы берите золотой казны.
Палачи королевны не послушали,
Повели молодца во чисто́ поле,
Да на то ли-то на поле кровавоё,
Да на ту ли-то на плашку на липову,
Отрубили молодцу буйну голову.
Да скорёшенько королевна сряжаласе,
Пришла королевна во чисто́ полё,
Ко той ли ко плашке ко липовой,
Брала королевна востр булатней нож,
Ноставила тупым концом во сыру́ землю,
А вострым концом в ретиво сердцо.
Да погинуло втапор две головушки.

Записано там же, 25 августа.

312

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТАРИНКА

Со Щукина двора
Идет седая борода,
Тот милéнькой мой,
Приятель дорогой.
Во всё летушко гуляли,
Картофельку копали,
Денежку брали́.
У нас не было работы,
Только прибыло заботы,
Где бы деньги брать,
Кому работать.
День и два живём не етчи,
С горя песенку запевши,
По́шли во Тычок,
Славный кабачок.
Уж мы двери отворяли,
Нас ведь за руки примали
Дьякон и дьячок.
— Вы здорово ли живёте,
И куда теперь идёте? —
Спрашивали нас.
— Уж вы видите вы сами,
Что в трактире вместе с вами, —
Мы им говорим.
— Давай пива и вина,
Еще есть у нас казна
Розделаться с вам.
Мы наелись-напились,
Домой скоро поплелись,

Захотели спать.
Зашли в улицу Садову,
Во ту харчевню нову,
Послуха́ть часов.
Скоро частной прибегал,
На допросы призывал,
Очень хорошо.
Не успели мы сказать,
Нам ведь рученки назадь,
В по́лицу свели,
Что во темную тюрьму,
Во холодную стену:
— Си́дите-тко тут.
Мы хотели оправдаться,
Велят скоро роздеваться,
Очень поскоряй.
Не успели платья свлечь,
Начинают спину сечь
Моржовым ремнём,
Большим шелепнём.
Спину,.... отстегали,
Вперед вот что наказали:
— Ходите умняй,
Очень посмирняй.
Уж мы вышли из поли́цы,
Нам навстречу по девицы,
Лапушки драги́.
Мы наказы забывали,
Девок за́ руки примали,
Радошны были́,
Их с собой вели́.

Записано там же, 25 августа.

LXVII

ЮРЬЕВ

Антон Степанович Юрьев, 82-летний старик, крестьянин из дер. Пророкова, Мошенского прихода, выучился петь былины от старика из Онеги-города, который часто у него ночевал по зимам, когда проезжал через Мошу. Кроме „старин“, здесь помещаемых, знает о похождениях Ильи Муромца, но сказочным, а не песенным складом.

313

ДОБРЫНЯ

У князя у Владимира заводился почестен пир
На многи князя, многи бояра,
А на все поляницы на удалые.
А как все ли во пиру да напивалисе,
А как все ли во честном да наедалисе,
Уж как все ли во пиру да пьяны веселы сидят,
Уж как все ли во пиру да поросхвастались.
Уж как кто ли-то похвастат золотой казной,
А другой-от ведь похвастат добры́м конем,
Глупой-от похвастат молодой женой,
Неразумный-от похвастат своей дочерью.
А сидит Добрынюшка Микитин сын
По конец он столика дубового,
Говорит он речи, таковы слова:
— А ты князь, ты князь да ведь владимирской!
А спусти-ко ведь меня да во чисто́ поле,
А во то ли поле во широкое,
А ко той реки да ко Пучи́-реки,
Обвалит там сила всё татарская,
А татарская та сила всё уланская.
Говорит-то князь ведь тут владимирской:
— Молодой воробык, не вылетывай,
Молодой Добрыня, не выскакивай.
Говорит тут Добрынюшка Микитин сын:
— А ты князь, ты князь, да ведь владимирский!
Ах дам тебе ведь я добра коня,
Выезжай ты во чисто поле,
Помолись ты матери пресвятой богородице.
Дал ведь он ему добра коня.

Он как сел да ведь на добра коня,
А поехал он да во чисто́ полё,
А ко той ли ко матушки ко Пучи-реке,
Обвалит там сила вся татарская,
Татарска́я сила все уланская.
А приехал Добрынюшка Микитин сын
А ко той ли ко матушки к Пучи-реке,
Как махнет направо — туды улочка,
А махнёт налево — переулочек,
Пригубил он силу всю татарскую,
А татарску силу всю уланскую.

Записано на Моше, 24 августа.

314

МОЛОДЕЦ И КОРОЛЕВНА

А й дюрди-дюрди да дюрди гетманы,
Заиграл молодец из орды в орду,
Из орды в орду да к королю в Литву,
А й полонил молодца да тут шведскóй король,
А й король, король да король батюшко.
Привели молодца да на конюшенку,
А на ту ли на конюшню на дубовую,
А запел молодец да песни царские,
Песни царские, песни умильние,
А услышала королёвна песни царские,
А пришла к ему да на конюшенку,
А на ту ли на конюшню на дубовую.
Она стала с молодцом да в шахматы играть.
Он играл, съиграл да ёя óбыграл,
Он другой играл да ёя обыграл,
Он третей играл да ёя обыграл,
Он третей съиграл да и на верх полез.
Увидели палачи да бурзы-гетманы,
Донесли королю да ведь таковы речи.
У ево розгорелось ретиво сердце,
У ево роскипелась кровь горячая:
— А й вы палачи, палачи, да бурзы-гетманы!
Вы возьмите молодца да за желты кудри,
Поведите молодца да во чисто поле,
А во то ли поле во Куликово,
А на ту ли плашку вы на липову,
Отрубите молодцу вы буйну голову.
Повели молодца да во чисто поле,
Повели молодца да поперёк дворца,

А запел молодец да песню новую,
Песню новую запел да все умильнюю:
— А й с королёвной было приупито, приуедено,
А с королёвной было приулежано.
Ах, услышала королёвна песню новую,
А бросаласе да ведь по плеч в окно:
— А й вы, ай вы палачи да бурзы-гетманы,
Не ведите молодца да во чисто поле,
Не рубите молодцу да буйной головы,
А й берите вы казны да сколько надобно.
А повели молодца да во чисто полё,
Отрубили молодцу да буйну голову.
А как тут она да воскипелась,
Ее сердце розгорелосе,
Обвернуласе она да лебедью белою,
А брала с собою ножечки булатние,
Прилетела она в полё Куликово,
А ко той ко плашке ко липовы,
Она ставила ножечки булатнии
А тупым концём да во сыру землю.
Вылетала сама да высокошенько,
Говорила речь да помалёшенько:
— А где пал как ведь серой гусь,
А пади тут лебедь белая.

Записано там же, 24 августа.

LXVIII

МАКУШКИН

Андрей Федорович Макушкин, крестьянин дер. Мелехинской на Моше, земледелец, лет 40. Знает только былину, здесь помещаемую, да еще про Анику-воина.

315

ДОБРЫНЯ И АЛЕША

Было во славном городе во Киеве,
При славном князе было при Владимире,
Были у его слуги верные,
Был Алеша богатырь Попович,
А другой — Добрынюшка Микитин сын.
И завел Владимир он почестен пир.
Собрали́сь на пир князья да и боя́ра
И вси думные министеры.
На пиру сидели, напивалисе,
На честном сидели, наедалисе,
На пиру сидели, приросхвастались:
И кто хвастает добрым житьем,
И кто хвастает имениём-богачеством,
И кто хвастает своей силой богатырскою.
Приезжало на пир чудовищо-издолищо,
Просило себе поединщика.
Говорил и тут Владимир стольне-киевской,
Говорил он таково слово:
— А кому у нас ехать на бо́льшину,
А й на ту границу на турецкую
Битися да с неприятелём?
Говорил ему Алёша ведь Попович:
— Ехать Добрынюшки Микитичу
И на ту границу на турецкую
Битися да с неприятелем.
Приходил Добрыня к своей матери:
— И прощай же, матушка Омельфа Тимофеевна!
Поезжаю я на ту границу на турецкую
Битися да с неприятелём,

Мне-ка времени намечен я на три года.
А как три года да времё про́длится
И когда не возвращусь назадь,
И в ту пор меня вы поминайте.
Говорил он ведь своей жены и таково слово:
— Как ведь три года да сполнится,
И когда я назадь да не во́звращусь,
И в ту по́р меня вы поминайте,
И ты хоть вдовой живи, хоть замуж,
Только не́ ходи ты за Алёшу за Поповича.
Тому времё продлило́ся только три года.
Выезжал Алёша во чисто поле,
Приезжал ко князю ко Владимиру,
Говорил Алёша таково слово:
— И увидел я Добрынюшку в чистом поле,
И лежит и головой да во ракитов куст,
Голова копьем вся исприколота.
Говорил Владимир таково слово:
— И не врёшь ли ты, Алёша и Попович?
— И не вру, не вру, Владимир князь да стольне-киевской.
Говорил Алёша е́му таково слово:
— И Владимир князь да стольне-киевской!
Ты меня на той же ты вдовы жени
И на той Добрынюшки да на Микитиной.
Говорил ему Владимир таково слово:
— А й Алёша и Попович,
Я с утра же ведь тебя женю.
И на ту да пору-время
Приезжал Добрыня ведь со той границы со турецкой
И ко той вдовы к Амельфы Тимофеевны.
Приезжал да ведь на белый двор,
Становил и своего добра коня
Середи же он бела двора,
И к тому кольцу да к золочёному.
Приходил он тут к своей матери:
— Здравствуй, здравствуй, бабушка Амельфа Тимофеевна!
Где у тя Добрынюшка Микитин сын?
— А и ты удалый добрый молодец!
Кабы был Добрынюшка Микитин сын,
Ты бы без докладу и сюда бы нё пришёл.

— Уж ты бабушка Амельфа Тимофеевна,
Где его обручная княги́на?
— А й удалой доброй молодец,
А й увёл Алёша и Попович
И увёл он за себя замуж,
И волей ушла ли по неволе,
И увёл ея Владимир князь да по неволе.
Обрядился Добрыня скоморошкою весёлою,
И пошёл Добрыня ведь на че́стён пир,
Говорил и скоморошка ведь весёлая:
— И Владимир князь да стольне-киевской,
Прикажи же поиграть да скоморошки мне весёлыя
И на вашем на честном пиру.
— А играй, играй же, скоморошка ты весёлая.
Заиграл тут скоморошка да весёлая
А во те ли звонцаты гусли.
Выходил Владимир князь из-за бела стола,
Брал он скоморошку ведь веселу за праву́ руку,
Говорил ему да таково слово:
— Скоморошка ты весёлая!
И тебе три места, три любимыя:
И перво́ место́ хоть в ряд меня садись,
А й друго место́ хоть в ряд княгины,
Третьеё место где-ка́ ведь те́бе любо.
И садился он насупротив княгины многобраныя.
Наливала тут княгина чару зелена вина,
Подавала скоморошке ведь весёлыя:
— Выпей, выпей чару зелена вина.
Принимал и скоморошка чару зелена вина:
— Здравствуй, здравствуй и княгина многобраная,
Выпить чара мне-ка зелена́ вина.
И он сни́мал с ру́ки свой злачён перстень,
Подавал он в чары ведь княгины многобраныя,
И брала княгина многобраная,
И брала́ ведь о́на свой злачён перстень,
Говорила ведь она́ да таково слово:
— А й Владимир князь да стольне-киевской,
И не тот-то муж, да кой ведь в ряд меня сидит,
То мне муж, которой прям меня сидит,
И сидит Добрынюшка Микитин сын.
Не стерпело тут Добрынюшки Микитича

И его да ретиво сердце,
Ухватил он тут Алешу ведь Поповича
З-за того ли он ведь з-за бела стола.
Тут Алёша только жив бывал.
Выскочил же тут Владимир князь
З-за того ли он из-за бела стола,
Говорил он тут да таково слово:
— А й Добрынюшка да ты Микитин сын!
Хочешь ты теперь что надо мной делай.
Брал Добрыня свою молоду жену,
Брал Добрыня за праву руку
И повел и к своей матери Амельфы Тимофеевны:
— Здравствуй, матушка родимая Амельфа Тимофеевна!

Записано на Мезе, 23 августа.

LXIX

МАЛЫГИН

Петр Саватьевич Малыгин, 18-летний огромного роста юноша, из дер. Полинской на Моше; знает только одну былину, которую слыхал от стариков.

316

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА

Ходил-гулял Добрынюшка по городу,
Ходил-гулял Микитинич по Киеву,
Да Добрынюшки-то матушка наказывала:
— Не ходи-ко ты по городу по Киеву,
Не ходи-ко ты во улочку возвратную,
Во те ли переулки во Маринкины:
Тут живё курва Маринка Игнатьёвна,
Она отравщица да ожеленщица,
Отравила она много добрых молодцев,
Еще сильних могучих богатырев.
Ну ходил-гулял Добрынюшка по городу,
Да ходил-гулял Микитинич по Киеву,
Зашол как он в улочку возвратную,
Да во те ли переулки Маринкины.
Увидала тут Маринка Игнатьёвна:
Выпускала голубка да со голубушкою.
Тут увидел как Добрынюшка Микитич млад,
Он натягивал Добрыня свой-от ту́гой лук,
Он накладывал стрелу ту калёную,
Ко стрелы-то он Добрыня приговаривал:
— Ты убей-ко голубка да со голубушкою.
Не убила голубка да со голубушкою,
А убило у Маринки околенку,
Околенку да дружка милого,
Дружка милого Идолища,
И поганого да некрещоного.
Стоючись как сам Добрыня пороздумался:
— Не честь мне хвала да молодецкая,
Не есть слугà да богатырская.

Не пропасть моей да каленой стрелы
У девки у Маринки у Игнатьевны.
Заходил как но Добрыня во высо́к терем,
Он и крест-то кладет да по-писаному,
И поклоны-те ведёт да по-ученому,
Ну Добрынюшка Марины-то челом не бьет.
А Марина-то Добрыни низко кланялась,
Он и брал свою да калену стрелу,
Ну пошол Добрыня вон из те́рему.
Марины тут да за беду́ стало,
За беду стало да за досадушку,
За досаду-ту да за великую.
Брала она два ножичка булатния,
Ставала-то она да на резвы́ ноги,
Ну подрезывала следы те Добрынины,
Она клала на дрова те на дубовые:
— Уж вы нойте, вы нойте, следочки вы Добрынины,
Чтобы ныло у нево да ретиво сердце,
Ну по той ли по Маринки по Игнатьёвны.
Приходил как но Добрыня к родной матушки.
— Ну ходило, моё дитятко, догу́лялосѐ.
Как не може ну Добрынюшка ни пи́ть, ни есть,
Ну не може как Добрыня тёмной ночки спать.
Зазвонили как ко ранней ко заутрины,
Выходил как но Добрыня на крылечушко,
Стоючись как сам Добрыня пороздумался:
— Что мне делать как у церкви у соборныя
Да у той ли у заутренки у ранныя?
Ну пойду я ко Марины ко Игнатьёвны.
Заходил как но Добрыня во высо́к терем,
Он крест-то кладет да по-писа́ному,
Поклоны те ведёт да по-учёному,
На все стороны Добрыня поклоняется,
Тут Добрыня-то Маринки на особицу.
Ну Марина-та Добрынюшки челом не бьёт:
— Ты теперь-то ты да во моих руках,
Во моих-то руках да под моей грозой,
Обверну я тебя жабой подземельною,
Ну которой жабы отвороту нет.
Обвернула как Добрынюшку Микитича
Обвернула как она ево да мирски́м кобелем:

— Ты ходи-ко-се по городу по Киеву,
Ты сбирай-ко кусочки-то подстольния.
Тут ходил как но Добрыня ровно суточки,
Приходил как тут Добрынюшка к Маринушки.
— Насбирался ли кусочков подстольних-то?
Ты возьми-ко-си теперь да за себя́ замуж.
— Не подобает-де взять девка неверная,
Ну неверная да некрещёная.
— Обверну-то я Добрынюшку морским туром.
Есть у меня да во чисто́м поле,
Есть у меня да девять туров,
Девять туров да девя́ть гнедых,
Пусть ты десятои да ты на бо́льшины,
Я тура да тебя изукрашу всем,
Рожка те у тура да позолочёныя,
Бочка те у тура да рыта бархату.
У царя-то было да у Владимира
Собирался у нево да и великой пир.
На пиру-то они да напивалися,
На пиру-то они да наедалися,
На пиру-то они да поросхвастались.
Кто хвастат видно да молодой женой,
А другой-от хвастат золотой казной,
А четвертой-от хвастат добрым конем.
Тут Добрынюшкой Марина та похвастала:
— Есть у меня да во чистом поле,
Есть у меня да девять туров,
Да девять туров да девять гнедых,
А десятой-от да изукрашен всем,
У тура-то рожка́ да позолоченые,
Ну бочка те у нево да рыту бархату.
Тут ставала Парасковья как Микитична,
Как ставала она да на резвы ноги,
Ну брала она Марину рукой за́ ворот,
А другой-то рукой она била по белу лицу:
— И как курва Маринка ты Игнатьевна,
Отверни-ко, Маринка, всех да добрых молодцов,
Отверни-ко всех могучих да бога́тырев.
Отверни-ко ты Добрынюшку Микитича.
Обернула как Маринушку сорокою,
Улетела она да во чисто́ поле,

Села Добрыни она на золотой рожок:
— Находился ли ты да по чисту полю,
Наелся ли ты да ну ковыль травы,
Напился ли ты да водушки болотния,
Дашь ли теперь клятву мне великую,
Ты возьмешь ли меня да за себя́ замуж?
Дал он теперь клятву ту великую.
Отвернула тут Добрынюшку Микитича,
Отвернула она да всех сильних добрых молодцев,
Всех да могучих богатырёв.
Приходил как ко царю тут ко Владимиру:
— Дал я Маринки Игнатьевны,
Дал уж как клятву я великую,
Взять-то ея да за себя́ замуж.
Тут-то они да обручалися,
Тут-то они да повенчалися.
У Добрыни-то как слуги те здогадливыя:
— Уж вы дайте мне-ка чару ту оправшую.
Уж как дали Добрыни саблю вострую,
Он срубил как но Марины буйну голову,
Он сожёг как на дровах да на дубовыих,
Роскидал как он песок да по чисту полю.
Приходил как но ко ранней ко заутринке,
Проздравляют ево да с молодой женой.
— Я вчера-то был да я женат ходил,
Сегодня я да как и вдов хожу.

Записано на Моше, 24 августа.

LXX

КУРНИКОВ

ван Иванович Курников, 70-летний крестьянин из Ка́накши (волость на юго-восток от Моши, на границе Вельского уезда), зажиточный и уважаемый в своей местности домохозяин. Знает много сказок и прибауток, а из былин только про Кострюка, да еще ту самую буквально былину про Добрыню и Маринку, которую пел Малыгин (см. выше № 316). Курников рассказывал, что эту последнюю былину он перенял незадолго перед тем (именно в 1870 году) от прохожего мужичка из Шалекужской волости (к северу от Моши), который, зная только одну эту былину, ходит из дома в дом просить милостыни и тут поет свою былину.

317

КОСТРЮК

А не тките-то, девушки,
Не прядите, молодушки,
Уж вы сядьте послушайте,
Я сам сказку скажу,
Прибаулушку немаленькую,
Ай диди-диди-диди
И про того Кострюка Кострюкановича
Про того Дебрюка Дебрюкановича.
И как у нас было, братцы, в каменной Москвы
У великого царя Ивана Васильевича,
Заводился тут пир-пированьицо,
Собирались гости честные почестные,
Приезжал Кострюк Кострюканович,
Приезжал Дебрюк Дебрюканович,
Садили ево за столы те дубовые,
Подносили напиточки сладкие медовые.
Еще тут Кострюк напивается,
Еще тут молодой наедается,
Еще тут Кострюк приосхвастался,
Еще тут молодой разбахвалился
Да своей ли то силой богатырскою:
— У вас есть ли борцы молодцы
Да московски ухватчики
А со мной поборотися
Да со мной поломатися,
Отведати силы богатырския?
У царя была слуга верная,
Слуга верная благоверная
Да Микита Романович.

Выходил на крылечко переное,
Кричал во всю голову,
Чтобы слышно на всю Москву,
Собирались бы борцы молодцы
Да московски ухватчики
И с Кострюком поборотися
И с молодым поломатися.
Ай диди-диди-диди!
Вот на пору, на таково время
В Москвы борцов не лучилосе,
В Москвы удальцов не лучилосе,
И только было в малой улицы
У старухи в ряд кузницы
Было три сына милые,
Было три родимые:
Первой был Васенька,
Другой Потанюшка,
Третий был Мишенька,
Маленькой, хроменькой,
На ножку припадывает,
Из-под ручки посматривает.
Обряжались братаны
В кафтаны те синие,
Кушаки были шелковые,
На ножках сапожки сафьяненькие,
На головушке шляпоньки пуховенькие.
Идут-то по мосту калиновому,
Говорят царю да не с упадкою:
—Уж если поборем Кострюка Кострюкановича,
Дебрюка Дебрюкановича,
Дак не будем ли гневны мы,
Да не будем ли судёбны мы?
Говорит им царь Иван Васильевич:
—Да борите, борьцы молодцы
Да московски ухватчики,
И не будете гневны вы,
Да не будете судёбны вы,
И дам я вам по двадцати пяти рублей деньгам,
И по кафтану голубому,
Дам я вам похвальный лист
Ездить по иным городам и по ярмонкам,

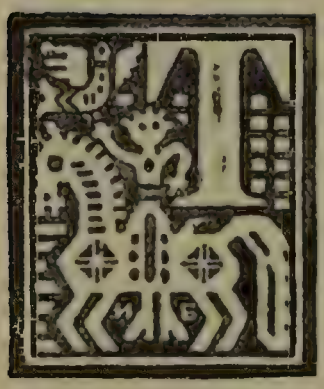
Торговать всё товарами разными
И без дани, без пошлины,
Без государевой подати,
И пить вино в кажном кабаке безденежно.
А й диди-диди-диди!
Услыхал Кострюк Кострюканович,
Увидал Дебрюк Дебрюканович,
Выходил из-за столов-то дубовыих,
Столы те все пошаталисе,
Уже напиточки поплескалисе,
Уж скатерти шелковыи да заливалисе,
Пошол по полу — половочки да погибалисе,
Уже петелки у дверей розгибалисе,
Уже лиственки дубовыи пороссыпались.
— Уже где борцы, где молодцы
Да московски ухватчики?
Говорят борцы да не с упадкою,
Говорит бо́льший брат Васенька:
— Разве я пойду поборотися,
Разве я пойду поломатися
И захвачу я тебя осере́дь кишки
Да брошу́ я тебя осередь Москвы.
А говорит дру́гой — Потанюшка:
— Как я пойду поборотися,
Как я пойду поломатися,
Захвачу твою буйную голову,
Отверну твою буйную голову
Да брошу́ за Москву за реку,
Чтобы слышно на всю́ на Москву.
Говорит им третий брат — Мишенька:
— Разве я пойду поборотися,
Разве я пойду поломатися?
Пошол Мишенька да пошол маленькой,
Не припадывал он не на ногу и не на́ руку,
Он припадывал к правому плечику,
Как гнянул Кострюка о сыру́ землю,
Тут рубашка та треснула
И брюшинка вере́снула,
Да нага-то нага Кострюка по двору спустил,
Да Кострюк-от был девушка,
Да Кострюк-от был красная,

У ево п...а как сильная вачуга,
Закрыла она долонью то правою,
Побежала по двору-то широкому,
Хоронится за лиственки дубовые.
Говорит им сестра Марья Добрюковна:
— А й вы борцы молодцы
Да московски ухватчики,
Она какой борец, какой молодец,
Она красная девушка.
Говорит им царь Иван Васильевич:
— Ай спасибо, борцы молодцы
Да московски ухватчики,
И ступайте ко мне в каменный дом,
Дам вам по двадцати пяти рублей деньгами
И дам я вам пофальной лист
Ездить по иным городам и ярмонкам
Торговать всё товарамы разныма
Без дани, без пошлины,
Без государевой подати,
Ужо пить вино в кажном кабаке безденежно!
Да диди-диди-диди!

Записано в Канакше, 25 августа.

LXXI

СИВЦЕВ



имофей Михайлович Сивцев, крестьянин дер. Парфеновской, Лимского прихода, 60 лет, знает много сказок про Илью Муромца и других богатырей; поет только одну, нижеследующую „старинку“, сложенную на Моше об истинном происшествии, там случившемся.

318

СОБЫТИЕ 1830-х ГОДОВ

Вот по Моши по реки
Живут богаты мужики
Вот ка | лина,
Вот ма | лина!
Окол масляной гуляли,
Коневала признавали.

Коневалушко знако́м,
Стало ехать не на ком.

Взяли лошадь заложили,
Коневала придружили.

Еще лошадь-та берёжа,
Что дорожка нехороша.

А лошадка ворона́,
Дорожёнька не торна́.

Только сел Кузька с кнутом,
Коневалко с багорком.

Кузьма сзади обнимае,
Коневал дела́ не знае.

Они ехали страдали,
Петушкова вслед дождали,

Петушкова обождали,
Коневала повалили,

Он сказал добром не лихом,
Что вы едете-то тихо.

Это слово не по ндраву,
Петушкова обругали.

Пе́тух, Пе́тух, Петушок,
Ты табашный корешок.

Потому ты корешок,
За́чем дёржишь девушо́к.

Коневала повалили,
К Федьке на груди напали,

С него сумочки сорвали,
Все мешочки розвязали.

В сумке денежки нашли,
В разны стороны пошли.

Коневал опамяти́лся,
На погост бежать спешился.

К подомарю прибежал
У ворот-то постучал.

Подомарь-от отложил,
Коневал стоит дрожит.

Он по утру-то ставал,
Он туда же к им бежал.

Он по утру-то ставал,
Он в Зашондомьё бежал.

Из Зашондомья-то шел,
К Петушкову гость зашёл.

Уж ты батюшко Роман,
Что пустой-то стал карман?

Не можно̀ ли тому статься,
О мои деньги́ стараться.

Когда денежки взыщу,
За роботу заплачу.

Как Роман со стула встал,
Коневалу руку дал.

Еще сядь, дурак, послушай,
Чаю кофею покушай.

Коневалушку не пьется,
О своих деньгах пекется.

Роман кофею напился,
Во делах распорядился.

Взял записку написал,
За Кузьмой скоро послал.

По чужой Кузьма наслышке,
По Романовой записке,

Как сейчас скоро явился,
Во делах своих винился.

Роман Кузьме говорил:
Небось, Кузька, не тужи.
У тя много старой ржи.
Ничево тебе не будет,
Только старой ржи убудет.

Старшина у нас Мороз,
Он ведь любит стару рожь.

Для семен, для еды,
Он избавит от беды.

Небольшим судом судили,
Мы в расправы замирили.

Вот Кокора ковыляе,
Становому объявляе.

Становой дело́ у́знал,
Сейчас на глазички призвал.

Он и бить-то их не бьёт,
Ручки ноженки кует.

Кузька скоро догада́лся,
Он ночью́ домой бросался.

Золотыма подарили,
С рук железа-ти сложили,

С рук железа-ти сложили,
По домам их роспустили.
Трои суточки гулял,
Дни ни ноченки не знал.

Записано на Моше, 24 августа.

ПЕВЕЦ БЫЛИН
ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ
И. Б.
9 37

LXXII

ГУСЕВ

Съездивши нынешним летом (1871 г.) в „подсиверную сторону“, в Олонецкую и Вологодскую губернии, чтобы послушать наших народных рапсодов, я там только, совершенно случайно, узнал, что этих рапсодов можно находить и гораздо ближе, почти под самым Петербургом. В отдаленном Вельске один из служащих там чиновников сказал мне, что он слышал былины в Гдовском уезде здешней губернии. И действительно, поиски, в эту сторону направленные, весьма скоро навели на след народного рапсода если не в Гдовском, то в еще более близком к столице Новоладожском уезде. Это оказался старик-крестьянин (из бывших государственных крестьян) Усанской волости, деревни Конец, Иван Яковлевич Гусев, который, по приглашению своего сына, живущего здесь в разносчиках, весьма охотно приехал ко мне в гости. Деревня, в которой у него свой дом, находится в 30 верстах от Ладоги, в 15 верстах от Ладожского канала. Я увидел перед собою старика на вид еще довольно бодрого, хотя несколько сгорбленного, небольшого роста, худого, с густыми седыми волосами и бородой, с орлиным носом и маленькими голубыми глазами. Он сказал мне, что ему „девяносто лет без двух годов“. Отец его умер, когда ему было только 12 лет,

но он помнит, что отец певал старины, и он от него научился им. Я подумал, не переселенец ли он из какой-нибудь более поэтической местности, чем Петербургская губерния; но нет, старик уверял, что и отец и дед жили в той же деревне, где он. Впрочем, странствующая жизнь помогла Ивану Яковлеву обогатить свою память былинами, к пенью которых он, судя по его словам, наследовал склонность от родителя. Выучившись коновальному делу, он, 70 лет тому назад, пошел в Сибирь, где обилье лошадей у крестьян обещало ему хорошие заработки. Он помнит, что в то время четверик овса стоил в Сибири семь копеек ассигнациями. Вернувшись из Сибири и побывав дома, он отправился в Вологду, побывав в Соловках, ходил потом на Волгу и в Оренбург, был и в другой раз в Сибири. Потом промышлял более в окрестностях Петербурга и, наконец, в последние годы стал жить постоянно дома.

К сожалению, слишком преклонная старость Ивана Яковлева ослабила его память. Голос отказывается служить ему, так что он уже несколько лет перестал петь былины; он перезабыл большую часть того, что знал, с трудом мог пропеть некоторые отрывки, беспрестанно сбивался с песенного склада в простую передачу содержания былины. По его словам, он в прежние годы певал много про Илью Муромца, Добрыню Никитича, Чурилу Пленко́вича, про какого-то Мирошку-богатыря, который победил Бабу Ягу, про Анику-воина и т. д. Теперь удалось, и то с трудом, записать с его голоса четыре отрывка, здесь помещаемые.

Было бы желательно, чтобы люди, которых интересует русская народная поэзия и старина, обратили внимание на этот случай. Если бы, лет пятнадцать или двадцать тому назад, кто-нибудь догадался поискать остатков русской эпической поэзии в Петербургской губернии, то знакомство с Иваном Яковлевичем Гусевым было бы находкою. Отрывки, какие и теперь спел 88-летний старец, показывают, что былины, которые он знал, были хороши, а один из этих отрывков, где выводится какой-то богатырь Ярюк, побивающий Алешу Поповича, свидетельствует, что от него можно было бы услышать и нечто совершенно новое.

14 сентября 1871 г.

319

АЛЕША ПОПОВИЧ И ЯРЮК БОГАТЫРЬ

(Отрывок)

Говорил Алеша Поповичев:
— Молодой Ярюк сын Иванович,
Отсеку тебе да буйну голову,
Твою молоду жену да себе замýж возьму.
Говорил молодой Ярюк да сын Иванович:
— Не хвались, Алеша Поповичев,
От двора ли идучи,
Похвались, Алёша Поповичев,
Ко двору приезжаючи.
Разъезжались добры молодцы на три поприща,
Ударились саблям вострыим;
Молодой Ярюк ударил Алёшу Поповича,
Как убил Алёшу Поповича.
То-то Алёша на моей жене женат бывал!

320

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ЦАРИЦЕ КУДРИЯНИЦЕ

(Отрывок)

Как ехал-то дороден добрый молодец,
Илья Муромец да сын Иванович,
Копали окопы глыбокии,
А где поймать дородня добра молодца.
Первыи окопы десять сажен печатных,
А другии окопы двадцать сажен печатных,
Третьи окопы тридцать сажен печатных,
Четверты окопы сорок сажен печатных.
С десяти сажен печатных повыскочил,
С двадцати сажен повыскочил,
С тридцати сажен он повыскочил,
С сорока сажен не мог выскочить,
И хотя зарыть дорожня добра молодца
В том окопе глубокоём.
Говорит Илья Муромец да сын Иванович:
— Ай же вы поганыи татаревя!
Не честь хвала ваша великая,
Что зарыть дородня добра молодца,
А то честь хвала великая —
Свяжите мне белы рученки,
Скуйте мне скоры ноженки
А ведите к царицу Кудриянищу.
Привели его к поганому татарищу.
Как зачал татарин его спрашивать:
— Станешь ли мне служить верой правдою?
— Не сладилось у мня сабли вострыи,
Не сладилось у мня палочки боёвыи,
Послужил бы тебе верой правдою,

Сейчас отсик бы буйну голову!
Тут татарище рассе́рдился
На дородня добра молодца:
— Ай вы поганыи татаревя!
Ведите вы дородня добра молодца
На то на болото кули́ково,
Ко той ко плашке ко липо́вой,
Отсиките ему да буйну голову!
Повели дородня добра молодца
К тому болотцу куликову,
Ко той ко плашке ко липовой
Отсечь ему буйну голову.
Выезжают поганыи татаревя,
Выезжают да на чисто́ поле.
Говорил дородний добрый молодец:
— Ай же вы поганыи татаревя,
У которого есть отец да мать?
У которого есть да молода жена?
У которого есть да малы детушки?
Отступились от дородня добра молодца.
Не сладилось палицы боёвыи,
Не сладилось сабли острыи,
Ухватил одного татарина за ноги.
— Исполать ти, поганое татарище!
Вдоль погибаешьси, а сам не ломишьси!
Перебил поганыих татаревей всих дочиста,
Не оставил на симена.
Только одному отсек да буйну голову,
Пото́рнул эту голову на рога́тыню
И несет к идолищу поганому.
Увидал идолище поганое,
Увидал в косивчато окошечко,
Тут испугался поганое татарище:
— Ай же ты дороден добрый молодец,
Оставь ты меня во живности.
Вот ти государство здись.
— Не надо твоего государства мне,
Выходи-ко ты на улицу,
Я теперь с тобой да попытаюси.
Не выхо́ди поганое татарище.
Ухватил дороден добрый молодец

В том в косивчатом окошечке,
Брал его да за желты́ кудри,
Вытащил его да во чисто́ поле,
Россек его да на мелки́ части,
Раскидал его он по чисту полю
Воронам да на съеденьице,
Дорожным на́ поршни.

321

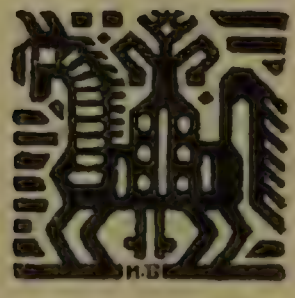
ВАСИЛИЙ БОГУСЛАЕВИЧ

Грозный царь Иван Васильевич
Завел пир про князей про бояр,
Про сильных могучих богáтырей,
Про всю поляницу удалую.
Тут на пиру да напивалисе,
Тут на пиру да наедалисе,
Тут на пиру да порасхвастались.
Еще кто-то хвалится своей силой могучею,
Еще кто-то хвалится да саблей вострою,
Еще кто-то хвалится палицей боёвою,
Еще кто-то хвалится своей силой могучею,
Еще кто-то хвалится да золотой казной,
Еще кто-то хвалится да молодой женой.
Как возгóворил грозный царь Иван Васильевич:
— Еще кто-то из вас идет на мою силу на войскую?
Как тут князья, бояре,
Сильнии могучии богатыри
Еще большей за мéньшово хоронится,
А меньшей за бóльшово хоронится,
А середней-то не знае ответу дать.
Как з-за тех столов да з-за дубовых
Становился тут дороден добрый молодец
Василий Богуслаевич,
Ему от роду семнадцать лет.
— Уж как грозный царь Иван Васильевич,
Уж как я иду на всю силу на войскую,
Только прикажите мне со пиру со кумпаньицы
Себе выбрать двух товарищей.
Говорил Василий Богуслаевич:

— Еще кто со пиру да со кумпаньицы
А ко мни во товарищи?
Как выскакивал Поташенька сутул-горбат,
На одну ноженку припадывал.
— Еще кто второй да во товарищи?
Еще выскакивал Васька белозёрянин:
— Как Василью Богуслаевичу
Я иду да во товарищи.
— Ступайте же ко мни в полаты белокаменны,
Ступайте же к моей матушки
К Мамельфы Тимофеевны,
Садитесь за столы дубовыи,
За скатерти за браныи,
За ествы за сахарныи,
А за питья за медвяныи.
Тут Василий Богуслаевич
С грозным царём Иваном Васильевичем
Сделали они заговор великии,
Уж как записи они записывали,
Уж как заклики закликивали:
Ежели побьет да силу войскую,
Чтобы владеть да всим Новым-градом;
Ежели побьет да сила войская,
Так нет ни сыску ни отыску.
Как пошел Василий Богуслаевич к своей матушке,
Садился за столы за дубовыи,
За скатерти за браныи,
А за ествы за сахарныи,
А за питья за медвяныи,
Сидит, буйну голову повесивши,
Очи ясны в зень потупивши.
Говорит его матушка:
— Что сидишь, мило мое дитятко,
Что сидишь, буйну голову повесивши,
Очи ясны в зень потупивши?
Аль тебя обесчестил грозный царь Иван Васильевич
Чарой зелена вина?
— Не обесчестил меня грозный царь Иван Васильевич
Чарой зелена вина,
А только я похвалился итти на силу войскую.
Ежели побью силу войскую,

Дак чтоб мне владеть да всим Новы́м-градом;
Если побьет сила войская,
Так нет ни сыску ни отыску.
Его матушка ро́дная
Напоила напиткам пьяны́им,
Двенадцати дверям затворила,
Двенадцати замкам замнула все личинныим.
Как спит ён не про́снется,
Народу к нему на двор вало́м-вали'
А палок к нему на двор возам везу'.
Дак выскакивал Поташенька суту́л-горбат,
На одну ноженку припадывал,
То сразу семьсот убил.
Дак народу не убавляется,
А народу прибавляется,
А палок возы возам везу'.
Как выскакивал Васька белозе́рянин,
А то сразу восемьсот убил.
А народу не убавляется,
А народу прибавляется,
А палок возы возам везу'.
Выходила дивка служаночка,
Брала коромыселек желизненькой,
Ведёрочка дубовыи,
Видит, что его товарищам
Головушки да переломаны,
А платочикам да перевязаны.
Как брала коромыселёк,
Стала коромысельком помахивать.
Куды ма́хнет — туды улица,
А розмахнет — переулочек.
А народу не убавляется,
А народу прибавляется,
А палок возы возам везу'.
Как тут дивка уполо́халась,
Бросилась да на широкий двор,
Закричала громким голосом:
— Что же ты, Василий Богуслаевич,
Что ты спишь не про́снешься,
А твоим товарищам
Головушки да переломаны,

Платочикам да перевязаны!
Как услыхал Василий Богуслаевич
Голос да богатырскии,
Без людей двери отворялисе,
Без ключей замки да отмыкалисе.
Как выскакивал Василий Богуслаевич,
Как выскакивал да на широкой двор,
Не сладилось палочки боёвыи,
Не сладилось да сабли острыи,
Ухватил да ось тележную,
Тележную да железную.
Да куды размахнет, лежит сила войская.
Народу то убавляется,
Не оставляе народу на симена.
Ево дядюшка родныи
Жил в намастырй во Юрьеве,
И пришол ево да уговаривать:
— Ой же ты племянничек,
Не оставляешь себе народу на симена.
Я тебя досюль на борьбы побаривал,
Я тебя на кулачки поколачивал.
— Это дело было, дядюшка, да за робячества,
Это тебе спущается, что ты — дядюшка родныи.
Да уж как стал Василий Богуслаевич
Владеть да всим Новым-градом.



322

ВЗЯТИЕ АЗОВА

Как у нас-то было, братцы, на святой Руси,
Во той ли во полаты государевой
Почестен пир идёт на вечери,
Беседушка идёт на весели.
Тут на пиру да напивалисе,
Тут на пиру да наедалисе.
Тут на пиру да поросхвастались.
Еще кто-то хвалится своей силой могучею,
Еще кто-то хвалится да саблей острою,
Еще кто-то хвалится да палицей боёвою,
Еще кто-то хвалится да золотой казной,
Еще кто-то хвалится да молодой женой,
Еще кто-то хвалится да платьем цветным.
Как зговорил тут надёжа благоверный царь
А царь Петр и Алексиевич:
— Ой же вы князья бóяре,
Сильнии могучии богáтыри!
Еще кто-то из вас съездит ко славному Азову,
Ко славному Азову, крипку городу?
Еще я того буду много жаловать.
Уж как бóльшей за меньшово хоронится,
А мéньшей за бóльшово хоронится,
А середней не знае' ответу дать.
Как з-за тех столов да сыродубыих
Становился собака вор донской казак:
— Уж как съезжу с силушкой под тот Азов,
Под тот Азов ли под словнóй город:
Сострой мне тележек двоеколыих,
Тележек двоеколых сорок тысячей,

И обивай тележки суконцем багрецовыим,
Сажай в кажную тележку живой товар,
По семи человек, по во́сьмому провожатому,
По девятому да сторожатому,
По десятому да по извощику.
Отправляется тут собака вор донской казак
Ко славному Азову, крипку городу,
А быдто едет купчинушка заморская
Торговать он атласом и бархатом.
Стречают гости азовские
А все мужики да деревенские,
Что едет к нам с товаром атласом и бархатом.
Говорит собака вор донской казак:
— Ай же вы гости азовские
А все мужики да деревенские,
Отведите-ко мне местечко порожнее.
Отводили местечко порожнее
Посерёд Азова, крипка города,
Торговать атласом и бархатом.
Как пришла тут те́мна ночь,
Как стал собака вор донской казак,
Стал по обозику похаживать,
Стал ребятушек побуживать:
— Вам полно спать, пора́ вставать,
Берите-тко ору́жейка булатнии,
Палите по Азову, крипку городу.
Как стали ретябушки поступывать,
Как стали ребятушки погримывать,
Не оставляют народу на си́мена.
Уж за это надёжа благоверный царь
А много каза́ченка да жаловал.

Записано в Петербурге, 12 и 13 сентября 1871 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

К № 235

ЩЕЛКАН ДУДЕНТЬЕВИЧ

На стули на бархатном
На златом на ременчатом,
Сидел тутo царь Возвяк,
Сын Таврольевич,
Он-де суды рассуживал,
Дела приговаривал.
Да князей бояр жаловал,
Селами, поместьями,
Города с пригородками.
Да Фому дарил Токмою,
Да Ерёму Новы́м городом.
Любимаго зятяюшка,
На дворе не случилосе.
Уехал Щелканушко
Во землю жидовскую,
Ради дани и выходу,
Ради чортова пра́вежу.
Он-де с поля брал по́ колосу,
С о́города по курици.
С мужика по пяти́ рублей
У кого пяти рублей нет,
У того он жену́ берет,
У кого как жены-то нет,
Так того самого берет.
У Щелкана не вы́робишься,
Со двора вон не вырядишься.
Приехал Щелканушко
Из земли из жидовские
Да к царю на широкий двор.
Говорит же Щелканушко:
—Ай же ты царь Возвяк,
Да Возвяк сын Таврольевич!
Ты князей бояр жаловал,
Селами, поместьями,
Города с пригородками,

Фому дарил Токмою,
Ерёму Новым городом,
Да любимого зятяюшка,
Да Щелкана Дудентьевича
И подари Тверью городом,
И токо Тверью славною,
И токо Тверью богатою,
И двума братцами ро́дныма,
Да князьями благовернымa.
Борисом Борисовичем,
Да и Митрием Борисовичем.
— Да ой же, Щелканушко,
Да Щелкан сын Дудентьевич!
И заколи чада милаго,
Токо сына любимаго,
Нацеди ты токо чашу руды,
Токо чашу серебряную,
Да выпей тою чашу руды,
Стоючись перед Звягой царем,
Перед Звягой Таврольевичем.
Подарю Тверию городом,
И токо Тверею славною,
Токо Тверью богатою,
Двума братцами родныма,
Да князьями благовернымa:
Борисом Борисовичем,
Да и Митриём Борисовичем.
Да и туто Щелканушко
Заколо́л чада милаго,
Токо сына любимаго,
Нацедил-де он чашу руды,
Токо чашу серебряную,
Да и выпил ту чашу руды
Стоючись перед Звягой царём,
Да и тут царь Возвяг
Подарил Тверию городом
Токо Тверию славною,
Токо Тверью богатою,
И двума братцамы родныма.
Да князьям благовернымa:
Борисом Борисовичем,
Да и Митриём Борисовичем.
Поехал Щелканушко
Да во Тверь-ту город-от,
Да заехал Щелканушко
Ко родной сестры проститися,
Токо к Марье Дудентьевной:
— Да и здравствуй ты, ро́дна сестра́,
Да и Марья Дудентьевна!

— Да и здравствуй ты, ро́дной брат!
Да и по́ роду ро́дной брат,
Да по прозванью окаянной брат.
Да чтобы тебе бра́телку
Да туда-то уехати
Да назад не приехати.
Да остыть бы те, брателко,
Да на востром копье,
На булатнем на ножичке.
Дунай, Дунай, более вперед не знай.

Записано там же, 15 августа.

К № 237

ШВЕДСКАЯ ВОЙНА

Ой да пишё, пишё-то, пишё король шведские,
Государыня пишё самой:
— Ой да, милосердная наша государыня!
Ай да замиримся мы с тобой.
Ой да ты отдай-ко мои города-ты,
Которые прежде ты нам побрала.
Ой да Ригу отдай, отдай Ревель,
Отдать Нарву крепкий городок
Ой да роспиши ты нам ли полаты
Ой да в каменной Масквы постоять,
Ой да нашой конницы нашим драгунам,
В пирской постоять в славной улицы,
Ой да нашим графам, графам офицерам,
Ино да по купеческим стоять по домам.
Ой да самому-то королю шведскому,
Ему в Шелементьёвом стоять во дому.
Ой да наша милосердная государынька
Убоялась она того,
Ой да как ею резвые скорые ноженки,
Ноженки подломилисе стоючись,
Ой да белотельные царские рученки
Ой да как по правую царскую рученку
Ино стоит Румянцёв-от енерал.
Ой да как по левую царскую рученку
Ино стоит Потемкин енерал.
Ой да как возговорит ли-то промолвит
Ой да наш Румянцёв-от енерал:
— Ой да милосерднаи наша государыни!
Да не убойся ты ничего.
Ой да не бывать ему вору собаки,
Ой да в каменной нашей славной Москвы.
Ой да не стоять-то ему вору собаки,
Ой да по купеческим славным домам.
Ой да уж мы встретим короля шведскаго
Ино Середи моря во губы.

Ой да в славной ревельской у нас во губы,
Стоит тридцать кораблей,
Ой да стоит тридцать кораблей три кораблика,
Всё стопушечные.
Ой да мы столики ему поставим,
Черные как мы корабли.
Ой да мы скатертки ему постелем,
Тонкие белые паруса.
Ой да уж мы кушанья ему составим,
Черные порохъ мы пушечки,
Ой да чугунные ядрышки,
Ой да силушку прибьём прирубим,
Короля-то мы в полон возьмём.

Записано там же, 16 августа.

ПРИМЕЧАНИЯ

Примечания к 3 тому былин носят тот же характер, что примечания ко 2 тому, т. е. дают краткие справки о состоянии текста былин в сохранившейся рукописи А. Ф. Гильфердинга (Рукописное отд. Академии Наук СССР, шифр 17. 10. 18). Материал 3 тома охватывает листы 293—747 II фолианта рукописи. При былинах, вошедших в 3 том, в рукописях ссылок на сборник П. Рыбникова нет вовсе, так как готовил этот том к изданию не сам А. Гильфердинг. Из настоящего 3 тома №№ 195—243 приготовлены к изданию А. И. Никифоровым, а №№ 244—322 — Г. С. Виноградовым.

XXXVI. И. Захаров, II л. 295, чернильная заметка рукой Г.

№ 195. Вольга и Микула Селянинов, II лл. 296 + 1 чистый, карандашная полевая запись, заглавие и дата рукой Г. Текст, повидимому, прослушан дважды, потому что под верхним слоем имеются варианты первичной записи. Очень важно, что в первой записи стих 8 сохранялся на 8-м месте. В рукописи чертой и цифрами на полях позже стихи 8 и 3—7 помечены к перестановке и так со стихом 8-м после 2-го и напечатана былина в 1-м и во 2-м изданиях. Если сравнить все варианты эпизода рождения Вольги, то станет ясной какая-то испорченность этого места.

Стих 8 мы печатаем 8-м по первому полевому тексту Гильфердинга, как интереснейший и редчайший случай возможной наидревнейшей его формы. Это тем более возможно, что пометка на полях цифрами 1, 2 о перестановке строк 8 и 3—7 могла быть сделана Гильфердингом как собственная поправка просто в силу привычности такого положения этого стиха в других вариантах. Исполнитель мог механически с этим согласиться. Для нас же гораздо интереснее случай возможности исполнения 8-го стиха после 7-го.

Стих 9 первоначально был:

Да поехал Вольга по чисту полю

Стих 10 вписан между строк.

Стих 15 первоначально был:

Киньте у мужика соху в сторону

После стиха 19 зачеркнуто:

Брали они соху

Стих 21 исправлен из:

А никто то сохи приздынуть не мог

Стих 25 исправлен из:

Да не можем мы сохи да от земли поднять

Стих 26 исправлен из:

Подъезжает Во́льга Сеславьевич

Стих 27 вписан позже. Стих 28 исправлен из:

Как тебя, мужичек, именем зовут?
Как тебя величают по отечеству?

Стих 31 вписан на поле.

№ 196. Илья Муромец и Идолище, II лл. 298—300 + 1 чистый, полевая карандашная запись, заглавие и дата рукой Г. Есть несколько поправок, неясных по происхождению. Напр.: стих 10 изменен из первоначального:

Только я иду Илья Муромец сын Иванович.

Стих 28 слова: „Межу глаз" вписано над зачеркнутым: „А промиж уши да". Стихи 54 и 55 вписаны на поле позднее. После стиха 55 зачеркнут стих:

Он ударил дубиной о сыру землю.

Последние четыре стиха переставлены в рукописи цифрами. Их первоначальный порядок: 126—125—128—127.

№ 197. Поездки Ильи Муромца, II лл. 302—303, полевая карандашная запись, заглавие и дата рукой Г., после стиха 44 зачеркнуто:

Вы ступайте-ко, розбойники!

№ 198. Добрыня и Алеша, II лл. 304—307, полевая карандашная запись, заглавие и дата рукой Г. Стихи 106—108 есть механическая вписка позднее стихов 84—86. Стихи 118—119 в рукописи первоначально стояли после стиха 113 и читались:

Однако спускалась в погреба глубоки
Да вдынула платья схоморошьии,

а затем первые слова этих стихов зачеркнуты и исправлены сверху так, как читаются 118—119, а значком помечена их перестановка.

№ 199. Соловей Будимирович, II лл. 308—310 + 1 чистый, полевая карандашная запись, заглавие и дата рукой Г. Немного поздних чернильных дописей не Г. В стихе 145 слово „заулишен" можно прочесть „зауминен".

№ 200. Королевичи из Крякова, II лл. 312—314 + 1 чистый, полевая карандашная запись, заглавие и дата рукой Г. Немного дописей чернилами рукой не Г.

№ 201. Грозный царь Иван Васильевич, II лл. 316—318 + 1 чистый, полевая карандашная запись, заглавие и дата рукой Г. Немного чернильных дописей позже не Г. Слово „житное" в стихах 21, 32, 49, 58 неясно — местное название или эпитет, 2-е издание ввело заглавную букву, наше издание сохраняет написание рукописи.

№ 202. Ермак, II лл. 320 + 1 чистый, полевая карандашная запись, заглавие и дата рукой Г. Места цезуры писаны сразу же при записи текста, причем Г. сначала понял, что былина поется коротким стихом. Первые строки записаны:

Как сбирались казаки
На крутой бережок,
Ах доньски, гребеньски
Запорожскии,
Запорожскии казаки
И все были яицкии.

Но потом, поняв, что стих остается былинным, но вводит цезуру, Г. ведет запись стиха с указанием цезуры, а в конце дает приписку, объясняющую характер испол-

пения ее: „Слог при цезуре повторяется в пенье и даже при передаче словами, если разделено слово". На чистом листе 321 об. другая приписка: „Ермак. Это и Сеньку, он предлагает спеть, говоря: «Я вам скажу теперь песню старинну такую»", т. е., очевидно, про Степана Разина.

№ 203. Стенька Разин, II лл. 322 + 1 чистый, полевая карандашная запись, заглавие и дата рукой Г. с указанием мест цезуры, без позднейших чернильных вмешательств. Исполнялась, вероятно, как „Ермак" (см. № 202).

№ 204. Шведская война, II лл. 324 + 1 чистый, полевая карандашная запись, заглавие и дата рукой Г. Чернилами пунктуация. После стиха 7 в рукописи зачеркнуто:

Ах у ней под правою рученкою.

Цезура поставлена в момент записи.

№ 205. Прусский король, II лл. 326 + 1 чистый, полевая карандашная запись, заглавие и дата рукой Г. Внизу приписка Г.: „Подчеркнутые слоги повторяются два раза, при цезуре повторенья нет".

XXXVII. Т. Суханов, л. 328, чернильная заметка рукой Г.

№ 206. Добрыня и Алеша, II лл. 329—336, полевая карандашная запись, заглавие и дата рукой Г. Чернильная пунктуация. Стихи 172—176 есть механическое повторение 150—154; интересны примечания Г., очевидно, представляющие комментарии сказителя к отдельным местам текста. Так, к стиху 55: „Она была поляница, сидела на пиру"; к слову „откаивать" в стихе 83: „отковывать"; против стиха 177 на поле: „она была поляница, сама дальше его могла ездить, потому так выражается"; к стиху 190: „а прежде был богатырь, должен был защищать сам себя помимо князя"; против стиха 413: „Владимир"; против стиха 421: „т. е. дубина".

№ 207. Калика-богатырь, II лл. 337—338, полевая карандашная запись, заглавие и дата рукой Г. Есть чернильные дописи рукой не Г. Против стиха 63 на полях записана, очевидно, реплика сказителя: „Богатыри все единой силы были".

№ 208. Соловей Будимирович, II лл. 339—340, полевая карандашная запись, заглавие и дата рукой Г. Чернилами позднее — пунктуация. Стихи 73—74 вписаны на полях. Перед началом былины — карандашом: „веряйское", „стунчит бунчит" „прикукуйвает", „кожаны лосиныи".

№ 209. Грозный царь Иван Васильевич, II лл. 341—343 + 1 чистый, полевая карандашная запись, заглавие и дата рукой Г. Пунктуация и дописи чернилами рукой не Г. Стих 2 исправлен из:

На тое ли на небо на ясное

Против стихов 8—11 пометка Г.: „№, как в Добрыне". Стихи 14—17 первоначально были так:

Повывел я измену изо Опского,
Повывел измену из Казаньскаго
Повывел измену с Астраханьского,
Да вывел измену с Нова́ города,
Выведу измену с каменной Москвы.

Стихи 25—30 вписаны на полях, причем большая часть текста этих стихов есть аккуратная запись чернилами рукой не Г. Над стихом 32 вписано и зачеркнуто:

Под твоей под ручкой

В стихе 38 скобки Гильфердинга, а против 38—39 приписка на поле: „так при первоначальном сплошном распеве".

В стихе 92 под „крылечко“ имеется слово „плечику“. Стихи 175—180 — механический перенос стихов 165—170.

XXXVIII. Панов, II л. 345, чернильный набросок биографии рукой Г.

№ 210. Илья Муромец, II лл. 346—353, карандашная полевая запись, заглавие и дата рукой Г., с позднейшими чернильными дописями. К стиху 104 на поле примечание: „девицы богатырицы“. В стихе 105 слово „каятесь“ написано так, что можно прочесть: „касаетесь“.

В стихе 214 на поле: „пела́ — мякина от овса“.

№ 211. Добрыня и Алеша, II лл. 354—355 + 1 чистый, полевая карандашная запись, заглавие и дата рукой Г., его же рукою чернилами начальное примечание к былине. Конечное примечание еще карандашное, рукой Г. Под этим замечанием зачеркнуто: „(Он спрашивает про жену)“, т. е. имеется в виду Добрыня.

XXXIX. Федулов, II л. 358, чернильный набросок биографии рукой Г.

№ 212. Илья Муромец и Соловей разбойник, II лл. 359—361 + 1 чистый, полевая карандашная запись, заглавие и дата рукой Г.

После стиха 76 зачеркнуты следующие стихи:

Уж как говорят ёго рожоныи ты детушки
Уж как старый казак тут Илья Муромец
Уж как

№ 213. Дюк, II лл. 363—370, полевая карандашная запись, заглавие и дата рукой Г. Дописей немного рукой не Г. Стих 271 исправлен Гильфердингом:

Нет ли у вас в артели Дюковой матушки?

Стих 237 исправлен Гильфердингом:

И когда вы ищи́те да Дюкову матушку.

Стихи 277—278 вписаны Гильфердингом над зачеркнутыми:

И пошли как пошли оны тут во город-от
Ай приходят оны в город во Галичю:
— Ай же вы ведь господа обценщички
Ай обценщички да столно-киевски.

Стих 345 исправлен из:

Они приходят тут после об

Стих 378 в рукописи чернилами исправлен позже: „да чернилов-то“, а стих 379 позже чернилами слово „оценить“ заменено словом „уписать“. После стихов 397 и 398 на поле заметки Гильфердинга: „так испр.“. После стиха 468 зачеркнуто:

Отправляется во город свой во га

Стихи 470—471 вписаны между строк с выходом на поле. Стих 474 исправлен из

Ай же на ту же честь как у тебя гостил

На поле заметка против этого места: „(т. е. приезжай в гости)“.

XL. Петров, II л. 371, биографическая заметка чернилами рукой Г.

№ 214. Дунай, II лл. 372—373, полевая карандашная запись рукой Г. Чернилами только пунктуация. После стиха 12 на поле заметка Г.: „запев = стих“. Стих 17 исправлен из:

Ай, вси вы гости любимыи!

После стиха 18 зачеркнуто:

Слушайте гости .....

Стихи 42 и 43 первоначально записаны в обратном порядке и в рукописи цифрами 1 и 2 помечены к перестановке. Стихи 54 и 55 первоначально записаны в обратном порядке и помечены к перестановке цифрами 1 и 2. Против стихов 66—67 на поле запись Гильфердинга: „(сперва не мог припомнить, сказал это мне поразмыслившись)".

XLI. В. Суханов, II л. 374, заметка рукой Г. чернилами.

№ 215. Добрыня и Алеша, II лл. 375—380, черновая карандашная полевая запись рукой Г. Немного чернильных вставок. Против стиха 19 запись: „женщины — богатырицы были досель". Против стиха 31 на поле заметка Г.: „sic, сам не знает что". К стиху 95 примечание Г.: „(поступками не хороший человек)".

Стихи 215—217 = 182—184 механически.

К стиху 284 заметка Г.: „попрятались".

XLII. Ниговерин, М. Ф., II л. 381, чернильная заметка рукой Г.

№ 216. Поездка Ильи Муромца, II лл. 382 + 1 чистый, полевая карандашная запись, заглавие и дата рукой Г. Чернилами пунктуация не Г. К стиху 19 на поле заметка: „помрешь скоро". На обороте чистого листа запись Г.: „Илья (то же, что Дюк)".

№ 217. Добрыня и Алеша, II лл. 384—390 + 1 чистый, полевая карандашная запись, заглавие и дата рукой Г. Немного поздних чернильных дописей рукой не Г. Стих 32 в рукописи стоял после 29, но помечен к перестановке. После стиха 39 зачеркнуто:

Ён садился Добрынюшка Микитинич

Против стихов 199—200 зачеркнуто на полях рукой Г.:

„Неизвестно кто, так слышал и от «петаря»". Стих 231 был так:

Услыхала старуха старо матушка
Ай увидла старуха старо материша.

На обороте л. 391 заметка Г.: „Добрыня и Алеша. Тоже перепето при обратном переезде старичка на Кенозеро (но он не кенозерский)".

№ 218. Дюк, II лл. 392—396 + 3 чистых, полевая карандашная запись, заглавие и дата рукой Г. Чернилами только пунктуация. Против стиха 25 на поле запись Гильфердинга: „Досюль женщины воевали, это поляницы по деревенски". После стиха 175 в рукописи поставлен знак вставки, которая вписана была дальше между стихами 190 и 191. Другими словами стихи 176—183 сказителем первоначально были пропущены, он дошел до стиха 190, спохватился и спел пропущенное, а затем продолжал текст стихом 191, причем перед стихом 191 зачеркнут стих:

А он скручинился да роспечалился.

К стиху 214 против слова „Индолищо" поставлено Г.: „sic". На обороте чистого 397 листа приписка рукой Г.: „Прошлой зимой проезжал старичок, ночевал у него в избе, было человек полдесяток, от скуки спросили, не знает ли старинки, он пропел, заставил повторить раза три и перенял. Старичок провел у него только эту ночь, не знает откуда".

XLIII. Иван Павлович Сивцев, по прозванию Пóромской, II л. 400, чернильная заметка рукою Г. В примечании к слову „петаря" Г. под текстом замечает

„Слово петарь употребляется на Кенозере и Моше в том же смысле, как *сказитель* на Онежском побережье; оно означает певца былин".

№ 219. Илья Муромец и сын его, II лл. 401—403 + 1 чистый, полевая карандашная запись, заглавие и дата рукой Г. С дописями чернильными позже рукой не Г. Стихи 34—41 есть механический перенос стихов 23—30, при полевой записи в тексте отмечены лишь первые слова начала стихов. В стихе 110 на поле заметка рукой Г.: „так у него — поправить".

№ 220. Илья Муромец в Царьграде, II лл. 405—406, карандашная полевая запись, заглавие и дата рукой Г., одна чернильная допись строки рукой не Г. Заглавие первоначально было: „Илья Муромец в Ца и голи кабацкие". Стихи:

57—65 = 32—40.

№ 221. Три поездки Ильи Муромца, II лл. 407—409 + 1 чистый. Полевая карандашная запись, заглавие и дата рукой Г. Никаких пометок и поправок нет, только в самом начале зачеркнуты два стиха:

Как за славным-то было за синим морём
Во начальнем-то было во Царе́граде

При стихе 35 к слову „точмяна" заметка Г.: „sic".

№ 222. Добрыня и Алеша, II лл. 411—416, из них оборот листа 412 и весь лист 413 чистые. Полевая карандашная запись, заглавие и дата рукой Г. Есть немного дописей чернилами позже рукой не Г. Против стиха 14 на поле поставлена в рукописи звездочка, а внизу листа 411 дана следующая сноска рукой Г.: „крестьянин Илья Максимов из Немятова на Кенозере, лет 50-ти от роду, отец которого певал много былин, но который очень немногое из них удержал в памяти, говорил, что его отец начинал эту былину так: А—Б на особом листе". На особом же листе 412 под буквами А — Б значится: „Илья Максимов из Немятова, крест. за 50 лет, передал сокращенные пересказы про последние поездки Ильи Муромца и Добрыню с Олешей, слышал их от отца, который знал много старин, но сам вследствие плохой памяти не мог запомнить. Последнюю, начинал так:

Вышла повышла повыкатила да матушка Волга река,
Волга река широка глубока,
Места-то шла она три тысящи,
Плеса-ты давала Сужерецкие,
Выпала в море́ во Каримское.
Теперь то про Добрынюшку не сказочка сказать
А топере про Добрыню старины́ будет нача́л".

В стихах 179, 180, 181, 183, 187 над последним ъ в рукописи еще раз поставлен карандашом ъ̄ с чертой над ним, а в стихе 199 то же над ь̄ в слове речь. На поле против стиха 194 имеется запись Г.: „№ всегда светъ̄, когда в начале". Таким образом Гильфердинг имел в виду какое-то особое произношение этих ъ и ь в данных примерах, может быть особый призвук, однако объяснений для этого знака не оставлено. Наше издание считает нужным сохранить в указанных случаях транскрипцию Гильфердинга.

№ 223. Молодость Чурилы, II лл. 417—421 + 1 чистый. Полевая карандашная запись, заглавие и дата рукой Г. Чернильные дописи позже рукой не Г. Стихи 45—53 механически вписаны позже по стихам 29—37, но начальные слова стихов 45—53 намечены с вариантами. Против стиха 79 на поле к слову „источниками" заметка Г.: „так, не знает что". Стихи:

100—103 = 86—89

Стихи 128—134 в рукописи отчеркнуты сбоку слева вертикальной чертой, а справа на поле приписка: „тоже выше повторить". К стиху 164 к слову „потики" на поле запись: „в печи", а между строк: „sic". К стиху 169 к слову „луна" на поле запись: „не знает что". К стиху 179 на поле: „не знает что". Против стиха 191 на поле: „так попр." Против стиха 255 к слову „онати" на поле запись Г.: „так, не знает что, «одежка должно быть»". К стиху 257 на поле: „не знает что".

№ 224. Смерть Чурилы, II лл. 423—425 + 1 чистый, полевая карандашная запись, заглавие и дата рукой Г. Дописей нет. Текст чистый. Позднее чернильная пунктуация. При переходе со страницы на страницу, т. е. после стиха 111 в рукописи поставлен знак Z и такой же наверху следующей страницы и зачеркнута запись „Начало взято". Что значат эти замечания — неясно. В стихах 129 и 138 слово „кровь" имеет над ь еще ъ. Поэтому сохраняем эту транскрипцию и в нашем издании.

№ 225. Дюк, II лл. 427—436, полевая карандашная запись, заглавие и дата рукою Г. Имеется немного чернильных дописей и пунктуация рукой не Г. К слову „тун-травы" в стихе 167 на поле примечание — „sic. Не знает что". Стихи:

322—325 = 307—310,
338—341 = 307—310.

К слову „изучение" стиха 203 на поле заметка: „образование", после стиха 293 зачеркнута строка:

Приехали они к широку

К слову „опришно" стиха 376 на поле примечание Г.: „т. е. кроме этой церкви". Самое слово сначала было написано: „А прично" и исправлено. В стихах 424 и 451, 512 слово „зáзорко" можно прочесть и „зазорно". Против стихов 534—535 на поле заметка Г.: „на замечание о пропусках говорит, что так поется".

XLIV. Воинов, II л. 437, чернильная заметка рукой Г.

№ 226. Илья Муромец и сын его, II лл. 438—443, полевая карандашная запись, заглавие и дата рукой Г. Много чернильных дописей не Г. Против стиха 2-го к „поляницы" на поле реплика сказителя: „богатыри". Стихи 35 и 39 вписаны между строками. Стихи

56— 74 = 24— 42,
104—126 = 24— 46,
147—151 = 137—141,
193—197 = 180—184.

Против стиха 215 на поле реплика сказителя: „была поляница какая-то, бог ее знает". Стихи:

242—245 = 237—240,
250—253 = 158—161,
273—275 = 180—182,
278—282 = 186—190,
284—288 = 186—190,
302—305 = 213—216,
308—311 = 219—222.

Таким образом — это былина, значительная часть которой не записана непосредственно, а составлена позже путем механических переносов частей текста.

№ 227. Добрыня и Маринка, II лл. 444—446 + 1 чистый, карандашная полевая запись, заглавие и дата рукой Г. Чернильные дописи не Г. К слову

„ликуются“ стиха 28 на поле записана реплика: „милуются“. В стихе 38 к слову „прицеленку“ на поле заметка: „рама“. Против стиха 93 на поле: „Так поет“.

В стихе 121 сначала было: „сорочикою“.

№ 228. Добрыня и Алеша, II лл. 448—453, карандашная полевая запись, заглавие и дата рукою Г. Немного чернильных дописей не Г. В стихе 70 начальное слово „Ай“ можно читать и как „Ли“. Стихи

238—245 = 157—164.

К слову „ошёсточёк“ в стихе 275 на поле заметка: „против печи“.

№ 229. Молодость Чурилы, II лл. 454—458 + 1 чистый, карандашная полевая запись, заглавие и дата рукой Г. Есть дописи чернилами не Г. В рукописи много мест пустых с указанием на необходимость механических переносов. В стихах 7 и 8 над словом „иде“ поставлена черта в рукописи Г. К слову „сорогу“ стиха 27 на поле примечание: „плотва“. Стихи:

44—54 = 28—38.

К слову „источниками“ стиха 76 и 238 на поле: „не знает“. Стихи:

101—123 = 67—89,
149—153 = 137—141,
196—212 = 67—83,
231—245 = 69—83,
248—258 = 215—225,
264—278 = 69—83.

№ 230. Дюк, II лл. 460—470 + 1 чистый, карандашная полевая запись, заглавие и дата рукой Г. Немногие дописи и пунктуация чернилами не Г. Против стиха 73 на поле заметка: „поляков с гонцом“. Стихи:

100—108 = 66—74.

Против стиха 225 на поле заметка Г.: „sic“. Стихи:

355—358 = 329—332.

К стиху 364 на поле заметка Г.: „57 съесй“. К словам „яз-то“ в стихах 421—422 на поле заметка Г.: „несколько раз поет. sic. Сравни выше“. К стиху 441 на поле: „крестная мать“. Против стиха 566 на поле: „sic“. Против стиха 582 на поле: „так поется“. После стиха 589 в рукописи зачеркнуты два стиха:

Отбирал Чурилушко добра коня
А добра кона да улетуника (sic).

К стиху 309 на поле заметка: „крень — косое дерево“.

№ 231. Василий Игнатьевич и Батыга, II лл. 472—474 + 1 чистый, карандашная полевая запись, заглавие и дата рукой Г. Немногие чернильные дописи не Г. К стиху 92 на поле заметка: „южная“. К стихам 112—113 на поле: „так поют и другие“. В стихе 77 рукописи раскрытие стиха чернилами, неправильно: „Третью чару зелена вина“. Мы исправили.

XLV. Калитина, II л. 476, чернильная биографическая заметка рукой Г.

№ 232. Илья Муромец в Царьграде, II лл. 477—480, карандашная полевая запись, заглавие и дата рукой Г. Немного чернильных дописей не его рукой. В стихе 37 над „де“ в скобках вписано: „(мы)“, в стихе 41 над „голи“ вписано: „(ль)“, стих 49-й вставлен между строк. Стихи:

80—103 = 34—57.

К стиху 115 на поле: „полка в избе“. К слову „на славу“ стиха 123 на поле заметка: „нарочно“.

№ 233. Илья Муромец и сын его, II лл. 481—483 + 1 чистый, карандашная полевая запись, заглавие и дата рукой Г. Немного чернильных дописей не Г. Стихи:

62—65 = 56—59.

В стихе 126 в рукописи вместо „поклон“ написано: „камень“.

№ 234. Отъезд Добрыни, II лл. 485 + 1 чистый, карандашная полевая запись, заглавие и дата рукой Г. В начале былины знак звездочки, а в конце приписка Г.: „Каждый стих поется два раза, при втором запеве частица «да» в начале заменяется словом «и»“. После стиха 42 в рукописи зачеркнуто: „(вся, боле нет)“. В начале былины есть мелкие исправления частиц в рукописи, что может быть указывает на прослушание текста былины Гильфердингом дважды:

№ 235. Щелкан Дудентьевич, II лл. 487—488, карандашная полевая запись, заглавие и дата рукой Г. Рукопись показывает совершенно явные следы двойного прослушания текста. Различия, правда, не очень крупны, но идут по значительной части текста. В качестве основного текста печатаем текст верхнего слоя. Но так как для творческой модификации текста в момент исполнения текст первой редакции (нижний слой) представляет несомненный интерес, мы его издаем в виде *приложения 1*. В стихе 81 в слове „Тверь“ подчеркнута вверху одна буква ъ̄.

№ 236. Гришка Отрепьев, II лл. 489 + 1 чистый, карандашная полевая запись, заглавие и дата рукой Г. Чернилами только пунктуация.

№ 237. Шведская война, II лл. 491 + 1 чистый, карандашная полевая запись, заглавие и дата рукой Г. Рукопись дает следы двойного прослушания текста собирателем. Кроме основного верхнего слоя, мы издаем также первую редакцию (нижний слой) в виде *приложения 2*. В основном тексте против слова: „во́ дому“ звездочка, а к ней на поле примечание: „можно так и иначе“. После текста заметка Г.: „Каждые два стиха составляют [з а ч е р к н у т о: целое; каждый куплет поется два раза] один куплет, который повторяется два раза“.

№ 238. Небылица, II лл. 493 + 1 чистый, карандашная полевая запись, заглавие и дата Г. Первоначальное зачеркнутое заглавие: „Шутка“, а на обороте чистого 494-го листа рукой Г. вписано: „Шутливая песня. NB пример размера“. К слову „хлопот“ стиха 23 на поле заметка „жорнов мельничный“, к слову „повареньками“ на поле заметка: „ложки кухонные“.

XLVI. Тряпицын, II л. 495, чернильная рукою Г. заметка.

№ 239. Илья Муромец и голи Кабацкие, II лл. 496—497, карандашная полевая запись, заглавие и дата рукой Г. К стиху 5 на поле заметка: „обрывок“. В стихе 90 в слове „суму“ над м̄ черта.

№ 240. Три поездки Ильи Муромца, II лл. 498—499, карандашная полевая запись, заглавие и дата рукой Г. В стихах 6, 21 над ъ̄ поставлена черта долготы в рукописи.

№ 241. Добрыня и змей, II лл. 500—501, карандашная чернильная запись, заглавие и дата рукой Г. Несколько мелких чернильных дописей не Г. Стих 8-й исправлен из:

Да маленьких пернастых утицей.

Кроме того, в немногих стихах подправлены самые начальные слова стиха, именно: стихи 12 (Да вм.: Ай да), 13 (заплови-тко вм.: Не заплови-тко), 33 (Ай Добрыня вм.: Добрыня), 59 (Да ли ты вм.: Да пусть ты), 77 (Ен вм.: И он), 78 (И во

те вм.: Во те), 81 (По окошечку вм.: И по окошечку), 83 (Накладает вм.: И накладаéт,) 93 (Ты вм.: Ай ты), 94 (И сходи-ко вм.: Ай сходи-ко), 110 (Да та ли вм.: Да та ли ведь), 113 (Да подрезала вм.: „И да подрезала"). Эти мелкие поправки в рукописи как будто указывают на прослушание Гильфердингом и данного текста дважды. В конце текста запись Г.: „(дальше не знает)".

№ 242. Смерть Чурилы, II лл. 502—503, карандашная полевая запись, заглавие и дата рукой Г. Есть чернильная допись в одном стихе рукой не Г. Стихи 44—46 помечены как механический перенос стихов 37—39. К слову „становочка" стиха 60 на поле заметка: „рубашка".

№ 243. Дюк, II лл. 504 + 1 чистый, карандашная полевая запись, заглавие и дата рукой Г. В конце приписка в скобках: „(дальше не знает)". На обороте же чистого листа запись Г.: „Начало Дюка (предупреждал, что споет особым напевом, а это обыкнов. эпич. размер, отличный от всех прочих его былин с дактилич. вставками)".

№ 244. Грозный царь Иван Васильевич, II лл. 506—508 + 1 чистый, полевая карандашная запись Г. Помарок почти нет. После стиха 5 выноска: „*по царск [и]". Против стиха 138 карандашная пометка рукою Г.: „потутчиков? заступников". В издании 1873 г. к слову **потучников** (в том же стихе) сделана выноска: „потужчиков, тужителей?" На обороте след. (ненумеров.) листа рукою Г. пометка карандашом: „Грозный царь. 11 августа Кенозеро". Знаки препинания, как и везде, поставлены позднее, чернилами.

XLVII. Костин. Биографическая справка о нем, II л. 510, писана чернилами, рукой Г.

№ 245. Илья Муромец и Идолище, II лл. 511—512, полевая карандашная запись, без помарок и пометок, рукою Г.

№ 246. Илья Муромец и сын его, II лл. 513—514, полевая запись карандашом, без помарок; пунктуация выполнена позднее чернилами; чернилами сделана и допись стиха 75 (после первого слова), являющегося точным повторением стиха 72. Механический перенос стихов:

26—29 = 45—48,
80—82 = 26—29.

№ 247. Братья Дородовичи, II лл. 515—516, полевая запись карандашом рукою Г.

В стихе 13 допущено написание „испод". Это — описка, которую мы исправляем.

Между стихами 80 и 81 вычеркнуто карандашом:

И уж ты где-ка бит где-ка раненой
И как сказал ему удалой доброй молодец
Как ездил я в луга во курганови.

Ср. стихи 26—28, несколько разнящиеся от этих. Пояснений никаких нет.

На л. 1013 об. записано заглавие былины в другой редакции: „Два брата Дородовича".

В издании 1873 г. в стихе 13 напечатано **исподь** (мягкий знак — курсивом). Для такой передачи слова рукопись не дает оснований.

№ 248. Братья разбойники и сестра, II лл. 517 + 1 чистый, полевая запись рукою Г., без помарок, почти вся карандашом. Механический перенос стихов 30—34 = 1—5.

Против стиха 21 — на полях, карандашом, — выноска к слову *нодью*: „*место в лесу с огоньком для ночевки". В стихе 6 слово *отдали* снабжено указанием на

произношение: над *и* поставлено: „(*я*)". На обороте следующего, ненумеров. листа (между лл. 1014 и 1015) карандашом записан вариант заглавия былины: „Девять братьев и сестра".

XLVIII. Кукшинов. Биографическая справка о нем, II л. 519, писана рукою Г., чернилами.

№ 249. Илья Муромец и голи кабацкие, II лл. 520—521, карандашная полевая запись Г., без помарок. На л. 1017 об. вариант заглавия былины: „Илья и пьяницы".

№ 250. Илья Муромец и Алеша Дородович, II лл. 522—524 + 1 чистый, карандашная полевая запись рукою Г. с последующими пометками чернилами — в местах, оставленных незаполненными в момент записи текста: „повторить" такие-то стихи.

Первоначально вслед за стихом 4 были написаны стихи 9—10, затем 5—8; после, на месте же, карандашом сделана отметка (против стихов 9—10 за вертикальной чертой на левом поле листа — цифра 1, против стихов 5—8 цифра 2), ставящая стихи в том порядке, как они появились в печати и как издаются нами. Стих 29 вписан между строк.

Механические перенесы стихов:

59—62 = 30—33,
62—65 = 36—38,
83—94 = 27—38,
125—132 = 115—121.

№ 251. Молодость Чурилы, II лл. 526—529, полевая запись карандашом рукою Г., с последующими указаниями в нескольких местах о повторении стихов, не вписанных при первоначальной записи; таким образом имеем повторение стихов:

58—65 = 21—28,
79—83 = 50—54,
87—93 = 20—27.

К слову: „источниками" против стиха 32 на левом поле выноска: „*не знает".

К слову: „заводи" против стиха 97 на левом поле выноска: „*заводы, т. е. огороды, так объясняет".

Стихи 103—108 = 47—52.

После стиха 137 зачеркнуто карандашом два стиха:

Из-за тово терема выссково
Выходит стар-млáдый матéрый человек.

Видимо, сказитель в этом месте потерял порядок стихов, затем вспомнил и поправился; ср. стихи 145—146.

К сложному слову: „стар-млáдый" в стихе 146 — на правом поле выноска: „*так слыхано".

Далее даны отметки о повторении стихов:

158—166 = 31—40,
176—185 = 31—40,
186—191 = 168 — 173.

Дописи чернилами в стихах 74, 75, 85, 95, 96, 133, 134, 175, 193.

XLIX. Патрикеев. Биографическая справка о нем, II л. 530, писана (чернилами) рукою Г.

№ 252. Мнхайло Дородович, II лл. 531 + 1 чистый, полевая запись Г. карандашом, почти без помарок.

№ 253. Ревнивый муж, II лл. 533 + 1 чистый, полевая запись Г. карандашом, с малым числом помарок.

После стиха 15 был написан, но затем вычеркнут стих:

И здорово ли живё молода жена.

Ср. стих 20.

К слову: „нитничка" в стихе 37 — выноска на правом поле: „*сарафана".

К слову: „пялá" в стихе 42 — выноска: „*для вышивания".

К слову: „домоичёк" в стихе 44 на правом поле помета: „*так".

L. Лядков. Биографическая справка о нем, II л. 535, писана чернилами рукою Г.

№ 254. Вольга и Щелкан, II лл. 536 + 1 чистый, полевая запись карандашом рукою Г.

Стихи 8—9 сначала были записаны в несколько иной редакции:

Дак тут негде *было* Добрынюшки прогуливаться,
Да негде Микитинцу проéзживаться.

Печатаемая редакция стихов получена путем вычерка отмеченных курсивом слов.

Стих 10 первоначально был записан иначе:

Да во славном во Тверском во городе.

Стихи 13—14 первоначально имели другую редакцию:

Да сидел тут царь-от Везвяк-от Везвякович,
Он сидел сударь суды ведь рассуживаё.

Стих 20 сначала был записан как два стиха:

Да тово де пожаловал
Тверию-то городом.

В стихах 20—22, 29—30 слова „Да", „да ли", „а" приписаны на левом поле (карандашом).

Стих 34 записан был сначала несколько иначе:

Слышит нарожденье богатырское.

Но, видимо, в полевой же записи (карандашом) он принял тот вид, в котором печатается.

После стиха 32 был записан стих:

Да по той ли по Волги реки,

который затем зачеркнут и заменен печатаемым у нас (как и в прежних изданиях) стихом 33; ср. стих 37.

Стихи 35 и 36 в первоначальной записи стояли один на месте другого. Стих 37 вписан карандашом в полевой записи.

Стихи 38—41 в первоначальной записи заканчивались словом „ли", которое потом зачеркнуто (карандашом, т. е. в полевой же записи).

От чтения этих и некоторых других (напр. 13—14) стихов в рукописи остается впечатление, что помарки при записи происходили вследствие не вполне отчетливой

речи сказителя. Очевидно, нужно было некоторое время, чтобы освоиться с его манерой исполнения. Последующие записи Г. от Лядкова содержат заметно меньшее число изменений и помарок.

На л. 537 об. дан иной вариант названия былины: „Щелкан и Вольга".

№ 255. Микула Селянович и Иван Годинович, II лл. 538—540 + 1 чистый, полевая запись карандашом рукою Г.

Стихи 5 и 6 в первоначальной записи составляли один стих и имели несколько иную редакцию:

Собирал он с царей со всех королей дани пошлины.

К слову „бусела" в стихе 13 на правом поле — выноска: „*черпела".

Стихи 14 и 15 вписаны карандашом.

Стих 25 в первоначальной записи дан в такой редакции:

Да поехал Иван сын Годинович в эты городы.

На этом стихе сказитель, видимо, испытал неудачу, не смог вспомнить двух нужных стихов, намеченных Г. между строками (между стихами 25 и 26):

„Из славного" и „В эти".

Не сразу дались сказителю и стихи 39—40. Первоначально стих 39 имел такой вид:

Спал де он темну ночь со своей дружиной хороброю.

Затем он отлился в ту форму, которая дается в нашем издании (как и в прежних изданиях), встав рядом с след. стихом, первоначально имевшим такую редакцию:

Всю темну ночь до белого дня.

Зависимость от стиха 40 в этой именно редакции видна в стихе 41.

Стих 55 в начальной записи был длиннее:

Да буде лучше твоего коня доброго.

Стихи 56—58 вписаны карандашом на правом поле.

В стихе 60 вместо слова „когда" первоначально было записано: „потому что".

Стихи 90 и сл. в первоначальной записи давали более простую и более ясную редакцию.

Стих 90 вписан после того, как был переделан стих 91, первоначально имевший такую редакцию:

Я желаю их покорить себи.

Стих 95 в начальной записи имел вид:

Да прикажи же Иван сын Годинович.

Стих 117 первоначально был записан иначе:

Да мне боле век на ней не буде пахивать.

На ненумерованном листе 541 об. рукою Г. написано название былины: „Микула Селянинович". Такое написание: „Селянинович" — первоначально было и на л. 538, но затем исправлено (карандашом).

№ 256. Женитьба Ивана Годиновича, II лл. 542—544 + 1 чистый, полевая карандашная запись рукою Г., почти совершенно свободная от помарок. На след. ненумеров. листе, об., — вариант названия былины: „Иван Годинович".

№ 257. Илья Муромец и голи кабацкие, II лл. 546—549, полевая запись рукою Г., карандашом, с ничтожным количеством незначительных помарок. На л. 544 об. — вариант заглавия былины: „Илья в погребе".

№ 258. Василий Игнатьевич и Батыга, II лл. 550—553, полевая запись карандашом рукою Г., почти без помарок. Даны пометки о повторении стихов:

70— 73 = 59—62,
92— 96 = 59—64,
165—170 = 58—64.

В стихе 102 в рукописи описка: „и за того" вместо „из-за того"; мы даем стих в исправленном виде.

№ 259. Василий Буслаевич, II лл. 554—556 + 1 чистый, карандашная полевая запись рукой Г.

После стиха 71 в первоначальной записи помещен стих:

Выходил на мостик калиновой,

но потом зачеркнут (карандашом). Ср. стих 74.

В стихе 79 в рукописи описка: „вместо"; надо: „вместе", как мы и даем.

К стиху 125 при слове: „угрюмого" на правом поле — выноска: „*sic".

№ 260. Авдотья Рязаночка, II лл. 558—560 + 1 чистый, полевая карандашная запись рукою Г., совершенно свободная от помарок, с незначительными дописями чернилами.

№ 261. Кострюк, II лл. 562—563, полевая запись карандашом рукою Г., с весьма незначительным числом помарок и дописей чернилами.

В стихе 11 в написании и, видимо, в произношении: „семдесят". Ср.: голуб, голуба (№ 293, стихи 102—103) и т. п.

Дана отметка о повторении стихов:

50—52 = 37—39.

На правом поле л. 1052 об., ниже даты записи, — иное написание имени действующего лица: Кострюк.

№ 262. Молодец и река Смородина, II лл. 564—565, полевая запись рукой Г., карандашом, почти без помарок.

№ 263. Молодец и королевна, II лл. 566—567, полевая карандашная запись рукою Г., без помарок и исправлений, если исключить заглавие (в первоначальной записи — „Молодец и королевична") да перестановки стихов: первоначально стихи 54 и 58 стояли непосредственно один за другим, затем (карандашом же) сделана пометка о перенесении второго стиха на свое место.

На правом поле ниже даты записи — вариант названия (тою же рукою): „Дочь короля Прусского".

№ 264. Птицы, II лл. 568 + 1 чистый, полевая запись карандашом рукою Г., без помарок и исправлений.

К слову: „плюстик" в стихе 35 — выноска на правом поле: „*не знает".

LI. Третьяков. Биографическая справка о нем, II л. 570, писана чернилами, рукою Г.

№ 265. Святогор, II лл. 571—573 + 1 чистый, полевая карандашная запись рукою Г., с ничтожным количеством незначительных помарок карандашом и дописей чернилами.

Даны отметки о повторении стихов:

37—40 = 27—30,
51—54 = 27—30.

В стихе 57 к слову „жижлец" (первоначально записано: „жизлец") на правом поле — выноска: „*так поется, неизвестно что".

Повторение стихов: 98—101 = 91—94.

Между лл. 1061 и 1062 — ненумерованный лист, на обороте которого записан вариант заглавия былины: „Илья и Святогор".

№ 266. Три поездки Ильи Муромца, II лл. 575—577 + 1 чистый, полевая карандашная запись рукою Г., без помарок и дописей.

В стихе 52 к слову: „шелом" — выноска на правом поле: „*кивер или шляпа, не знает — что".

В слове „кровать" (стих 97) ъ отмечен знаком долготы (—); ср. примеч. к № 240.

Слова: „царей", „царевичей" (стихи 110—111) в изд. 1873 и 1900 гг. переданы с ошибкой в чтении: „чарей", „чаревичей"; мы воспроизводим написание подлинника.

Между листами 1064 и 1065 — ненумерованный лист, на обороте которого вариант заглавия былины: „Илья: три поездки".

№ 267. Добрыня и Маринка, II лл. 579—580, полевая запись карандашом, рукою Г., без помарок.

В стихе 14 записано (и передано в изд. 1873 г. и 1900 г.) в неисправной (и в других стихах не встречающейся) форме имя: „*Маринкинка*". Эта форма — результат описки Г., происшедшей при смене иступившегося карандаша, следы которой хранит рукопись: первая половина стиха и начало этого слова написаны бледно — еще неочиненным карандашом, окончание слова **нка** и далее — отчетливо; смыкая четкое письмо с неотчетливым, Г., второпях, потерял связь частей слова. Мы даем обычную форму имени: Маринка.

В стихе 40 к слову: „прицилина" на левом поле — выноска: „*у окна поперечина".

№ 268. Смерть Чурилы, II лл. 581—582, полевая запись карандашом рукою Г., без помарок и дописей.

Ниже даты записи, на правом поле, поперек страницы, — заметка карандашом рукою Г.: „Чурило (особенный размер, легкий с удар[ениями] на конце)".

№ 269. Щелкан Дудентьевич, II лл. 583 + 1 чистый, полевая карандашная запись, почти без помарок, рукою Г.

LII. Гурьбин. Биографическая справка о нем, II л. 585, писана рукою Г., чернилами.

№ 270. Святогор, II лл. 586 + 1 чистый, полевая карандашная запись, почти без помарок, рукою Г.

№ 271. Три поездки Ильи Муромца, II лл. 588—589, карандашная полевая запись рукою Г., с небольшим числом помарок.

После стиха 107 сказитель, видимо, испытал некоторое затруднение. Записывавший за ним Г. начал стих: „Да взял-то", но должен был зачеркнуть, чтобы вместо того на след. строке начать стих: „И куск[и]", который тоже зачеркнут. Против стихов 107—108 на левом поле карандашная пометка рукою Г.: „Сам сознается, что это место нескладно".

Былина недосказана; конец ее сказитель сжато передал в одной фразе после стиха 117.

№ 272. Дунай, II лл. 590—591, полевая запись карандашом, с малым числом помарок, рукою Г.

Стихи 63 и 64 первоначально были записаны один на месте другого.

После стиха 85 первоначально записан стих:

И закричал ведь тут во бóльшую,

принявший затем иную редакцию:

И закричал-то он ведь тут во бо́льшую.

Затем этот стих полностью вычеркнут (карандашом).

LIII. Меншиков. Биографическая справка о нем. II л. 592, писана чернилами, рукою Г.

№ 273. Святогор, II лл. 593—594, полевая запись карандашом, с ничтожным числом малозначительных поправок рукою Г.

№ 274. Илья Муромец и Соловей разбойник, II лл. 595—596, карандашная полевая запись рукою Г.

После стиха 13 первоначально записан был (тотчас же вычеркнутый) стих:

Отвечал-то старой так[ово слово].

Стих 35 был записан сначала непосредственно за стихом 33 и имел иную редакцию:

Конь под Ильей да потыкается.

Но тогда же между строками вписан был стих 34, стих 35 принял настоящую редакцию и далее вписан между строками стих 36.

К стиху 79 на левом поле — выноска карандашом: „* сам сознается, что нескладно".

Первоначально за стихом 84 записан был стих 86; затем между ними вписан стих 85.

№ 275. Иван Годинович, II лл. 597—599 + 1 чистый, карандашная полевая запись, почти без помарок, рукою Г.

В стихе 62 Г. дает запись: „крест тот кладет" — под влиянием слитного произношения слов в фразе. Подчиняясь смыслу фразы и не нарушая звуковой стороны стиха, мы считаем правильным дать написание: „крест-от кладет".

Написание слова „доезжая" в стихе 87 таково, что допускает и другое чтение — кажется, более правильное: „доезжал".

При записи стих 119 только начат; позднее сделана допись чернилами.

№ 276. Стенька Разин, II лл. 601 + 1 чистый, полевая карандашная запись, с очень незначительными помарками, рукою Г.

LIV. Георгиевская. Биографические сведения о ней, II л. 603, рукою Г., писано чернилами. Основой этой справки послужили, видимо, строчки, наскоро записанные (затем вычеркнутые) карандашом на л. 1088: „Швец из Масельги Лексимозерского погоста [,] сама из Кенозерского погоста, лет 40".

№ 277. Хотен Блудович, II лл. 604—605, карандашная полевая запись рукою Г., с незначительным числом несущественных помарок, исправлений.

В стихе 31 слово: „богатьством" неправильно прочитано как редактором издания 1873 г., так и издания 1900 г. („богачеством").

К слову: „полуратовьё" в стихе 38 — незаконченная выноска на правом поле: „*род [...]".

На обороте 605 л. — вариант заглавия этой былины: „Две вдовы".

№ 278. Данило Игнатьевич, II лл. 606—607, полевая карандашная запись, без помарок, рукою Г.

В стихе 3 в слове: „полонилъ" и в стихе 43 в слове: „говорилъ" в рукописи буква о снабжена знаком долготы (—).

В живом произношении стиха 12 конечное *т* одного слова („тот") слилось с *т* начальным другого слова („тринадцать"); отсюда не вполне точная передача стиха в рукописи:

Жил молодец да то тринадцать лет.

В рукописи в стихах 28 и 31 читаем: „королéвеству". Редакторы прежних изданий или неправильно прочли это слово или сознательно внесли исправление.

№ 279. Дюк, II лл. 608—609, полевая карандашная запись с многочисленными помарками, рукою Г.

В издании 1900 г. — неисправность: вместо этого названия — „Дунай".

При передаче былины исполнительница испытывала затруднения. В первой полусотне стихов имеем явные следы ее поисков лучшей редакции (если исключить возможность вмешательства записывающего).

Стихи 41, 45, 47, 51, прежде чем принять тот вид, в каком они вошли в печатные издания, записаны были в иных редакциях:

А и не тем ли эти стрелки были дороги (41).
Как поезжает-то Дюк да во чистó полё (45).
Как на шатричке подписочка подписана (47).
Как зошол это Дюк да во белой шатёр (51).

После стиха 51 в первоначальной записи был помещен стих 55, но затем вставлена пометка о внесении сюда записанных далее стихов 52—54.

Стихи 62—67 были записаны ранее стихов 58—61, затем перемещены одни на место других.

Стихи 59—60 первоначально записаны иначе:

Ты не видел что на шáтричке написано?
Я зашёл что надо мне спроситисе.

Стих 61 имел — одну за другою — две первоначальных редакции:

Откуль едешь куда путь держишь.
Ты куда же едешь куда путь держишь.

После стиха 67 были помещены, но затем вычеркнуты, стихи:

Уж я еду ведь с города из Киева
А от ласкова князя от Владимира.

Стих 69 первоначально был записан иначе:

Мы поедем с тобой Дюк да во чисто поле.

Стих 83 вписан поверх зачеркнутого стиха:

Полюбил его да Илья Муромец.

№ 280. Птицы, II лл. 610—611, полевая собственноручная запись Г., почти без помарок.

LV. Матрена Меньшикова. Биографическая справка о ней, II л. 612, писана чернилами, рукою Г.

№ 281. Илья Муромец и голи кабацкие, II лл. 613—614, полевая карандашная запись рукою Г.

К слову: „трипетова" в стихе 11 — выноска на правом поле: „* объясняет, что это значит, что тряпка едва держится". Эта выноска после зачеркнута карандашом (если вертикальная черта, проходящая через строки приписки на поле, не случайна).

К слову: „муниця“ в стихе 24 — на правом поле выноска: „*рипсишка, платье“. Редакторы прежних изданий расширили объяснение первого слова: „худое платье“. Написание этого слова в рукописи таково, что делает возможным чтение: „рижишка“ (= ризишка, уничижит. от *риза* ?).

№ 282. Хотен Блудович, II лл. 615—616, собственноручная полевая запись Г. карандашом, с небольшим числом дописей чернилами.

К стиху 6 (надо думать, к слову: „поляницы“) на правом поле листа — выноска: „[исполнительница] не знает что“.

На месте стихов 9—14 первоначально было записано:

Другая была да на пиру тут Збудова вдова.
Она налила чару зелена вина
Подносила ёна славные богатые Часовенной вдовы.
Говорит ей славная богатая Часовенна вдова:
Я же теперь не у тебя в гостях.

Стих 17 сначала имел такую редакцию:

И отдай-ко дочь Чединку за Фотéя за мýж.

Форма „Чединку“ образовалась, вероятно, путем соединения в произношении конца одного слова („дочь“) с началом другого („единку“). Ср. стихи 16—17. Переосмысление (уменьш.-ласкат. от *чадо*) дало наиболее употребительную форму „Чадинка“, ср. стихи 55, 67, 103: „Чадинка“.

№ 283. Щелкан Дудентьевич, II лл. 617—618, полевая запись карандашом рукою Г. — с малым числом незначительных помарок.

LVI. Лоскутова. Биографические сведения о ней, II л. 619, писано чернилами, рукою Г.

№ 284. Василий Буслаевич, II лл. 620—621, собственноручная полевая запись Г. карандашом, с небольшим числом незначительных помарок и поздних дописей чернилами.

После стиха 6 в первоначальной записи был помещен (затем вычеркнутый карандашом) стих:

Кто хвастаёт да молодой женой.

Стих 103 в первоначальной записи имел иную редакцию:

А другой скочил, так уже сам решился.

№ 285. Два любовника, II лл. 622 + 1 чистый, собственноручная полевая запись Г. карандашом, с незначительными помарками.

На обороте следующего, ненумерованного листа (между лл. 1104 и 1105) рукою Г., карандашом, повторено название произведения — с пометкой (не принятой во внимание в прежних изданиях) об исполнении: „(размер образцов[ый])“.

LVII. Шуманов. Биографическая справка о нем, II л. 624, писана чернилами рукою Г.

№ 286. Василий Буслаевич, II лл. 625—627 + 1 чистый, полевая запись карандашом рукою Г., с ничтожным числом помарок и более поздних дописей чернилами.

Против стиха 83 на левом поле карандашом пометка Г. (видимо, к слову: „новгорочкие,“ которое далее будет встречаться только в этом произношении): „так попр[авился?]“.

LVIII. Андрей Гусев. Биографическая справка о нем, II л. 629, писана чернилами, рукою Г.

№ 287. Три поездки Ильи Муромца, II лл. 630—632 + 1 чистый, карандашная полевая запись рукою Г., почти без помарок. После стиха 123 проведена черта; значение ее показано будет далее.

На обороте след., ненумерованного листа (между лл. 1112 и 1113) карандашом, рукою Г. дан вариант названия (заглавия) былины: „Илья: три дорожки" и сделана в скобках пометка: „Конца не помнил, досказал 60".

Начальная редакция стиха 23 иная:

И во дорожку ехать где богату быть.

Ср. стихи 79, 132—133.

Стихи 124 и след. до конца Г. отчеркнул горизонтальной чертой. Редактор издания 1873 г. не придал ей значения; редактор издания 1900 г. истолковал ее, видимо, как знак долготы (?) над вторым *ρ* в слове „прекрасну" в стихе 124, не обратив внимания на то, что это — *длинная* черта, *линия*, которую Г. сначала, второпях, провел после стиха 124, затем, заметив ошибку, устранил эту черту и перенес ее в надлежащее место, т. е. провел после стиха 123. Значение ее, надо думать, раскрывается, если обратить внимание на оборот чистого ненумерованного листа рукописи, переплетенного между лл. 1112—1113, где карандашом, рукою Г. дан вариант заглавия былины Илья: три дорожки" и — самое главное (на это при прежних изданиях не обращено внимания) — сделана в скобках пометка: „Конца не помнил, досказал 60". Несомненно, эти досказанные кем-то другим стихи 124—148 и отчеркнуты собирателем линией, *как не принадлежащие А. Т. Гусеву*. (Ср. № 287, стихи 121—123 и № 289, стихи 44—46). Кто же досказал конец былины? Иначе говоря, кто из исполнителей былин обозначен цифрой 60? — Внимательное рассмотрение рукописи указывает на *Степана Максимова* (см. LXI), краткая биографическая справка о котором в рукописи первоначально была помещена под № 60 (л. 1131).

№ 288. Добрыня и Маринка, II лл. 634—635, собственноручная полевая запись Г. карандашом, без помарок.

К последнему стиху Г. приписал, в низу страницы, выноску: „Гусев досказал словами, что Маринка, испугавшись, «отвернула» Добрыню по-старому".

№ 289. Добрыня и змей, II лл. 636 + 1 чистый, полевая карандашная запись рукою Г., с ничтожным количеством помарок.

№ 290. Добрыня и Алеша, II лл. 633—640 + 1 чистый, карандашная полевая запись рукою Г. с многочисленными последующими дописями чернилами повторяющихся стихов (стихи 2, 3, 5, 6, 10, 11, 14, 16, 20, 29, 31—34, 36—44, 50), с малым количеством незначительных исправлений.

Может быть, допущением дописей объясняется разное написание одних и тех же слов в рядом идущих стихах (ср., напр., стихи 10—11 и 12—13).

Эта былина только в одном месте затруднила сказителя: в первоначальной записи стихи 45—46 стояли после стихов 47—50, затем последовало исправление, и стихи заняли свои места.

LIX. Харлам Гусев. Биографические сведения о нем, II л. 642, собственноручная запись чернилами, рукою Г.

№ 291. Три поездки Ильи Муромца, II лл. 643—644, полевая запись карандашом рукою Г., с небольшим количеством помарок.

К слову: „прятей" в стихе 6 на правом поле сделана выноска: „*масть (так объясн[ил]".

По всей вероятности, в стихе 47 описка: вм. „об" написано „он".

№ 292. Добрыня и Алеша, II лл. 645—647 + 1 чистый, собственноручная полевая карандашная запись с небольшим числом помарок в первых (1—17) стихах текста, свидетельствующих о затруднениях сказителя лишь в начале исполнения былины. Для стиха 4, кроме первоначального, печатаемого чтения, показано и другое:

На многи на князи на бояры,

синтаксически ближе примыкающее к следующим трем стихам.

Стих 7 в прежних изданиях ошибочно печатался:

На те ли татары улановы.

Слово „татары" было первоначально именно так и записано, но затем последняя буква рукою Г. изменена в сочетание *ья*, написанное более четко, чем другие буквы слова.

LX. Андреева. Биографическая справка о ней, II л. 649, писана чернилами рукою Г.

№ 293. Иван Годинович, II лл. 650—652 + 1 чистый, собственноручная полевая запись карандашом, с ничтожным числом помарок.

Стих 52 в рукописи читается:

Крест тот кладёт по-писаному.

Редакторы двух изданий сочли нужным внести в чтение некоторое изменение; в этом исправленном виде дается стих и в нашем издании.

№ 294. Братья разбойники и сестра, II лл. 654 + 1 чистый, полевая запись карандашом рукою Г., почти без помарок.

В стихе 21 к слову „врезвили" на правом поле — выноска: „*потопили".

После стиха 22 в рукописи — многоточие, в обозначение, видимо, того, что здесь у сказительницы пропуск — вероятно, сознательный, вызванный чувством стыдливости; ср. № 248, стихи 18—19.

К стиху 43 сделана (но позднее вычеркнута) пометка рукою Г.: „несколько раз". Вообще конец былины (стихи 40—43) в исполнении Ирины Андреевой скомкан, неудачен (ср. № 248, стихи 43 и далее).

Между лл. 1129 и 1130 — чистый ненумерованный лист; на обороте его — вариант заглавия былины: „Девять братьев и сестра".

№ 295. Небылица, II лл. 656 + 1 чистый, полевая карандашная запись рукою Г., почти без помарок.

Между лл. 656 и 658 ненумерованный чистый лист; на обороте его карандашом вариант заглавия: „Шутливая старина".

LXI. Степан Максимов. Биографическая справка о нем, II л. 658, записана Г. чернилами.

№ 296. Илья Муромец и Калин царь, II лл. 659—664, собственноручная полевая запись Г. карандашом, с множеством помарок, изменений, исправлений.

В стихе 6 к слову: „поляницу" на правом поле выноска: „* дружина богатырей, — у каждого богатыря друж[ина]".

В первоначальной записи начало былины (стихи 9—38) было записано в иной более краткой, редакции:

Кого дарил он городами с пригородами
Кого — селами с приселками
Ильи Муромцу дарил он шубу кунью-то
Да-де тот воротник соболиные.
Да шуба-то Ильи Муромцу не в честь пришла.
Ухватил-то шубоньку на кухиньку
Таскал за воротник соболиные
Сам-то-де шубе приговариваёт:
— Таскаю я как шубу соболиную
Да таскивать мне змея царь Калина
И за его-то за кудерышка за желтые.
И обливаю-то шубу зеленым вином,
И обольется-то его сердцо ретивое
И от моих-то ли рук да от белыих.
Да и жила-то девушка чернавушка
И доложила-то князю Владимиру:
— Уж ты солнышко князь да Владимире!
Да старые казак Илья Муромец
И хочет таскать за кудерышка
Да тебя солнышка Владимира
И обливает-то шубу зеленым вином
Обольется то сердце ретивое
И от его-то ли рук да от белыих.

Дальнейшие стихи — 39—87 (лл. 1132 об. и 1137) в первоначальной записи также отличались от той редакции, которую Г. признал более исправной; они в рукописи вычеркнуты.

И повелел-то ли солнышко Владимир князь
Да ехать-то Илью да во погребы глубокие
Да отослал-то двенадцать богатырей
Да взять-то ево да из чиста поля.
Как приехали богáтыри лютые
Да к тому-то Ильи да ко Муромцу.
— Ай ты старые казак Илья Муромец!
Да-де послал нас солнышко Владимир князь,
Повелел посадить во погребы глубокие.
— Да что вы станете теперь делати?
Не боюсь я вас да двенадцати богатырей.
Уклонилися богатыри лютые.
— Да не одно-то ли солнышко на небе
Не один ли богатырь на святой Руси —
Старые казак да Илья Муромец.
Да ты выведи из беды нас из великие.
Победит нас солнышко Владимир князь".
И садился Илья да на добра коня
А поехал Илья во Киев град.
Не заехал ко городу ко Киеву

Да проехал к погребам глубокиим.
И сходил-то Илья да со добра коня
Да снимал-то он седелышко черкальское
Да снимал-то он уздицу тесмяную
Да спущал ён бурушка косматаво
Да пошол ён во погребы глубокие.
Навалили богатыри лютые
Ту-то решотку чугунную,
Навалили дубья-колодья-ты
Завалили песком жолтыим.
Да сидел-то Илья да три годика.
Да проведала княгина Апраксия,
Повелела копать копи из чиста поля,
Да во те ли погреба глубокие
Да носила-то естевы сахарние
Да кормила-поила Илью Муромца.
Да проведал-то змей царь Калинов:
Да ли кончен теперь Илья Муромец.
Да собрал-то ли войско сорок тысячей,
Подступил-то ли он да под Киев град
И посылает посланника крепкого.
— Уж ты солнышко да Владимир князь!
Ты ладься к нам да во поварники,
Молодая княгиня да во постельницы.
Возьмем мы теперь Киев градик-от,
Пожгём, головнёй покатим ваш Киев град.
И говорит солнышко Владимир князь.

Последним стихом эта редакция смыкается со стихом 95 печатаемого текста.

К стиху 223 на правом поле — выноска: „т. е. в землю царя Калина. Так объяснил [сказитель]".

К стиху 225 на правом поле выноска: „т. е. на Руси".

С. Максимову принадлежит конец текста, помещенного под № 287.

№ 297. Старина о большом быке, II лл. 665—667 + 1 чистый, полевая собственноручная запись Г. карандашом, почти без помарок, с указаниями повторяющихся стихов:

85— 88 = 16—19,
91— 96 = 66—71,
112—115 = 16—19,
118—123 = 66—71.

В стихе 15 к слову: „степи" на правом поле выноска: „*место под передними ногами".

К слову: „бытца" в стихе 40 — на правом поле выноска: „*быка".

В стихе 46 к слову: „ве́зиво" на правом поле выноска: „*веревка, привязанная к рогам".

В стихе 59 к выражению: „не у́дало" на правом поле была пометка: „не удалось"; затем слово „удалось" зачеркнуто и сверху написано: „плохо". Отрицание „не" осталось незачеркнутым, надо думать, ошибочно, по оплошности. Это предположение и, кроме того, смысл стиха заставляют объяснение выражения „не у́дало" принять то же, что в прежних изданиях: „плохо".

В стихе 66 последнее слово в рукописи написано четко: „публём". Здесь или оставшееся не поясненным слово или, как приняли прежние издатели, описка — вм. „рублем".

LXII. Андрей Максимов. Биографическая справка о нем, II л. 669, написана чернилами рукою Г.

№ 298. Птицы, II лл. 670—672 + 1 чистый, собственноручная карандашная полевая запись Г., без помарок.

LXIII. Варвара Максимова. Биографическая справка о ней, II л. 674, писана чернилами рукою Г.

№ 299. Князь Михайло, II лл. 675 + 1 чистый, полевая рукопись карандашом, рукою Г., без помарок.

К слову: „калины" в стихе 7 — на правом поле листа неотчетливо написанная выноска „* каленье" (?).

К слову: „мать" в стихе 8 на правом поле пояснение: „* мать князя Михайла".

№ 300. Невольное пострижение, II лл. 677 + 1 чистый, собственноручная полевая запись Г. карандашом, почти без помарок, с более поздними дописями чернилами.

Последний стих былины сопровождается выноской: „[исполнительница] забыла конец этой старины, где рассказывается, что всётаки отец, несмотря на сопротивление матери, выдал дочь за князя замуж".

LXIV. Лоскутов. Биографические сведения о нем, II л. 679, писано чернилами рукою Г.

№ 301. Сорок калик, II лл. 680 + 1 чистый, полевая собственноручная запись Г. карандашом, почти без помарок.

После стиха 24 начат, по зачеркнутому, стих:

Ретивое сердце могучи плеча.

Текст снабжен выноской: „Конец былины Лоскутов рассказывал плохо, сбиваясь на сказочный склад".

LXV. Завал. Биографическая справка о нем, II л. 682, писана чернилами рукою Г.

№ 302. Королевичи из Крякова, II лл. 683—685 + 1 чистый, полевая карандашная запись рукою Г., без помарок, с позднейшими дописями чернилами.

№ 303. Старина о большом быке, II лл. 687—690 + 2 чистых, собственноручная полевая запись Г. карандашом, без помарок, с позднейшими дописями чернилами.

Показано повторение стихов: 158—163 = 126—131 = 188—193.

К стиху 170 на правом поле была выноска: „*через друзей достал", но затем перечеркнута (если вертикальная черта через эту фразу не случайный карандашный штрих).

LXVI. Швецов. Биографическая справка о нем, II л. 693, писана чернилами рукою Г.

№ 304. Илья Муромец и Калин царь, II лл. 694—699, собственноручная полевая запись Г. карандашом, с малым числом ничтожных поправок.

Стих 102 первоначально был записан в иной редакции, принятой в издании 1873 г.:

Уж ты чужь да Калин Смарадонович.

Затем два слова: „чужь да" исправлены на одно: „чужда" (ср. стих 1).

Редактор издания 1900 года не понял этого исправления и дал такое чтение стиха:

Уж ты чуж(ь д)а Калин Смарадонович,

сделав в выноске примечание: „В подлиннике буквы *ь* и *д* вычеркнуты карандашом". Но в рукописи отчетливо вычеркнут только *ь*.

№ 305. Три поездки Ильи Муромца, II лл. 700—702 + 1 чистый, полевая карандашная запись рукою Г., почти без помарок.

Сказитель начал былину стихом:

Хорош был у старово доброй конь

(ср. стих 2), но тотчас же изменил начало и далее, почти до конца, пел без затруднений.

В стихе 25 к слову: „стаметников" на правом поле зачеркнутая карандашом выноска: „*sic [,] или стамытник[ов]".

В стихе 110 к слову: „князьей" на правом поле пометка: „*так везде".

После стиха 110 пометка (в скобках) карандашом: „дальше не знает".

На обороте ненумерованного листа между лл. 1168 и 1169 — заглавие былины: „Илья: 3 поездки".

№ 306. Добрыня и Алеша, II лл. 704—707, карандашная полевая запись рукою Г., без помарок.

В стихе 69 перед буквой *г* в слове: „господь" показано произношение — знаком придыхания (ʽ). Ср. примеч. к № 308.

К слову: „сватовство" в стихе 107 — на правом поле пометка карандашом: „*так поет".

К слову: „череду" в стихе 197 на правом поле — пояснение: „*пол".

№ 307. Иван Годинович, II лл. 708—710 + 1 чистый, полевая карандашная запись рукою Г., с незначительными помарками.

В стихе 56 сказалась, очевидно, ошибка слуха при записи. По смыслу ясно, что надо читать не „чтобы *з*бавил", а „что*б из*бавил".

К слову: „порывай" в стихе 72 — на правом поле выноска: „*попихив[ай]".

№ 308. Хотен Блудович, II лл. 712—714 + 1 чистый, собственноручная полевая запись Г. карандашом, почти без помарок.

Против стиха 5 на поле отметка рукою Г.: „sic".

Стих 16 вписан (карандашом) позднее.

Над буквою *г* в словах: „погумённою" и „господь" (стихи 45, 78, 102) в рукописи показано произношение — знаком придыхания (ʽ). Ср. примеч. к № 306.

№ 309. Смерть Чурилы, II лл. 716—718 + 1 чистый, полевая карандашная запись рукою Г. без помарок.

К слову: „купат" в стихе 5 — на правом поле выноска: „*[сказитель значения этого слова] не знает".

В стихе 20 чтение слова „клюхи́", принятое в прежних изданиях, спорно; м. б. следует читать: „клюки́"; вторая от конца буква *х* носит в рукописи следы исправления ее на *к*.

Дата: „Запис. там же 24 августа".

Между лл. 1181 и 1182 ненумерованный чистый лист.

№ 310. Кострюк, II лл. 720—721, полевая карандашная запись рукою Г., без помарок.

К слову: „холы" в стихе 90 на левом поле — выноска (зачеркнутая карандашом): „* бедро".

№ 311. Молодец и королевна, II лл. 722 + 1 чистый, собственноручная полевая запись Г. карандашом, с ничтожными помарками.

№ 312. Петербургская старина, II л. 724 + 1 чистый, карандашная полевая запись рукою Г. без помарок.

LXVII. Юрьев. Биографические сведения о нем, II л. 726, писаны чернилами рукою Г.

№ 313. Добрыня, II лл. 727 + 1 чистый, карандашная полевая запись рукою Г., с очень небольшим числом помарок и дописей чернилами.

В стихе 9 в рукописи описка: „добрым коней".

Стих 21 в прежних изданиях читается:

Говорит-то князь ведь тут владимирско.

Такое чтение — плод недоразумения: Г. изредка допускает неполное написание конца повторяющихся и вообще легко восстановимых слов, в частности слов с окончаниями на *ый* или *ой*. В записи былины о Добрыне этот прием допущен по отношению к слову: „владимирской" — в стихе 15 (в изданиях 1873 и 1900 оно здесь передано полностью), как и в стихе 21.

Стихи 24—25 вписаны на правом поле.

№ 314. Молодец и Королевна, II лл. 729 + 1 чистый, собственноручная полевая запись Г. карандашом, с малым числом незначительных исправлений.

LXVIII. Макушкин. Биографические сведения о нем, II л. 731, писаны чернилами рукою Г.

№ 315. Добрыня и Алеша, II лл. 732—733, собственноручная полевая запись Г. карандашом.

LXIX. Малыгин. Биографическая справка о нем, II л. 734, писано рукою Г. чернилами.

№ 316. Добрыня и Маринка, II лл. 735—737 + 1 чистый, полевая карандашная запись рукою Г.

После стиха 34 первоначально были записаны (но затем вычеркнуты) стихи:

на все стороны Добрыня поклоняется,
на все стороны Добрыня низко кланяется.

К стиху 93 на правом поле пометка: „*третьего нет".

Стихи 110—118 при первоначальной записи были пропущены и приписаны (карандашом) после.

LXX. Куриков. Биографические сведения о нем, II л. 739, писаны чернилами рукою Г.

№ 317. Кострюк, II лл. 740—742 + 1 чистый, карандашная полевая запись рукою Г.

В первоначальной записи после стиха 8 шли стихи:

Приезжал Кострюк
Кострюканович
Приезжал Дебрюк
Дебрюканович.
Он спрашивал
Есть ли у вас борьцы-молодцы
Да московски ухвальчики
А со мной поборотися
Да со мной поломатися.

Затем эти стихи перечеркнуты (карандашом), но вошли в запись ниже. — Ср. стихи 13—14, 22—25.

К слову: „гнянул" в стихе 106 на левом поле выноска: „*пригнул".

К слову: „вачуга" в стихе 112 на правом поле выноска (зачеркнутая): „рукавица".

В стихе 119 неотчетливо написано — *он* или *она*. Редакторы прежних изданий читали *он*; кажется, естественнее отнести это слово к несостоятельному борцу — девице.

LXXI. Сивцев. Биографическая справка о нем, II л. 744, писана рукою Г. чернилами.

№ 318. Событие 1830-х годов, II лл. 745—747 + 5 чистых, собственноручная карандашная полевая запись Г., почти без помарок. В рукописи был (но затем вычеркнут) подзаголовок: „Истинное происшествие (90 лет тому назад)".

К стиху 17 на правом поле выноска: „*Чтобы деньги ущупать".

К слову: „Петушкова" в стихе 20 на правом поле пояснение: „*Богатый крестьянин держал (носил) немецкое платье, был временщиком".

К слову: „отложил" в стихе 41 — на правом поле выноска: „*отпер ворота".

LXXII. Гусев. Биографическая справка о нем. Печатается, как и в издании 1900 г., по статье Гильфердинга „Певец былин в Петербургской губернии" (Русская Старина, т. IV, октябрь, за 1871 г., стр. 451—453). В издании 1873 г. былины, записанные от Гусева, и сведения о нем не были помещены.

№ 319. Алеша Попович и Ярюк богатырь, Отрывок. Русская Старина, т. IV, 1871, октябрь, стр. 453.

№ 320. Илья Муромец и царище Кудриянище, Отрывок. Русская Старина, т. IV, 1871, октябрь, стр. 453—455.

К стиху 76 дана выноска: „т. е. что дорожные могли сделать себе обувь из его кожи".

№ 321. Василий Богуслаевич, Русская Старина, т. IV, 1871, октябрь, стр. 455—458.

К слову: „заговор" в стихе 47 — выноска: „т. е. условие".

В стихах 79, 80, 86 и некоторых дальнейших апостроф (') обозначает усечение окончаний слов: вали' = валит, везу' = везут и т. д.

№ 322. Взятие Азова, Русская Старина, т. IV, 1871, октябрь, стр. 458—459.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

V

ВОДЛОЗЕРО

XXXVI. Захаров Иван Григорьевич.

195. Вольга и Микула Селянинов 6
196. Илья Муромец и Идолище 8
197. Поездки Ильи Муромца 12
198. Добрыня и Алеша 14
199. Соловей Будимирович 20
200. Королевичи из Крякова 25
201. Грозный царь Иван Васильевич 29
202. Ермак 33
203. Стенька Разин 35
204. Шведская война 37
205. Прусский король 39

XXXVII. Суханов Трифон Иванович.

206. Добрыня и Алеша 41
207. Калика-богатырь 52
208. Соловей Будимирович 56
209. Грозный царь Иван Васильевич 60

XXXVIII. Панов Савелий Кузмич.

210. Илья Муромец 67
211. Добрыня и Алеша 80

XXXIX. Федулов Павел Антонович.

212. Илья Муромец и Соловей разбойник 86
213. Дюк 91

XL. Петров Алексей.

214. Дунай 105

XLI. Суханов Василий Алексеевич.

215. Добрыня и Алеша 109

Стр.

XLII. Нигозёркин Матвей Федорович.

216. Поездки Ильи Муромца 118
217. Добрыня и Алеша 120
218. Дюк 130

VI

КЕНОЗЕРО

XLIII. Сивцев (Поромской) Иван Павлович.

219. Илья Муромец и сын его 143
220. Илья Муромец в Цареграде 148
221. Три поездки Ильи Муромца 151
222. Добрыня и Алеша 156
223. Молодость Чурилы 162
224. Смерть Чурилы 170
225. Дюк 174

XLIV. Воинов Петр Андреевич.

226. Илья Муромец и сын его 189
227. Добрыня и Маринка 198
228. Добрыня и Алеша 202
229. Молодость Чурилы 211
230. Дюк 219
231. Василий Игнатьевич и Батыга 235

XLV. Калитина Ирина Денисовна.

232. Илья Муромец в Цареграде 240
233. Илья Муромец и сын его 246
234. Отъезд Добрыни 250
235. Щелкан Дудентьевич 252
236. Гришка Отрепьев 255
237. Шведская война 257
238. Небылица 259

XLVI. Трипицын Михайло Иванович.

239. Илья Муромец и голи кабацкие 261
240. Три поездки Ильи Муромца 265
241. Добрыня и змей 269
242. Смерть Чурилы 273
243. Дюк 276
244. Грозный царь Иван Васильевич 278

XLVII. Костин Александр Давыдович.

245. Илья Муромец и Идолище 283
246. Илья Муромец и сын его 286
247. Братья Дородовичи 289
248. Братья разбойники и сестра 292

Стр.

XLVIII. Кукшинов Николай Иванович.

249. Илья Муромец и голи кабацкие 295
250. Илья Муромец и Алеша Дородович 297
251. Молодость Чурилы 301

XLIX. Патрикеев Филипп Васильевич.

252. Михайло Дородович 308
253. Ревнивый муж 310

L. Лядков (Кропачев) Иван Михайлович.

254. Волга и Щелкан 313
255. Микула Селянович и Иван Годинович 315
256. Женитьба Ивана Годиновича 319
257. Илья Муромец и голи кабацкие 324
258. Василий Игнатьевич и Батыга 329
259. Василий Буслаевич 335
260. Авдотья Рязаночка 339
261. Кастрюк 343
262. Молодец и река Смородина 346
263. Молодец и королевна 349
264. Птицы 352
265. Святогор 354

LI. Третьяков Игнатий Григорьевич.

266. Три поездки Ильи Муромца 359
267. Добрыня и Маринка 363
268. Смерть Чурилы 366
269. Щелкан Дудентьевич 369

LII. Гурьбин Иван Александрович.

270. Святогор 372
271. Три поездки Ильи Муромца 374
272. Дунай 378

LIII. Меншиков Петр Яковлевич.

273. Святогор 382
274. Илья Муромец и Соловей разбойник 385
275. Иван Годинович 389
276. Стенька Разин 394

LIV. Георгиевская Авдотья Васильевна.

277. Хотен Блудович 397
278. Данило Игнатьевич 400
279. Дюк 402
280. Птицы 405

Стр.

LV. Пеньшинкова Матрена Григорьевна.

281. Илья Муромец и голи кабацкие 409
282. Хотен Блудович 411
283. Щелкан Дудентьевич 414

LVI. Лоскутова Марья Семеновна.

284. Василий Буслаевич 418
285. Два любовника 421

LVII. Шуманов Федор Григорьевич.

286. Василий Буслаевич 424

LVIII. Гусев Андрей Тимофеевич.

287. Три поездки Ильи Муромца 429
288. Добрыня и Маринка 433
289. Добрыня и змей 436
290. Добрыня и Алеша 438

LIX. Гусев Харлам Андреевич.

291. Три поездки Ильи Муромца 443
292. Добрыня и Алеша 447

LX. Андреева Ирина.

293. Иван Годинович 453
294. Братья разбойники и сестра 457
295. Небылица 459

LXI. Максимов Степан Ильич.

296. Илья Муромец и Калин царь 461
297. Старина о большом быке 468

LXII. Максимов Андрей Ильич.

298. Птицы 473

LXIII. Максимова Варвара Ивановна.

299. Князь Михайло 478
300. Невольное пострижение 480

LXIV. Лоскутов Федор Николаевич.

301. Сорок калик 482

LXV. Завал Ефим Яковлевич.

302. Королевичи из Крякова 484
303. Старина о большом быке 489

Стр.

VII

МОША

LXVI. Шведов Николай Михайлович.

304. Илья Муромец и Калин царь 498
305. Три поездки Ильи Муромца 506
306. Добрыня и Алеша 510
307. Иван Годинович 516
308. Хотен Блудович 520
309. Смерть Чурилы 525
310. Кострюк 529
311. Молодец и королевна 532
312. Петербургская старинка 534

LXVII. Юрьев Антон Степанович.

313. Добрыня 537
314. Молодец и королевна 539

LXVIII. Макушкин Андрей Федорович.

315. Добрыня и Алеша 542

LXIX. Малыгин Петр Саватьевич.

316. Добрыня и Маринка 547

LXX. Курников Иван Иванович.

317. Кострюк 552

LXXI. Сивцев Тимофей Михайлович.

318. Событие 1830-х годов 557

VIII

ПЕВЕЦ БЫЛИН В ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ

LXXII. Гусев Иван Яковлевич.

319. Алеша Попович и Ярюк богатырь 565
320. Илья Муромец и царище Кудриянище 566
321. Василий Богуслаевич 569
322. Взятие Азова 573
Приложения 575
Примечания 583

Технический редактор О. Г. Давидович.
Корректор О. Г. Крючевская. Сдано в набор 21 февраля 1938 г. — Подписано к печати 21 июля 1938 г. — Отпечатано с матриц 8 июня 1940 г. — 616 стр. — Формат бум. 62×94 см. — 38¾ п. л. — 41.69 уч.-авт. л. — 45 408 зн. в п. л. — Тираж 3000. — АНИ № 313. — РИСО № 655. — Заказ № 420. — Ленгорлит № 2644.

Типо-литография Изд-ства Академии Наук СССР.
Ленинград, В. О., 9 л., д. 12.

165752010
Гос. библиотека Югры